

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

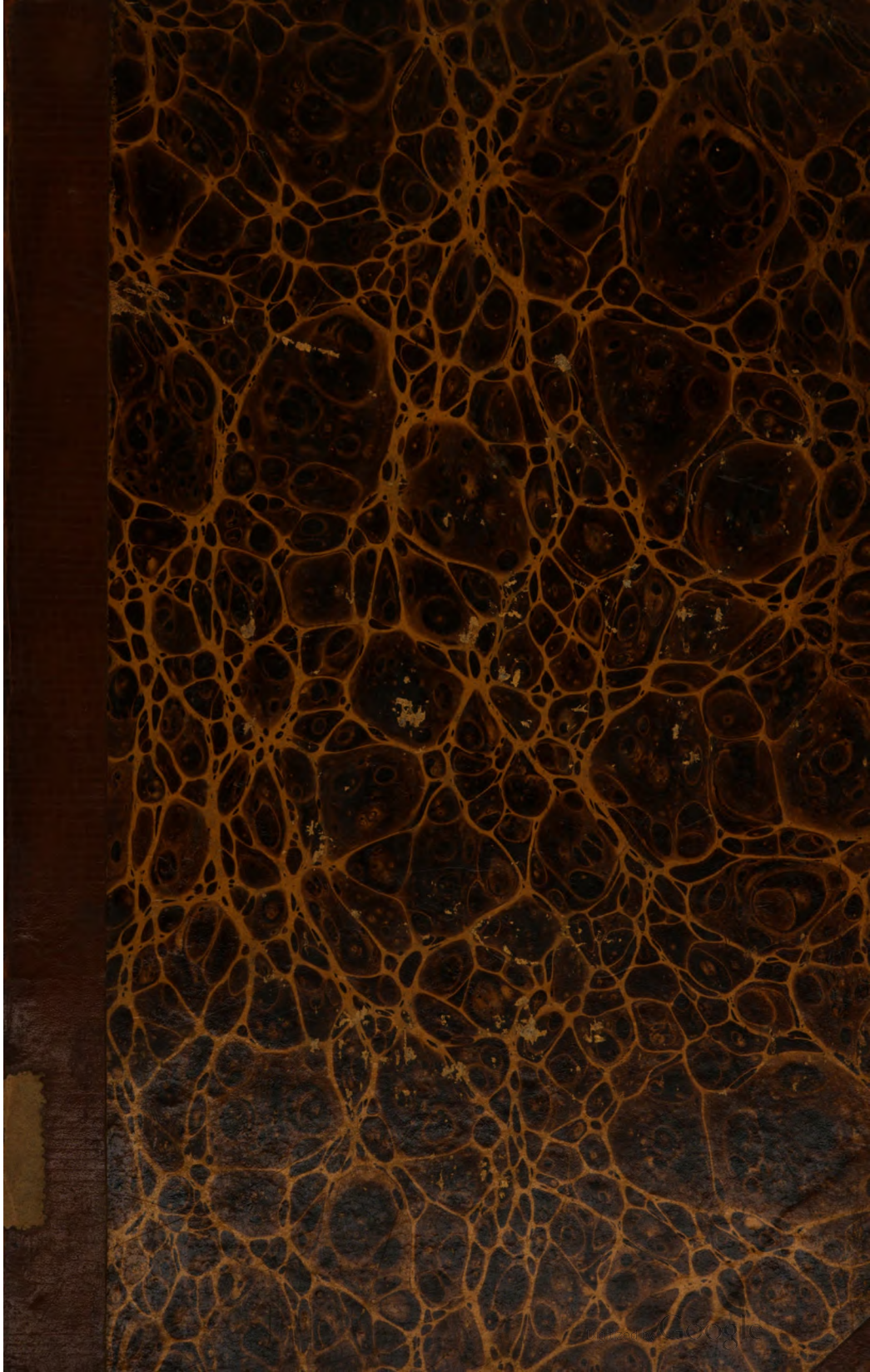
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

.....
Indian Institute, Oxford.

—◆—
THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

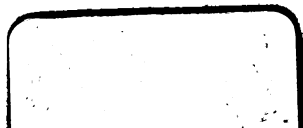
VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

13099

£.

22

R. W. Blackmore

Donhead S. Mary.

ПРАВДА

ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

О

РИМСКОЙ И ПРОЧИХЪ ПАТРИАРШИХЪ

КАФЕДРАХЪ.

С. П. Б.

Въ Суподальной Типографіи.

1841.

**Отъ С. Петербургскаго Комитета, для Цензуры
Духовныхъ книгъ, печатать дозволяется. Апрѣля
28 дня 1841 года.**

**Цензоръ, С. Петербургской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Аѳанасій.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Православная Каѳолическая Церковь, съ глубокимъ чувствомъ прискорбія, видѣла нарушеніе единства между Западомъ и Востокомъ, отъ честолюбивыхъ притязаній Первосвятителей Римскихъ на верховную власть, подѣ благовиднымъ предлогомъ общаго союза, котораго и сама всегда искренно желала, но только на основаніи древнихъ правилъ. Вся огражденная канонами соборными, какъ неприступною стѣною, она указывала на неразрывную связь своихъ догматовъ, обрядовъ и преданій, съ первыми вѣками Христіанства, которые отразились въ ея неизмѣнномъ богослуженіи, какъ въ чистомъ зеркалѣ, и съ внутреннимъ сознаніемъ силы Божіей, въ часы своей земной немощи, посреди обуревавшихъ бѣдствій, пребыла неколебимою, памятуя „что ни-

кто не можетъ положить ей инаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ,, (1 Кор. III, 11.), и что не можетъ имѣть она другаго главы, кромѣ самаго Господа: „ибо его поставилъ Богъ превыше всего, главою Церкви, которая есть его тѣло., (Ефес. I; 22, 23.)

Поелику же Римская Церковь оставляетъ безъ особеннаго вниманія, у присоединяемыхъ ею, разность исповѣданія о исхожденіи Духа Святаго, и другія важныя различія въ совершеніи таинствъ, прежде и свыше всего домогаясь установить власть своихъ Первосвященниковъ: то и съ нашей стороны, предметъ сей, какъ основной для нее, долженъ обратить на себя ближайшее вниманіе. Отложивъ нынѣ, какъ несомѣстныя съ истиною историческою, мнимыя декреталіи папскія первыхъ вѣковъ, которыя однако же долгое время служили руководствомъ для Европы, Римляне стараются исключительно основать ученіе свое, о господствѣ Апостола Петра и преемниковъ его катедры, на словахъ Евангельскихъ и фактахъ историческихъ: будемъ и мы безпристрастно разсматривать—отколѣ могли они почерпнуть такое ученіе? и вникнемъ сперва въ Божественныя

Евангелія, дѣянія и посланія Апостольскія, потомъ въ каноны тѣхъ же св. Апостоль, Соборовъ вселенскихъ и св. Отець, а наконецъ въ событія предшествовавшія раздѣленію, ибо и въ скрижаляхъ исторіи хранится истина.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
О первенствѣ Апостола Петра - - - -	1
I. О камнѣ, основаніи Церкви и ключахъ царствія - - - - -	3
II. О пасеніи стада Христова - - - -	15
III. Свидѣтельства изъ дѣяній и посланій Апостольскихъ - - - - -	27
Отношенія Римскихъ Епископовъ къ Церкви вселенской:	
I. Въ первомъ вѣкѣ - - - - -	42
II. Во второмъ вѣкѣ - - - - -	51
III. Въ третьемъ вѣкѣ - - - - -	54
Четвертый вѣкъ. Первый вселенскій Соборъ въ Никеи - - - - -	62
Второй вселенскій Соборъ въ Константинополѣ - - - - -	93
Пятый вѣкъ. Третій вселенскій Соборъ въ Ефесѣ - - - - -	109
Четвертый вселенскій Соборъ въ Халкидонѣ - - - - -	125
Шестый вѣкъ. Пятый вселенскій Соборъ въ Константинополѣ - - - - -	142
Седьмый вѣкъ. Шестый вселенскій Соборъ въ Константинополѣ - - - - -	161
Осьмый вѣкъ. Седьмый вселенскій Соборъ въ Никеи - - - - -	173
Вѣкъ девятый. I. Состояніе Церкви - - -	189
II. Патріархи Игнатій и Фотій - - -	199
III. Сношенія съ Папою Николаемъ - -	214
IV. Споръ за Болгарію - - - - -	237

V. Возвращеніе Патріарха Игнатія. Со- боръ противъ Фотія - - - - -	253
VI. Возвращеніе Патріарха Фотія. Соборъ, называемый осьмымъ Вселенскимъ -	276
Вѣкъ десятый - - - - -	291
Вѣкъ одиннадцатый. I. Разрывъ Патріарха Ми- хаила Керуларія съ легатами Римскими	295
II. Папа Григорій VII - - - - -	314
Вѣкъ двѣнадцатый - - - - -	319
Вѣкъ тринадцатый. I. Взятіе Царяграда Кре- стоносцами - - - - -	327
II. Императоръ Михаилъ Палеологъ -	336
III. Соборъ Ліонскій - - - - -	343
Вѣкъ четырнадцатый - - - - -	350
Вѣкъ пятнадцатый. I. Соборы Констанскій и Базельскій - - - - -	356
II. Приготовленія къ Собору вселенскому	368
III. Соборъ въ Феррарь - - - - -	380
IV. Соборъ Флорентинскій - - - - -	391
V. Послѣдствія Собора - - - - -	414

О ПЕРВЕНСТВѢ АПОСТОЛА

ПЕТРА.

Два изреченія Господни къ ученику своему и Апостолу Петру, въ Евангеліяхъ Матѣя и Іоанна, наипаче полагають Римляне въ основаніе верховнаго вѣлительства своего Епископа. Прочтемъ тексты сии, вмѣстѣ съ толкованіями нѣкоторыхъ именитыхъ св. Отцевъ и учителей Восточныхъ и Западныхъ, чтобы яснѣе видѣть: какъ въ первыя вѣка Христіанства, разумѣли ихъ величайшіе свѣтлыя Церкви. Златоустъ, единодушно признанный лучшимъ истолкователемъ двухъ Евангелистовъ, двѣнадцати Апостольскихъ и посланій Апостола Павла, можетъ служить вѣрнѣйшимъ руководителемъ.

Однако, съ большою осторожностію и безпристрастіемъ должно приводить свидѣтельства св. Отцевъ, не усѣченными рѣчами, но полными отдѣленіями, чтобы избѣжать суетныхъ словопрѣній; ибо часто одно сильное выраженіе, которое сперва кажется благопріятствуетъ притязаніямъ Римскимъ, не

только бывает ограничено, но даже и совершенно уничтожено послѣдующими, въ истолкованіи того же стиха св. Писанія или иныхъ, судя по тому, какою собственно мысль старался выставить церковный учитель.

Изъ писаній Отеческихъ видно, что доколѣ какое либо лжеученіе не вкрадывалось въ чистый догматъ вѣры, св. Отцы говорили о немъ съ большею свободою, не подозрѣвая лести еретической; но при малѣйшемъ покушеніи затмить истину, они становились чрезвычайно осторожными, ограничиваясь собственными словами Божественнаго откровенія, для выраженія небесныхъ истинъ, превосходящихъ разумъ человѣческой.—Такъ и въ первыхъ, самыхъ цвѣтущихъ столѣтіяхъ Церкви, когда еще не угрожало ей владычество Римской кафедры, писатели духовные, безъ всякой мысли о верховномъ влестительствѣ ея Епископа, превозносили должными хвалами Апостола Петра, признавая первенство его предъ другими, не въ смыслѣ однако господства, какъ явствуетъ изъ выраженія тѣхъ же Отцевъ о прочихъ первостепенныхъ Апостолахъ Павль, Іоаннъ, Іаковъ; и стѣитъ только сравнить всѣ сіи выраженія между собою, а иногда только сказать неопытному: прочти далѣе отрывокъ, приводимый Римлянами въ свою пользу, чтобы совершенно ихъ опровергнуть, основываясь на истинномъ разумѣ словъ св. Писанія.—Приступимъ къ изслѣдованію.

І.

О КАМНѢ, ОСНОВАНІИ ЦЕРКВИ И КЛЮЧАХЪ ЦАРСТВІЯ.

»Пришедши же Іисусъ въ страны Кесаріи Филипповой, спрашивалъ учениковъ своихъ, говоря, за кого человекъ почитаютъ меня, Сына человеческого? Они сказали: некоторые за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремию, или за котораго-нибудь изъ Пророковъ; Іисусъ говоритъ имъ: а вы за кого меня почитаете? Симонъ же Петръ отвѣтствуя сказалъ: Ты Христосъ Сынъ Бога живаго. Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты Симонъ сынъ Іонинъ, потому что не плоть и не кровь открыли тебѣ то, но Отецъ мой сущій на небесахъ. Скажу и я тебѣ: ты Петръ, и на семь камнѣ я создамъ церковь мою, и врата адовы не преодолѣютъ ея; и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго, и что свяжешь на земли, связано будетъ на небесахъ; а что разрѣшишь на земли, разрѣшено будетъ на небесахъ.» (Матѣ. XVI, 13—19.)

Такъ пишеть Евангелистъ Матеей и такъ изъясняетъ Златоустъ: «на семь камень, говоритъ Иисусъ Христосъ, созижду Церковь мою, т. е. на сей вѣрѣ и на семь исповѣданіи; сими словами свидѣтельствуеть онъ, что многіе нѣкогда должны въ него увѣровать. Онъ возвышаетъ духъ и мысли Апостола и поставляетъ его пастыремъ, и врата адовы не одолѣють Церкви» (Бесѣд. 54 на Мате.) И такъ, хотя самое имя Петра, значить камень, камнемъ полагается здѣсь не лице Петрово, но исповѣданіе вѣры въ Господа Иисуса, сущаго краеугольнаго камня.

Продолжая изъяснять обѣщаніе ключей царствія небснаго тому же Апостолу, Златоустъ, хотя и называетъ его верховнымъ, не домогается однакоже доказывать симъ текстомъ, какъ Западныя писатели, преимущество Петрово надъ прочими учениками, а только власть Сына Божія, равнаго во всемъ Отцу, ибо сіе было главною цѣлю проповѣдника, лице же Петрово смѣшиваетъ онъ съ другими Апостолами. «Что значать, спрашиваетъ онъ, слова: Я дамъ тебѣ?— Какъ Отецъ дамъ тебѣ познаніе обо мнѣ, такъ и Я дамъ тебѣ; не сказалъ умолю Отца, но дамъ тебѣ.—Видишь ли какъ Христосъ, сими двумя обѣщаніями, возводитъ Петра къ высокому о немъ мнѣнію, какъ открываетъ себя и показываетъ истиннымъ Сыномъ Божиимъ!» И такъ вотъ мысль и цѣль Златоустова, а не та, которой нѣкоторые здѣсь ищутъ, — т. е. возвеличенія кафедры Петровой, хотя даже тотъ же витія говоритъ: «Господь обѣщастъ ему даровать то, что собственно принадлежитъ единому Богу, а именно: разрѣшать грѣхи, сдѣлать

Церковь неколебимую среди всѣхъ волнецій, и простаго рыбака явить крѣпчайшимъ всякаго камня, когда востанетъ вселенная. Подобнымъ образомъ и Богъ Отець сказалъ, бесѣдуя съ Пророкомъ Іеремією, что полагаетъ его какъ столпъ мѣдный и какъ стѣну (Іер. 1, 18.); но Іеремія поставленъ былъ для единаго народа, а Петръ для цѣлой вселенной.— Хотѣлось бы мнѣ спросить тѣхъ, которые унижаютъ Сына, какіе больше дары тѣ ли, которые далъ Отець, или тѣ, которые далъ Сынъ?—Для чего же тотчасъ запретилъ онъ ученикамъ своимъ говорить всѣмъ, что онъ Христосъ?—Поселику могущество его еще не столь очевидно обнаруживалось, то хотѣлъ, чтобы Апостолы тогда начали проповѣдывать, когда очевидная истина проповѣдуемаго и сила событій будутъ подтверждать слова ихъ! (на Матѣ. Бесѣд. 54.)

И такъ вотъ вслѣдъ за обѣщаніемъ, даннымъ Петру, говорится вообще о проповѣди всѣхъ Апостоловъ, а не о господствѣ его надъ ними. Выраженія же подобныя симъ, что Петръ поставленъ пастыремъ и противоборствуетъ цѣлой вселенной, встрѣчаются неоднократно, у того же Златоуста, и о другихъ Апостолахъ, наипаче о Павлѣ, какъ увидимъ далѣе, при постепенномъ разсматриваніи толкованій сего великаго учителя Церкви.

Но если и обѣщаніе дано было одному прежде другихъ, за скорое исповѣданіе Божества Христова, предварившее прочихъ, то исполненіе сего обѣщанія въ пользу одного, не предварило общаго всѣмъ дара; ибо за возвеличивающими словами о ключахъ царствія, слѣдуютъ немедленно и унижительныя

23
тому же Петру: «иди отъ меня, сатана, ты мнѣ соблазнъ, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое,» когда Петръ сталъ противорѣчить Господу о его страданіяхъ. (Матѣ. XVI, 23.) Спаситель не сказалъ: даю тебѣ, но «дамъ тебѣ ключи царствія,» потому что, дабы дѣйствительно даровать власть вязать и рѣшить грѣхи, прежде искупилъ самъ, смертію своею, міръ отъ грѣха; по воскресеніи же далъ власть сію, не исключительно одному Петру, а всѣмъ Апостоламъ вмѣстѣ, дунувъ на нихъ и сказавъ: «пріимите Духъ Святый, кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся.» (Іоан. XX, 23.) Здѣсь уже не одно обѣщаніе будущихъ ключей, съ запрещеніемъ немедленно проповѣдывать, но уже самое дѣйствіе дуновенія, вмѣстѣ съ словами, безразлично относящимися ко всѣмъ Апостоламъ, которыхъ дѣйствительно посылаетъ на проповѣдь.

По сей причинѣ напрасно утверждаетъ Боссюетъ, въ бесѣдѣ своей о единствѣ Церкви: «что слова Христовы Петру обнаруживаютъ желаніе дать прежде одному то, что даровалъ потомъ многимъ, ибо послѣдствіе не опровергаетъ начала, и первый не теряетъ своего мѣста; и будто бы начальное изреченіе Христово Петру: «что свяжешь на земли, связано будетъ на небесахъ,» сказанное ему одному, въ ту же минуту подчинило ему тѣхъ, которымъ Господь имѣлъ сказать то же самое послѣ, ибо обѣщанія Христовы, какъ и дары его непреложны.»—Не натянутое ли это толкованіе у Боссюета? Могъ ли получить начальство не получившій еще власти, когда и при полученіи оной

ни чѣмъ не былъ отличенъ отъ прочихъ причастниковъ того же дара?

Вотъ другое толкованіе церковнаго учителя, блаженнаго Августина, столь же знаменитаго на Западѣ, сколько Златоусть на Востокъ (Тракт. in. Ioan. 124, с. 5): «Петръ, ради первенства своего Апостольства, носилъ на себѣ образъ Церкви, знаменуя ея всеобщность. Что касается до него собственно, то по природѣ своей онъ былъ только одинъ человекъ, по благодати, одинъ Христіанинъ, по обильнѣйшей благодати одинъ и вмѣстѣ первый Апостолъ. Но когда ему сказано было: «тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго и проч.» тогда знаменовалъ онъ вселенскую Церковь, которая въ нынѣшнемъ вѣкѣ, различными искушеніями, какъ бы дождями, рѣками, бурями, потрясается и не падаетъ, поелику основана на камнѣ, отъ коего Петръ получилъ имя. Не отъ Петра камень, но отъ камня Петръ, такъ какъ не отъ Христіанина именуется Христосъ, но отъ Христа Христіанинъ. Господь сказалъ: «я на семъ камнѣ созижду церковь мою,» поелику Петръ сказалъ: «ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго,» (Матѣ. XVI, 16—19.) т. е. на семъ камнѣ, который ты исповѣдалъ, созижду церковь мою, «камнемъ же былъ Христосъ,» (1 Кор. XII, 4.), на какомъ основаніи утверждень и самъ Петръ; «ибо никто не можетъ положить инаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Христосъ Иисусъ» (1 Кор. III, 14.). И такъ Церковь, утверждаемая на Христѣ, отъ него пріемлетъ, въ лицѣ Петровомъ, ключи царствія, т. е. власть вязать и рѣшить грѣхи.»

Далѣе превосходно объясняетъ Августинъ зна-

знаменательность двухъ Апостоловъ Петра и Иоанна. (тамъ же гл. 7.) »Никто да не раздвѣляетъ сихъ двухъ именитыхъ Апостоловъ, ибо и то что знаменовалъ Петръ, оба они были, и то что знаменуетъ Иоаннъ, оба имъ быти. Знаменательно сѣдовалъ за Христомъ Петръ и оставался Иоаннъ; вѣруя же, оба терпѣли бѣдствія настоящаго убожества и ожидали благъ грядущаго блаженства. И не они одни, но то же исповннеть и вся святая Церковь, обуреваемая здѣшними бѣдами; сохраняемая для будущихъ благъ. Петръ и Иоаннъ образовали собою двѣ жизни, временную и вѣчную.—Оба истинно и знаменательно ходили вѣрою во времени, и оба наслаждаются ею въ вѣчности. Такимъ же образомъ для всѣхъ Святыхъ, неразрывно принадлежащихъ къ тѣлу Христову, ради управления бурной сей жизни, принялъ съ ключами царствія небеснаго власть вязать и рѣшить первый изъ Апостоловъ Петръ; и для сихъ же Святыхъ, ради сладостнаго покоя той таинственной жизни, возлежалъ на персяхъ Христовыхъ Евангелистъ Иоаннъ! Посему не Петръ одинъ, но вся Церковь (т. е. ея иерархія) вязетъ и рѣшаетъ грѣхи, и не одинъ Иоаннъ почерпнулъ на истинномъ ложѣ Господнемъ тайну о безначальномъ пребываніи Слова у Бога, и о Божествѣ Христовѣ, и триничности и единствѣ Божества, но самъ Господь излилъ свое Евангеліе по всему міру, дабы каждый черпалъ изъ него по своей удобопріемлемости.» — Какое великогнѣвное сравненіе и толкованіе, чуждое всякой мысли вѣстительства Римскаго.

Вездѣ у Августина Петръ знаменуетъ собою Церковь, и не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ,

говорить онъ, что въ немъ Церковь пріяла власть вязать и рѣшить, на прим: »хотя Апостоловъ было числомъ двѣнадцать и всѣ вопрошены, одинъ Петръ отвѣтствуетъ: ты Христось Сынъ Бога живаго, и ему сказано: тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго, какъ будто бы одинъ получилъ власть вязать и рѣшить; но хотя и одинъ за всѣхъ произнесъ слова сии, со всѣми однако получилъ власть, какъ представляющей лицемъ своимъ единство; такимъ образомъ одинъ во всѣхъ, ибо единство во всѣхъ.» (Трас. in Иоан. 128, с. 4.)

Въ книгѣ *Retractationes* (Lib. 1, с. 21.), въ которой онъ исправлялъ или замѣчалъ погрѣшности своихъ многочисленныхъ сочиненій, Августинъ касается и сего текста: »въ нѣкоемъ мѣстѣ сказала я объ Апостолѣ Петрѣ, что на немъ, какъ на камнѣ, основана Церковь, и такія слова поются, устами многихъ, въ стихирахъ блаженнаго Амвросія, который говоритъ о возгласившемъ алекторѣ: »сему поющу и камень Церкви омылъ вину свою.«—Но знаю также, что я часто изъяснялъ потомъ сказанное Господомъ: »ты еси Петръ и на семъ камнѣ созижду Церковь мою,« такимъ образомъ, чтобы подъ симъ камнемъ разумѣли того, кого исповѣдалъ Петръ Христомъ, Сыномъ Бога живаго. И такъ Петръ отъ сего камня названный, образуетъ собою лице Церкви, основанной на камнѣ и пріемлетъ ключи царствія; ибо не сказано ему: ты еси камень, но только: ты еси Петръ; камнемъ же былъ Христось, котораго исповѣдавъ Симонъ, какъ исповѣдуетъ вся Церковь, названъ Петромъ. Изъ сихъ двухъ толкованій пусть избираетъ читатель.

Если же, вопреки толкованію Златоуста и Августина, отнести собственно къ лицу Петрову слова Спасителя: »ты еси Петръ, и на семь каменъ совижду церковь мою,» то одинаковыя выраженія встрѣчаются въ св. Писаніи и о другихъ Апостолахъ и даже о Пророкахъ, имъ предшествовавшихъ.— »Вы уже не чуждые пришельцы, говоритъ вѣрующимъ Павелъ, но сожителѣ Святыхъ и свои Богу, будучи утверждены на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самаго Иисуса Христа, на которомъ все зданіе стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу. (Ефес. II, 19, 20, 21.) Ибо никто не можетъ положить инаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ.» (1 Кор. III, 11.)

И возлюбленный Господу ученикъ Іоаннъ, который, одинъ изъ всѣхъ Апостоловъ, написалъ книгу откровенія, о грядущихъ судьбахъ Церкви до кончины міра, такъ изображаетъ новый Іерусалимъ, сходящій съ неба отъ Бога, т. е. Церковь: »гѣна города имѣеть двѣнадцать основаній, и на нихъ имена двѣнадцати Апостоловъ Агнца.» (XXI, 14.) И такъ не одинъ Петръ, но и всѣ Апостолы положены въ основаніе Церкви, и въ одно время, вмѣстѣ, посылаются на дѣло созиданія, возносящимся отъ нихъ Господомъ, во всѣ концы вселенной, имѣя средоточіемъ того, »кто обѣщаль быть съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка,« и о коемъ сказано было Пророкомъ: »се я полагаю въ Сіонъ камень краеугольный, избранный, драгоценный, и вѣрующій въ него не постыдится. (Иса. XXVIII, 16.)

Въ какомъ же смыслѣ Апостолы могутъ служить

основаніемъ, прекрасно изъясняетъ св. Василій великій въ словѣ о покаяніи: »Петръ сказалъ: ты еси Сынъ Бога Всевышняго (Матѣ. XVI, 16.), и похваленъ, слышавъ отъ него: ты еси камень. Ибо хотя онъ камень, однако камень не такъ какъ Христось, но камень такъ какъ Петръ. Господь есть камень неподвижный, Петра же дѣлаеть камнемъ, ибо сообщаетъ другимъ свои свойства, но сообщаетъ не совлекаясь ихъ самъ. Онъ есть свѣтъ и говоритъ Апостоламъ: вы свѣтъ міру; онъ священникъ и творитъ священниками; онъ агнецъ, и посылаетъ ихъ какъ агнцевъ среди волковъ; онъ камень, и утверждаетъ камень, рабамъ своимъ даруя свое.» (ар. t. 2. op. B. m. ed. Paris. 1813. p. 863.)

Такъ разумьль и св. Кирилль Александрійскій: »твердыня и непоколебимое основаніе есть Христось, подъемлющій все назданное и содержащій въ благостояніи, ибо на немъ всѣ зиждемся въ домъ духовный; ближайшими же и сроднѣйшими основаніями могутъ почестъся Апостолы и Евангелисты, бывшіе сперва очевидными свидѣтелями Слова и сдѣлавшіеся потомъ основаніемъ вѣры.» (на Исаію кн. IV, слов. 2.)

Амвросій же Медіоланскій, величайшій изъ пастырей Западной Церкви, который и самъ былъ ей положенъ въ основаніе, для сокрушенія язычества и Аріанства, не разнствуеть въ мнѣніяхъ съ Кирилломъ, ибо ясно говоритъ: »что Христось есть основаніе всѣхъ своихъ Апостоловъ, подобно какъ и они суть основанія тѣхъ, которые чрезъ нихъ увѣровали» (толк. на Апок. XXI, 14.) и »что если вообще Апостоловъ и Мучениковъ не одолѣли врата

адовы, то и тѣхъ, которые сообщаются съ ними.» (на празд. св. Муч. слово 77.)

Подобно какъ училъ св. Кирилль: «что каменемъ называлъ Господь, твердую вѣру ученика, на которой неколебимо основана и утверждена Церковь, непобѣдимая для самыхъ вратъ адovýchъ;» (бесѣд. IV, о Троицѣ) такъ училъ и Амвросій: «что основаніе сіе есть вѣра, ибо не о плоти, но о вѣрѣ Петра было сказано Господомъ, поелику вѣру не одолѣють врата адовы.» (О воилюц. гл. V.)—И сіе тѣмъ справедливѣе, что мы видимъ въ Евангеліи Іоанновомъ, Апостола Петра, исповѣдующаго Божество Христово не за себя одного, но отъ лица всѣхъ Апостоловъ: «и мы вѣровахомъ и познахомъ, яко ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.» (VI, 69.)

Тотъ же Амвросій, изъясняя въ Апокалипсисѣ, что означаютъ двѣнадцать основаній стѣны Іерусалимской, на коихъ написаны имена двѣнадцати Апостоловъ, говоритъ: «меня спросятъ: почему я назвалъ Петра основаніемъ Церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Господь сказалъ: ты еси Петръ и на семь камней созижду Церковь мою?—Ежели Петръ есть основаніе Церкви, какъ и прочіе Апостолы, что ясно доказываетъ настоящее чтеніе, то на немъ основана Церковь, такъ какъ и на другихъ.» (толк. XXI, 14.)

Оговорка сія великаго Амвросія должна научить насъ сколь односторонни могутъ показаться намъ толкованія св. Отцевъ, если мы недобросовѣстно будемъ выписывать только то, что благопріятствуетъ нашей цѣли, ибо они сами дополняютъ въ одномъ мѣстѣ сказанное ими въ другомъ.—Такъ и блажен-

ный Иеронимъ, современникъ Амвросія и великій ревнитель Римской каедрѣ, на которую едва не былъ избранъ, часто превозносилъ въ письмахъ своихъ ея достоинство, иногда однако же пишетъ: «ты говоришь, что на Петръ основана Церковь, но то же самое въ другомъ мѣстѣ говорится и о другихъ Апостолахъ: сей домъ построенъ на основаніи Апостоловъ и Пророковъ.» (прот. Ювиніан. кн. 1.)

Два иныя именитыя писателя Западной Церкви III и IV вѣка, Тертуліянъ и Иларій, говорятъ вообще о всѣхъ Апостолахъ, первый «что они суть камни и основанія, на которыхъ зиждемся» (прот. Марк. кн. IV.), а второй, «что они столько были совершенны, что сдѣлались основаніями и столпами Церкви.» (изъясненіе на псал. 67, 10.) Славный же учитель Александрійскій Оригенъ, даже вооружается, въ толкованіи своемъ на Матѳея, противу тѣхъ, которые отдаютъ особенное преимущество Петру: «если ты думаешь, что на немъ одномъ отъ Бога построена Церковь, то что скажешь о Іоаннѣ, сынѣ громовомъ и о каждомъ изъ Апостоловъ?— Не ужели дерзнешь сказать, что врата адовы не одолѣютъ только Петра, но одолѣютъ прочихъ Апостоловъ? Не всѣмъ ли и каждому принадлежитъ выше-сказанное? Не ужели также одному только Петру даны отъ Господа ключи царствія небеснаго, и никто другой изъ блаженныхъ не получилъ оныхъ?»

Столь же сильное возраженіе, о ключахъ царствія, дѣлаетъ блаженный Августинъ, утвердивъ насъ прежде своими толкованіями о значеніи камня, положеннаго въ основаніе Церкви:—«Петръ во многихъ мѣстахъ св. Писанія является носящимъ лице

Церкви, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго. Не ужели Петръ получилъ тѣ ключи, а Павелъ не получилъ? Петръ получилъ, а Иаковъ, Иоаннъ и прочіе Апостолы не получили? Не въ Церкви ли тѣ ключи, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи? Но поелику знаменательно носилъ Петръ образъ Церкви, а Церковь есть тѣло Христово, то что дано ему одному, дано и Церкви.» (Sermo 149, с. 7.)

Много иныхъ свидѣтельствъ, столько же Западныхъ, сколько и Восточныхъ, можно бы привести на сей замѣчательный текстъ Евангелиста Матѳея, но и сего достаточно, чтобы утвердить насъ въ той непреложной истинѣ, что съ Петромъ, какъ съ камнемъ, соединены были другіе основные камни, совершенно ему равные, и не положены на немъ, а на нихъ всѣхъ выведено потомъ цѣлое стройное зданіе Церкви, какъ описано въ Апокалипсисѣ.

II.

О ПАСЕНІИ СТАДА ХРИСТОВА.

Вотъ и другое изреченіе Христово, на которое опираются Римляне, едва ли не болѣе еще сколько на первое, въ прѣльзу верховнаго вѣдательства Папскаго, потому что подѣ именемъ агнцевъ, поручаемыхъ Петру, разумѣютъ всю Церковь, а подѣ именемъ овецъ самихъ пастырей, что весьма несомнѣнно: нигдѣ св. Писаніе не сравниваетъ пастырей стада съ овцами; именуется же ихъ иногда овцами, только въ смыслѣ жертвы, какъ и самаго Христа, а не какъ правителей его Церкви.

»По воскресеніи Иисусъ говоритъ Симону Петру: Симоне Ионинъ, любишь ли меня болѣе нежели они? Петръ говоритъ ему: ей, Господи, ты знаешь, что я люблю тебя; Иисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ моихъ. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симоне Ионинъ, любишь ли ты меня?—Петръ

говорить ему: ей, Господи, ты знаешь, что я люблю тебя; Иисусъ говорить ему: паси овецъ моихъ.—Говорить ему въ третій разъ: Симоне Ионинъ, любишь ли меня?—Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли меня? и сказалъ ему: Господи, тебѣ все извѣстно, ты знаешь, что я люблю тебя.—Иисусъ говорить ему: паси овецъ моихъ.» (Иоан. XXI, 15, 16, 17.)

Раскроемъ опять Августина и Златоуста, перваго Западнаго, втораго Восточнаго, и съ совершенною искренностію вникнемъ: какимъ образомъ каждый изъ нихъ разумѣлъ сію заповѣдь Христову данную ученику своему? ибо она точно есть болѣе заповѣдь и выраженіе должности, нежели почеть, возвышающая лице Петрово, какъ и самъ Петръ выражался въ послѣдствіи, въ своемъ посланіи къ поставленнымъ отъ него Пресвитерамъ: «пасите стадо Божіе» (1 Петр. V, 2.); и какъ училъ Апостоль Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ (IV, 15.): «Господь поставилъ однихъ Апостолами, другихъ Пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, дабы все возвращали въ того, который есть глава, т. е. во Христа.»

Вотъ какъ толкуеть Августинъ слова Спасителя, равно восхваляя подвиги Петра и Павла, въ день ихъ памяти, и вкратцѣ изображая все достоинство Петрово (Sergio 295 с. 1.): «между Апостолами одинъ Петръ удостоился носить образъ Церкви, и потому въ лицѣ Церкви удостоился слышать: «тебѣ дамъ ключи царствія,» ключи же сіи не одинъ человекъ, но единство

Церкви пріяло. Симъ возвъщается только превосходство Петра, носившаго образъ вселенства и единства Церкви, когда ему одному сказано то, что дано всѣмъ: но дабы вы знали, что Церковь пріяла власть вязать и рѣшить, то слушайте въ другомъ мѣстѣ Господа глаголющаго своимъ Апостоламъ: »примите Духъ Святой, кому отпустите грѣхи отпустятся, кого удержите, на томъ удержатся;» (Иоан. XX, 22.) и о ключахъ царствія, »все что свяжете на землѣ, связано будетъ на небесахъ.» Но для того, чтобы ты зналъ, что Петръ носилъ тогда образъ всей Церкви, вземли какъ ему говорится то же, что и всѣмъ вѣрнымъ: »если согрѣшишь противъ тебя братъ твой и проч.» (Матѣ. XVIII, 16—18.) Голубица связываетъ, голубица и разрѣшаетъ, зданіе на камнѣ вяжетъ и рѣшаетъ. Отсель и крѣпость Церкви предлагается наипаче въ Петръ, ибо послѣдовалъ за идущимъ на смерть Господомъ, и немощь нѣкая указана въ немъ же, ибо вопрошенный рабынею, отрекся отъ Господа, изъ любителя внезапно сдѣлавшись отступникомъ.

Послѣ же воскресенія достойно поручилъ Господь овецъ своихъ Петру; не одинъ онъ удостоился между учениками пасти овецъ Христовыхъ, но когда Христосъ говоритъ одному, внушаетъ тѣмъ единство и Петрово первенство, ибо онъ въ Апостолахъ первый. »Симоне Іонинъ, любишь ли меня,» спрашивалъ Господь; »люблю,» отвѣчалъ онъ, и еще вопрошенный огорчился, какъ будто ему не вѣрятъ. Не огорчайся Апостолъ, отвѣчай трижды, дабы трижды побѣдило исповѣданіе любви, поелику трижды побѣждена была въ страхъ надмѣнность.

Трижды должно разрѣшить то, что ты связалъ трижды; разрѣши любовію связанное страхомъ. И однако Господь, опять и опять, поручаетъ овецъ своихъ Петру. Внемлите братіе: »паси овецъ моихъ,» • говоритъ Господь, моихъ, а не твоихъ; благой рабъ, паси овецъ Господнихъ, имѣющихъ на себѣ печать Господню, ибо не Павелъ за васъ распялся, и не во имя Петра или Павла вы крестились. (1 Кор. I, 13. *Sermo* 296. с. 5.)

Еще нѣчто хочу сказать вамъ братіе:—то что поручено и повелѣно было Петру, не одинъ Петръ принялъ, но всѣ Апостолы слышали, получили и сохранили, наипаче же соучастникъ его страданій Павелъ слышалъ сіе и предалъ нашему слышанію. Пасемъ васъ и съ вами пасемся. И такъ Господь поручилъ намъ овецъ своихъ, поелику онъ поручилъ ихъ Петру, хотя съ другой стороны мы едва достойны касаться слѣдовъ Петровыхъ, однако намъ поручилъ Господь овецъ своихъ. Вы овцы, мы съ вами овцы, и какъ я уже сказалъ, пасемъ и пасемся! любите Бога, чтобы васъ возлюбилъ Богъ.» (*Sermo* 297. с. 11.)

Во всѣхъ сихъ выраженіяхъ видно достоинство или первенство Петрово и вмѣстѣ равенство его во власти съ прочими Апостолами, и ни въ какомъ случаѣ это не касается до влестительства Римскаго Епископа, о коемъ и не думалъ упоминать здѣсь Августинъ, хотя и Западнѣй писатель.

Столь же смиренно для лица Петрова, изъясняетъ слова сіи Златоустъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и возвеличиваетъ его достоинство: »поистиннѣ многое можетъ внушить намъ упованіе на Бога и сдѣ-

латъ насъ ..предъ нимъ славными и пріятными; но радвіе, но любовь къ ближнимъ все превосходитъ и наипаче привлекаетъ намъ благоволеніе и покровительство Божіе. Сего собственно и требуетъ Господь отъ Петра, когда говоритъ ему: «Симоне Іонинъ, любишь ли меня болѣе сихъ?» и услышавъ отвѣтъ: ей Господи, ты знаешь, что я люблю тебя, опять говоритъ: «паси овецъ моихъ.» И отчего Иисусъ Христосъ, оставляя прочихъ Апостоловъ, говоритъ одному Петру о сей любви и заботѣ?— Между Апостолами Петръ былъ отличный, онъ былъ устами и верхомъ ихъ лика, почему и Павелъ предпочтительно хотѣлъ его видѣть. И такъ Иисусъ Христосъ обращался къ Петру для того, чтобы показать ему, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе и почитать отреченіе свое изглаженнымъ. Ему поручаетъ онъ предстательство братій своихъ и не напоминаетъ, не укоряетъ за его отреченіе, но говоритъ: если любишь меня, предстательствуй братьямъ твоимъ, покажи нынѣ пламенную любовь, которую всегда мнѣ показывалъ и которою похвалялся; за меня хотѣлъ ты дать жизнь свою, отдай ее за овецъ моихъ. Когда послѣ двукратнаго вопрошенія сердцеѣдца, Петръ слышалъ и третій вопросъ, о той же любви къ нему, онъ смутился духомъ; память прежняго проступка сдѣлала его робче и осторожнѣе, ибо тогда, за смѣлымъ и увѣрительнымъ отвѣтомъ, слѣдовали близко малодушіе и паденіе. Господи, ты все знаешь, ты знаешь, что я люблю тебя, отвѣчаетъ нынѣ Петръ: замѣтьте, братіе, какъ много онъ измѣнился, какъ остроженъ и скромнѣе! Въ немъ уже нѣтъ прежней

надмѣнности, уже не смѣетъ онъ противорѣчить; онъ говоритъ самъ въ себѣ: какъ! и я думаю, что люблю, а быть можетъ не люблю, подобно прежнему? много на себя надѣясь, я отвѣчалъ тогда съ твердостью, и рабыня меня побѣдила! Трижды вопрошаетъ Господь Петра и трижды даетъ ту же заповѣдь, чтобы показать, какъ много должно заботиться о спасеніи овецъ, и что сія забота есть наибольшее доказательство любви къ нему.» (на Иоан. бесѣд. 88.)

Древніе отцы, когда смотрѣли на Церковь, какъ на стадо, видѣли ее управляемою, не отъ единого Петра, но отъ всего Собора Апостольскаго. «Единое стадо, говоритъ св. Кипріанъ, въ словѣ о единствѣ Церкви, является пасомымъ, въ единодушномъ согласіи, всѣми Апостолами.» «Господь поставилъ по себѣ пастыремъ Церкви Петра, поучаетъ великій Василій, но всѣмъ будущимъ пастырямъ далъ ту же власть.» (Постан. монашескія XXII, 5.) И другъ его Григорій Богословъ, (въ бесѣдѣ 39 противъ Новата, отвергавшаго покаяніе,) приводитъ въ примѣръ текстъ Иоанна, не для возвеличенія Петрова: «не ужели ты не пріемлешь того великаго Петра, съ которымъ случилось, во время спасительной страсти, нѣчто человѣческое? Не принялъ ли его самъ Иисусъ и, трикратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ, не исцѣлился ли онъ отъ трикратнаго отреченія?»

Но всѣхъ полнѣе объясняетъ намъ сіе мѣсто Евангелія Иоанна, коимъ превозносятся Римляне, св. Кириллъ Александрійскій: «блаженный Петръ рукоположенъ былъ въ санъ Божественнаго Апо-

стольства, вмѣстѣ съ прочими Апостолами; поелику же случилось произойти навѣту Иудейскому, и между тѣмъ Апостолъ сей нѣкоторымъ образомъ палъ, (ибо блаженный Петръ, будучи объятъ неудободержимымъ страхомъ, трижды отсекся Господа), то Господь врачуетъ рану его и требуетъ трикратнаго исповѣданія, какъ бы полагая оное въ равновѣсіе съ отверженіемъ, и какъ бы совершая исправленіе равносильное паденіямъ. Ибо грѣхъ, сдѣланный языкомъ и имѣющій силу вины только въ словахъ, тѣмъ же способомъ долженъ быть и уничтоженъ. Былъ же спрошенъ: любить ли болѣе другихъ? потому что когда онъ большее получилъ прощенье и, какъ бы отъ болѣе щедрой руки, принявъ отпущеніе преступленія, то, поистиннѣ, не долженъ ли былъ собрать въ себѣ болѣе любви предъ другими, и безпредѣльнымъ расположеніемъ заплатить благодѣтелю?—Ибо хотя и всѣ святые ученики обратились въ бѣгство, отъ безчеловѣчія Иудеевъ, наведшаго на нихъ нестерпимый страхъ, и отъ лютой войны, угрожавшихъ имъ жестокою смертію, однако особенный грѣхъ случился съ Петромъ, до трехъ разъ отвергшимся. Почему, какъ получившій большее прочихъ прощенье, и вопрошается: болѣе ли другихъ любить? ибо по гласу Спасителя, «кому мало отпущится, тотъ меньше любить.» (Лук. VII, ст. 6.) Изъ созерцанія вышесказаннаго открывается наставленіе для учителей, что они не иначе могутъ угодить Пастыреначальнику всѣхъ, т. е. Христу, какъ если будутъ нецись о благостояніи и благой жизни овецъ. И такъ, чрезъ троскратное блаженнаго Петра исповѣданіе, упразд-

47

няется преступленіе троекратнаго отверженія. Подъ словами же Господа: «паси овцы моя,» разумѣется какъ бы нѣкоторое обновленіе даннаго ему Апостольства, разрѣшающее между тѣмъ и поношеніе его паденія и уничтожающее малодушіе, происшедшее отъ немощи человѣческой.» (толков. на XXI главу Іоанна.)

Такимъ образомъ изъясненіе сего отрывка св. Кирилломъ, еще смиреннѣе, для Петра, изъясненія Златоустаго, и не должно казаться необычайнымъ то, что сей витія церковный назвалъ Петра устами и верхомъ Апостоловъ, ибо также выражается онъ и о Павлѣ.—»Не напрасно написалъ Лука, что приносима была молитва всей Церкви о Петрѣ, но дабы научить насъ, какую силу имѣетъ молитва на небесахъ, такъ что освобождаетъ отъ опасности Петра и Павла, столповъ Церкви, верхъ Апостоловъ, славныхъ на небесахъ, стѣну вселенныя, общую защиту всей земли и моря.» (Слово 2 о молитвѣ.)

Въ толкованіи посланія къ Римлянамъ, говоря о долгѣ пастырей, Златоустъ приводитъ тотъ же текстъ и относитъ его смыслъ вообще къ пастырямъ: «Христость, вѣряя стадо свое верховному изъ Апостоловъ, который болѣе всѣхъ любилъ его, предварительно спрашивалъ: «любиши ли мя?» дабы онъ уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ представляется преимущественнымъ признакомъ любви къ самому Христу, потому что для сего нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ, и не о подобныхъ намъ, но о пастырѣ, ежели есть такой, каковъ былъ Павелъ, каковъ Петръ, каковъ Моисей.» (бесѣд. XXIX.)

Далѣ, въ томъ же толкованіи, нигдѣ не отдѣляетъ Петра отъ Павла и говоритъ, въ чемъ состоитъ истинное величіе Рима: «подобно великому и могучему тѣлу имѣеть Римъ два свѣтлыя ока тѣлеса обоихъ св. Апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаешь лучи свои, какъ блистателенъ Римскій городъ, озаряющій всѣ концы вселенной сими двумя свѣтилами. Оттолѣ восхищенъ будетъ Павелъ, оттолѣ Петръ.—Помыслите и содрогнитесь: какое зрѣлище представится для Рима, когда Павелъ и Петръ востанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ и будутъ восхищены во срѣтеніе Христу! Какія розы подносить Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ сей городъ, какія золотыя цѣпи его опоясываютъ, какими обладаетъ онъ источниками. Вотъ чему удивляюсь я въ Римъ: не множеству золота, не колоннамъ и прочимъ украшеніямъ, но симъ столпамъ Церкви.» (бесѣд. XXXI.)

Такъ вмѣстѣ съ Златоустомъ величаетъ ихъ и вселенская Церковь, нераздѣльно одного отъ другаго, за равные подвиги и достоинства:

»Апостоловъ первопрестольницы и вселенныя учителя, Владыку всѣхъ молитесь: миръ вселенной даровати и душамъ нашимъ велию милость.»

»Твердые и боговъщанные проповѣдатели, верхъ Апостоловъ твоихъ, Господи, пріялъ еси въ наслажденіе благихъ твоихъ и покой; болѣзни бо тѣхъ и смерть пріялъ еси паче всякаго витійства; едине свѣдѣй сердечная.»

»Камень Христоръ, камень вѣры прославляетъ свѣтло, учениковъ преизрядна, и съ Павломъ весь дванадесяточисленный соборъ днесъ, ихъ же па-

мять совершающе вѣрно, сихъ прославльшаго прославляемъ.» (Тропар. 29, 30 Іюня.)

Есть другія пѣсни церковныя, уже позднѣйшихъ вѣковъ, прославляющія то одного, то другаго Апостола, которыя, если взять отдѣльно, безъ сличенія съ прочими, могутъ подать мысль, будто Церковь исключительно величаетъ верховнаго Петра; такъ на прим. въ день памяти его поютъ ему:

»Верховное основаніе Апостоловъ, ты вся оставивъ, послѣдовалъ еси Учителю, вопія ему: съ тобою умру, да и живу блаженную жизнь! Рима же ты былъ и первый Епископъ, превеликаго градовъ слава и похвала, и Церкви утвержденіе, и врата адава не одолѣютъ ея вонстинну, якоже Христось предрече.» (Минея Іюня 30 на хвалит.)

Но въ тѣхъ же пѣсняхъ церковныхъ встрѣчаемъ мы равносильныя выраженія и о прочихъ Апостолахъ, наипаче же о Павлѣ, котораго память празднуется вмѣстѣ:

»Павле, уста Господня, основаніе ученія, иногда убо гонитель Іисуса Христа, нынѣ же первопрестольникъ Апостоловъ былъ еси, блаженне.» (Минея 29 стихира.)

И не только Павлу, но и Іакову Апостолу въ день его памяти поется: »яко князь Апостоловъ поставленъ былъ еси по всей землѣ.» (Мин. 30 Апрѣл. пѣснь 8.) А другой Іаковъ, братъ Господень и первый Епископъ Іерусалимскій, величается: »преемникомъ началопастыря Христа (Мин. 23 Окт. стих.) первопрестольникомъ, первоепископомъ, лучшимъ изъ Апостоловъ, пастыремъ паствы воплощагося Агнца вышняго и Сына Божія;» (Пѣснь 9. Мин. недѣля по рожд.) и самый престоль его именуется стар-

шимъ въ тѣхъ же пѣсняхъ: »Сіоне, возвѣщай Церкви старѣйшинство, ибо мати Сіонъ глаголетъ челоувѣкъ;» и Церковь Иерусалимская точно почиталась матерію прочихъ.—Изъ сихъ свидѣтельствъ явствуетъ неоспоримо, что подобныя выраженія: »уста, верхъ, князь Апостоловъ, основаніе, камень Церкви» хотя и встрѣчаются въ пѣсняхъ церковныхъ, (которыя не суть догматы, а только изліянія благодарнаго сердца угодникамъ Божиимъ,) относятся однако Церквию не къ лицу одного Петра, но и другихъ Апостоловъ, равныхъ ему честию, предъ коими онъ имѣлъ только первенство порядка, какъ сказано и въ Евангеліи:

»Дванадцати же Апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ;» (Матѣ. X, 2.) что изъясняетъ Златоустъ такимъ образомъ: »Господь поставляетъ Петра и Андрея прежде прочихъ, потому что они прежде всѣхъ позваны были, потомъ поставляетъ Іакова прежде Іоанна, не по достоинству, а просто по возрасту, какъ обыкновенно считаютъ одного изъ братьевъ выше другаго, ибо мнѣ кажется, что Іоаннъ былъ не только больше другихъ, но и больше брата своего.» (Бесѣда 32 на Матѣ.)

Я привелъ тропари сіи и изреченія св. Отцевъ въ свидѣтельство, какимъ образомъ вселенская Церковь, отъ первыхъ вѣковъ Христіанства, воздавала должную хвалу Апостолу Петру, не унижая предъ нимъ прочихъ. Какъ неотъемлемо въ писаніяхъ имя первозваннаго у Андрея, и возлюбленнаго у Іоанна, и дѣтей грома у обоихъ сыновъ Зеведеевыхъ, какъ неотъемлемо, что они оба съ Петромъ предпочтительно были свидѣтелями великихъ знаменій Христовыхъ, такъ неотъемлемо и первенство

Петрово между Апостолами; ибо его всегда называютъ вначалѣ Евангелисты, и къ нему обращены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ изреченій Христовыхъ, и послѣ возпесенія онъ первенствуетъ словомъ въ матери всѣхъ церквей Сионъ. Такимъ образомъ вполнѣ сбываются надъ нимъ слова Христовы, сказанныя на вечери, когда возвѣстивъ ему славу, равную съ прочими: «вы же, которые пребыли со мною въ искушеніяхъ моихъ, сядете на престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ,» потомъ, не огорчая еще предсказаніемъ о его тройномъ отреченіи, говорить въ утѣшеніе и предосторожность: «Симонъ, Симонъ, се сатана просить, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу, но я молился, чтобы не оскудѣла вѣра твоя; и ты нѣкогда обратишь утверди братьевъ твоихъ.» (Лук. ХХІІ, 28, 30, 31, 32.)

И сіе изреченіе, на которое опираются Римляне, не возвеличиваетъ Петра, по толкованію древнихъ Отцевъ, но напротивъ только смиряетъ и утѣшаетъ въ его лицѣ всѣхъ падшихъ. «Почему, объясняетъ Златоустъ, если діаволъ всѣхъ просилъ, не сказалъ Господь, я за всѣхъ молился? Онъ обращаетъ къ одному Петру рѣчь свою, чтобы показать, что его паденіе опаснѣе паденія другихъ, и требуетъ большей помощи: потому что и противурѣчилъ ему, и себя предпочиталъ другимъ; есть и третіе болѣе важное преступленіе—то, что онъ все приписывалъ себѣ. Для уврачеванія сихъ ранъ Господь попустилъ паденіе и потому, оставивъ другихъ, говоритъ съ нимъ однимъ: Симоне, Симоне и проч.» (Бесѣда 82 на Матѣ.)

III.

СВИДѢТЕЛЬСТВА ИЗЪ ДѢЯНІЙ И ПОСЛАНІЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

Послѣ сихъ изреченій Евангельскихъ, должно внимательно разсмотрѣть, изъ дѣяній и посланій Апостольскихъ, въ чемъ собственно состояло первенство Петрово, дабы, безъ современнаго примѣненія Божественныхъ словъ къ самымъ событіямъ, не увлечся въ послѣдствіи, на разстояніи многихъ вѣковъ, истолкованіемъ оныхъ по началамъ человѣческимъ, а не по Христу. Но въ такомъ внимательномъ разборѣ, прежде и свыше всего, должно быть безпристрастнымъ, воздавая «ему же честь честь» ибо нѣтъ никакой выгоды утаить одно обстоятельство отъ неопытныхъ, для того только, чтобы болѣе опытные на него указали, и тѣмъ бы поколебали довѣренность.—Истина не боится свѣта и не требуетъ хитрости человѣческой.

Чѣмъ открывается книга дѣяній Апостольскихъ? — избраніемъ двѣнадцати на мѣсто Иуды.

Кто предлагает?—Петръ. Какъ совершается избраніе?—«тогда поставили двоихъ, и помолились, и бросили о нихъ жребій и вышелъ жребій Матеіо; и онъ причисленъ былъ къ одиннадцати Апостоламъ.»— (Дѣян. I, 23—26.) Нѣкто изъ Западныхъ писателей привелъ здѣсь, отрывкомъ, свидѣтельства Златоуста, въ пользу главенства Петрова, говоря, что онъ могъ будто бы самъ собою совершить сіе избраніе; прочтемъ полнѣе Златоуста, для обличенія истины:

»Въ одинъ изъ сихъ дней, Петръ ставъ посреди учениковъ, сказалъ: «мужи и братіе» и т. д. Петръ всегда предначинаетъ слово, говоритъ Златоустъ, какъ пламенный, какъ тотъ, кому ввѣрена отъ Христа паства и какъ первый въ ликѣ.—Почему же Петръ одинъ не обращается ко Христу, чтобы онъ даровалъ ему кого либо на мѣсто Іуды? Для чего не производятъ они также избранія сами отъ себя? Теперь уже Петръ сдѣлался лучшимъ самаго себя. Сіе надлежитъ отвѣчать на предложенный вопросъ.—Замѣть, что Петръ все дѣлаетъ по общему согласію, а не по полномочию и властительски. Братіе, говоритъ онъ, ибо если Господь называлъ такъ своихъ учениковъ, то кольми паче Петръ долженъ былъ называть братіями соучениковъ; вотъ достоинство Церкви, вотъ Ангельское состояніе. Необходимо было исполнить число Апостоловъ; но развѣ Петръ не могъ самъ собою избрать? Конечно могъ, но не хотѣлъ, чтобы его обвинили въ лицепріятіи; притомъ еще и не получилъ Духа Святаго. И такъ представили двухъ; не онъ одинъ, но всѣ; мысль же подалъ онъ, показывая притомъ, что не отъ него сія мысль, но свыше по пророчеству;—и

такъ онъ былъ здѣсь только истолкователемъ, а не учителемъ.» (III бесѣд. на дѣян.)

Вотъ какъ осторожно объясняетъ Златоустъ примѣръ предстоятельства Петрова, о коемъ онъ упоминалъ въ толкованіи на Иоанна. Онъ представляетъ Петра, во всемъ дѣйствующимъ съ согласія прочихъ Апостоловъ, и не присуждаетъ ему даже имени учителя, чтобы не превознести его предъ прочими; а потому, если приписываетъ ему возможность одному избрать на мѣсто Иуды, то симъ выражаетъ нравственную силу довѣрія, которую онъ имѣлъ въ собраніи Апостольскомъ, а не преимущество власти надъ ними.

При сошествіи Св. Духа на всѣхъ Апостоловъ, не сугубая благодать сходитъ на Петра; однако же онъ опять начинаетъ слово къ народу и обращаетъ три тысячи, и здѣсь опять даетъ замѣтить Златоустъ въ своемъ толкованіи: «согласіе, которое царствовало между Апостолами, уступившими добровольно Петру почестъ говорить именемъ всѣхъ.» (Бесѣд. IV.) При входѣ въ храмъ вмѣстѣ съ Иоанномъ, Петръ исцѣляетъ разслабленнаго, и еще разъ обращаетъ словомъ пять тысячъ народа, и властію Апостольскою наказываетъ Ананію и Сапфиру, солгавшихъ Духу Святому, когда утаили свое имущество, которое должны были принести къ ногамъ Апостоловъ. Свидѣтельствуетъ же, о истинѣ ученія Христова предъ Первосвященниками, сперва съ Иоанномъ, а потомъ со всѣми, говоря: «надобно болѣе повиноваться Богу, нежели людямъ.» (Дѣян. V, 29.)

Наступила важная минута въ размножающейся

Церкви Христовой, — учреждение степени Діаконской; кто же дѣйствуетъ? — пусть расскажетъ сіе Евангелистъ Лука: «тогда двѣнадцать Апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: не прилично намъ, оставя слово Божіе, служить трапезамъ; и такъ, братіе, выберемъ изъ себя семь челоуковъ извѣданныхъ, исполненныхъ Св. Духа и мудрости, ихъ поставимъ на сіе дѣло, а мы непрерывно пребудемъ въ молитвѣ и въ служеніи Слову. Сіе предложеніе одобрено всѣмъ собраніемъ и избрали Стефана и прочихъ; ихъ поставили предъ Апостолами; а сіи помолясь возложили на нихъ руки.» — (Дѣян. VI, 2—6.) Здѣсь, въ столь важномъ іерархическомъ дѣйствіи, не видно отдѣльно не только лица, но и слова Петрова, а дѣйствуютъ всѣ вкупѣ.

Когда же по смерти Стефановой, всѣ, кромѣ Апостоловъ, разсѣялись по окрестнымъ мѣстамъ; и Діаконъ Филиппъ окрестилъ Самарію, то услышавъ о томъ находившіеся въ Іерусалимѣ Апостолы, послали къ нимъ Петра и Іоанна. И такъ вотъ уже соборъ Апостольскій посылаетъ первоверховнаго, наравнѣ съ Іоанномъ, и оба Апостола одинаково возлагаютъ руки на крестившихся, исполняя данное имъ порученіе.

Здѣсь является въ книгѣ дѣяній Апостольскихъ другое лице, столь же великое, какъ и лице Петрово, подвиги коего займутъ большую половину сей книги, писанной ученикомъ его и Евангелистомъ Лукою, который однако же нигдѣ вначалѣ не умалчивалъ о подвигахъ Петровыхъ и о первенствѣ его въ дѣлѣ проповѣди и знаменійхъ. Кто сей? Павелъ, гонитель Церкви, обращенный къ

върѣ, не къмъ либо изъ челоувѣковъ, но самимъ Господомъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеть въ посланіи къ Галатамъ. (1, 11, 12, 15.) Господь, посылая къ нему ученика Ананію для его крещенія, говоритъ о немъ: »сей челоувѣкъ есть мое избранное орудіе, и понесеть имя мое къ народамъ и царямъ и сынамъ Израимевымъ, и я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя мое.» (Дѣян. IX, 15, 16.) Павелъ есть единственный изъ Апостоловъ, обращенный самимъ Исусомъ Христомъ, послѣ его вознесенія, и получившій отъ него непосредственно заповѣдь слова Божіа, не къ однимъ Иудеямъ, но ко всей вселенной, подобно какъ и Петру; по воскресеніи, поручено было стадо Христово. Любопытно, какъ встрѣчаются, въ возложенномъ на нихъ подвигѣ, оба подвижника; послушаемъ самаго Павла: »и такъ, пишеть онъ, объявляю вамъ, братія, что Евангеліе, которое мною проповѣдано, не есть челоувѣческое; ибо я получилъ оно и научился оному не отъ челоувѣка, но чрезъ откровеніе Исуса Христа. Вы слышали, какъ я нѣкогда жилъ въ Иудействѣ; какъ жестоко гналъ церковь Божию и опустошалъ ее, и преуспѣвалъ въ Иудействѣ, болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи жаркимъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій. Но когда Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моея, и призвавшій благодатію своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына своего, дабы я проповѣдалъ его язычникамъ, то я съ того времени не совѣтовался съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Иерусалимъ къ бывшимъ прежде меня Апостоламъ: а пошелъ въ Аразію, и опять возвра-

тился въ Дамаскъ. Потомъ, чрезъ три года, ходилъ я въ Иерусалимъ видѣться съ Петромъ, и пробылъ у него пятнадцать дней. Другаго же никого изъ Апостоловъ я не видалъ, кромѣ Иакова, брата Господня. (Пиша сіе къ вамъ, предъ Богомъ, не лгу.) Послѣ сего ходилъ я въ страны Сирскія и Киликійскія. Церквамъ Христовымъ въ Иудеѣ я лично не былъ извѣстенъ, а только слышали онѣ, что бывший некогда гонителемъ ихъ, нынѣ проповѣдуетъ вѣру, которую прежде старался истреблять, и прославляли за меня Бога.—Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, я опять ходилъ въ Иерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. А ходилъ по откровенію, и тамъ, особенно же знаменитымъ, предложилъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, изъ предосторожности, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизаюсь. Впрочемъ и Тита, бывшаго со мною, хотя онъ Еллинъ, не принуждали обрѣзаться. Но вопреки вкравшимся ложнымъ братіямъ, скрытно приходившимъ подсмотрѣть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Христа Иисуса, чтобы поработить насъ, мы ни на часъ не уступили имъ и не покорились, дабы истина благовѣствованія сохранилась въ васъ. Что же касается до знаменитыхъ чѣмъ-либо, чтобы они тамъ ни были, мнѣ нужды нѣтъ; Богъ не взираетъ на лице человека. И знаменитые ничего не возложили на меня болѣе. Напротивъ того видя, что мнѣ ввѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ какъ Петру для обрѣзанныхъ, (ибо тотъ, кто содѣйствовалъ Петру въ Апостольствѣ къ обрѣзаннымъ, содѣйствовалъ и мнѣ, къ язычникамъ); и узнавъ о дарованной мнѣ

благодати, Иаковъ, и Кифа и Иоаннь, почитаемые столпами, въ знакъ согласія подали руку мнѣ и Варнавъ, чтобы намъ итти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ; что и старался я исполнять въ точности. А когда Петръ пришелъ въ Антиохію, тогда я лично противусталь ему; ибо онъ подверженъ былъ нареканію. Потому что до прибытія нѣкоторыхъ отъ Иакова, онъ былъ съ язычниками; а когда они пришли, то сталъ танъся и устранился, опасался обрѣзанныхъ. Вместе съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудей; такъ что и Варнава увлеченъ былъ ихъ лицемѣріемъ. Но я, видя, что они не прямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, сказалъ Петру при всѣхъ: ежели ты, будучи Іудей, живешь язычески, а не по-Іудейски; то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-Іудейски? (Галат. I, II—24. II, 1—14.)

Весьма замѣчательно, въ словахъ Павловыхъ, что онъ получилъ откровеніе прямо отъ Христа, что ему ввѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, что столпами Церкви тогда почитались не единственно Петръ, названный камнемъ, но еще Иаковъ и Иоаннь, и даже Иаковъ названъ прежде Петра, будучи Епископомъ, Іерусалимскимъ, и братомъ Господнимъ по плоти, поставленнымъ на кафедрѣ матери всѣхъ Церквей, Сіона, самимъ Господомъ, когда явился ему по воскресеніи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Златоустъ, въ истолкованіи XV главы втораго посланія къ Коринѣянамъ, основываясь на древнихъ преданіяхъ. Достойно обратить вниманіе и на то,

что хотя, изъ книги дѣяній видно, что чрезъ посредство Петра впервые открылась дверь царствія Божія язычникамъ, обращеніемъ Римскаго сотника Корнилія,—однако же Павелъ прямо утверждаетъ что не только ему ввѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, но что и самъ Петръ подалъ ему на то руку въ знакъ взаимнаго согласія.» Книга дѣяній, описывающая проповѣдь Павлову въ Римъ, нигдѣ не упоминаетъ о Петровой, въ столицѣ языческаго міра, хотя преданія первыхъ вѣковъ Христіанства свидѣтельствуютъ о мученической смерти обоихъ Апостоловъ въ Римъ; но о томъ, что свѣтъ Христіанства впервые былъ принесенъ туда верховнымъ Апостоломъ, и что онъ тамъ епископствовалъ 25 лѣтъ,—безмолвствуютъ древнѣйшіе лѣтописцы.

Полезно всегда слышать подобныя мѣста Св. Писанія съ толкованіями великихъ учителей вселенской Церкви;—вотъ что говоритъ Златоустъ, о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ верховныхъ Апостоловъ:

»Потомъ, послѣ трехъ лѣтъ ходилъ я въ Иерусалимъ видѣться съ Петромъ.» Можно ли было выразиться скромнѣе? Послѣ столь великихъ подвиговъ, не имѣя никакой нужды въ Петрѣ, и въ его одобреніи, ибо они имѣли оба равную власть, онъ однако же идетъ навѣстить его какъ старшаго, ради желанія его видѣть.—Онъ воздастъ ему всю почесть и все уваженіе, какія надлежало, и даже не хочетъ поставить себя наравнѣ съ нимъ, какъ явствуетъ изъ всего странствія; Св. Павелъ посѣтилъ Св. Петра, въ томъ же духѣ, какъ братія

наши посвящают иногда святыхъ мужей, и даже есть еще нѣчто болѣе смиреннаго въ поступкѣ Павла: потому что тѣ, о коихъ я упомянулъ, странствуютъ для собственной пользы, а Павелъ нисколько не нуждался, чтобы Петръ его наставилъ и исправить; онъ только хотѣлъ его видѣть и воздать ему почести. »Я помню, чтобы видѣть Петра,» т. е. я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только видѣть его; къ такому смыслу поступаютъ тѣ, которые странствуютъ чтобы видѣть прекраснѣйшіе города; Павелъ же полагалъ, что ничего не должно щадить, чтобы видѣть мужа столь именитаго, и онъ доказалъ сіе пришедши въ Иерусалимъ, послѣ обращенія къ Евангелію столькихъ народовъ. Сперва идетъ онъ посѣтить Иакова, который былъ старшій и болѣе достойный уваженія, и съ терпѣніемъ слушаетъ его, хотя былъ противнаго ему мнѣнія.» (Бесѣд. 1 на Галат.). Далѣе же говоритъ явственно Златоустъ о томъ, что Апостоль Петръ далъ согласіе Павлу идти къ язычникамъ; »что значитъ сіе выраженіе? Мы, говоритъ онъ, раздѣлили между собой вселенную, чтобы озарить ее свѣтомъ Евангелія, и язычники достались въ удѣлъ мнѣ, какъ Евреи другимъ, потому что сіе угодно было Богу.» (Бесѣд. 4.)

Есть еще одно выраженіе Павла, въ посланіи къ Коринтянамъ, въ которомъ, описывая трудъ свой для ихъ утвержденія въ вѣрѣ, дважды говоритъ о себѣ »что онъ ничѣмъ не медлене высшихъ Апостоловъ,» (2 Кор. XI, 5. XII, 11.) и Златоустъ, объясняя мысль его, присовокупляетъ: »онъ не сравниваетъ себя съ лжеапостолами, но съ Петромъ

и прочими; если же ижеасостои ето искусство, то и Петра и другихъ.—Однако же онъ умѣряеть рѣчь свою, и не говоритъ рѣзительно, чтобы Апостолы ничего не сказали больше его, а только полагаетъ, что онъ ничѣмъ не меньше высшихъ Апостоловъ. Поелику казалось, что они имѣли нѣкое преимущество надъ Павломъ, потому что прежде уверовали во Христа и были въ большой славы, то Павелъ смѣло сравниваетъ себя съ ними и, называя ихъ, выражается съ уваженіемъ; не говоритъ просто, что они Апостолы, но именуетъ ихъ величайшими между Апостоловъ, означая Петра, Иакова и Иоанна.» (Бесѣд. XXIII.) Здѣсь не видно особеннаго преимущества Петрова.

Любопытно также видѣть, какимъ образомъ въ первенствующей Церкви разрѣшается первое недоумѣніе, касательно обрѣзанія язычниковъ, когда еще главнѣйшіе Апостолы собраны въ Иерусалимъ и Петръ между ними первенствуетъ. Раскроемъ книгу дѣяній Апостольскихъ. Павелъ и Варнава посылаются отъ Церкви Антиохійской въ Иерусалимскую, какъ мать всѣхъ Церквей. Апостолы и Пресвитеры собрались для разсужденія о семъ дѣлѣ, и по долгомъ разсужденіи, Петръ, возставъ, сказалъ имъ: какимъ образомъ вначалѣ Богъ открылъ чрезъ него дверь язычникамъ; и въ чемъ состоитъ истинная вѣра въ заслуги Христовы. Тогда все собраніе умолкло и внимало повѣствованію Варнавы и Павла, о знаменіихъ и чудесахъ, какія Богъ произвелъ чрезъ нихъ у язычниковъ; когда же они перестали говорить, Иаковъ (Епископъ Иерусалимскій братъ Господень) началъ рѣчь и сказалъ: братія, послушайте мнѣ,

Симонъ изъяснилъ, какъ Богъ сперва призвалъ на язычикоу и проч.,—почему я полагаю, что не должно отщипать техъ, которые изъ язычикоу обращаются къ Богу. И послѣ сего Апостолы и Пресвитеры, разсудивъ со всею Церковью, положили послать съ избранными людьми письмо, содержащее собственныя слова рѣшенія Иаковлева; въ заглавіи же письма сказано вообще, не упомянувъ о лицѣ Петровомъ: «Апостолы, Пресвитеры и братія, собравшись единодушно, разсудили,—а въ заключеніи,—ибо благоугодно было Духу Святому и намъ.» (Дѣян. XV, 22.)

Есть ли въ семь первомъ Апостольскомъ Соборѣ, образецъ всѣхъ грядущихъ вселенскихъ и поместныхъ, и въ семь первомъ окружномъ посланіи, хотя малый признакъ первенства и преимущества Петрова надъ прочими Апостолами? Онъ говоритъ первый, но послѣ долгаго разсужденія соборнаго, и потому что имѣлъ сказать о первомъ обращеніи чрезъ него язычикоу, какъ и Павелъ велѣлъ за нимъ, о проповѣди своей между ними; рѣшается же дѣло Епископъ Иерусалимскій Иаковъ, и посланіе пишется безразлично отъ всего Собора. Вотъ истинный образецъ управленія церковнаго, и Павелъ выражаетъ также единство Церкви, не средоточивъ одной катедры, но единствомъ духа въ союзъ мира: «Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе и одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всеми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ; каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова. — И онъ поставилъ однихъ Апостолами, другихъ Пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями»

дьяма, тѣ совершенно Святыхъ, на дѣло служенія къ созиданію тѣла Христова, дабы все возвращали въ того, который есть глава, т. е. во Христа» (Ефес. IV, 5, 6, 7, 11, 12, 15.)

Златоустъ такъ изъясняетъ слова Павловы о сихъ различныхъ степеняхъ: онъ ставитъ прежде Апостоловъ и Пророковъ, потомъ Евангелистовъ, но тѣхъ однако же, которые благовѣствовали въ міръ, подобно Апостоламъ. Пастыри и учителя, конкъ послѣ именуеть Павелъ, суть тѣ, конкъ вверены были народы какой либо отдѣльной Церкви и которые посему почитались меньшими, ибо они спойно пребывали на одномъ мѣстѣ своего управленія, какъ Титъ и Тимофей, которые были меньше Апостоловъ, обрекавшихъ землю для проповѣди Евангелія» (Бесѣда XI.)—Почему же Тимофей и Титъ, поставленные Епископами въ Ефесъ и Критъ самимъ Павломъ, меньше его, а Линъ и Климентъ, поставленные Петромъ въ Римъ, равны ему властію и суть ему преемники, когда, какъ видно изъ словъ Павловыхъ, Петръ не былъ Епископомъ, а болѣе Епископа?

Замѣчательно также и то, что Іоаннъ Златоустъ, истолковавшій два Евангелія, дѣянія и всѣ посланія Павловы, и многократно говорившій о первенствѣ и достоинствѣ Петра, о Церкви и ея степеняхъ іерархическихъ, ни одного раза не возвыщивалъ кафедры Римской, хотя и самъ прибѣгалъ къ защитѣ Папы Иннокентія, когда, проискавши старшаго изъ Патріарховъ Восточныхъ, свергнуть быль съ престола Царградскаго; но о томъ будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Пробъжавъ такимъ образомъ, съ Златоустомъ въ рукахъ, первыя времена Апостольскія, сколько они намъ открываются изъ книги дѣяній и посланій, и толкованія Св. Отець, мы видимъ при самомъ началѣ, каковы были таящественные пути промысла Божія для управленія раждающейся Церкви. Доколѣ малая семья вѣрныхъ собрана еще въ Иерусалимѣ, первенствуетъ между ними словомъ и дѣломъ Петръ, какъ уста и верхъ Апостоловъ, по выраженію Златоуста, не будучи однако же частнымъ Епископомъ сей Церкви, ибо Апостоламъ предлежала проповѣдь вселенская, и потому прежде нѣкъ разсыанія по всемъ концамъ міра, уже поставленъ мѣстный блюститель Сіону, Іаковъ братъ Божій, самимъ Господомъ, къ которому благоговѣють Петръ и Павелъ и ирочіе Апостолы, и отъ него даже истекаетъ рѣшительный совѣтъ на первыхъ собраніяхъ Церкви.—Потомъ Павелъ и Петръ проповѣдуютъ въ Антиохіи, но не епископствуютъ, и первымъ Епископомъ поставленъ тамъ Еводій, какъ Евангелистъ Маркъ Петромъ въ Александріи, а Титъ Павломъ въ Критѣ и Тимофей Ефесъ, и хотя Павелъ три года жилъ въ Ефесѣ, Іоаннъ же провелъ тамъ остатокъ долгой жизни, никто изъ обомъ Апостоловъ не почитается Епископомъ Ефесскимъ. Такъ возвышенъ былъ надъ всеми санъ Апостольскій, т. е. двѣнадцати, а не семидесяти, причтенныхъ къ кругу учениковъ Христовыхъ подъ симъ именемъ, что котя послѣ предательства Іуды число двѣнадцать несмѣленно пополнило было избраніемъ Матвіа,—однако послѣ убіенія Іакова, весьма скоро приключившагося, никто изъ Апостоловъ не

предлагалъ болѣе избрать кого либо на его мѣсто;— одинъ только Павелъ въ сіе время избранъ былъ свѣдѣніемъ въ Апостолы, явленіемъ самаго Господа, и сравненъ Церковью съ верховнымъ Петромъ, по взаимному согласію раздѣливъ съ нимъ міръ, Иудею и Елліновъ.

Такимъ же образомъ оба они проповѣдуютъ, а не епископствуютъ въ Римѣ, и, по свидѣтельству Иринея, писателя втораго вѣка, поставляютъ тамъ Епископомъ сперва Лина, потомъ Анаклета и наконецъ Климента, споспѣшника Павлова въ дѣлѣ проповѣди, который названъ, у того же Иринея, третьимъ отъ Апостоловъ, а не отъ одного Петра и Павла. И какъ кончина Евангелиста Іоанна въ Ефесѣ не положила его въ основаніе кафедрѣ епископской сего города и всей Азии, Церквами коей онъ управлялъ до конца перваго вѣка, такъ и мученичество Петра въ Римѣ не положило его въ основаніе сего престола, а если бы его положило, то и Павла, въ одно время съ нимъ тамъ скончавшагося.—При жизни обоихъ Апостоловъ, мы не видимъ ни изъ ихъ дѣяній, ни изъ посланій, ни изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ, какого либо центрального управленія Церкви въ столицѣ языческаго міра, да и не могло оно существовать, когда Церковь, была разобщена на земли, гоненіями и самымъ разбѣяніемъ своимъ по всѣмъ частямъ вселенной, (ибо мы видимъ Апостола Фому въ Индіи, и Матеія въ Евіопіи, и Варволомея у Бактровъ, и Андрея въ Скиѣи.) Она могла только соединяться духомъ въ Господь Іисусъ, единомъ основаніи и главѣ своей, отъ котораго

и Павелъ принялъ прямо Евангеліе, мимо Петра и прочихъ Апостоловъ, хотя и взывалъ въ посланіяхъ: «едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отець.»—(Ефес. IV, 5.) Тотъ же, который сказалъ нѣкогда Самарянынь «что придетъ время, когда не въ одномъ Иерусалимѣ поклонятся Богу, но по всей вселенной,» (Іоан. IV, 23.) и допустилъ разрушеніе ветхозавѣтнаго святилища, и поруганіе самаго мѣста своихъ страданій, для того, чтобы не полагать земнаго основанія въ необходимый союзъ Церкви своей, не опредѣлилъ и Рима центральнымъ мѣстомъ ея управленія; ибо предвидѣлъ, что она должна была выдти изъ тѣсныхъ предѣловъ Римской имперіи, и не хотѣлъ, чтобы отъ временныхъ судебъ, отъ мѣстности, зависѣло единство Церкви, но отъ единогодушнаго и неколебимаго исповѣданія вѣры, выражаемаго устами ея блюстителей, благодатию Св. Духа, на Соборахъ вселенскихъ, какъ нѣкогда Апостольскихъ.

ОТНОШЕНІЯ РИМСКИХЪ ЕПИСКОПОВЪ КЪ ЦЕРКВИ ВСЕЛЕНСКОЙ.

I.

ВЪ ПЕРВОМЪ ВѢКѢ.

Если въ теченіе перваго вѣка Христіанства, еще при жизни Апостола Іоанна, мы видимъ, что Церковь Коринеская, страдающая раздорами внутренними, обращается не въ Ефесъ къ Евангелисту Іоанну, но въ Римъ къ Епископу Клименту, который пишетъ ей два умирительныя посланія,—то причина тому весьма ясная. Климентъ былъ споспѣшникъ Павла, основавшаго Церковь въ Коринѣ, какъ самъ онъ называетъ его въ посланіяхъ, и сверхъ того тѣ, въ домѣ коихъ началась Церковь Коринеская, Аквила и Прискила, были выходцы Римскіе, изгнанные съ прочими Іудеями, указомъ Кесаря Клавдія.—Іоаннъ же не былъ въ Коринѣ и дѣйствовалъ болѣе въ Азіи, потому и Коринѣяне обратились къ знакомому имъ споспѣшнику Павла, и должно видѣть съ какимъ смиреніемъ онъ отвѣтствуетъ, даже не выставляя имени своего, а просто: »Церковь Божія въ Римѣ, Церкви Божіей въ Коринѣ,» какъ равная къ равной,

имѣющая единымъ ередоточиємъ и главою самаго Господа.

Не должно оставить безъ вниманія, какимъ образомъ историкъ-первыкъ трехъ вѣковъ Христіанства, ученый Евсевій Епископъ Кесарійскій, сохранившій въ своемъ твореніи отрывки прежде бывшихъ епископовъ, описываетъ сіе происшествіе и отзывается о мнимомъ преемничествѣ Климента:

«Блаженные Апостолы, основавъ и утвердивъ Церковь, Лину служеніе епископства вручили. Сего Лина Павелъ, въ посланіи къ Тимоѳею, воспоминаетъ; послѣ него воспріялъ Анаклитъ; но семь же, въ третьемъ мѣстѣ отъ Апостоловъ, епископство наследовалъ Климентъ, который и видѣлъ блаженныхъ Апостоловъ и жилъ съ ними. При семъ Климентъ, когда не малое произошло смятеніе между братією въ Коринѣ, Церковь суцая въ Римѣ, послала пространное писаніе къ Коринѣянамъ, призывая ихъ къ миру и возобновляя ихъ вѣру, которую пріяли преданіемъ Апостоловъ.» (книга III, гл. 6. церк. истор. Евсевія;—Ириней книг. III, гл. 3.)

И другой, знаменитый писатель IV вѣка, Св. Епифаній Епископъ Кипрскій, говоритъ: «въ Римѣ были первые Апостолы Петръ и Павелъ, они и Епископы, потомъ же Линъ, а потомъ Клитъ, также Климентъ, бывшій современникъ Петра и Павла, о которомъ воспоминаетъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. Никто да не удивляется, что другіе пріяли прежде него епископство отъ Апостоловъ, когда самъ онъ былъ современникъ Петру и Павлу; ибо еще при жизни оныхъ пріялъ отъ

Петра рукоположеніе епископства и отреченіе, остался празднымъ, какъ самъ о себѣ говоритъ въ одномъ изъ посланій. Но мы же совсѣмъ извѣстно знаемъ, по преемничеству ли Апостоловъ, былъ онъ поставленъ послѣ Климата Епископомъ» (1 книга противъ Карпократа.)

Изъ сихъ двухъ отрывковъ мы видимъ, что два Апостола созидаютъ Церковь Римскую и вручаютъ при жизни своей епископство оной тремъ Епископамъ, одному за другимъ, по свидѣтельству Ириней и Евсевія, и хотя Епифаній называетъ обоихъ Апостоловъ вмѣстѣ Епископами, но и онъ говоритъ, что Петръ самъ рукоположилъ трехъ Епископовъ Рима, одного по другомъ, подобно какъ и прочіе Апостолы рукополагали Епископовъ и Пресвитеровъ по всѣмъ Церквамъ, гдѣ проходили. Почему же Епископъ Римскій есть исключительный преемникъ Петра, а не Антиохійскій Еводій, или Александрійскій Маркъ, и столько другихъ?

Не иначе принимаетъ сіе Церковь Православная, въ своихъ пѣснопѣніяхъ, величая не одного Климента преемникомъ Петровымъ: ученикъ Петровъ бывъ, блаженные нравы того подражая, Клименте страдалче, тѣмъ же и престола преемникъ показался еси, просвѣщая всю тварь.» (Минея 25 Юня.) Мелетія Епископа Антиохійскаго она воспѣваетъ также: «явственно священнотайникъ преемствовавъ, Петра престоль еси наследовалъ верховнаго; уподобився добродѣтелями Христовымъ Апостоламъ, тѣхъ власть и престоль наследовалъ еси, яко православія столпъ и благочестія поборникъ.» (Минея 12 Февр.)

О преимуществах Римской Церкви объясняет Иринея, Епископъ Лионскій второго вѣка, ученикъ Поликарпа Смирискаго, ученика Евангелиста Иоанна, — въ книгѣ о ересяхъ для руководства вѣриваго (кн. III, гл. 3): «и такъ преданія Апостоловъ, известное во весь миръ, можно усмотрѣть въ каждой Церкви всякому, кто кочетъ искать истину: мы можемъ перечислить тѣхъ, которые были отъ Апостоловъ поставлены Епископами въ Церквахъ, и преемниковъ ихъ даже до нашего времени, которые ничему такому не учили и ничего такого не знали, о чемъ еретики пустословятъ. Но поелику перечислять въ семь краткомъ сочиненіи преемства Епископовъ всѣхъ Церквей было бы слишкомъ долго: то мы, указывая на Апостольское преданіе и на возвыщенную людямъ и чрезъ преемство Епископовъ дошедшую до насъ вѣру, которую хранить величайшая, и древнѣйшая и всѣмъ известная, двумя преславными Апостолами Петромъ и Павломъ въ Римѣ основанная и устроенная Церковь, посрамляемъ всѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ, изъ утѣжденія ли себѣ, или изъ тщеславія, или по сѣбѣ и неразумно, разсуждаютъ неправильно. Ибо всѣ Церкви, т. е. вѣрующіе повсюду необходимо должны согласоваться съ сею Церковію, потому что она есть болѣе могущественная изъ главныхъ Церквей, (*propter potentiores principalitatem*) въ которой всѣми вѣрующими повсюду сохранялось Апостольское преданіе. И такъ блаженные Апостолы, основавъ и устроивъ Церковь Римскую, служеніе епископства вручили Лину, о которомъ упоминаетъ

Павелъ въ посланіяхъ къ Тимофею. Лину преемствуетъ Анаклитъ; послѣ него, третій отъ Апостоловъ, епископство принимаетъ Климентъ, который видѣлъ блаженныхъ Апостоловъ и обращался съ ними, самъ слышалъ проповѣдь Апостоловъ и преданіе ихъ имѣлъ предъ глазами, и притомъ не одинъ; ибо еще оставались тогда многіе ученики Апостоловъ. Клименту преемствуетъ Еварестъ, Еваресту Александръ, и наконецъ шестой отъ Апостоловъ поставляется Сикстъ; послѣ него Телесфоръ, который принялъ славное мученичество; потомъ Гигиній, послѣ Пій, послѣ него Аникита. Послѣ Сотера, преемника Аникиты, пріемлетъ жребій епископства двѣнадцатый отъ Апостоловъ Елевѣрій. Такимъ порядкомъ и преемствомъ преданіе и проповѣдь истины въ Церкви отъ Апостоловъ дошли до насъ. И Поликарпъ, не только былъ ученикъ Апостоловъ и обращался со многими, видѣвшими Христа, но и отъ Апостоловъ поставленъ былъ Епископомъ въ Азіи въ Церкви Смирнской; его и мы видѣли въ дѣтствѣ нашемъ; ибо онъ жилъ долго и оставилъ жизнь въ глубокой старости, пріель славное мученичество. Равно и Церковь Ефесская, основанная Павломъ и бывшая подъ управленіемъ Іоанна, до временъ Траяна, есть вѣрный свидѣтель преданія Апостольскаго.»

Ясно, что Епископъ Ліонскій болѣе всѣхъ говоритъ о Церкви Римской, какъ величайшей на Западѣ, и къ ней обращаетъ желающихъ знать Апостольское преданіе, какъ къ ближайшей. Но что говорить о ней, то должно разумѣть и о другихъ главнѣйшихъ Апостольскихъ Церквахъ: напр. называетъ ее величай-

шею и древнѣйшею, хотя тѣ же названія приписываются Иерусалимской, Антиохійской, Александрійской, и тѣмъ больше, что онѣ древнѣе Римской; бывъ ранѣе основаны.

Современный Иринею Пресвитеръ Африканскій; знаменитый Тертуліянъ, учитъ также совѣтоваться въ дѣлахъ вѣры съ Церквами Апостольскими: «если желаешь, говоритъ онъ, лучше подвизаться въ дѣлѣ твоего спасенія, то обойди Апостольскія Церкви, въ которыхъ доселѣ стоятъ самыя ихъ кафедры, въ которыхъ читаются подлинныя ихъ посланія; звуча голосомъ ихъ и представляя ихъ лице. Если не далеко отъ тебя Ахаія, то имѣешь Коринтъ, если не далеко живешь отъ Македоніи, то имѣешь Филиппы, имѣешь Фессалонику; если можешь идти въ Азію, то тамъ есть Ефесъ; если живешь не подалеку отъ Италиі, имѣешь Римъ.» (36 cap. de praescriptionibus haereticorum.)

И такъ вотъ причина, по которой Церковь Римская важна для Христіанъ, особенно Западныхъ, куда не доходили далеко стопы Апостоловъ, ибо только о Павлѣ извѣстно, что былъ въ Испаніи, но далѣе Рима не видимъ Церкви, лично ими утвержденной. И конечно не Клименту и его преемникамъ, какъ бы главамъ видимой Церкви, послушествовалъ Евангелистъ Іоаннъ, жившій въ Ефесѣ до конца перваго столѣтія, но Тому, кто являлся ему въ Апокалипсисѣ, ходящимъ посреди златыхъ свѣтильниковъ, и, его устами, обличалъ различныя частныя Церкви.

Самъ Іоаннъ, заключившій собою вѣкъ Апостольскій и первое столѣтіе, раскрывалъ въ Апо-

каписись грядущую судьбу Церкви, не упоминает ни единого слова о средоточии церковнаго управленія въ Римѣ, хотя часто говорить о Иерусалимѣ, земномъ и небесномъ, и о Вавилонѣ; Римъ же, какъ древняя столица міра языческаго, если бы предназначался будущю столицею Христіанства, могъ бы однако обратить на себя вниманіе пророчествующаго Апостола.

Памятникомъ Апостольскаго вѣка сохранились намъ, кромѣ книгъ Новаго Завѣта, постановленія Апостольскія, писанныя, какъ предполагаютъ, Климентомъ Епископомъ Римскимъ, и правила Св. Апостоловъ, имъ же собранныя, изъ коихъ Западная Церковь пріемлетъ только 55. Но ни одно изъ сихъ правилъ не гласитъ въ пользу первенства и единоначалія Римскаго: напротивъ того правило 34 прямо говоритъ, что между Епископами всякаго народа есть первый Епископъ, не упоминая, что есть одинъ главный надъ всѣми. »Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу, и ничего превыщающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія; творити же каждому только, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый да ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, ибо тако будетъ единомыслие и прославится Богъ о Господѣ во Св. Духѣ, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ.» Правило 35 повелѣваетъ, чтобы ни одинъ Епископъ, внѣ предѣловъ своей Епархіи, не совершалъ рукоположенія въ томъ родахъ, ему не подчиненныхъ; а 37 правило повелѣваетъ, чтобы дважды въ годъ были соборы Епи-

сказовъ въ каждой епархіи, для разсужденія о догматахъ благочестія, и для разрѣшенія возникающихъ споровъ, и нигдѣ не упоминаетъ о верховной власти Римскаго престола, хотя Климентъ, какъ преемникъ сего престола и собиратель правды, мось бы лучше другихъ слышать о томъ отъ Апостоловъ, и не долженъ бы опускать столь важнаго правила, положеннаго на Западъ въ основаніе управленія церковнаго.

Въ VII книгѣ постановленій (гл. 46.) въ перечнѣ Епископовъ, рукоположенныхъ самими Апостолами, говоритъ онъ сперва о Иерусалимскихъ, потомъ о Антиохійскихъ и Александрійскихъ, и наконецъ о Римскихъ, какъ позднѣйшихъ, и даже такимъ образомъ: «первый Епископъ Римской Церкви рукоположенъ Лицъ, Павломъ, а второй, по смерти Лина, Климентъ—мною Петромъ.» И такъ Павелъ рукоположилъ перваго Епископа Церкви Римской, а не Петръ: (что вѣриде, ибо слѣдуетъ съ книгою дѣяній Апостольскихъ, упоминающихъ только о странствіи Павла въ Римъ.) А въ VIII книгѣ, (глав. 10.) тѣхъ же постановленій, при описаніи Божественнаго служенія сказано сперва: «о Епископѣ нащемъ Іаковѣ и епархіяхъ его помолимся,» а потомъ уже «о Епископѣ нащемъ Климентѣ и епархіяхъ его помолимся,» чѣмъ доказывается братское равенство между собою Епископовъ и глубокое уваженіе къ лицу Іакова брата Божія, и къ кафедрѣ Иерусалимской, какъ старѣйшей между всеми престолами, святительскими, въ послѣдствіи основанными Апостолами, потому что Іакова поставилъ, по древнимъ преданіямъ, самъ

Господь Иисусъ Христосъ. (Истор. Патр. Достоев., на Гречес. кн. I, гл. XI, пар. 6.)

Касательно важности сего престола вотъ что собралъ ученый писатель Бингамъ, изъ различныхъ древнихъ Отцевъ, говоря о Церквахъ, которыя приняли первыхъ Епископовъ прямо отъ Апостоловъ. (Кн. II, гл. 4.) »Иеронимъ пишетъ, что Апостолы рукоположили Иакова брата Божія на престолъ Иерусалимскій, вскорѣ послѣ страданія Господня (Hier. catal. scip. c. 3); Св. Епифаній называетъ его первымъ Епископомъ, первымъ, которому поручилъ Христосъ собственный престолъ свой на землѣ. (Epirh. her. 78 n. 7. her. 29 n. 3. her. 66 n. 49.)— Златоустъ свидѣтельствуеть, что онъ былъ рукоположенъ въ Епископы самимъ Христомъ (бесѣд. 38 на 1 Кор. гл. 15). Собиратель постановлений Апостольскихъ,—что Иакова рукоположили Христосъ и Апостолы (кн. 8, гл. 35). Климентъ Александрійскій, древнѣйшій изъ всѣхъ учителей, приводимыхъ Евсевіемъ, пишетъ о поставленіи Иакова на престолъ Иерусалимскій: »что хотя Спаситель обыкновенно предпочиталъ прочимъ Петра, Иоанна и Иакова, однако же, послѣ его вознесенія, никто изъ нихъ не спорилъ между собою о сей высшей почести, но избрали Иакова, называемаго праведнымъ, Епископомъ Иерусалимскимъ, и даде: Господь по воскресеніи своемъ сообщилъ даръ вѣдѣнія Иакову праведному, Петру и Иоанну.» И такъ вотъ Иаковъ стоитъ впереди всѣхъ и ему уступаютъ почесть самые Апостолы, что видно изъ дѣяній и на ихъ соборѣ (Eus. lib. 2, c. 4). А Евсевій въ исторіи своей пишетъ, »что послѣ его смерти, Апостолы и ученики Господни, сколь-

ко ихъ оставалось, сошлись изъ разныхъ мѣстъ съ родственниками Спасителя, чтобы избрать преемника Св. Иакову, и единодушно избрали Симеона сына Клеопова, двоюроднаго брата Господня по плоти, достойнымъ лицомъ для замѣщенія еей епископской кathedры» (Евг. Цѣ. III, с. 2.) Вотъ въ какомъ особенномъ уваженіи, была она у Апостоловъ, когда еще никто и не думалъ о важности Римской.

II.

Во второмъ вѣкѣ.

Послѣ перваго вѣка Апостольскаго слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе Епископовъ Римскихъ къ Церкви, до вселенскихъ Соборовъ, установившихъ твердыми канонами ея управленіе по всей землѣ,—и мы можемъ почерпнуть сія свѣдѣнія изъ исторіи Евсеія Кесарійскаго, намъ сохранившейся отъ того времени. Достойно замѣчанія, что сей ученый Епископъ и летописецъ, подробно описывая не только событія, но и рядъ Святителей первенствующихъ кathedръ, однаково именуешь Римскихъ вмѣстѣ съ прочими преемниками Апостоловъ, не означая нигдѣ ихъ преимущества, или какого либо особеннаго права надъ другими. Онъ описалъ и всѣ соборы, бывшіе до него и при немъ, и первый

Вселенской, на которыхъ однако же нигдѣ не обнаруживалось единовластіе Римскаго Епископа, а напротивъ только власть общая соборная; до такой степени мысль о верховной власти Папы была чужда его вкусу.

Евсевій привелъ однако свидѣтельство Иринея Лионскаго, о томъ, какими образомъ въ молодости втораго въва съ Поликарпъ, Епископъ Смирнскій, ученикъ Евангелиста Иоанна, посѣтилъ Римъ, гдѣ прежде съ Епископомъ Римскимъ Аникитою о времени празднованія Пасхи; ибо Церкви Азійскія, держась преданія Апостоловъ Иоанна и Филиппа, праздновали оную 14 Марта, Церковь же Римская и прочія Западныя, въ первое воскресенье послѣ весенняго полнолунія, основываясь на преданіи Апостоловъ Петра и Павла; но сіе разногласіе не нарушило между обоими Епископами общенія любви, и частное преданіе Петрово не превозмогло надъ частнымъ преданіемъ Иоанна, доколѣ не было утверждено властію всей Церкви на первомъ вселенскомъ соборѣ. Епископъ Аникита, какъ одиннадцатый отъ Апостоловъ, уступилъ даже въ своей Церкви при совершеніи литургіи освященіе даровъ Поликарпу, какъ мужу Апостольскому: т. е. ближайшему ученику самаго Евангелиста. Здѣсь не видно ни первенства Петрова, ни преобладанія его преемниковъ; послѣ сего трудно предполагать, чтобы самъ Иоаннъ Богословъ признавалъ надъ собою первенство Климента Римскаго, третьяго отъ Апостоловъ. (Евс. кн. V, гл. 24.)

Далѣе, у того же Евсевія видимъ, что когда, въ исходѣ втораго въва, вопросъ о празднованіи

Пасхи занимать всю Церковь, и соединялись по сему предмету многие частные областные соборы въ Римѣ, Галліи, Сиріи, Малой Азіи, Бериціи, то ессемасіе Епископа Поликрата Ефессаго и бывшии съ нимъ опять не нарушило единства, не смотря на превозношеніе Папы Викторъ, который писалъ къ Восточнымъ Епископамъ, чтобы прервали съ нимъ общеніе. Многие Епископы не одобрили его произвольнаго дѣйствія убѣждая хранить миръ и единство любви, а Иринеи Лионскій, суроваго отличія его своимъ посланіемъ, писаннымъ отъ лица всего собора Галліи, наименовая ему притворъ Пелликарна и Анкииты, съ дѣломъ пасажономъ не догмата, а только обычая. (Евс. кн. V, 24.)

Самъ Поликрать, въ соборномъ посланіи своемъ, не обнаруживалъ также покорности Римской кассдрѣ и исключительному преданію Петрову, на которое ссылался Викторъ. »Мы не безразсудно соблюдаемъ день сей, отвѣчалъ онъ, ничего не прибавляя къ преданію Апостольскому и не отнимая отъ него, потому что и въ Азіи почилъ великія свѣтила: Филиппъ изъ числа дванадцати, и возлежащій на персяхъ Господа Іоаннъ, который былъ Іереемъ, носилъ на главѣ повязку Первосвященниковъ и почилъ учителемъ и мученикомъ въ Ефесѣ. И такъ братіе (т. е. Викторъ и суціе съ нимъ въ Римѣ) я, уже имѣющій о Господѣ 65 лѣтъ, бѣсѣдовавшій съ братіями, обитающими по всей вселенной, прочитавшій все Св. Писаніе, не страшусь того чѣмъ угрожаютъ мнѣ; ибо люди, которые были выше меня, говорили: повиноваться должно Богу, паче нежели людямъ.» (кн. V, 24.)

Изъ сего посланія, какъ и изъ Присеви, не видно, чтобы во второмъ вѣкѣ признавалась какая либо преимущественная власть Римскаго Епископа надъ прочими: ибо сопротивление Поликрата, не подвергло его никакой ответственности, а Викторъ принужденъ былъ оставить свое отлученіе, всми признанное тщетнымъ; вопросъ же о Пасхѣ, до времени, рѣшилъ частный соборъ въ Кесаріи Палестинской для Церквей Восточныхъ, кромѣ малой Азіи, окруженнымъ посланіемъ Наркисса Епископа Герусалимскаго и бывшихъ съ нимъ, въ коемъ ни слова не упоминалось о мнѣніи Виктора, а только указывалась въ примѣръ Церковь Александрійская.

III.

ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ВѢКѢ.

Подобное сему повторилось и въ третьемъ вѣкѣ, по случаю вопроса о правильности крещенія еретиковъ, между Папою Стефаномъ и двумя именитыми Епископами Азіи и Африки, Фирмилианомъ Кесаріи Каппадокійской, и Св. Кипріаномъ Картагенскимъ. Стефанъ отвергъ рѣшеніе двухъ помѣст-

ныхъ соборовъ Африканскихъ, на которыхъ Кипріянь, со многими Епископами, постановилъ правиломъ перекрепцывать всѣхъ приходящихъ отъ ереси въ лоно Церкви, и когда Кипріянь, на третьемъ соборѣ, не принявъ рѣшенія Стефанова, послалъ къ нему братолюбивое посланіе, Папа не допустилъ къ себѣ даже посланныхъ отъ него. Умывъ же, что и на Востокъ соборъ Иконійскій, созванный Фирмилианомъ, утвердилъ рѣшеніе Кипріяново, онъ объявилъ отлученными отъ общенія церковнаго Епископовъ Восточныхъ и Африканскихъ, что подало поводъ ко взаимнымъ между ними посланіямъ.—Письмо Фирмилиана къ Кипріянку исполнено сильныхъ обличеній, противъ неумѣстной гордости Стефана, и показываетъ, что произнесенное имъ отлученіе принимаемо было отнюдь не въ дѣйствіе признанной власти, а только за дѣйствіе равнаго противъ равныхъ, которые въ правѣ были опровергать оное предъ общимъ для обоихъ сторонъ судомъ Церкви.

»Умолчимъ теперь о дѣлахъ Стефана, чтобы вспоминая о его гордости, намъ не опечалить себя еще болѣе; узнавши, что вы судите о поступкахъ Стефана, по правилу истинной вѣры и Христіанской мудрости, мы исполнились неизъяснимаго радостію и премного благодаримъ Господа, что вы, братья, находящиеся столь далеко, обрѣли единомысліе съ нами и единеніе въ вѣрѣ и истинѣ; ибо одинъ и тотъ же Господь, обитающій въ насъ, своихъ преемниковъ повсюду связываетъ союзомъ единенія, поелику во всю землю изыде вѣщаніе ихъ.» (И такъ вотъ истинный союзъ единства, а не

одна мисля Петра). Далѣе говорить оны: «Римскіе Епископы не сохраняють многи преданіе изначаша; это видно изъ того, что у нихъ есть нѣкоторыя особенності въ разсужденіи двѣхъ празднованіи Пасхи и въ разсужденіи многихъ другихъ Божественныхъ таинствъ, и что оны не все то соблюдаютъ, что соблюдается въ Церкви Иерусалимской. Разно и въ другихъ областяхъ, смотря по различію мѣстъ и названій, есть также много особенностей, но оны не нарушили мира и единства Католической Церкви; одинъ Стефанъ дерзнулъ нынѣ разрывать миръ, который соблюдали предшественники его, вславному честию и любовію».

«Единому Петру сказалъ Господь: елика аще связеши на земли, свяzano будетъ на небесахъ,» (Матт. XVI, 19.) и на однихъ Апостоловъ дунуль, говоря: «примите Духъ Святъ, нѣмъ же отпустите грѣхи, отпустятся иже, и нѣмъ же держите, держатся» (Иоан. XX, 20 23.) следовательно власть отпустить грѣхи дана Апостоламъ и Церквамъ, которыя оны основали, бывъ посланы Христомъ, и Епископамъ, заступившимъ ихъ мѣсто. Но я не могу не доосудить ихъ этого явное неразуміе Стефана, который такъ много надмивался мѣстою своего Епископства, и называлъ себя преемникомъ Петра, на которомъ утверждена Церковь, вносить многіе другіе замки и устанавливать новыя зданія многихъ Церквей, доказывая, своею властію, что у еретиковъ есть ересь. Защищающій оное не разсуждаетъ, что такъ нѣмъ предательствомъ и пренебреженіемъ единства, помирается и некоторымъ образомъ уничтожается истина Христіанскаго каменя. Стефанъ, кляпящійся

тѣмъ, что онъ преемникъ кафедры Петровой, не возбуждается никакою ревностію противъ еретиковъ, уступая имъ силу благодати, не въ малой, но въ величайшей мѣрѣ.»

На концѣ письма Фирмилианъ обращается къ лицу самаго Стефана: «сколько несогласій и раздоровъ посѣялъ ты между Церквами? какой грѣхъ на себя навлекъ, отлучивъ себя отъ толикаго числа людей? Не обманывайся, ты себя отлучилъ, а не другихъ: ибо тотъ дѣйствительно раскольникъ, кто сдѣлалъ себя отступникомъ отъ общенія единой Церкви; когда ты хочешь всѣхъ удалить отъ себя, то одинъ себя удаляешь отъ всѣхъ. Правилу истины и мира не могли тебя научить наставленія Апостола, который такъ увѣщаетъ: «молю убо васъ, азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званію, въ неже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ терпяще другъ другу любовію, тщащеся бжюсти единеніе духа въ союзъ мира. Едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте въ единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе; единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ.» (Еф. IV, 1—6.) Съ какимъ стараніемъ соблюлъ Стефанъ сіи спасительныя наставленія и увѣщанія Апостола, поставляющаго выше всего смиреніе и кротость! Ибо что можетъ быть менѣе уничиженно и смиренно, какъ быть въ несогласіи съ толикими Епископами, во всемъ мірѣ, и разрывая миръ съ каждымъ, имѣть раздоры разнаго рода со всѣми, то съ нами Восточными, о чемъ, вѣроятно, и вы слышали, то съ вами Южными?—посланныхъ

вами Епископовъ онъ принялъ, съ такимъ смиреніемъ и кротостію, что даже не удостоилъ ихъ разговора съ собою, и сверхъ того, помня правила любви, запретилъ всей братіи принимать ихъ въ дома, такъ что когда они пришли, имъ отказано было не только въ мирѣ и общеніи, но и въ гостепримствѣ и въ самомъ кровѣ! Это ли значить соблюсти единеніе мира въ союзѣ духа?—отторгнуть себя отъ единенія любви, отчуждать себя во всемъ отъ братіи и дѣйствовать противъ тайнства и вѣры, съ неистовствомъ упорнаго раздора! Возможно ли, чтобы для такого чловѣка были едино тѣло и единъ духъ, когда у него, можетъ быть, и душа не едина, столь нетвердая, переменчивая и неопредѣленная! но оставимъ говорить объ немъ.» (Ист. Патр. Доснѣ. кн. I, гл. 17 на Греческ.)

Не смотря на столь явное сопротивленіе власти папской, Церковь вселенская Каѳолическая не признавала Фирмилиана отступникомъ и рѣшила вопросъ о крещеніи еретиковъ только на вселенскомъ соборѣ. Признавая, какъ всегда, едино крещеніе, она опредѣлила нѣкоторыхъ еретиковъ принимать посредствомъ крещенія, потому что ихъ мнимое ничтожно, не бывъ соединено съ исповѣданіемъ Пресвятыя Троицы, а нѣкоторыхъ безъ крещенія, потому что совершившееся надъ ними не было повреждено еретическими мнѣніями, какъ относившимися до другихъ предметовъ. Фирмилианъ продолжаетъ быть въ общеніи со всеми святыми Епископами своего времени: Григоріемъ чудотворцемъ Неокесарійскимъ и Діонисіемъ Александрійскимъ, писавшемъ также увѣщательное посланіе къ Стефану, о мирѣ; пре-

должалъ предѣлательствовать на соборахъ Малой Азии, и судилъ за ересь Павла Епископа Антиохійскаго, безъ всякаго полномочія и даже участія Римской Церкви.

Равномѣрно и Священномученикъ Кипріянь, огорченный дѣйствіями Стефана, писалъ къ нему отъ лица Африканскихъ Епископовъ: «ради самаго достоинства (епископскаго) и ради искренней любви, мы довели тебѣ до свѣдѣнія твоего, любезнѣйшій братъ, зная, что согласно съ истиннымъ благочестіемъ твоимъ и вѣрою, все то, что благочестиво и истинно. Впрочемъ мы знаемъ нѣкоторыхъ, которые, однажды принявши что нибудь, не хотятъ отложить того и не легко перемѣняютъ свое расположеніе; но собственныя мнѣнія, обратившіяся у нихъ въ обыкновеніе, удерживаютъ, не нарушая союза мира и согласія между товарищами. Въ такомъ случаѣ, мы не принуждаемъ совѣсти и никому не даемъ закона, такъ какъ всякой предстоитель Церкви имѣеть свободное произволеніе въ управленіи оной, и отдастъ отчетъ въ своемъ поведеніи Господу.» (посл. 72.)

Послѣ же строгихъ изреченій Стефана, Кипріянь говорилъ предъ соборомъ 80 Епископовъ въ Африкѣ, отъ коихъ требовалъ свободнаго голоса: «остається намъ сказать, что каждый изъ насъ думаетъ о семъ предметѣ. Мы не принуждаемъ никого и никого не лишаемъ права общенія, хотя бы кто мыслилъ и не одинаково съ нами; ибо никто изъ насъ не ставитъ себя Епископомъ Епископовъ, никто, страхомъ насильственной власти, не принуждаетъ братій къ повиновенію себѣ. Каждый Епископъ, съ полною свободою и властію, можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и ни самъ

быть судимъ отъ другаго, ни судить другаго не можетъ. Но всѣ мы ждемъ суда Господа нашего Иисуса Христа, который одинъ только имѣетъ власть избирать насъ для управленія своею Церковію и судить наше дѣйствованіе.» (Ист. Патр. Досиѣ. на Греческ. кн. I. гл. 16. Соп. Carth. Сургіан.)

Должно замѣтить, что это говорилъ Кипріанъ, написавшій о единствѣ Церкви, которое разумѣлъ иначе, нежели толкуютъ Римляне; вотъ слова его: »Господь основываетъ Церковь свою на одномъ, хотя усвоетъ всѣмъ Апостоламъ равную власть; однако, для показанія единства, онъ своею властію устроилъ такъ, чтобы единство еіе начиналось отъ одного. Конечно то же самое были и всѣ Апостолы, что и Апостоль Петръ, т. е. имѣли равную честь и достоинство, но сперва поставляется одинъ, дабы Церковь являлась единою. Не признающій сего единства можетъ ли думать, что онъ имѣетъ вѣру? — Противящійся Церкви и отдѣляющійся отъ нее можетъ ли надѣяться быть членомъ Церкви, когда Св. Павелъ разсуждаетъ о семъ предметѣ и, показывая таинство единства, говоритъ: »едино тѣло, одинъ духъ, якоже и званіи бысте во единомъ упованіи званія вашего.» (Ефес. IV, 4.) Мы должны крѣпко держать и защищать единство Церкви, наипаче Епископы, имѣющіе первенство въ ней, дабы показать, что и самое Епископство одно и нераздѣльно. Никто да не обольщаетъ братства ложью, никто вѣроломною измѣною да не растлѣваетъ истинной вѣры; Епископство едино есть, въ коемъ каждый имѣетъ постоянную часть; Церковь также одна, хотя

члены ея, съ распространеніемъ Церкви, сдѣлались весьма многочисленны.» (кн. о единствѣ Церкви.)

Не только Стефану, но и предмѣстнику его Св. Корнилию, сказалъ онъ ту же истину, въ столь же сильныхъ выраженіяхъ, когда сей вздумалъ потребовать отъ него отвѣта: почему не извѣстилъ его грамотою, о неправильномъ поставленіи Фортуната на кафедру Карфагенскую? »Между всеми нами опредѣлено и весьма справедливо, чтобы каждый виновный судимъ былъ на мѣстѣ своего преступленія; ибо часть стада ввѣрена каждому пастырю, чтобы управлять ею и давать за нее отчетъ Господу. И такъ не должно позволять, чтобы подчиненные намъ скитались тамъ и здѣсь и возбуждали несогласіе между Епископами.» (послан. 59.) Въ посланіяхъ же ихъ соблюдалось взаимно выраженіе совершеннаго равенства: »Кипріянь, Корнилию брату—спасеніе, и Корнилій Кипріяну брату, или Папѣ Кипріяну—спасеніе.»

Столь же сильно воспротивился онъ опять Стефану, когда Папа хотѣлъ возстановить на кафедрахъ двухъ Епископовъ Испанскихъ, Марціана и Васида, осужденныхъ областнымъ соборомъ за то, что во время гоненій, идоложертвовали, хотя и принесли покаяніе, и принудилъ его отказаться отъ своего рѣшенія, мнѣніемъ всей Западной Церкви.—Если же языческій Императоръ Аврелианъ, чтобы окончить дѣло Павла Самосатскаго, низложеннаго на соборѣ Антіохійскомъ и не хотѣвшаго оставить домъ епископскій, повелѣлъ впредь признавать законнымъ Епископомъ Антіохіи того только, кто будетъ признанъ Римскимъ и Италійскими

Епископами, то и сіе языческое опредѣленіе гласитъ болѣе въ пользу общенія Церкви Восточной со всеми Западными, а не въ пользу единовластія Папы. Доказательствомъ служить можетъ то, что Павелъ, хотя Епископъ первостепенной кафедры Востока, судимъ былъ однако безъ пригласенія и соучастія Римскаго Епископа, и только поодль совершеннаго изложенія, собравшіеся въ Антиохіи Епископы, поставляя на его мѣсто другаго, извѣстили о томъ, въ видѣ общенія, Епископовъ Римскаго и Александрійскаго. Въ такомъ положеніи находились управленіе Церкви и отношенія между собою ея старѣйшихъ Епископовъ, до Вселенскаго собора, бывшаго въ Никей, въ 325 году.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВѢКЪ.

Первый Вселенскій Соборъ въ Никей.

Прежде, нежели будемъ говорить о первомъ Вселенскомъ соборѣ, отъ коего сохранились намъ правила но безъ дѣяній, и который описанъ присутствовавшимъ на ономъ Евсеіемъ Кесарійскимъ, и другими лѣтописцами вкратцѣ, должно замѣтить, что Епископъ Римскій не имѣлъ участія и даже средствъ къ его созванію. Когда ересь Арія уже возмutilа Востокъ и окруж-

ныя посланія Александра, Епископа Александрійскаго, къ первостепеннымъ каеэдрамъ, возвестили осужденіе ересіарха на частномъ соборѣ Египетскомъ, — Императоръ, по совѣту ближайшихъ къ нему Епископовъ Восточныхъ, а не Папы Сильвестра, ибо ересь сія была еще чужда Западу, послалъ великаго Осія Кордубскаго примирить Александра съ Аріемъ, на другомъ частномъ соборѣ въ столицѣ Египта, и потомъ, видя неуспѣшность сего, созвалъ Епископовъ всей имперіи въ Никеи.

Святители старшихъ престоловъ Восточныхъ Александріи, Антиохіи, Иерусалима и двухъ Кесарій, присутствовали на ономъ, но въ число 318. отцевъ соборныхъ, не болѣе пяти явилось съ Запада, ибо пренія происходили въ Церквахъ Восточныхъ; не было и Сильвестра Римскаго, за старостію лѣтъ. Римляне домогаются доказать, что онъ предсѣдательствовалъ на соборѣ, въ лицѣ Осія Кордубскаго и двухъ своихъ Пресвитеровъ, Викентія и Витона (потому будто бы, что Осій былъ самъ западный Епископъ, слѣдственно изъ области папской, и имя его стояло во главѣ всѣхъ актовъ собора); но предположеніе ихъ укрѣпляется только свидѣтельствомъ Геласія Кизическаго, позднѣйшаго писателя, весьма сомнительнаго, потому что онъ, очевидно по своимъ понятіямъ и догадкамъ, писалъ многое, чего не могъ достоверно знать, какъ на примѣръ, подробности состязаній съ языческими философами.

Геласій, ссылаясь на историка Евсевія, приводитъ слова его съ произвольнымъ прибавленіемъ: «когда видѣлъ Императоръ Церковь смятенную, онъ созвалъ Вселенскій соборъ, грамотами возбуждая

Епископовъ, отвсюду собраться въ Никею. (Здѣсь не видно участія папскаго или дозволенія созывать соборъ.) И такъ пришли изъ многихъ областей и городовъ Епископы, о которыхъ Евсевій Памфилъ въ 3-й книгѣ житія Константинова говорилъ слѣдующее: «отъ всѣхъ Церквей, какія находятся въ Европѣ, Азій и Африкѣ, Божіи святители, почитающіеся первыми, сошлись воедино. Единый храмъ, какъ будто расширенный мановеніемъ Божиимъ, заключилъ въ стѣнахъ своихъ Сиріянъ и Киликійцевъ, и проч. И самъ Осій изъ предѣловъ Испанскихъ, знаменитый славою своего имени, который заступалъ мѣсто Сильвестра Епископа великаго Рима, вмѣстѣ съ Римскими Пресвитерами Витоніемъ и Викентіемъ, и съ многими другими, присутствовалъ въ томъ собраніи. Епископъ же города, имѣющаго державу, именемъ Митрофанъ, воспрепятствованъ былъ старческимъ возрастомъ; но Пресвитеры его заступали его мѣсто, изъ коихъ одинъ Александръ былъ впоследствии его преемникомъ.» (Геласія о Никейскомъ соборѣ кн. II, гл. 5.)

Теперь раскроемъ самаго Евсевія и повѣримъ Геласія; онъ начинаетъ тѣми же словами; когда же доходитъ до Осія, изобличается подлогъ, ибо Евсевій говоритъ только: «даже изъ Испаніи мужъ оный многоименитый съ прочими возсѣлъ: царскаго же града Епископъ по старческому возрасту отсутствовалъ, но Пресвитеръ заступалъ его мѣсто.» (Истор. жиз. Констант. кн. III, гл. 7.)

И такъ здѣсь не упомянуто даже о Пресвитерахъ Сильвестра Римскаго, не только о томъ, что его мѣсто заступалъ Осій; откуда же почерпнулъ

это Геласій, и отважился вставить въ текстъ Евсевія, который, какъ современникъ и участникъ собора, конечно могъ о томъ лучше знать? Геласій прибавилъ отъ себя, въ составленныхъ имъ актахъ Никейскихъ, и подписи Епископовъ, поставивъ вначалѣ такъ:

Глава XXVIII. Подписи Епископовъ, утвердившихъ вѣру.

»Осій, Кордубскій Епископъ, святымъ Божиимъ Церквамъ, которыя суть въ Римѣ, Итали и всей Испани, и отдаленнѣйшимъ народамъ, обитающимъ даже до океана, чрезъ бывшихъ съ нимъ Пресвитеровъ Римскихъ, Витона и Викентія.»

Слишкомъ замѣчательна неумѣлость такой подписи, и она показываетъ, какъ трудно принимать вещи съ довѣренностию изъ чужихъ рукъ. Гдѣ слыхано, чтобы подписи подѣ какимъ нибудь актомъ составляли особую главу?—это выдумалъ Латинскій переводчикъ. »Осій—Церквамъ:» это не подпись и здѣсь нѣтъ смысла.

Въ Греческомъ напечатано: *τῆς ἐκκλησίας*.— Въ членѣ ошибка, родительный единственнаго числа вмѣсто дательнаго во множественномъ; въ переводѣ Латинскомъ она поправлена; но текстъ Греческій дважды напечатанъ съ ошибкою, для того, чтобы, если можно, сбить читателя, и не допустить догадаться, что это не подписи. (pag. 41, 54.) Per eos, qui cum ipso egant. Когда же въ подписяхъ говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ? что значить: »чрезъ бывшихъ съ нимъ?»—развѣ Осій не умѣлъ самъ подписаться?

Далѣе подпись Александрійскаго Епископа—»съ

Аванасіемъ , который тогда былъ Архидіакономъ.» Слѣдственно мнимая подпись составлена не тогда, а въ послѣдующее время.

Leontius Ecclesii Domini ornamentum.—Кто когда доходилъ до такого безумія, чтобы подписываясь къ символу вѣры, называлъ себя: «Леонтій украшеніе Церкви Господнихъ?»

Protogenes ille admirabilis. «Протогенъ оный удивительный»; сія мнимая подпись того же рода.

«Александръ тогда только Пресвитеръ Константинополя, послѣ же избранный въ Епископы оного города.» Слѣдственно это писано послѣ, а не въ свое время, и также не подпись; и что значить 13 подписей, когда Отцевъ на соборъ было 318? Кажется ясно, что мнимыя подписи не могли существовать, откуда же онѣ взялись? Читайте далѣе: *συνταγμα πραϋθεντων* т. е. не дѣянія перваго Вселенскаго собора, а сочиненіе дѣяній.— Не суть ли это доброе признаніе?—вы найдете:

Глава XXXVII. Списокъ Св. Епископовъ, чрезъ которыхъ Св. великій и Вселенскій соборъ, въ Никее собранный, послалъ всѣмъ во всемъ мірѣ Церквямъ, то, что они, Духомъ Святымъ, на соборѣ опредѣлили.

За симъ слѣдуетъ, отъ слова до слова, тотъ самый реестръ именъ съ прибавленіями, который мы разсматривали выше. Теперь и казавшаяся бессмысленною подпись Осія, оказывается имѣющею правильный и ясный смыслъ, ибо это описаніе взято изъ Евсевія, а не Епископы сами о себѣ говорятъ.— «Осій — Церквямъ, которыя въ Италіи,» и пр. то есть, послалъ опредѣленія собора. Не ясно ли

теперь, что, подъ названіемъ подписей, переписана статья послѣдовавшаго времени, о лицахъ, имѣвшихъ исполнительное порученіе отъ собора² и это сдѣлано для того, что латинствующему нужно было, чтобы Осій и Пресвитеры Римскіе, въ знакъ предсѣдательства подписались выше всѣхъ. Такимъ образомъ статья справедливая превратилась въ нелѣпую, подъ ложнымъ заглавіемъ.

Сей разборъ не излишнимъ казался между прочимъ для того, чтобы за доказательство важности книги, не принята была древность изданія, которое сдѣлано въ Германіи въ первый разъ въ 1604 году, послѣ предшествовавшаго въ Галліи (*purget in Gallia primum.*)

Въроятно основавшись на этомъ, авторъ книги *l'Eglise catholique justifiée* пишетъ, (стр. 203.) съ такою же впрочемъ вѣрностію, какъ и Геласій, что Пресвитеры Римскіе подписались на соборъ выше всѣхъ Епископовъ, и ссылается въ томъ на историка Сократа (кн. I, гл. 9) но во всей этой главѣ и вообще въ исторіи Сократа нѣтъ ничего подобнаго; ибо онъ только повторяетъ о Никейскомъ соборѣ, слово въ слово, сказанное Евсевіемъ и обличаетъ тѣмъ еще болѣе ложь Геласіеву; (Сокр. кн. I, гл. 8.) да и не откуда было почерпать вѣрнѣйшихъ свѣдѣній. А въ главѣ 13, той же книги, онъ говоритъ: «можетъ быть читателямъ пріятно будетъ знать имена Епископовъ, бывшихъ на соборѣ; вотъ они: Осій былъ Епископомъ Кордубы въ Испаніи; какъ я полагаю и какъ я сказалъ прежде, Витонъ и Викентій Пресвитеры города Рима, Александръ Епископъ Египта, Евстацій великой Антіо-

хи, Макарій Іерусалима, Гарпократіонъ Кинополя; имена прочихъ находятъся въ книгѣ Аѳанасія о соборахъ.» Аѳанасій же бывшій лично на Никейскомъ соборѣ, ни слова не упоминаетъ о предсѣдательствѣ папскомъ, а только называетъ повсюду Осія предсѣдателемъ и отцемъ всѣхъ соборовъ его вѣка, и то не въ качествѣ мѣстоблюстителя: «не безызвѣстный, но славнѣйшій старецъ, говоритъ онъ въ апологій своей, былъ великій и святой исповѣдникъ Осій; какому собору не предсѣдательствовалъ онъ? кого не убѣдилъ правыми рѣчами? какая Церковь не украшена памятью его предсѣдательства?»

Посмотримъ, что говоритъ другой историкъ Созоменъ: «Императоръ собралъ въ Никею Епископовъ всѣхъ Церквей: пастыри трехъ Церквей, основанныхъ Апостолами, тамъ находились: Макарій Епископъ Іерусалима, Евстаѳій Епископъ Антиохіи и Александръ Епископъ Александріи.» (Соз. кн. I, гл. 17.) (Здѣсь Созоменъ соблюдаетъ постепенность основанія сихъ Церквей; но вотъ какую ошибку дѣлаетъ онъ далѣе, которая можетъ служить мѣрою довѣренности, имъ заслуживаемой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ, что Епископу Римскому, по достоинству его каедръ, ввѣрена забота о всѣхъ вѣрныхъ.) «Іулій, Епископъ Рима, не могъ тамъ находиться по преклонности лѣтъ, но Витонъ и Викентій, Пресвитеры его Церкви, заступали его мѣсто.» Такимъ образомъ Созоменъ вмѣсто Папы Сильвестра поставляетъ Іулія, но и онъ не говоритъ однако о предсѣдательствѣ его или Пресвитеровъ Римскихъ на соборѣ.—Молчитъ о томъ

и Теодоритъ, который пишетъ только, «что Римскій Епископъ не пришелъ на соборъ по преклонности лѣтъ, а послалъ двухъ Пресвитеровъ, чтобы принять въ извѣстіе все, о чемъ будутъ разсуждать, и изъявить свое согласіе на рѣшенія, какія на ономъ послѣдуютъ;» (кн. I, гл. 7.) и такъ не для председательства или утверженія, но съ предварительнымъ согласіемъ.

Если же всѣ три историка говорятъ, что Епископъ Іулій потребовалъ къ себѣ на судъ Аванасія съ его обвинителями, и первые два прибавляютъ, что есть канонъ, объявляющій ничтожнымъ все, что сдѣлано безъ соучастія Епископа Римскаго (Созомен. кн. III, гл. 10. Сокр. кн. II, гл. 8.), то весьма бы желательно было, чтобы они указали на сей канонъ. Папа Іулій пишетъ, въ посланіи своемъ къ Восточнымъ, которое сейчасъ увидимъ, только объ обычаяхъ во всемъ совѣщаться съ Римскою Церковію и объясняетъ причину онаго весьма удовлетворительно.—Канонъ же, объ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ, Епископомъ Римскимъ, предложенъ былъ позже сего, изъ уваженія личнаго къ Іулію, и къ его кафедрѣ, основанной Апостоломъ, только на помѣстномъ соборѣ Сардикійскомъ, состоявшемъ изъ Западныхъ, и для нихъ только имѣвшемъ силу, поелику не есть Вселенскій, хотя они не неоднократно покушались выдавать его акты за продолженіе Никейскихъ. Историки сіи, жившіе въ V вѣкѣ, когда твердость Папы Св. Льва, въ смутныхъ обстоятельствахъ Востока, потрясеннаго ересями Несторія и Евтихія, давала, какъ мы увидимъ, особенную важность кафедрѣ Римской, примѣняли об-

стоятельства своего времени къ прошедшему, и не чудды погрѣшностей историческихъ, весьма значительныхъ, какъ мы уже видѣли въ Созоменѣ; а Сократъ самъ сознается, въ 4 главѣ второй книги своей, что онъ долженъ былъ ее передѣлывать, потому что основался на твореніи Руфина (Западнаго историка); но совсѣмъ тѣмъ у него остались еще многія ошибки, какъ и у Созомена.

Осій, прозванный великимъ, по глубокому уваженію, какое къ нему питали все Епископы, и какъ довѣренное лице Константина, разбиравшій дѣло Арія на мѣстѣ, при самомъ началѣ, председательствовалъ не на одномъ Никейскомъ, но и на всѣхъ помѣстныхъ соборахъ его времени, бывшихъ противъ Арія; но Испанія, его отечество, и Галлія и самая Италия, еще не находились тогда въ полной, непосредственной зависимости отъ престола Римскаго, какъ мы видимъ сіе изъ примѣровъ Африканской Церкви и изъ нѣкоторыхъ каноновъ соборныхъ, хотя и первенствовала на Западѣ Церковь Римская; узы же совершенной подчиненности скрѣпились гораздо позже, въ среднихъ вѣкахъ. Если бы Осій дѣйствовалъ какъ мѣстоблюститель, то носилъ бы титулъ сей, какъ на другихъ соборахъ носилъ его нѣкоторые Епископы, легаты Папскіе.

По окончаніи собора, каждому изъ первостепенныхъ Епископовъ, поручено было обнародовать опредѣленія оваго въ своихъ предѣлахъ, и между прочими Цециліану въ Африкѣ, Осію во всемъ Западѣ; о Римскомъ же Епископѣ не упомянуто, и самые каноны Никейскіе совершенно противны всякому единоначію въ Церкви.

Правило 6. Да хранятся древніе обычаи, принятыя въ Египтѣ, Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій Епископъ имѣлъ власть надъ всеми ними, понеже и Римскому Епископу сіе обычно; (т. е. имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ ближайшія Западные Церкви). Подобно въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества Церквей. Вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто, безъ дозволенія Митрополита, поставленъ будетъ Епископомъ, о такомъ великій Соборъ опредѣляетъ, что онъ не долженъ быть Епископомъ.

Правило 7. Понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтить Епископа, пребывающаго въ Элѣ (Иерусалимѣ); то да имѣетъ онъ преслѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства присвоеннаго Митрополіа.

И такъ вотъ исключительно опредѣлены преимущества четырехъ вселенскихъ престоловъ; но притомъ Римскому не дано никакого преимущества, и правиломъ 5, за благо признано, чтобы въ каждой области дважды въ годъ были соборы, для разсужденія дѣлъ церковныхъ; а правиломъ 4 поставленіе Епископа предоставлено тремъ святителямъ единой области, если всемъ нельзя собраться, однако же съ общаго ихъ согласія; утверждать же поставленнаго подобаетъ въ каждой области ея Митрополиту, и ни слова не сказано о томъ, чтобы Римскій Епископъ давалъ утвердительныя грамоты каждому Епископу во вселенной, какъ сіе было принято закономъ на Западѣ.

Послѣ перваго Вселенскаго собора и до втораго, непрерывный рядъ помѣстныхъ соборовъ на За-

надъ и на Востокъ, противъ и за великаго Аѳанасія, гонимаго Аріянами, исполнилъ все четвертое столѣтіе, и ясно обозначилось на оныхъ управленіе церковное, какъ мы увидимъ сіе изъ каноновъ. Но великодушное покровительство Папы Іулія святому изгнаннику Аѳанасію, и особенно посланіе его къ Восточнымъ Епископамъ, по сему случаю, подали поводъ Римлянамъ доказывать, что верховный судъ принадлежалъ престолу древняго Рима. Разсмотримъ самыя событія; вотъ что писалъ Іулій Восточнымъ Епископамъ въ отвѣтъ на ихъ посланіе, когда не хотѣли они притти на соборъ Римскій судиться съ Аѳанасіемъ, по его первому приглашенію. (Concil. T. 2 p. 585.)

«Я читалъ посланіе ваше, которое мнѣ принесли мои Пресвитеры, и изумился, что вы отвѣчали сварливо и неприлично на то, что было писано нами съ искреннею любовію и доброю совѣстію. Въ посланіи обнаружилась гордость и надмѣнность писавшихъ, которыхъ чужды вѣръ во Христа; ибо подобало показать тому, кто вамъ писалъ съ любовію такую же любовь, а не вражду. И развѣ это не было признакомъ любви, что мы послали Пресвитеровъ сострадать страждущимъ и возбудить тѣхъ, которые просили суда, дабы сѣвши туда, гдѣ все сперва разсмотрѣно будетъ, и примется оправданіе, такъ что и братія наши и вы сами далѣе не терпѣли бы обиды или клеветы? Что же было сдѣлано достойнаго оскорбленія, или какую причину гнѣва далъ я вамъ своими письмами?—или потому, что возбуждалъ васъ притти на соборъ? Но это должно бы принять съ радостію, ибо тѣ, кото-

рые чувствуют себя правыми въ дѣлѣ, гдѣ они сами были судіями, не должны негодовать, если однажды осужденное ими, другими испытано будетъ, и тѣмъ болѣе окажется ихъ правда. Посему и Епископы, на великомъ соборѣ Никейскомъ, не безъ промысла Божія дозволили, чтобы дѣянія одного собора разсматриваемы были на послѣдующихъ, и если таковъ былъ древній обычай, память коего обновлена на великомъ соборѣ, не прилично намъ оный у себя запрещать, потому что не могутъ немногіе уничтожить утвержденный соборомъ церковный обычай.» Здѣсь ничего не видно о единовластительствѣ Римскомъ; далѣе слѣдуетъ изложеніе дѣла Аѳанасіева и Іулій опять оправдываетъ свой поступокъ, почему справедливо принялъ онъ въ свое общеніе Аѳанасія, когда его обвинители не хотѣли придти на соборъ: «если же огорчаешься, что я не ко всѣмъ писалъ, а только къ тѣмъ, которые ко мнѣ писали, то слѣдуетъ вамъ огорчаться для чего они одни ко мнѣ писали; но и въ этомъ, возлюбленные, могу дать отвѣтъ. Хотя я писалъ одинъ, однако не свое одно писалъ мнѣніе, но всѣхъ Италийцевъ и всѣхъ Епископовъ этихъ странъ; я не хотѣлъ, чтобы всѣ писали, дабы не обременились многіе; въ извѣстное же время собрались Епископы и это ихъ мнѣніе я вамъ опять объявляю. И такъ, возлюбленные, хотя и пишу одинъ, хочу однако, чтобы вы знали, что я пишу вамъ общее всѣхъ рѣшеніе. Сіе говоримъ вамъ противъ несправедливыхъ и подозрительныхъ обвиненій вашихъ. (pag. 590.)» Здѣсь ясно видно, что и Іулій требуетъ повелительно предстать къ себѣ

на судъ, но что всѣ Западныя зовутъ чрезъ него Восточныхъ, и за симъ слѣдуютъ опять оправданія. Онъ такъ заключаетъ смиренное свое посланіе: «о, возлюбленные, суды церковныя совершаются уже не по Евангелію, но клонятся или къ изгнанію, или къ смерти. Если и дѣйствительно, какъ говорите, Аванасій и другіе погрѣшили въ чемъ либо, надлежало произвести судъ по правилу церковному, а не такъ какъ случилось. Надлежало писать ко всѣмъ намъ, дабы такимъ образомъ всѣми опредѣлено было справедливое.» Выраженіе сіе, историкъ Созоменъ, жившій сто лѣтъ спустя, измѣнилъ такимъ образомъ, будто Іулій писалъ: что существовалъ законъ, объявлявшій ничтожнымъ все то, что сдѣлано безъ утвержденія Римскаго Епископа. (Соз. кн. III, гл. 10.) Но такого правила соборнаго сами Римляне не могутъ указать ни на одномъ Вселенскомъ соборѣ. Далѣе сказалъ Іулій и причину, почему должно было относиться ко всему Западу о дѣлѣ Аванасія: «ибо тѣ, которые страдали, были Епископы, и не простыхъ Церквей, но такихъ, которыя настаивали въ вѣрѣ сами Апостолы. Для чего же, въ особенноти объ Александрійской Церкви, ничего не хотѣли писать къ намъ?—или не знаете, что есть обычай писать къ намъ, чтобы отсель могло быть опредѣлено справедливое? И такъ ежели возникло такого рода подозрѣніе на тамошняго Епископа, надлежало отнестись къ нашей Церкви. Нынѣ же, не извѣстивъ насъ ни о чемъ и поступивъ по своей волѣ, хотѣть и насъ имѣть общниками своего суда, въ которомъ мы не участвовали.» (И такъ вотъ настоящая, весьма законная причина.) «Не таковы

распоряженія Павла, не такъ учили Отцы!—Это надмѣнность и новый *порядокъ! умоляю васъ, внемлите; я пишу сіе для блага общаго; ибо что мы приняли отъ блаженнаго Апостола Петра, то вамъ и объявляемъ, и я, почитая сіе извѣстнымъ у всѣхъ, не сталъ бы писать, если бы не возмутило насъ случившееся.—Епископы похищаются и лишаются мѣсть, другіе изъ чужихъ странъ на мѣсто ихъ поставляются; народамъ же причиняется то зло, что они скорбятъ о похищенныхъ и терпятъ принужденіе отъ посылаемыхъ къ нимъ, такъ что которыхъ хотятъ не получаютъ, а которыхъ не хотятъ, сихъ должны бывать принимать. Заклинаю васъ, чтобы не было болѣе ничего такового. Лучше же пишите противу тѣхъ, которые предпринимаютъ подобныя безпорядки, дабы Церкви не страдали болѣе, дабы никакой Епископъ или Пресвитеръ не терпѣлъ поношенія; ибо каждый, изъ нашихъ ли или вашихъ, кто такъ творитъ, дастъ отвѣтъ за сіе Богу;—здравствуйте о Господь, возлюбленные братіе!» (concil. T. 2. p. 598. edit. Paris. 1644.)

Посланіе сіе приводитъ самъ Аѳанасій, въ своей апологіи противъ Аріяна, и дѣйствія Іулія вполне соотвѣтствуютъ разуму всемирной Церкви; ибо когда Римская, со всѣмъ Западомъ, составляла почти ея половину, прилично ей было участвовать въ рѣшеніяхъ столь важныхъ, каково низложеніе Епископа первостепенной кафедрѣ Александрійской. Не смотря на то Восточные не хотѣли принять сего посредничества и отвѣтствовали, на первый зовъ Іулія, какъ пишетъ о томъ историкъ Созоменъ: «что Церковь Римская заслуживаетъ всякое уваже-

ніе, какъ основанная Апостолами, и потому что пользуется достоинствомъ митрополіи отъ начала Христіанства, хотя принесшіе въ нее свѣтъ вѣры пришли съ Востока: однако и Восточные не должны стоять на второй степени потому только, что не имѣли преимущества большаго города и многочудія, имѣя твердость и ревность; и что Іулію, несправедливо было, принявъ въ общеніе Аѳанасія, нарушать опредѣленія Восточныхъ Церквей и тѣмъ безчестить ихъ собраніе, вопреки правилъ церковныхъ; ибо и ихъ предшественники, Епископы Восточные, не воспротивились учиненному въ Церкви Римской, изложенію Новаціана.» (Созом. кн. III, гл. 8. Сокр. кн. II, гл. 15.)

Хотя и нельзя оправдывать дѣйствія Восточныхъ противъ великаго Аѳанасія, однако такой ихъ отзывъ, равно какъ и кроткое посланіе Іулія, даютъ несомнѣнное право думать, что мнѣніе о власти папской было неизвѣстно на Востокъ въ четвертомъ столѣтіи, въ самое цвѣтущее время Церкви.

Лучшимъ доказательствомъ служить самъ великій Аѳанасій, который не думалъ, что есть въ Римѣ какое либо единоначальственное для вселенской Церкви достоинство; ибо будучи осужденъ и изложенъ на Тирскомъ соборѣ, онъ прибѣгнулъ къ Императору Константину, и сосланный имъ въ Галлію, не взывалъ отголѣ къ Церкви Римской или къ лицу Папы; изъ заточенія возвратили его дѣти Константина, а не Папа, и уже, вторично гонимый, бѣжалъ онъ изъ Египта въ Римъ, гдѣ вступился за него Іулій, ибо братъ гонителя, Императоръ Константъ покровительствовалъ Православнымъ; по-

савъ же его смерти, когда единоедержавіе Константія не давало нигдѣ пристанища, Аѳанасій не обращался къ Папѣ Ливерію, впадшему въ Аріанство вмѣстѣ съ прочими, но скрылся въ пустыню, откогда написалъ свою апологію и свидѣтельствовалъ въ посланіи къ Антиохійцамъ: (истор. Патр. Досифея Іерусал. на Греческ. кн. I, гл. 17.) «что въ Церкви есть многіе равные вожди, подчиненные одному главному вождю, Господу нашему Іисусу Христу.» Въ апології, о своемъ бѣгствѣ, ставитъ онъ имя Кордубскаго Епископа Осія выше имени Папы, выражаясь такимъ образомъ: «не пощадили ни великаго исповѣдника Осія, ни Епископа Римскаго, ни толикаго числа Епископовъ Испаніи, Галліи, Египта, Ливіи и другихъ странъ, и проч.» а въ исторіи Аріанства, писанной для иноковъ, выражается еще сильнѣе: «отцы народовъ и учителя вѣры похищаются, нечестивые же вторгаются въ Церковь; кто не постигнетъ возводимой на нихъ клеветы, когда узнать что Ливерій Епископъ Римскій сосланъ, а отецъ Епископовъ, великій Осія страдаетъ столько бѣдъ?» И такъ, рядомъ съ Папою, Осія называется отцемъ Епископовъ! Аѳанасій удостоверяетъ также, что Александрійскій соборъ, состоявшій изъ Епископовъ Египта и Ливіи, писалъ ко всемъ, всюду Каѳолической Церкви Епископамъ и къ Іулію Епископу Римскому, и что Ливерій Папа, послѣ двухлѣтняго заключенія, наконецъ согласился подписать ученіе Аріанское; въ посланіи къ Епископамъ Африканскимъ Аѳанасій говоритъ: «написанное Дамасомъ, возлюбленнымъ нашимъ сослуживъ»

телемъ (а не Владыкою, какъ теперь пишутъ Папѣ всѣ Архіереи Западные), Епископомъ великаго Рима, и прочими собравшимся съ нимъ Епископами, равно какъ и опредѣленія другихъ соборовъ, бывшихъ въ Галліи и Италиі, достаточно утверждаютъ здравую вѣру, которую даровалъ Христосъ, проповѣдали Апостолы и предали отцы, собравшіеся въ Никей отъ всея вселенныя.» А въ окружномъ посланіи, къ Епископамъ Египетскимъ, для утвержденія ихъ вѣры, онъ изчислилъ знатнѣйшихъ Епископовъ, съ нимъ согласныхъ въ исповѣданіи, и называлъ сперва великаго исповѣдника Осія, Максимиана Гальскаго, Филогонія и Евстаѳія Антиохійскихъ, а потомъ Іулія и Ливерія Римскихъ, (до паденія сего послѣдняго) и наконецъ своего блаженнаго предмѣстника Александра. И такъ свидѣтельство Аѳанасія, равняющаго между собою всѣ Церкви, не въ пользу единовластія Римскаго.

Если привести свидѣтельства другихъ великихъ отцевъ сего вѣка, то и они не будутъ въ пользу Рима. Св. Василій великій, Архіепископъ Кесарій, какъ истинный преемникъ Аѳанасія въ дѣлѣ православія, потрясаемаго на Востокъ Императоромъ Валентомъ, не однократно писалъ къ Аѳанасію и однажды къ Папѣ Дамасу, чтобы поспѣшилъ на помощь погибающимъ; но въ надписяхъ своихъ онъ одинаково называлъ, и Аѳанасія и Дамаса, отцемъ и владыкою.

»Какое мнѣніе издавна о тебѣ, достопочтеннѣйшій мужъ, мы имѣли, сіе подтверждаетъ всегда текущее время и еще умножаетъ чрезъ присоужденіе того, что случается. Оставляя прочее, до-

волью каждому о себѣ самомъ стараться, тебѣ же не довольно: но ты о всѣхъ церквахъ такое прилагаешь попеченіе, какое надобно прилагать о собственно вѣрнной тебѣ, отъ общаго нашего Владыки. Ты ни въ какое время не оставляешь бесѣдовать, увѣщавать, писать, безпрестанно посылать изрядныхъ совѣтниковъ: да и нынѣ мы посланнаго изъ причта твоего, пречестнѣйшаго брата Петра, съ великою радостію пріявъ, благой странствованія его трудъ похвалили, который онъ, по повелѣнію вашей чести, чрезъ примиреніе противныхъ и чрезъ совокупленіе раздѣленныхъ сторонъ, оказываетъ. Почему и мы, желая споспѣшествовать сему усердію, вознамѣрились дать способнѣе начало дѣламъ, когда, какъ бы къ верховному изъ всѣхъ, къ тебѣ, совершеннѣйшій мужъ, прибѣгнемъ, и тебя совѣтникомъ и вождемъ въ дѣлахъ возымѣемъ. Сверхъ сего, мы почли за полезное писать и къ Римскому Епископу, о посвщеніи насъ и о поданіи совѣта, чтобы онъ, поелику отъ общаго и соборнаго учрежденія трудно послать нѣкоторыхъ мужей, постарался о нашихъ дѣлахъ, и избралъ самъ могущихъ труды путешествія понести и, тихостію нрава, наставить у насъ развратившихся.» (Письмо 65.)

»Древней любви законы возобновить, и согласіе отцевъ нашихъ, сей небесный и спасительный Христовъ даръ, отъ долговременности увядшій, въ свое дѣйствіе и силу привести, покажется для насъ нужнымъ и полезнымъ, а вашему, какъ я твердо увѣренъ, христіанскому благорасположенію пріятнымъ; ибо что можетъ быть благопріятнѣе, какъ раздѣленныхъ между собою, толкнимъ разстояніемъ мѣсть, видѣть свя-

зуемыми, согласіемъ членовъ въ тѣлеси Христовомъ. Достопочтеннѣйшій отецъ! весь почти Востокъ, (я называю Востокомъ страны лежація отъ Иллирин до Египта) отъ великой бури и волненія колеблется, ересью врага истины Арія, опять нынѣ безстыдно оказывающейся, и какъ горькій корень пагубный плодъ приносящей, тѣмъ паче, что во всякомъ приходѣ, власти православнаго ученія, по клеветамъ и насильству, отъ церквей своихъ отставлены, а вся власть вручена пыгняющимъ души простыхъ челоуѣковъ. Всему сему одинаго рѣшенія ожидали мы, — посѣщенія вашего благоутробія; да и всегда насъ до сего времени ободряла чудная ваша любовь, и мы отъ радостнаго слуха, что вы насъ посѣтите, нѣсколько духомъ укрѣплялись. Какъ же скоро мы обманулись въ своихъ надеждахъ, то не терпя болѣе, рѣшились представить вамъ просьбу нашу, чрезъ письмо, чтобы васъ возбудить къ заступленію нашему, дабы вы послали нѣкоторыхъ единомыслящихъ съ нами, которые бы, или несогласующихся соединили, или привели церкви Божіи въ мирное дружелюбіе, или наконецъ виновниковъ возмущенія вамъ яснѣе представили съ тѣмъ, чтобы послѣ вамъ было извѣстно, съ кѣмъ надобно сообщаться. Въ самомъ дѣлѣ мы отъ васъ ничего новаго не ищемъ, а только того, что прочимъ древле блаженнымъ и Боголюбезнымъ мужамъ было обычно, а особливо вамъ: потому что мы по преданію знаемъ, какъ изъ словъ отца нашихъ такъ и изъ посланій, даже доселѣ еще у насъ соблюдаемыхъ, что блаженнѣйшій Епископъ Діонисій, у васъ православною вѣрою и прочими добродѣтелями прославившійся, посѣщалъ чрезъ посланія

нашу Бесарійскую церковь, утѣшала отцевъ нашихъ писаніями, и посылала искупителей отъ плѣнъ на братіямъ нашимъ. Нынѣ же, въ труднѣйшемъ и прискорбнѣйшемъ состояніи, находятя наши дѣла; и большаго требуютъ попеченія, тѣмъ паче что мы не зданій земныхъ превращеніе, но церковей Божіихъ низложеніе оплакиваемъ: не рабство плотское, но плѣненіе душъ, каждый день отъ заступниковъ ереси творимое видимъ. Почему, если вы не приступите къ заступленію, то мало спустя не найдете, кому подать руку помощи, когда все будетъ подъ властію еретическою.» (Письмо 67.)

Св. Василій умолялъ о томъ же весь соборъ Западныхъ Епископовъ, между коими ставилъ и Дамаса; когда же замѣтилъ въ немъ холодность и нѣкоторую надменность, не оставилъ обличить ее въ своихъ письмахъ, показывающихъ до какой степени не возможно было, даже по самой мѣстности, соединить правленія церковнаго въ Римѣ.

«Что касается до предпріятія пути въ Римъ, то я удивляюся, что никто вамъ, благоразумнѣйшій мужъ, не объявилъ, что зимою совсѣмъ оіе невозможно, когда отъ самаго Царяграда до нашихъ предѣловъ все мѣсто наполнено злодѣями. Если же надобно ѣхать моремъ, то еще будетъ время, только бы не отказался отъ мореплаванія, и отъ посольства, Боголюбивѣйшій Епископъ Григорій, братъ нашъ; потому что я не вижу, кто бы могъ съ нимъ отправиться въ путь и знаю, что онъ не совсѣмъ не искусенъ въ церковныхъ дѣлахъ, и приходъ его къ благоразумному мужу.

достоинъ будетъ уваженія: но какая можетъ произойти польза для общихъ дѣлъ, отъ свиданія такого мужа, который чуждъ рабскаго ласкательства, съ великимъ, пышнымъ, высокосѣдящимъ, и не могущимъ выслушать истину вѣщающихъ на земли.» (Письмо 212.)

»О дѣлахъ же Западныхъ ты самъ еще прежде извѣстился, когда о всемъ объявилъ братъ Дороей, которому опять подобаетъ вручить посланія.— Мнѣ на память приходитъ Диомидова рѣчь: «пожалуй не умолай, потому что горделивъ сей мужъ.» Въ самомъ дѣлѣ, когда кто горделивымъ нравамъ угождаетъ, то они чрезъ то дѣлаются болѣе надмѣнными. Ибо если надъ нами умилостивится Господь, то какого еще другаго пособия намъ требовать; ежели же пребудетъ гнѣвъ Божій, то какая намъ помощь отъ гордости Западныхъ, которые не знаютъ истины, ниже хотятъ научиться оной: но будучи преобладаемы ложными мнѣніями, то творятъ нынѣ, что прежде дѣлали при Маркелгѣ: съ возвѣщающими имъ истину вступаютъ въ любопреніе, и чрезъ самихъ себя ересь подтверждаютъ. По сей причинѣ я самъ, безъ общаго образца писемъ, верховному ихъ начальнику ничего не хотѣлъ писать о церковныхъ дѣлахъ, а токмо скрытнымъ образомъ дать знать, что они не знаютъ истины о нашихъ дѣлахъ, и не приѣмлютъ способа, чрезъ который бы могли оной научиться: и что не должно нападать на людей, искушеніемъ смирившихся, и достоинство ума не въ томъ состоятъ, чтобы судить по гордости, ибо сей единый

грѣхъ въ состояніи подвигнуть Бога на гнѣвъ»
(Письмо 236.)

А блаженный Иеронимъ, столько благопріятный Риму, какъ уроженецъ Запада и пресвитеръ, едва не избранный самъ, проелъ Дамаса, на его кафедрѣ, сказалъ однако же неопровергаемую истину въ письмѣ къ Евagriю: «не должно почитать Церковь города Рима другою, нежели Церковь всего міра. Гдѣ бы ни былъ Епископъ, въ Римѣ или Евгубіи, въ Константинополѣ или Регин, въ Александріи или Танаисѣ, онъ есть того же достоинства и того же священства. Могущество богатства и уничиженіе бѣдности не дѣлають Епископа высшимъ или низшимъ, но всѣ они суть преемники Апостоловъ.»

Самый Златоустъ, на котораго указываютъ Римляне, какъ на другаго Аванасія, обратившагося къ защитѣ Римской Церкви, не можетъ служить доказательствомъ ея единоначальства, если только вникнуть въ самое происшествіе и въ смыслъ его посланія, и въ недѣйствительность защиты Римской. Когда блаженный его учитель Флавіанъ, избранный въ Епископы Антиохіи на второмъ Вселенскомъ соборѣ, приглашаемъ былъ потомъ Папою Дамасомъ въ Римъ, для инаго соборнаго разсужденія съ своимъ соперникомъ, неправильно поставленнымъ въ Епископы Антиохіи, онъ не захотѣлъ идти на такой вызовъ, и Императоръ Феодосій не допустилъ сего. Когда же Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Царяграда старшей кафедрѣ на Востокъ, свергнуть былъ съ нее проискамыи Θεοφιλα, Архіепископа второй великой кафедрѣ, Александрійской, и въ то же время имѣлъ врагами Епископа Порфирія,

неправильно поставленнаго на третью великую кафедру Антиохійскую, и самаго Императора Восточнаго Аркадія, — къ кому оставалось ему обратиться, если не къ Папѣ Иннокентію и Западнымъ, наслаждавшимся миромъ, при державѣ брата Аркадіея, Гонорія? И хотя Іоаннъ писалъ, въ выраженіяхъ весьма приличныхъ достоинству обѣихъ Церквей, Востока и Запада, писалъ однако не къ одному Иннокентію, но и къ инымъ первостепеннымъ Епископамъ: къ Венерію Медиоланскому, ученику и преемнику великаго Амвросія, къ Хроматію Авинійскому и другимъ, какъ явствуетъ изъ множественнаго числа, употребленнаго въ посланіи. (Ист. Флери кн. XXI, гл. 49.)

«Къ всемъ обращаюсь, писалъ онъ, имъ, чтобы безпорядокъ не распространился по всей подсолнечной; прошу васъ, чтобы незаконно сдѣланное въ отсутствіи нашего, никакой не имѣло силы, какъ и не имѣетъ въ самой сущности, (ибо мы никогда не отрекались отъ суда) и чтобы сдѣлавшіе такое беззаконіе, по обличеніи, подверглись наказанію по церковнымъ законамъ, и чтобы настоящихъ, не обличаемыхъ, и не найденныхъ виновными, удостоили вы въ скорости вашихъ писемъ, вашей любви и всѣхъ благъ общенія, которыми мы прежде наслаждались. — И такъ, достоуважаемые и благочестивѣйшіе мои Владыки, узнавши все, явите примичное вамъ мужество и ваше тщаніе для пресѣченія такого беззаконія, сдѣланнаго Церквами. Посланіе сіе, напоминавшее Василіево къ Западнымъ Епископамъ, имѣло одинаковъи успѣхъ. Никто не подвигся тогда на помощь Василію; сис-

денжники же Златоуста, бывавшіе въ Римѣ отъ имени Цареградскаго, тщетно искали предстать предъ лице Императора, съ Епископами посланными отъ Римскаго собора;—Златоустъ кончилъ дни свои въ заточеніи.

Теперь надлежитъ обратить вниманіе на узаконенія главныхъ помѣстныхъ соборовъ того вѣка, бывшихъ на Западѣ и на Востоку, и на каноны втораго Вселенскаго, ибо въ нихъ явствуется управленіе церковное.— Вотъ что опредѣлилъ соборъ Антиохійскій въ присутствіи Императора Константія, въ 340 году:

Правило 9. «Въ каждой области Епископамъ должно вѣдати Епископа, въ митрополіи начальствующаго и вмѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополію отъсюду стекаются всѣ вмѣющіе дѣла; почему разсуждено, чтобы оны дѣла честно преимуществовали, и чтобы прочіе Епископы ничего, особенно важнаго, не дѣлали безъ него, по древле принятому отъ отцевъ нашихъ правилу, кромѣ того токмо, что относится до епархій принадлежащей каждому изъ нихъ, и до селеній состоящихъ въ ихъ предѣлахъ. Далѣе же, да не пропускаятъ что либо творити безъ Епископа митрополіи, а также и сей безъ согласія прочіихъ Епископовъ.»

Здѣсь, поелику соборъ происходитъ на Востоку, ни слова не упоминаютъ о власти Епископа Римскаго, подъ Епископами же митрополіи разумѣются старѣйшіе святители Александрія, Антиохіи, Иерусалима, обѣихъ Кесарій и другіе. Сюда же въ симъ правилѣ, соборъ Сардикійскій, подъ пред-

святительством великаго Осія Кордубскаго, состоян-
ннй весь изъ Западныхъ Епископовъ, положижь
относиться въ важныхъ случаяхъ къ Папѣ Іулію:
ибо его кафедра первенствовала на Западѣ, какъ
основанная Апостолами, и самъ онъ внушалъ лич-
ное къ себѣ уваженіе, какъ цоборникъ православія
и заступникъ великаго Аѳанасія; но самое правило
цоборное изложено весьма осторожно, какъ дѣло
необыкновенное для многихъ Епископовъ Запада.

Правило 3. »Подобаеть же и сіе предусмотрѣть:
аще въ коей области, кто либо изъ Епископовъ,
имѣеть дѣло съ братомъ своимъ и соепископомъ,
ли который изъ нихъ да не призываетъ въ посред-
ники Епископовъ изъ иныхъ областей. Аще же кто
изъ Епископовъ въ нѣкоемъ дѣлѣ окажется осуж-
деннымъ, но возмннть не неправое себѣ имѣти
дѣло, а праведное, и пакн возстановитъ судъ,
то аще угодно всѣмъ:—любовію почтемъ память
Апостола Петра, и да напишется отъ нихъ судив-
шихъ къ Іулію Епископу Римскому, да возобновит-
ся аще потребно, судъ чрезъ ближайшихъ къ той
области Епископовъ, и да назначитъ онъ размо-
трителей два. Аще же обвиняемый не возможеть
представити дѣла своего требующимъ вторичнаго
сужденія, то единожды присужденное да не нару-
шается, но что содѣлано, то да будетъ твердо.»

Въ такомъ же духѣ изложены 4 и 5 правило
того собора; въ 9-мъ же касательно просьбъ Еписко-
повъ къ Царю сказано: »приходящія въ Римъ про-
шенія, которыя имѣють принести Царю, должны
представляти возлюбленному брату нашему и со-
епископу Іулію, да первѣе разсмотреть, не суть ли

нѣкія изъ нихъ безстыдны, и потомъ послеть оныхъ въ станъ, присовокупляя и свое предстательство и попеченіе.» Всѣ Епископы рекли, яко угодно имъ сіе и приличнѣйшій есть совѣтъ его, и поистиннѣ приличенъ, ибо и Іулій не названъ, какъ въ позднѣйшіе вѣка, главою видимою всея Церкви и намѣстникомъ Христовымъ на землѣ, но только братомъ и соепископомъ.

Когда же нѣсколько лѣтъ спустя братъ и соепископъ Римскій, Папа Зосима, хотѣлъ выдать правила Сардикійскаго собора, подъ именемъ вселенскихъ, будто бы утвержденныхъ въ Никей, и мѣстоблюстителъ его Епископъ Фавстинъ, представилъ ихъ Аврелію Епископу, предсѣдательствовавшему на соборѣ Карфагенскомъ, вмѣстѣ съ письменнымъ наставленіемъ ему даннымъ отъ Папы, о перенесеніи судныхъ дѣлъ отъ епархіальнаго Епископа къ Римскому: то отцы Карфагенскіе отвѣтствовали, что они въ своихъ спискахъ Никейскаго собора, не находятъ сихъ правилъ; для разрѣшенія сомнѣнія положили они истребовать вѣрныя списки, отъ Епископовъ Константинополя, Александріи и Антиохіи, и получивъ оныя обнаружили ложное присвоеніе правилъ, помѣстнаго Сардикійскаго собора, вселенскому Никейскому. Вотъ къ какимъ не-благовиднымъ проискамъ, уже въ началѣ V вѣка, прибѣгала для своего возвышенія Церковь Римская.

Однако, съ чрезвычайною осторожностію и даже снисходительностію, поступили въ семъ случаѣ Отцы Карфагенскіе. Дѣло началось отъ нѣкоего Ауріанскаго Пресвитера Апіарія, который будучи лишенъ сана за преступленія, своимъ Епископомъ,

бывагь въ Римъ и возбудигь къ себѣ несправедливое участіе Папы. Хотя же 36 правиломъ прежняго Карсагенскаго собора, строго запрещалось осужденнымъ клирикамъ, переносить суды за море, т. е. въ Италію и Римъ, а вѣлно имъ обращаться къ первенствующимъ Епископамъ своей области, съ угрозою отлученія отъ Церкви за такую дерзость,—но, по вниманію къ ходатайству Папы, соборъ согласился простить Апіарія, если покорится волѣ своего Епископа. Всѣ святители отвѣчали премнику Зосимы Вонифатію, что касательно перенесенія судовъ за море, хотя и не отступать отъ прежнихъ своихъ правилъ, не будутъ однако противурѣчить и требованіямъ Римской Церкви, если только, по должномъ сличеніи присланныхъ списковъ съ подлинниками Никейскими, найдутъ ихъ достоверными.

Когда послѣ Вонифатія, благоразумно предавшаго забвенію столь постыдное для его престола дѣло, Папа Келестивъ возобновилъ оное, по просьбѣ того же Апіарія, опять лишеннаго сана за новыя преступленія, и принявъ его въ свое общеніе, вопреки всехъ правилъ, послалъ вновь Епископа Фавстина для насильственнаго принятія осужденнаго въ Африканской Церкви, то первенствующій Епископъ Аврелій, уже не потерпѣвъ такого несправедливаго поступка, и обличивъ Апіарія, собственнымъ добровольнымъ его признаніемъ, въ пространной грамотѣ, отъ лица всего собора Карсагенскаго, изложили Панъ весь ходъ дѣла, и мнѣнія отцевъ о его поступкахъ и правахъ Римской Церкви.

Возлюбленному владыкѣ и честнѣйшему брату

Келестину: Аврилій, Палатинъ, Антонинъ, Титъ, Сервусей, Терентій и прочіе, обрѣтшіеся на общемъ Карфагенскомъ соборѣ. Какъ твоя святыня изъясляла вашу радость о прибытіи Апіарія, писаніемъ, посланнымъ чрезъ сопресвитера нашего Льва: подобно и мы желали бы, чтобы съ радостію послано было настоящее писаніе о его оправданіи. Ибо поистиннѣ, и наше и ваше расположеніе было чуждо недобѣрчивости, и не пытливымъ явилось ово, предварительно еклоняясь въ пользу его, какъ бы уже выслушаннаго, тогда какъ его еще надлежало вопрошати. И такъ, когда прибылъ къ намъ святѣйшій братъ и соепископъ нашъ Фавстинъ, мы созвали соборъ, и полагали, что онъ съ Апіаріемъ посланъ ради того, дабы какъ сей, стараніемъ его возстановленъ былъ на пресвитерство, такъ и нынѣ возмогъ, его же попеченіемъ, оправдаться въ толкихъ обвиненіяхъ, принесенныхъ на него отъ жителей Фавракинскихъ. Но многочисленный соборъ нашъ нашелъ столь многія и столь великія беззаконія Апіарія, что онъ превозмогли дѣйствованіе вышереченнаго Фавстина, хотя то было покровительство паче нежели судъ, и ходатайство, паче эдикту свойственное, нежели есправедливость изгладательно приличная. Ибо во первыхъ, Фавстинъ сильно противостоялъ всему собору, нанося ему различныя оскорбленія, аки бы защищая преимуществва Римской Церкви, и желая, чтобы принять былъ нами въ общеніе Апіарій, котораго твоя святыня пріяла въ общеніе, повѣривъ его жалобъ, коя онъ не могъ доказать: однако и сіе мало ему помогло, что ты лучше узнаешь прочитавъ дѣянія

собора. Ибо когда, въ продолженіи трехъ дней, съ затрудненіемъ производился судъ, на которомъ мы съ сокрушеніемъ изслѣдывали различныя на Апіарія обвиненія: тогда Богъ, праведный Судія, крѣпкій и долготерпѣливый, вкратцѣ пресѣкъ и протяженіе дѣла соепископомъ нашимъ Фавстиномъ, и извороты самаго Апіарія, которыми онъ снхился покрыть свои срамныя беззаконія; и когда же Богъ нашъ стѣснилъ его совѣсть и предъ всѣми людьми обнаружилъ сокровенное въ сердцѣ, какъ бы уже осужденное самою гнусностію преступленій: тогда у коварно запиравшагося внезапно изторглося признаніе во всѣхъ, принесенныхъ на него обвиненіяхъ, и онъ наконецъ, добровольно, самъ себя обвинилъ во всѣхъ, едва вѣроятныхъ сквернахъ, и такимъ образомъ, и самую надежду нашу, которой мы вѣряли его, желая, чтобы онъ могъ очистить себя отъ столь постыдныхъ пятенъ, обратилъ въ плачь. И такъ, первѣ исполнивъ долгъ подобающаго почитанія, умоляемъ васъ, господине брате, дабы вы впредъ не допускали легко до вашего слуха приходящихъ отсель, и не соизволяли впредъ принимать въ общеніе отлученныхъ нами: ибо твоя досточтимость удобно обрящетъ, что сіе самое определено и Никейскимъ соборомъ. Ибо если сіе является тако соблюдаемымъ касательно низшихъ клириковъ и мірянъ: коими паче хочетъ соборъ, чтобы сіе соблюдаемо было касательно Епископовъ. И такъ тѣ, которые въ своей епархіи отлучены отъ общенія, да не явятся воспріемлемыми въ общеніе твоею святынею, съ намѣреніемъ, и якоже не подобаетъ. Подобно и безстыдные побѣги пре-

святѣровъ, и слѣдующихъ за ними клириковъ, да
отженеть святыня твоа, какъ сіе и достойно тебя.
Ибо не возбраненъ судъ для Африканскія Церкви,
никакимъ опредѣленіемъ Отцевъ, да и опредѣле-
ніи Никейскаго собора, какъ клириковъ низшей
степени, такъ и самыхъ Епископовъ, явнымъ обра-
зомъ, обратно отсылають къ собственнымъ ихъ
Митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ,
что какія бы ни возникли дѣла, онъ должны окан-
чиваемы быть въ своихъ мѣстахъ; ибо Отцы су-
дили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ
благодать Св. Духа, чрезъ которую правда, Іерейми
Христовыми, зрится разумно и содержитсяъ твер-
до, и наипаче, когда каждому, если настоитъ со-
мнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ су-
дей, позволено приступать къ соборамъ своея обла-
сти, и даже ко Вселенскому собору. Развѣ есть кто-
либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ мо-
жетъ единому токмо нѣкому вдохнуть правоту суда,
а безчисленнымъ Іереймъ, сошедшимъ на соборъ,
откажетъ въ ономъ? Притомъ, какъ будетъ твердъ
заграничный судъ, предъ которымъ необходимы
лица свидѣтелей не могутъ быть представлены, то
по немощи или отъ тѣлеснаго сложенія, или отъ
старости, то по многимъ другимъ препятствіямъ?
О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея
святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опре-
дѣленія ни единаго собора Отцевъ. Ибо, что пре-
жде отъ васъ, чрезъ того же соепископа нашего
Фавстина, прислано было къ намъ, аки бы изъ
установленій Никейскаго собора, того мы никакъ
не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ спискахъ пра-

вѣль сего собора, съ подлинниковъ снятыхъ, которые мы получили отъ святѣйшаго Кирилла, нашего соепископа Александрійскія Церкви, и отъ досточимаго Атика, Епископа Константинопольскаго, и которые, еще прежде сего, чрезъ пресвитера Иннокентія и иподіакона Маркела, принесшихъ оныя къ намъ, посланы были отъ насъ къ Вонифатию, блаженныя памяти Епископу, вашему предшественнику. И такъ не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылать сюда вашихъ клириковъ изсѣдователями, и не попускайте сего, да не явима мы вносящими дымно надмѣніе міра въ Церковь Христову, которая желающимъ зрѣть Бога, приноситъ свѣтъ простоты и день смиреномудрія. Поселику же слезъ достойный Апіарій, за непротительныя свои непотребства, даже братомъ нашимъ Фавстиномъ отлученъ отъ Церкви Христовой: то мы остаемся безъ опасенія, что его и впредь, при искусствѣ и точности твоея святыни, въ сохраненіи братскія любви, Африка отнюдь не потерпитъ.»

»Богъ нашъ да хранитъ на должайшее время вашу святыню, господине брате, молящую о насъ.»
(Книга правилъ страж. 169—173.)

ВТОРЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Благоразумно дѣйствовали отцы Карфагенскіе, когда съ такою твердостію защищали каноны Никейскіе, ибо и второй Вселенскій соборъ, соединившійся въ Константинополь, подтвердилъ ихъ, и опредѣленія его были приняты всемъ Западомъ, хотя онъ состоялъ изъ однихъ только Святителей Восточныхъ, и на ономъ даже не было и мѣстоблюстителей Римскихъ. Они же, общимъ согласіемъ, даровали вторую степень каедръ Цареградской послѣ Римской, обозначивъ и причину такого возвеличенія, не духовную но мірскую, что еще болѣе объявлено на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ. Такъ опредѣляютъ 2 и 3 правила:

Правило 2. »Областные Епископы да не простираютъ власти на церкви, за предѣлами своей области, и да не смѣшиваютъ церквей: но, по правиламъ, Александрійскій Епископъ да управляетъ церквами токмо Египетскими: Епископы Восточные да начальствуютъ токмо на Востокъ, съ сохраненіемъ преимуществъ Антіохійской Церкви, правилами Никейскими признанныхъ: также Епи-

скопъ области Асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи: Епископы Понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо Понтійскія области, Оракійскія токмо Оракіи. Не бывъ приглашены, Епископы да не проходятъ за предѣлы своей области для рукоположенія, или какого либо другаго церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждой области благоустроить будетъ соборъ той же области, какъ определено въ Никей. Церкви же Божіи, у иноплемненныхъ народовъ, должны поступать быть правыми, по соблюдавшемуся донынѣ обыкновенію Отцевъ.»

Правило 5. «Константинопольскій Епископъ да имѣетъ преимущество чести, по Римскомъ Епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ.»

Римляне не могутъ равнодушно видѣть, что соборъ, по своей важности признанный Вселенскимъ, не только могъ соединиться безъ всякаго участія ихъ Епископа, но даже и дѣйствовать безъ его мѣстоблюстителей, и потому приписываютъ созваніе оного Папѣ Дамасу, вмѣстѣ съ Императоромъ Θεодосіемъ, равно какъ созваніе перваго Сильвестру съ Константиномъ. Доводами историческими современными, мы уже доказали противное о соборѣ Никейскомъ; заглянемъ и для втораго Вселенскаго, въ тѣ же, современныя почти сказанія: Сократа, Созомена и Θεодорита, потому что намъ не осталось отъ него актовъ.—Вотъ что пишетъ Сократъ: «Императоръ Θεодосій созвалъ немедленно соборъ, какъ для того, чтобы утвердить ученіе Никейское, такъ и для того, чтобы поставитъ Епископа Царьграду.—На ономъ находимся

150 Епископовъ, и въ числѣ тѣхъ, которые признавали единосущіе Сына со Отцемъ, были: Тимоѳей Епископъ Александрійскій, Кирилль Герусалимскій, Асколій Фессалоникійскій и многіе другіе. Мелетій Антиохійскій былъ еще прежде призванъ для поставленія Григорія Богослова въ Царьградъ. (И такъ вотъ всѣ четыре Патріаршіе престолы Восточныя, а о Римскомъ ни слова.) Епископы сіи опредѣлили, чтобы Епископъ Константинопольскій пользовался честью первой степени послѣ Епископа Римскаго, по тому уваженію, что Царьградъ есть новый Римъ. (Здѣсь весьма ясно оговорена истинная причина преимущества первой кathedры и равенства съ нею второй, съ соблюденіемъ токмо порядка постепенности и безъ всякаго уваженія къ верховней власти папской и мнимому господству кathedры Петровой надъ всѣми.) Они же утвердили опять ученіе собора Никейскаго и опредѣлили Патріархаты и раздѣленіе областей, также чтобы никакой Епископъ не могъ впредь вступаться въ чужую епархію, что же наблюдалось прежде, по случаю гоненій возмущившихъ клиръ церковный. Тѣ же Епископы положили, что помѣстный соборъ каждой области будетъ рѣшать окончательно возникающія дѣла, и опредѣленія сіи были утверждены, одобреніемъ и согласіемъ Императора.» (Сокр. кн. V, гл. 8.)

Кажется не возможно выразить яснѣе порядка священноначалія, сходнаго во всемъ съ оставшимися отъ собора канонами, и мудрено послѣ сего предполагать, чтобы соборъ столь важный не оговорилъ, въ какомъ отношеніи должны нахо-

дятся все Епископы къ Римскому, если бы точно онъ признавался главою и начальникомъ всѣхъ, а не просто только первопрестольникомъ, имѣющимъ старшинство чести, какимъ признавали его и на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ. Замѣчательно также, что акты соборные утверждаетъ Императоръ, не имѣвшій участія въ догматическихъ опредѣленіяхъ, но какимъ образомъ? — одобреніемъ и согласіемъ; точно также должно принимать слово «утвержденіе» и въ тѣхъ случаяхъ, когда просятъ Епископа Римскаго утвердить своею подписью какіе либо акты, ибо всякое дѣло твердо общимъ согласіемъ. Къ великому же Θεодосію обратился соборъ еще и для того, чтобы опредѣленія были, чрезъ его признаніе, распространены на всей Имперіи, и потому писалъ къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «желаемъ, человѣколюбивѣйшій Императоръ, чтобы какъ ты почтешь Церковь письмами, которыми насъ созвалъ, такъ и опредѣленія собора оградилъ бы подписаніемъ твоей руки.» (Epi. Orient. ad Theodos. Concil. T. 3, pag. 585.)

Созомень повторяетъ почти то же, что и Сокрытъ: «Императоръ немедленно созвалъ соборъ, чтобы утвердить опредѣленія Никейскаго и избрать Епископа въ Царьградъ. (Здѣсь опять не видно участіе Дамаса, и не Папа, а соборъ утверждаетъ уставы соборные.) На соборъ присутствовали 150 Епископовъ, исповѣдовавшихъ единосуціе, которымъ председательствовали Тимоѣей, братъ и преемникъ Петра Александрійскаго Епископа, Мелетій Епископъ Антиохійскій и Кириллъ Іерусалимскій, (Сокрытъ и Созомень, оба неправильно присовокущая

ютъ, что онъ обратился отъ лжеученія, когда на-
противъ того Св. Кирилль былъ всегда свѣтильни-
комъ Православія и страдалъ за него). Епископы
опредѣлили, чтобы вѣра Никейская была свято со-
блюдаема и все противныя ей ереси осуждены,
чтобы Церкви были управляемы по опредѣленіямъ
древнихъ правилъ, чтобы каждый Епископъ оста-
вался въ своей области, не вступая въ чужую,
кроме какой либо необходимости, и не предирини-
мая рукоположеній вопреки права, какъ сіе случа-
лось часто во время гоненій; что дѣла возникаю-
щія въ каждой Церкви должны оканчиваться су-
домъ областнаго собора; что послѣ Епископа Рим-
скаго, Константинопольскій долженъ пользоваться
преимущественно честью, какъ Епископъ новаго
Рима, ибо не только городъ Константинополь имѣлъ
уже тогда имя новаго Рима, но и Сенатъ, и сосло-
вія народныя и сановниковъ, и судилища и законы и
преимущества древняго Рима.» (Созом. кн. VII, гл. 7, 9.)

Какъ согласить съ этими словами Созомена, ска-
занное имъ выше о Папѣ Іудѣ, что есть канонъ,
на которому ничтожно все, что дѣлается въ Церк-
ви безъ соучастія Епископа Римскаго, и что онъ
озабоченъ попеченіемъ о всѣхъ вѣрныхъ, ради до-
стоинства его каведры?—(кн. III, гл. 8. 10.) Здѣсь
же напротивъ Созоменъ приводитъ опредѣленія со-
бора, что всякое дѣло рѣшается областнымъ собо-
ромъ и что преимущество чести дано Константино-
польскому послѣ Римскаго, ради достоинства столи-
цы. Конечно нельзя бы нигдѣ приличнѣе оговорить
власть и преимущества Римскія, но здѣсь о нихъ
умолчено, а видно только, что въ Церкви приводитъ-

ся въ древній порядокъ и, для сохраненія Православія, Императоръ назначаетъ первостепенныхъ Епископовъ: Нектарія Царьградскаго, Тимофея Александрійскаго и нѣсколько другихъ, съ которыми должны пребывать въ общеніи всѣ прочіе. Здѣсь, кажется, прилично было бы сказать Θεодосію, Христіанскому Императору, что тѣ только признаются православными, которые будутъ въ общеніи съ каедрою Римскою, если она есть основаніе и утвержденіе вѣры по преемству Апостола Петра, подобно какъ сказалъ нѣкогда языческій Императоръ Авреліанъ, по дѣлу еретика Павла Самосатскаго, что тѣ только будутъ признаваться законными Епископами Антиохіи, которые будутъ въ соединеніи съ Епископами Римскими. Римляне, превозносящіеся симъ языческимъ приговоромъ, не могутъ, однако, привести такого же приговора въ свою пользу изъ устъ сего Христіанскаго Императора, хотя дѣло касается не одной Антиохіи, но всего Востока, съдѣственно гораздо большей половины Церкви Вселенской.

Мы найдемъ въ Θεодоритѣ еще болѣе удовлетворительныя свидѣтельства. Онъ говоритъ, »что когда послѣ Константинопольскаго собора вторично соединились. Восточные Епископы въ ту же столицу, годъ спустя, то нашли тамъ, грамоту Западныхъ Епископовъ, ихъ приглашавшихъ на соборъ въ Римъ; но они отказались предпринять путешествіе, отъ котораго не ожидали никакой пользы. Однако же послали имъ отвѣтъ, въ которомъ, описавъ силу бури волновавшей Церковь, замѣтили имъ, хотя слегка, какъ мало заботились

Западные подать имъ руку помощи. »Я приведу исполнѣ письмо сіе, говоритъ Θεодоритъ, какъ ясное доказательство мужества и великодушія написавшихъ сіе посланіе Святителей.» (Θеодор. кн. V, гл. 8, 9.) И такъ не только Папа Дамасъ не созвалъ второй Вселенскій соборъ, но даже Епископы Восточные отказались придти на помѣстный Римскій соборъ, на который приглашались не однимъ Дамасомъ, но всѣми Западными, подобно какъ и Папа Іулій, не отъ своего лица, но отъ всѣхъ соепископовъ, звалъ Восточныхъ въ Римъ по дѣлу Аѳанасія, и Θεодоритъ не почитаетъ ихъ за то отступниками, но восхваляетъ ихъ мужество. Вотъ что между прочимъ они писали:

»Будучи одушевлены истинно братскою любовью, вы приглашаете насъ грамотами царскими, присутствовать, какъ вашихъ сочленовъ, на соборъ, который предполагаете держать въ Римъ, дабы послѣ того, какъ мы одни обречены были къ терпѣнію столькихъ бѣдствій, вы бы не одни насладились радостію и торжествомъ, съ тѣхъ поръ, какъ Императоры содѣйствовали къ защитѣ благочестія, но желаете, чтобы и мы имѣли участіе въ вашей радости и соцарствовали вамъ, по выраженію Апостола. Но поелику мы не можемъ оставить Церкви, которая только что начинаютъ оживать, и уже мы были прошлаго года въ Царьградѣ (здѣсь слѣдуютъ многія иныя причины), то все, что мы могли сдѣлать для возстановленія порядка и для вашего удостовѣренія въ искренности нашей любви, ограничивается тѣмъ, что мы просили нашихъ возлюбленныхъ братьевъ и соепископовъ:

Кириака, Евсевія и Приска, потрудиться пойти къ вамъ и засвидѣтельствовать, что и мы исполнены только желаніемъ мира, любви и единства и ревности къ вѣрѣ. Мы терпѣли гоненія, муки и угрозы, для защиты ученія Евангельскаго, проповѣданнаго Отцами Никейскими. Надобно, чтобы и вы утвердили одинаково съ нами сіе ученіе, и чтобы всѣ тѣ, которые не хотятъ опровергнуть вѣру, ее утвердили.» (Какъ далеки сін слова отъ униженнаго прошенія особы папской объ утвержденіи соборныхъ опредѣленій, и здѣсь въ истинномъ свѣтѣ является опять настоящій смыслъ слова утверждать.) »Что касается до управленія частныхъ Церквей, то вамъ извѣстно, что есть каноны Святыхъ Отець Никейскихъ, которые повелѣли, чтобы рукоположенія дѣлались Епископомъ каждой области, а если пожелаютъ, то и сосѣдними Епископами, съ ними сошедшимися. Мы просимъ васъ вѣрить, что сіе правило свято соблюдается между нами, и что такимъ образомъ были поставлены Епископы величайшихъ городовъ. (Здѣсь опять не видно утвержденія Римскаго Епископа; слѣдуютъ примѣры поставленія Нектарія Константинопольскаго, Флавіана Антиохійскаго, утвержденнаго потомъ Вселенскимъ соборомъ, какъ правильно поставленнаго.) Мы извѣщаемъ васъ, что и благочестивый и достопочтенный Кирилль былъ избранъ и поставленъ, по правиламъ, Епископомъ Иерусалимской Церкви, которая есть мать всѣхъ Церквей; (это выраженіе гораздо справедливѣе, нежели то, что Римская есть глава всѣхъ Церквей; ибо сказано у Пророковъ, что отъ Сіона изыдетъ законъ, и мати Сіонъ, гла-

голетъ человѣкъ,» и точно первая Церковь была въ Иерусалимѣ.) И такъ мы возбуждаемъ васъ изъяснить имъ радость вашу, о правильномъ ихъ представленіи между нами, и быть соединенными съ нами, любовію и страхомъ Божиимъ, попирающими возношенія человѣческія и предпочитающими возвеличеніе Церкви, суетной любви къ тварямъ. Когда мы, общимъ согласіемъ между нами, установимъ истину вѣры и искренность любви, тогда перестанемъ произносить слова, осужденныя Апостоломъ Павломъ: «я Павловъ, а я Аполлосовъ, а же Петровъ.» (1 Кор. 1.) Мы будемъ все Христовы, который не будетъ раздѣленъ между нами. Мы сохранимъ единство тѣла Церкви и съ упованіемъ предстанемъ на судилище Христова.»

Нельзя было сильнѣе и яснѣе выразить, въ чемъ предполагали отцы соборныя четвертаго вѣка единство Церкви, и для лучшаго доказательства, что оно не утверждалось на одной Римской кафедрѣ, служить самая надпись ихъ грамоты. «Св. соборъ Православныхъ Епископовъ, собранныхъ въ великомъ градѣ Константинополь, возлюбленнымъ владыкамъ нашимъ и сослужителямъ, благочестивымъ братьямъ Дамасу, Амвросію и прочимъ св. Епископамъ, собраннымъ въ великомъ градѣ Римѣ» (Ееодор. кн. V, гл. 10.)

Если же Папа Дамасъ, по духу превозношенія, въ которомъ обвинялъ его Св. Василій Великій, отвѣчая на другое письмо Восточныхъ Епископовъ, писанное ему не отъ лица вселенскаго собора, называлъ ихъ чадами, онъ не именовалъ себя однако вселенскимъ и верховнымъ Епископомъ, или ихъ

главою: «когда любовь ваша, возлюбленные и достопочтенные сыны, изъявляет глубокое уважение къ Апостольскому престолу, то она дѣйствуетъ такъ весьма благопріятно для васъ самихъ; ибо хотя я и долженъ держать кормило Церкви (т. е. собственно Римской, а не Вселенской), въ которой Апостольство проповѣдывалъ ученіе Евангельское, однако я почитаю себя совершенно недостойнымъ сей почести, и стараюсь, сколько могу, достигнуть вкушаемаго имъ блаженства.»

А въ изложеніи вѣры своей, писанной къ Епископу Павлину, Пана Дамась весьма правильно свидѣтельствуесть, что онъ вполнѣ принялъ догматъ о исхожденіи Духа Святаго, исповѣданный на второмъ Вселенскомъ соборѣ, и тѣмъ обличаетъ своихъ преемниковъ; ибо онъ предаесть въ письмѣ своемъ анаѳемѣ тѣхъ, которые не исповѣдуютъ, что Духъ Святой исходитъ истинно и собственно отъ Отца, какъ и Сынъ, и что онъ Божественнаго существа и есть истинный Богъ. Дамась не позволилъ себѣ никакихъ произвольныхъ прибавленій допущенныхъ позднѣе его Церковью, а напротивъ онъ присовокупилъ: «если кто, имѣя православное мнѣніе объ Отцѣ и Сынѣ, не имѣесть слога о Духѣ Святомъ,—тотъ еретикъ.»

Римляне, не въ состояніи будучи доказать, историческими свидѣтельствами, о участіи Пана въ созваніи первыхъ двухъ Вселенскихъ соборовъ, отъ которыхъ не сохранилось намъ актовъ, ссылаются иногда на похвальное слово Императору Константину Погонату, произнесенное въ VII вѣкѣ, по заключеніи шестаго Вселенскаго собора, въ которомъ

сказано: «соединение соборовъ всегда происходило для поправленія еретиковъ, которые противустояли Императорамъ и древнимъ Отцамъ. Восталъ Аріи раздѣлитель Св. Троицы, и внезапно Константинъ всеавгустѣйшій и Сильвестръ приснопамятный, созвали великій именитый соборъ въ Никен. Македоній отвергалъ Божество Св. Духа, но великій Императоръ Θεодосій и Дамась, сей адамантъ вѣры, Григорій и Нектарій, въ царствующемъ градѣ созвали соборъ. Паки восталъ Несторій, и паки Келестинъ и Кириллъ низвергли раздѣлителя Христова съ помощію Христа и носившаго египтъ. Потомъ безумствовагъ Евтихій, и какъ бы рыканіемъ лвинымъ, Левъ возгласилъ на него изъ Рима, и грамоту его приняли Императоръ Маркіянъ и Патріархъ Анатолій, со всѣмъ Халкидонскимъ соборомъ.—Такъ въ послѣдствіи и съ благочестивымъ Юстиніаномъ, согласился Вигилій, и составилось пятое соборище; надлежало и вашей Христоролюбивой кротости собрать сей священный и многолюдный соборъ и проч.» (Concil. T. 16, pag. 515.)

Напыщенность самыхъ выраженій, во славу Царя и Царьграда, названнаго вершиною міра; Сіономъ, котораго не одолѣють врата адовы, довольно показываютъ, каковъ былъ сочинитель сего хохвальнаго слова и что отцы, которые его подписали (если только подлинно подписали, что весьма странно для панигирика), конечно не изслѣдывали каждаго выраженія, какъ изслѣдываются догматы, но просто выражали подписью усердіе свое къ Императору. (pag. 522.) Мы довольно видѣли, изъ современныхъ лѣтописей и писаній, принималъ

ли какое либо участіе Сильвестръ въ созваніи собора Никейскаго и Дамась въ Царьградскомъ, и увидимъ позже, какъ Папа Вигилій противился даже пятому Вселенскому собору, хотя онъ тутъ представленъ содѣйствующимъ Юстиніану. Потому и весьма опасно принимать, въ собственномъ смыслѣ, напыщенныя выраженія грамотъ царскихъ и соборныхъ къ Римскимъ Епископамъ, не сравнивая ихъ съ предъидущими первыхъ вѣковъ и съ обстоятельствами самаго времени; ибо начиная съ третьяго Вселенскаго собора, легаты папскіе стали чрезвычайно превозноситься, следуя инструкціи Келестина, который велѣлъ имъ стараться поддерживать на соборъ преимущества каѳедры Римской, забывъ слова Христовы ученикамъ своимъ: «знаете ли, что почитающіеся Князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ обладаютъ ими; но между вами не должно быть такъ, а кто хочетъ быть большимъ между вами, будь всѣмъ слугою, и кто хочетъ быть первымъ, будь всѣмъ рабъ.» (Марк. X, 42—43.)

Слова Спасителя были достаточно думали исполнить Епископы Римскіе, подписываясь въ грамотахъ: рабами рабовъ Божіихъ, но дѣйствуя совершенно иначе, ибо почти ни въ одной изъ своихъ грамотъ, не опускали они случая упомянуть и истолковать въ свою пользу слова Христовы: «ты еси Петръ и паси овцы моя;» которыхъ объясненіе истинное мы довольно читали у Отцевъ, хотя однако самъ Петръ Апостолъ, посылая соборныя посланія, никогда о томъ не упоминалъ, для возвышенія власти, надъ прочими равными ему.

Апостолами, и называлъ себя въ посланіяхъ, подобно какъ и всѣ, только рабомъ и Апостоломъ Господа Иисуса Христа. Отцы же соборные и Императоры, привыкшіе питать уваженіе къ кафедрѣ древней столицы, гдѣ верховные Апостолы запечатлѣли кровію своею ученіе, не подозрѣвали грядущаго опаснаго влстительства Римскихъ Епископовъ, которое усилилось, присоединеніемъ мірской власти и достоянія церковнаго, вопреки словъ Христовыхъ: »царство мое не отъ міра сего.» (Іоан. XVIII, 36.) Они, съ любовію и Христіанскимъ смиренномудріемъ, принимали грамоты папскія, особенно заключавшія въ себѣ изложеніе православныхъ догматовъ, и называли кафедру Рима, какъ и прочія четыре, Апостольскою, самаго же Папу преемникомъ верховныхъ Апостоловъ, и тѣмъ утѣпали гордость Римскую, болѣе и болѣе превозносившуюся въ теченіи вѣковъ. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда представляли подложные каноны, какъ напр. на Кароагенскомъ и Халкидонскомъ соборахъ, не оставляли обличать ихъ, не смотря на уваженіе къ первенствующей кафедрѣ; а когда, какъ на пятомъ соборѣ, оказывались Папы ослушниками, ихъ исключали даже изъ поминованій церковныхъ, и безъ нихъ рѣшали дѣла, или осуждали и самихъ умершихъ, какъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ.

И такъ, не смотря на стремленіе Папъ къ единой цѣли—возвеличить свою кафедру надъ прочими, должно болѣе обращать вниманіе на самыя дѣянія, нежели на громкія рѣчи, а съ рѣчами поступать столь же осторожно, какъ съ текстами о первенствѣ Петровомъ, изъясненными св. От-

нами.—Необходимо также помнить всегда, какую степень давала Церковь вселенская Епископамъ Римскимъ: она почитала ихъ первопрестольниками, т. е. Епископами древней столицы и кафедръ, основанной на Западъ верховными Апостолами, а потому признавала ихъ первенство между прочими кафедрами, также Апостольскими; но никогда не принимала первенства въ смыслъ начальства, потому что четыре Восточныя кафедры почитались сопредостольными Римской.

О смыслъ и достоинствъ вселенскаго Епископа, вотъ что весьма благоразумно пишетъ Бингамъ, основываясь на фактахъ историческихъ и свидѣтельствахъ св. Отецъ. »Мы разбирали доселѣ о должности Епископовъ въ отношеніи своей частной Церкви, но у нихъ была еще и другая важнѣйшая обязанность въ отношеніи вселенской, въ которой каждый, какъ Епископъ, имѣлъ равное участіе, не въ дѣлахъ внѣшняго управленія, но въ томъ, что составляетъ сущность Христіанства, т. е. въ сохраненіи вѣры. Какъ только вѣра находилась въ опасности, отъ какой либо ереси или гоненія, каждый Епископъ почиталъ необходимымъ долгомъ и священною обязанностію простирать руку помощи и трудиться, столько же въ чуждой епархіи, сколько и въ своей; ибо епархіи были только условныя предѣлы, для наблюденія порядка во время мира, но вѣра была общимъ дѣломъ, и когда подымалась противъ нее война, весь міръ обращался въ одну епархію и вся Церковь въ одно стадо, и каждый пастырь почиталъ себя обязаннымъ пасти стадо своего великаго Пастыря, судя по своимъ силамъ,

въ какой бы части свѣта ни было оно разсыяно. Въ этомъ смыслѣ всякій Епископъ былъ вселенскимъ, какъ имѣющій общее участіе и заботу о всей Церкви Христовой. Это самое говоритъ блаженный Августинъ Вонифатію Епископу Римскому: »что забота пастырская обще принадлежитъ всемъ имѣющимъ должность Епископа, хотя онъ самъ занимаетъ болѣе высокое мѣсто на стражѣ.» (August. epist. cont. Pelag.) То же свидѣтельствуется и св. Кипріянь: »общество Епископовъ такъ соединено, узами единства и согласія, въ одно тѣло, что если бы кто изъ нихъ впалъ въ ересь и покусился опустошить стадо Христово, прочіе должны вступиться, ибо хотя и многіе суть пастыри, но пасутъ одно стадо, и должны собирать и соблюдать всѣхъ овецъ, которыхъ Христосъ искупилъ своею кровію.» (Epist. 67, 68.) Въ этомъ смыслѣ и св. Григорій Богословъ говорилъ о Кипріянь: »что онъ былъ вселенскимъ Епископомъ, ибо предсѣдательствовалъ не только Карфагенской Церкви, и въ Африкѣ, но надъ всеми странами Запада и на Востокъ, и въ сѣверныхъ и южныхъ предѣлахъ вселенной.» (слово 18.) Такъ выражался и въ похвальномъ словѣ о Аванасіи великомъ: »что сдѣлавшись Епископомъ Александріи, онъ сдѣлался священноначальникомъ и предсѣдателемъ всея вселенной.» (слово 21.) и это согласно съ выраженіями Василія великаго о томъ же Святомъ, какъ видно изъ его писемъ.» (Бинг. кн. II, гл. 5.)

Такимъ же образомъ и различныя почетныя наименованія давались не исключительно одному Епископу, но всемъ вообще въ первыя времена Христіанства, какъ о томъ разсуждаетъ Бингамъ,

въ главѣ 11 той же книги. Какъ самыя Епископы въ началѣ назывались Апостолами или ихъ преемниками, такъ и ихъ кафедры Апостольскими, особенно основанныя самими Апостолами. »Христіанская Церковь, пишетъ блаженный Августинъ, (Ер. 42 ad frat. Mad.) распространяется по всему міру, чрезъ Апостольскія кафедры и преемство Епископовъ.» Сидоній Аполлинарій въ то же время говорить объ одномъ частномъ Епископѣ Галліи: »что онъ возсѣдалъ 45 лѣтъ на своей Апостольской кафедрѣ;» (lib. 6 с. 1.) а св. Павлинъ, въ привѣтствіи къ Алипію Африканскому Епископу, выражается: »что Господь достойно сопричелъ его съ князьями своего народа, поставивъ на Апостольскую кафедру.» Блаженный Иеронимъ, изъясняя псалмы и Пророковъ, указывалъ: »что они называли грядущихъ Епископовъ князьями Церкви.» Такъ же и многіе другіе, Кипріянь, Иустинъ мученикъ и Тертуліанъ, величаютъ ихъ вообще, а не исключительно кого либо, предсѣдателями и предстоятелями, иные же Первосвященниками. Самое названіе Папъ, нынѣ исключительно присвоенное только Епископамъ Римскому на Западъ и Александрійскому на Востокъ, знаменующее просто отца, принадлежало вообще всѣмъ Епископамъ, какъ мы уже видѣли изъ писемъ Кипріяновыхъ. Званіе отца отцевъ и Епископа Епископовъ прежде всего встрѣчается у собирателя Апостольскихъ постановленій, приписываемыхъ Клименту Папѣ Римскому, и оно употреблено въ письмѣ его къ св. Іакову брату Божию. Примѣняясь къ сему и Сидоній Аполлинарій пишетъ, объ одномъ именитомъ Епископѣ Галліи Лугѣ: »что онъ

воистинну отецъ отцевъ и Епископъ Епископовъ, и другой Іаковъ своего вѣка.» (Ер. 4.) Мы уже видѣли, какъ Аванасій великій, называя просто Ливерія Епископомъ Римскимъ, вслѣдъ за тѣмъ величаетъ Осія Кордубскаго: «отцемъ Епископовъ и председателемъ всѣхъ соборовъ,» и все это находимъ неизлишнимъ опять здѣсь напомнить, чтобы пышныя привѣтствія соборной грамоты Льву Епископу Римскому, не стерли изъ памяти истиннаго значенія и начального происхожденія такого рода почетныхъ наименованій.

ПЯТЫЙ ВѢКЪ.

СОБОРЪ ЕФЕССКІЙ.

Вліяніе Епископовъ Римскихъ умножилось въ пятомъ вѣкѣ, какъ по личному достоинству нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ былъ святой Левъ, проименованный великимъ и вселенскимъ учителемъ, подобно какъ сямъ именемъ назывались св. Отцы Василій, Григорій, Златоустъ, такъ и по обстоятельствамъ того времени; ибо съ одной стороны, на Западѣ распадалась слабая держава дѣтей великаго Θεодосія и совсѣмъ исчезла въ теченіе сего вѣка; а между тѣмъ, посреди упадка имперіи, которой властители жили въ Равеннѣ и

Медиоланъ, еще сосредоточивалась въ столицѣ память древняго величія Римскаго; лучи онаго падали на Епископа, какъ первостепенное лице, въ такое время, когда Христіанство китѣло полною жизнію и распространялось по всей Еврoпѣ; — съ другой стороны, на Востокъ, возникли двѣ сильныя ереси Несторія и Евтихія, что невольно обратило взоры православныхъ къ Западу. Но если ереси возникали чаще на Востокъ, нежели на Западъ, хотя и тамъ происходили весьма сильныя, какъ на пр. Пелагіанъ, не должно забывать также, что и вѣра пришла съ Востока, а не съ Запада, и справедливо названъ быть Іерусалимъ матерію всѣхъ Церквей.

О возношеніи Епископовъ Римскихъ того времени вотъ что писалъ язычникъ Амміанъ Марцеллинъ: »когда разсматриваю пышность Рима; не удивляюсь, что желающіе сей каедрѣ должны употреблять всѣ усилія, чтобы ее достигнуть, ибо она доставляетъ покойное мѣсто, на которомъ они обогащаются, приношеніями почетныхъ женъ, и выѣзжаютъ въ колесницахъ, превосходя пышностію трапезы самихъ Царей. Но они могли бы быть истинно счастливыми, если бы пренебрегли величіемъ Рима, подражали образу жизни нѣкоторыхъ областныхъ Епископовъ, которые простотою пищи, убожествомъ одежды и скромнымъ видомъ, болѣе пріятны вѣчному Богу или истиннымъ поклонникамъ.» Префектъ же Римскій Претекстатъ насмѣшливо говорилъ Папѣ Дамасу: »сдѣлай меня Епископомъ Римскимъ и я сей часъ едѣлаюсь Христіаниномъ.» (Истор. Флерьян. XVI, гл. 8.)

Приступимъ къ описанію соборовъ, сказавъ нѣчто и объ ересяхъ. Основатель первой, Несторій, былъ по несчастію самъ Епископомъ Константинопольскимъ и Антиохійскій Епископъ Іоаннъ ему благопріятствовалъ; второй же ереси, Евтихіевой, покровительствовалъ Епископъ Александрійскій Діоскоръ. Епископы Константинополя, Антиохіи и Іерусалима невольно замѣшаны были въ его неправильныхъ поступкахъ, и такимъ образомъ одна только Церковь Римская, сильная согласіемъ всего Запада, имѣла преимущественно удобность способствовать успокоенію Вселенской Церкви. Сямъ объясняется важность легатовъ папскихъ на соборахъ Ефесскомъ и Халкидонскомъ.

Когда Несторій началъ разсѣвать новое ученіе противъ Божества Христова, не отдавая должной чести Богоматери, прежде всѣхъ узналъ о томъ св. Кирилль Архіепископъ Александрійскій и, двумя посланіями, хотѣлъ убѣдить его оставить свое заблужденіе. Получивъ же ругательные отвѣты Несторія, Кирилль собралъ помѣстный соборъ въ Александрію, и когда на ономъ его поступокъ и письма были одобрены, сообщилъ дѣянія соборныя и свои письма Келестину, Папѣ Римскому. Сей держалъ новый соборъ въ Римѣ, въ слѣдствіе котораго сообщилъ, чрезъ Кирилла Александрійскаго, Несторію, что онъ отлучается отъ Церкви, если не обратится отъ своего заблужденія. Несторій не повиновался, и потому собранъ былъ Вселенскій соборъ въ Ефесѣ.

Это есть краткое, но точное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ Ефесскому собору.

Кирилль начинаеть борьбу противъ Несторія, самъ по себѣ, а не по повелѣнію Папы, какъ утверждаютъ Римляне, и это совершенно согласно съ правилами древней Церкви. Александрія, по политическимъ и торговымъ сношеніямъ, была ближе къ Константинополю, нежели какая либо другая изъ столицъ Римской Имперіи, такъ что и епархія Александрійская могла считаться сопредѣльною съ епархіею Константинопольскою. Именно же въ Африканскихъ церквахъ было сдѣлано соборное постановленіе: «если въ первоначальныхъ каведрахъ будетъ Епископъ нерадивъ, по отношенію къ еретикамъ, должно составить соборъ сопредѣльнымъ ревностнымъ Епископамъ и доказать его нерадивіе, дабы онъ не могъ извиняться.» (Concil. Milvet. cap. 25. Concil. Afric. cap. 90.) Если, по отношенію къ еретикамъ другой епархіи, такое попеченіе долженъ былъ имѣть сопредѣльный Епископъ, то тѣмъ паче, когда самъ Епископъ той епархіи былъ еретикомъ. При появленіи Несторіевой ереси, конечно подѣйствовали на св. Кирилла сіи общепринятія правила, тѣмъ паче, что ересью могли заразиться и овцы его стада, имѣвшія столько сношеній съ Константинополемъ. При всемъ томъ онъ не оставилъ увѣдомить Папу о своихъ усиліяхъ, противу возникшаго и быстро распространившагося зла, и это самое Римляне хотять обратить въ свою пользу. Но надобно припомнить, что Александрійская Церковь всегда была въ близкихъ сношеніяхъ съ Римскою, еще со временъ великаго Аѳанасія; какъ неоднократно мы видѣли. Самъ Папа не принялъ на себя одного разсужденіе сего дѣла, но со-

звалъ особый соборъ въ Римѣ; и даже соборъ сей, видя упорство Несторія въ заблужденіи, не почелъ опредѣленіе свое, объ отлученіи еретика отъ Церкви, достаточнымъ къ увѣренію Христіанъ въ его лжеученіи, а надлежало еще созвать противъ него соборъ Вселенскій. Римлянамъ кажется, будто имѣютъ сильное свидѣтельство въ слѣдующемъ опредѣленіи сего собора о низложеніи Несторія: »будучи побуждены священными правилами и письмомъ святѣйшаго отца и сослужителя нашего Келестина, Епископа Римскаго, мы должны были со слезами приступить къ сему плачевному опредѣленію.» Тѣ, которые съ упорствомъ не хотятъ ничего болѣе признать въ кафедрѣ Римской, какъ только простое преимущество чести и старшинства, да изъяснять намъ, говорятъ Римляне, какимъ образомъ такое множество собранныхъ Епископовъ видѣло въ письмѣ Папы Келестина нѣчто принуждающее ихъ умы, нѣчто имѣющее силу и власть на догматическое сужденіе, произнесенное однимъ изъ знаменитѣйшихъ Вселенскихъ соборовъ?» (*L'église cathol. justifiée.* p. 206.)

На сей вопросъ не трудно отвѣчать, не давая Папѣ никакой верховной власти. Соборъ убѣждается, не письмомъ только Келестина, но прежде всего святыми правилами соборовъ и отцовъ; письмо Келестина уважено потому, что оно согласуется съ ними и такое уваженіе еще не доказываетъ преимущества власти и законодательства. На томъ же самомъ соборѣ совершенно подобное уваженіе оказано письмамъ Кирилла Александрійскаго противъ Несторія. Послушаемъ, что говорить объ нихъ

Фирмъ, Епископъ Кесаріи Каппадокійскія, одинъ изъ главныхъ отцевъ собора: »что вкратцѣ изложено было на святомъ Никейскомъ соборѣ, то благочестіе твое, изложивъ тончае и удобопонятнѣе, сдѣлало для насъ опредѣленіе вѣры точнѣйшимъ и яснѣйшимъ. И такъ, когда въ вышесказанномъ нѣтъ ничего обоюднаго, ничего противурѣчущаго, но все согласуется, какъ само съ собою, такъ и съ установленною вѣрою, и изложено съ такою цѣлостію, что не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, я также, получивши опредѣленіе вѣры отъ св. Епископовъ и отцевъ моихъ, соглашаюсь съ симъ.» (Act. Concilior. Ephes. ap. Gelas. Tom. II, cap. 3.) Мемнонь, Митрополитъ Ефесскій, съ прочими Епископами повторилъ то же самое. По прибытіи пословъ Папскихъ, и когда прочитаны были новыя письма Келестина, всѣ благочестивые Епископы воскликнули: »вотъ правое сужденіе Келестина, новаго Павла, Кирилла новаго Павла, Келестина единомысленнаго съ Кирилломъ! Келестину, стражу вѣры, весь соборъ воздаетъ благодарность; одинъ Келестинъ, одинъ Кириллъ, едина вѣра собора, едина вѣра вселенныя!» (Act. cap. 15.) При такихъ отзывахъ Отцевъ собора, о православіи Келестина и Кирилла, мы не знаемъ, кому изъ нихъ дать преимущество въ догматическомъ отношеніи. По изреченію собора, Кириллъ, своими письмами, излилъ новый свѣтъ даже на соборъ Никейскій, столько уважаемый прежде и послѣ; Келестинъ есть стражъ вѣры; Кириллъ такой же новый Павелъ, какъ и Келестинъ; Келестинъ есть то же, что и Кириллъ.

Любопытно взглянуть и на письмо Папы Келестина, возбудившее общее удовольствіе; оно начинается такъ: «возлюбленнымъ и вождѣннымъ братіямъ, Келестинъ Епископъ во Христвъ Иисувъ. Собраніе Епископовъ свидѣтельствуесть присутствіе Св. Духа; ибо соборъ святъ и уважителенъ самъ по себѣ, и какъ представляющій многочисленное собраніе Апостоловъ. Никогда не оставялъ ихъ Божественный учитель, повелѣвшій имъ проповѣдывать, не оставитъ также и прочихъ святителей Божіихъ; ибо обязанность возложенной на нихъ проповѣди и забота о распространеніи истины, какъ бы нѣкоимъ наслѣдственнымъ правомъ, къ намъ перешедшимъ, касается насъ всѣхъ; ибо мы всѣ, по всѣмъ краямъ міра, вмѣсто Апостоловъ, имя Господне проповѣдуемъ и обязаны тою же заботою. Когда имъ сказано было итти научить всѣ народы, не что либо частное, но общее повелѣніе имъ предлагалось, и служеніе, которое Господь поручилъ Апостоламъ, хотѣлъ онъ, дабы мы всѣ исполняли, и сіе братство ваше должно ревностно исполнять. Посему необходимо, чтобы мы слѣдовали достойно по пути отцевъ нашихъ, и всѣ бы взошли въ трудъ ихъ; пріявъ ихъ почестъ, обязаны мы защищать мужественно преданныя отъ нихъ догматы вѣры, не присоединяя что либо новое, вопреки повелѣніямъ Апостола, но сохраняя просто преданное.» (Act. Concil. cap. 14.)

Здѣсь, замѣчаетъ Флери, Папа Келестинъ признаесть, что самъ Господь поставилъ Епископовъ учителями своей Церкви въ лицѣ Апостоловъ, и Папа поставяесть себя на ряду со всѣми Еписко-

пами, объявляя, что всё вмѣстѣ должны стремиться къ охраненію благочестиваго залога — ученія Апостольскаго, и къ сему клонится все остальное въ письмѣ его, которое онъ заключаетъ сими словами: «посылаемъ къ вамъ Аркадія и Проекта Епископовъ и Филиппа Пресвитера, священныхъ братьей и единомысленныхъ, довѣренныхъ сослужителей нашихъ, которые принявъ на себя заботу нашу, на вашихъ дѣяніяхъ присутствовать будутъ, и что вами опредѣлено будетъ, своею подписью утвердятъ. Не сомнѣваемся, что святыня ваша допустить ихъ къ общему совѣщанію и изреченію суда, и то, что вы опредѣлите, опредѣлено и установлено будетъ къ спокойствію всѣхъ Церквей.»

Письмо сіе исполнено должнаго смиренумудрія, и потому справедливо воскликнули отцы: «Келестина, новаго Павла благодарить весь соборъ.» Слово же «утверждать» ни что иное значить, что и прежде мы уже доказали, какъ изъясненіе согласія съ общимъ мнѣніемъ и укрѣпленіе онаго присоединеніемъ голоса цѣлаго Запада, потому и просить Папа допустить своихъ легатовъ къ произнесенію общаго приговора, какъ участниковъ общаго совѣщанія.

Мы не должны соблазняться и тѣмъ, что Папа Келестинъ, поручая Кириллу Александрійскому, сообщитъ Несторію опредѣленіе Римскаго собора, пишетъ: *Quamobrem, sedis nostrae auctoritate ascita, nostraque vice et loco cum potestate usus, ejusmodi, non absque exquisita severitate, sententiam exqueris.* (Concil. Eph. с. 16.) т. е. «пріобщивъ себѣ важность нашего престола и употребивъ со вла-

стію замѣненіе собою насъ и нашего мѣста, ты исполнишь рѣшеніе съ точною строгостію.» Здѣсь лице Кирилла представляется въ истинномъ свѣтъ: онъ первый началъ борьбу съ Несторіемъ; ему Папа съ своей стороны и предоставляетъ кончить сей споръ, присовокупляя, къ важности кафедры Александрійской, важность престола Римскаго, и ко власти Епископа Александрійскаго, власть Епископа Римскаго и побуждая его дѣйствовать такъ, какъ бы имѣлъ съ собою папскаго мѣстоблюстителя, котораго на сей разъ замѣняло разбираемое теперь письмо. Папа въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ, не какъ повелитель Кирилла, но какъ помощникъ его, пріемлющій важное участіе въ управленіи Вселенскою Церковію. Кириллъ не однократно подтверждаетъ сію мысль, въ письмахъ своихъ къ различнымъ особамъ. Такъ, извѣщая Ювеналія Епископа Иерусалимскаго, объ опредѣленіи Папы противъ Несторія, ни мало не упоминаетъ о верховной его власти но говоритъ только о нуждѣ всеобщаго согласія къ истребленію ереси: «я почелъ нужнымъ послать оныя письма къ тебѣ, и возбудить твое Богочестіе, дабы, при единодушномъ и всеобщемъ усиліи, препоясаться любовію во Христа и спасти бѣдствующіе народы.» (Т. 1. Concil. Eph. сар. 24.)

И къ самому Несторію, писалъ, сообщая ему извѣстное намъ опредѣленіе, «вотъ, вмѣстѣ съ святымъ Синодомъ, въ великомъ городѣ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ святѣйшаго и благочестивѣйшаго брата и сослужителя нашего Епископа Келестина собравшимся, симъ третьимъ письмомъ свидѣтельствуемъ тебѣ, и проч.» (сар. 14.)

Самое опредѣленіе Папы согласуется болѣе съ вышеприведенными свидѣтельствами, нежели съ Римскими вымыслами; ибо въ немъ поставляется на видъ важность не Римской только Церкви, но и Александрійской, и изрекается проклятіе на Несторія, если онъ не общается исповѣдать ту вѣру, которую проповѣдуетъ Церковь Римская и Александрійская и Вселенская. Къ сему заключенію относятся также и всѣ письма, писанныя къ предстоятелямъ главныхъ Церквей, согласіе коихъ было необходимо для того, чтобы самое опредѣленіе Папы могло быть приведено въ исполненіе. (сар. 18.)

Кромѣ вышеприведенныхъ возраженій есть еще два, заимствуемая Римлянами изъ словъ папскихъ пословъ, прибывшихъ позже на соборъ. Ихъ можно бы было оставить безъ вниманія; ибо извѣстно, что послы говорили многое въ силу особенной инструкціи, внушавшей имъ преимущественно поддерживать на соборѣ важность кафедры Римской, и тѣмъ обнаруживали несогласное съ Христіанствомъ домогательство преобладанія, которое уже однажды обличено было соборомъ Карфагенскимъ, въ посланіи къ тому же Папѣ Келестину. Однако мы коснемся упомянутыхъ возраженій, потому что разсмотрѣніе ихъ проливаетъ новый свѣтъ на дѣйствія цѣлаго собора. (Ист. Флери кн. XXV, гл. 47.)

Когда Проектусъ, одинъ изъ пословъ, замѣтилъ собору, какъ скромно дѣйствуетъ Епископъ Римскій, ибо настоящимъ посланіемъ не поучаетъ собравшихся отцовъ, какъ бы неопытныхъ, но какъ опытнымъ совѣтуетъ, напоминая о томъ, что прежде уже опредѣлено было, дабы поспѣшили приве-

сти къ окончанію дѣла, согласно съ правилами вѣры и на пользу Каѳолической Церкви, то Фирмъ, Епископъ Кесаріи Каппадокійскія, отвѣтствовали: »святая Апостольская каѳедра уже изложила въ грамотахъ къ святѣйшимъ Епископамъ свое мнѣніе и опредѣленіе по сему предмету; мы же послѣдовавъ оному, при тщательномъ и неуклонномъ сохраненіи законовъ, исполнили надъ Несторіемъ Апостольскій и каноническій приговоръ.» (сар. 15.)

Такое признаніе Фирма, кажется, будто имѣетъ важную силу; ибо онъ, согласно съ желаніемъ Проектуса, выставляетъ цѣлый соборъ, какъ бы орудіемъ Папы: однако, надобно замѣтить, что Фирмъ не могъ сказать болѣе того, что сказано въ соборномъ опредѣленіи. Мы видѣли выше, что соборъ отлучилъ отъ Церкви Несторія, не только ради писемъ Келестина, но и ради святыхъ правилъ отцевъ и соборовъ; письма же его были вспомогательнымъ голосомъ для полноты соборнаго опредѣленія. Что же значать слова Фирма?—то, что соборъ нашедши ученіе Несторія богопротивнымъ, а папское опредѣленіе справедливымъ, исполнилъ приговоръ всей Западной Церкви, согласный съ ученіемъ Апостоловъ и съ правилами соборными. Если бы Фирмъ разумѣлъ что нибудь другое, то онъ поступилъ бы вопреки себѣ и всѣмъ отцамъ собора, которые не удовольствовавшись мнѣніемъ Папы, касательно ученія Несторія, и опредѣленіемъ объ отлученіи его отъ Церкви, разсматривали снова то же самое ученіе, и еще отъ себя изрекли опредѣленіе.

Филиппъ Пресвитеръ, третій изъ пословъ Папы, безъ всякаго повода, а только въ слѣдствіе упомя-

нутой тайной инструкціи, сказалъ предъ лицемъ собора: «никто не сомнѣвается и всѣмъ вѣкамъ извѣстно, что блаженный Петръ есть первенствующій Апостоль и начало вѣры, столпъ и утвержденіе Церкви Каѳолической, отъ Господа пріятый ключи царствія небснаго и власть вязать и рѣшить, и донинѣ чрезъ своихъ преемниковъ живеть и судъ творить. Его преемникъ и святой намѣстникъ Папа и Епископъ нашъ Келестинъ, насъ, яко своихъ викаріевъ, послалъ къ сему священному Сѹноду, которому повелѣлъ собраться благочестивый Императоръ для утвержденія вѣры отеческой. Послику же, сходно съ ученіемъ всѣхъ Церквей, ибо всѣ Епископы Восточные и Западные, сами или чрезъ своихъ посланниковъ здѣсь присутствуютъ, обличается нечестіе, и Вселенскій сей соборъ, послѣдовавъ ученію отцевъ, произнесъ приговоръ на Несторія, то да признаетъ онъ себя отлученнымъ отъ священства и всякаго общенія Каѳолической Церкви.» (Т. II, сар. 16.)

Писатель же книги: *L'église cath. justifiée* (pag. 206,) сокративъ вторую половину сихъ рѣчей Филиппа, замѣчаетъ только, что по увѣренности въ истинѣ сказаннаго, никто изъ отцовъ собора не сдѣлалъ противъ того возраженія.—Мы думаемъ совсѣмъ иначе. Изъ всего предъидущаго ясно видно, что собору нужно было мнѣніе Папы, не какъ главы Вселенской Церкви, но какъ главы Западныхъ Церквей: а потому онъ снисходительно слушалъ Пресвитера Филиппа какъ представителя Папы. Сверхъ того сказанное имъ о Петрѣ Апостолѣ могло имѣть смыслъ не противный писанію;

если разумѣть слова и выраженія въ древнемъ истинномъ значеніи, на пр. *principes Apostolorum*, въ значеніи первенствующаго между Апостолами, а не въ значеніи князя Апостоловъ, по новѣйшему понятію, совершенно чуждому Евангельской истины. Пышныя же изреченія, о преемствѣ Келестина, не приводили къ какому либо особому повелительному заключенію, а только къ законному согласію съ опредѣленіемъ собора, созваннаго Императоромъ, а не Папою, и потому не было нужды противурѣчить. Что же отвѣчалъ легатамъ Кирилль Архіепископъ Александрійскій, председатель собора? «Какъ Аркадій и Проектусъ, святѣйшіе и благочестивѣйшіе Епископы, и Филиппъ честнѣйшій Римскія Церкви Пресвитерь, выразили свое мнѣніе и пристали къ изреченному опредѣленію, то да будетъ извѣстно священному собору, что они изрекли согласіе во имя Апостольской катедры и всего собора святѣйшихъ и боголюбивѣйшихъ Западныхъ Епископовъ. И такъ, когда они исполнили то, что опредѣлено было Келестиномъ, святѣйшимъ и боголюбивѣйшимъ Епископомъ, и согласились съ изреченнымъ на Несторія опредѣленіемъ, сего священнаго собора въ Ефесъ, слѣдуетъ дѣянія сегодняшняго и вчерашняго дня присоединить къ запискамъ актовъ, и предложить ихъ благочестію для своеручнаго подписанія, какъ есть обычай, и для показанія всѣмъ намъ явнаго и законнаго ихъ согласія.» (cap. 16.)

Вотъ какими почитали легатовъ Римскихъ!—о томъ, что они представляли главу вселенскія Церкви, нигдѣ нѣтъ ни слова; но что были только

послами Западной Церкви, свидѣтельствуемъ цѣльмъ соборъ, и говорить еще: «поелику Аркадій и Проектъ Епископы и Филиппъ Пресвитеръ, легаты Римской кафедры, изрекли согласное съ нами, то остается, чтобы сходно съ своими обещаніями, содѣйствовали и подписаніемъ нашихъ дѣяній.» Не признали ль сего и самые послы?—одинъ изъ нихъ, Аркадій, прежде подписанія актовъ, сказалъ: «по опредѣленію сего священнаго собора мы не можемъ не утвердить, своими подписями, общее всѣхъ ученіе.» Другой же выразился такъ: «Проектусъ, Епископъ, Апостольской Церкви легатъ, согласуясь во всемъ съ праведнымъ судомъ сего священнаго и Вселенскаго собора, какъ мы узнали изъ дѣяній онаго, подписалъ низложеніе злочестиваго Несторія.» Вотъ и самые послы не повелѣваютъ на соборъ, чего ожидать надлежало, если бы они были уполномоченные отъ повелителя всей Церкви, но поступаютъ по предписаніямъ собора и, своими мнѣніями, не утверждаютъ дѣяній собора, какъ бы нѣкою верховною властію, но соглашаются, наравнѣ съ прочими, съ праведнымъ судомъ онаго.

И такъ, сравнивъ предшествовавшія и послѣдовавшія обстоятельства Ефесскаго собора, оцѣнивъ съ надлежащимъ вниманіемъ опредѣленія онаго, и замѣтивъ мнѣнія и поступки первѣйшихъ членовъ, наипаче же Кирилла, предсѣдателя собора, и пословъ Римскихъ, представителей Западной Церкви, мы необходимо убѣждаемся, что Св. Кирилль Александрійскій дѣйствовалъ здѣсь не какъ орудіе Папы, но какъ союзникъ его; что самъ Папа уваженъ былъ цѣлымъ соборомъ, какъ глава Западной Цер-

кви, и что онъ, въ слѣдствіе сего, вопреки своимъ домогательствамъ, не повелѣвалъ соборомъ, а только соглашался съ онымъ.

Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить какъ то, что въ подписяхъ дѣяній соборныхъ Св. Кириллъ не названъ мѣстоблюстителемъ папскимъ, какими себя называютъ обыкновенно его легаты, такъ и самое извѣщеніе соборное. Несторію, къ которому ни слова не упоминается о власти папской, а только объ указѣ царскомъ.

»Святыи Синодъ, по указу благочестивѣйшихъ, христіаннѣйшихъ Императоровъ нашихъ, въ митрополи Ефесской, по благодати Божіей собранный,—Несторію новому Іудѣ. Познай себя, ради нечестивыхъ твоихъ козней и упорнаго сопротивленія святымъ канонамъ, по опредѣленію священнаго Синода, лишеннымъ всякаго достоинства и степени церковной.» (Т. II, гл. 11.)

Не въ пользу притязаній Римскихъ гласятъ и правила Ефесскаго собора, защищавшія преимущества частныхъ Церквей противъ преобладанія сильнѣйшихъ.

Правило 8. »Дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостоль, нововводимое и посягающее на свободу всѣхъ, возвѣстивъ боголюбивѣйшій соепископъ Ригинъ, и сущіе съ нимъ благоговѣйшіе Епископы Кипрскія области, Зиновъ и Евагрій. Чего ради, понеже общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачевства, яко большій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы Епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ

Кипръ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣють свободу, безъ притязанія къ нимъ, и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ Отець и по древнему обыкновению, сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ Епископовъ. То же да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ; дабы никто изъ боголюбивѣйшихъ Епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ, и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную: да не претупаются правила отецъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣянія, надмѣнность власти мірскія: и да не утратимъ, помалу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ кровію своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ чловѣковъ. И такъ святому и вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла, въ чистотѣ и безъ стѣсненія, сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся. Каждый Митрополитъ, для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взять списокъ съ сего постановленія; аще же кто предложитъ постановленіе противное тому, что нынѣ определено: угодно всему святому и вселенскому Собору, да будетъ оно недѣйствительно.»

СОБОРЪ ХАЛКИДОНСКІЙ.

Можетъ быть, ни на одномъ Вселенскомъ соборѣ столько не являлась мнимая папская власть, какъ на соборѣ Халкидонскомъ, созванномъ противъ ереси Константинопольскаго монаха Евтихія, который сливалъ два естества въ Иисусъ Христъ. Съ одной стороны, послы Папы выражались весьма надмѣнно; съ другой стороны, самые отцы собора, какъ въ продолженіи дѣйствій онаго, такъ и въ грамотѣ къ Папѣ, оказывали ему столько уваженія, что онъ легко бы могъ впасть въ искущеніе и почесть себя свѣше всѣхъ. Но мы и здѣсь имѣемъ способъ узнать истину изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ.

На соборѣ Халкидонскомъ, одинъ изъ пословъ Папы, по имени Пасхазій, при самомъ открытіи говорилъ Императорскимъ сановникамъ: «мы имѣемъ повелѣніе отъ блаженнаго Папы Римской Церкви, которая есть глава всѣхъ Церквей, чтобы Діоскоръ, Архіепископъ Александрійскій, не имѣлъ мѣста на соборѣ; и такъ мы требуемъ, чтобы онъ вышелъ, или мы сами выйдемъ.» На вопросъ Сенаторовъ, о причинѣ такого требованія, Луцентій, другой изъ пословъ, сказалъ: «что Діоскоръ долженъ дать от-

четь въ своихъ дѣлахъ, ибо присвоилъ себѣ власть судіи и дерзнулъ держать соборъ, безъ позволенія святой каедрѣ, чего никогда не случилось и не было позволено.» Пасхазій присовокупилъ: »мы не можемъ противиться повелѣніямъ Папы, ни правиламъ Церкви и отцовъ.» (Ист. Флери кн. XXVIII, гл. 2. Том. 8. Concilior. pag. 102. Editio Paris. 1664. Calched. act. 1.)

Чтобы изъяснить настоящее состояніе собора, которое и для насъ можетъ показаться страннымъ, если не откроются истинныя причины онаго, не надобно прибѣгать къ увѣренности отцовъ собора въ верховной власти Римскаго Епископа, а должно замѣтить, что Діоскоръ дѣйствительно былъ извергъ, кромѣ покровительства еретику Евтихію, обличенный во многихъ ужасныхъ преступленіяхъ, наипаче же въ убійствѣ св. Флавіана, Архіепископа Константинопольскаго. Кто могъ противорѣчить требованію папскаго посла? Діоскоръ былъ бы лишень своего мѣста, если бы и другой кто сталъ сего требовать. И кто же могъ бы, кромѣ легатовъ, поднять столь высоко голосъ, когда всѣ первостепенные Епископы сами были въ затруднительномъ положеніи по своимъ отношеніямъ къ Діоскору и его дѣлу. Ибо Анатолій Константинопольскій былъ поставленъ Діоскоромъ, на каедрѣ убіеннаго Флавіана, и самъ рукоположилъ Епископа Антиохійскаго Максима; а Іувеналій Іерусалимскій, на неправильномъ соборницѣ Ефесскомъ, вынужденъ былъ подать голосъ въ пользу Діоскора. Это было и причиною невольнаго ихъ молчанія предъ возносящимися легатами.

Правда, посоль причиталъ въ вину Діоскору держаніе собора, безъ позволенія Папы, и притомъ говорилъ, что сего никогда не бывало. Но если принять это въ смыслъ Римлянъ, то надлежало бы допустить, что отцы собора были совершенные невѣжды въ церковной исторіи; ибо извѣстно, что множество помѣстныхъ соборовъ, и даже второй Вселенскій, были держаны безъ всякаго отношенія къ Папѣ и безъ его мѣстоблюстителей. Почему, скажутъ, оставили они слова Пасхазія безъ возраженія?—потому, что не время было начинать новую распрю и возбуждать несогласіе между тѣми, которыхъ согласіе нужно было для низложенія ереси; отцы собора съ восторгомъ приняли православныя рѣчи Римскаго Епископа, и съ благоразумнымъ терпѣніемъ пропустили мимо ушей заносчивыя слова его мѣстоблюстителей.

На второмъ засѣданіи, когда читано было письмо св. Льва къ Флавіану, изложившаго во всей чистотѣ православный догматъ, они воскликнули: «сія есть вѣра Отцевъ! сія вѣра Апостольская! Мы всѣ такъ вѣруемъ, такъ вѣрують всѣ Православные! анаѣма тому, кто не такъ вѣруетъ! Петръ такъ говорилъ устами Льва; такъ учили Апостолы! ученіе Льва свято и истинно! Кирилль училъ также; вѣчная память Кириллу! Левъ и Кирилль учили одинаково; анаѣма тому, кто не такъ вѣруетъ; сія истинная вѣра, Православные такъ разумѣють; сія вѣра Отцевъ!» Римляне замѣчаютъ, что письмо Льва было принято на соборѣ Халкидонскомъ, какъ правило вѣры, и даже, по настоятельству пословъ, было внесено въ опредѣле-

ніе собора. (Eglise Cathol. justif. pag. 209.) Казалось бы, что может быть янше настоящаго доказательства власти папской, хотя въ пятомъ вѣкѣ, если не ранѣе, приписываемой ему, въ лицѣ собора, цѣлою Церковію? Но должно замѣтить, что подобныя восклицанія въ пользу Папы, не имѣли никакого отношенія къ его власти, а только къ его ученію, сходному съ Петровымъ и съ Апостольскимъ, и съ Кирилловымъ;—и такъ ученіе Кирилла есть мѣрило православія! Мы видѣли выше, что на соборѣ Ефесскомъ подобныя же восклицанія гремѣли въ честь Кирилла Александрійскаго; онъ названъ былъ новымъ Павломъ, какъ здѣсь Петръ говорилъ устами Льва. Что касается до внесенія письма его въ опредѣленіе Синода, то и это не новое, и не принадлежитъ ему одному.— На томъ же самомъ соборѣ Халкидонскомъ, по прочтеніи символа I и II-го Вселенскихъ соборовъ, читаны были также два письма Кирилла Александрійскаго, записанныя въ дѣяніяхъ Ефесскаго собора, и почтены какъ правила вѣры. Притомъ извѣстно, что такъ называемый символъ вѣры св. Аѳанасія и многія правила различныхъ отцевъ Церкви, пріемлются наравнѣ съ соборными опредѣленіями, и однако никто не почиталъ сихъ отцевъ всеобщими главами Церкви. Почему же Папѣ надобно приписать таковую честь? (Флери кн. XXVIII, гл. 11. Tom. 8. Concil. pag. 432.)

Надобно обратить вниманіе и на то, какимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ соборный противъ Діоскора, и отличить превозношенія легатовъ, отъ правильныхъ рѣчей Отцевъ собора, чтобы

понять истинный смысл рѣшенія. На третьемъ засѣданіи, легатъ Римскій Пасхазій сказалъ: »Боголюбозному и священному, блаженнѣйшему Собору извѣстно, что Діоскоръ, трижды званный, чувствуя себя виновнымъ, пренебрегъ явиться къ отвѣту; и такъ святыня ваша, собственными устами, да произнесеть, чего достоинъ онъ за такое пренебреженіе?» Святой Соборъ отвѣчалъ: »преценія, положеннаго священными канонами на непокорныхъ.»—Пасхазій Епископъ и легатъ сказалъ: »паки спрашиваемъ вашу святыню, чего заслуживаетъ неприходящій по тройному зову братьевъ и соепископовъ? желаемъ знать, что угодно вашей святынѣ?» Св. Соборъ отвѣчалъ: »то, что положено канонами.» Луціанъ Епископъ Визы и мѣстоблюститель Ираклійскій сказалъ: »блаженнымъ отцемъ нашимъ и Архіепископомъ Кирилломъ содѣяно было нѣчто на св. Ефесскомъ Соборѣ противъ Несторія; заглянувъ въ сіи акты, дайте приговору какую прилично форму.» (И такъ вотъ на Кирилла указываютъ легатамъ, а не на Папу Келестина.) Пасхазій Епископъ сказалъ: »повелѣваетъ ли богочестіе ваше, чтобы мы употребили противъ него эпитимію церковную; согласны ли?» Св. Соборъ сказалъ: »всѣ согласны на подобающее.» Пасхазій Епископъ повторилъ тотъ же вопросъ, и это показываетъ, какъ трудно было Восточнымъ осуждать Діоскора, по собственному участию въ его дѣлѣ, и какъ неопредѣлительно отвѣчали они на положительные вопросы легата, который вовсе не повелѣвалъ именемъ Папы, а спрашивалъ согласія и повелѣнія соборнаго. Это обнаруживается изъ словъ Іуліана Епископа: »святыя

Отцы внимайте: когда въ Ефесѣ Діоскоръ имѣлъ старѣйшинство, чтобы разсудить между св. Флавіяномъ и Евтихіемъ, неправильное произнесъ онъ рѣшеніе и всѣ по неволѣ ему послѣдовали; нынѣ же святыня ваша имѣетъ старѣйшинство святѣйшаго Архіепископа Льва, и весь святой Соборъ соединился, по благодати Божіей и вельнію благочестивѣйшихъ Императоровъ. (Здѣсь весьма ясно сказано, кто созвалъ соборъ и какъ легаты имѣютъ только авторитетъ Льва.) Вамъ извѣстно все неправильно учиненное въ Ефесѣ; и такъ просимъ святыню вашу, заступающую мѣсто святѣйшаго Архіепископа Льва, произнести противъ него приговоръ и назначить эпитимію сходно съ священными правилами; мы же и весь вселенскій Соборъ изъявимъ согласіе съ вашею святынею.»—Пасхазій Епископъ сказалъ: »паки вопрошаю, что угодно блаженству вашему?» Максимъ Епископъ великаго града Антіохіи сказалъ: »мы будемъ согласны съ тѣмъ, какъ разсудить ваше преподобіе.»

Тогда мѣстоблюстители Патріарха великаго Рима произнесли слѣдующій приговоръ: »обнаружилось содѣланное Діоскоромъ, нѣкогда Епископомъ великой Александріи, вопреки священнѣхъ правилъ и церковнаго порядка. Онъ единомышленнаго ему Евтихію, правильно осужденнаго своимъ Епископомъ, иже во святыхъ отцемъ нашимъ Флавіяномъ, воспріавъ начальство, неправильно принялъ въ общеніе, прежде нежели совѣщался о томъ съ богомудрыми Епископами въ Ефесѣ. Но симъ Апостольскій престоль оказалъ снисхожденіе, ради невольнаго ихъ въ томъ соучастія, и они оставались до-

нынѣ въ послушаніи святѣйшаго Архіепископа Льва и всего священнаго и вселенскаго святаго Собора; сего ради пріяли ихъ, какъ единовѣрныхъ въ свое общеніе. Діоскоръ же сталъ превозноситься о томъ, о чемъ надлежало бы съ воплями простираться на землю. Кромъ того не позволилъ онъ читать на соборъ и грамоту святѣйшаго Папы Льва къ блаженной памяти Флавіану, хотя съ клятвою обѣщаль сіе, и тѣмъ соблазнилъ Церковь.—Мы хотѣли однако оказать ему снисхожденіе, какъ и прочимъ, хотя менѣ виновнымъ; но поелику онъ превзошелъ послѣдующимъ нечестіемъ первое; (ибо дерзнулъ произнести отлученіе на святѣйшаго Архіепископа Римскаго Льва, и святѣйшему Собору предложены были многія его насилія, исполненныя хулы, и не хотѣлъ повиноваться троекратному правильному зову, чѣмъ законно воспріялъ заочное осужденіе соборное), то самъ онъ противъ себя произнесъ приговоръ, непрестанно попирая каноны. Посему святѣйшій Архіепископъ великаго и древняго Рима Левъ, чрезъ насъ и чрезъ настоящій священный Соборъ, съ треблаженнымъ и всехвальнымъ Апостоломъ Петромъ, который есть камень и утверженіе Каеволической Церкви и основаніе Православной вѣры, обнажаетъ его Діоскора епископства и отчуждаетъ всякаго священнаго достоинства. Пусть же и сей великій и священный Соборъ опредѣлитъ объ немъ, что согласно съ канонами.»

И такъ легаты Римскіе, послѣ неоднократнаго вопрошенія о томъ, что угодно Собору, только по просьбѣ онаго, произносятъ приговоръ отъ лица Римскаго Епископа, какъ одной части Вселенской

Церкви, и предоставляютъ потомъ еще Собору изъяснить свое рѣшеніе по правиламъ. Какъ же опредѣляютъ прочіе?—Анатолій, Архіепископъ Царьграда, новаго Рима, говорить: »мудрствуя во всемъ одинаково съ Апостольскимъ престоломъ, произношу согласное осужденіе на Діоскора, который показалъ самъ себя чуждымъ всякаго священства, поелику явился преслушникомъ всѣхъ правилъ св. Отець и не повиновался троекратному зову.» И такъ вотъ законная вина его.

Максимъ, Епископъ великаго града Антиохіи, сказалъ почти то же, присовокупивъ, что »подвергаетъ Діоскора епитиміи церковной, какую произнесъ святѣйшій отецъ нашъ, Архіепископъ древняго Рима Левъ, чрезъ своихъ мѣстоблюстителей, и святѣйшій Архіепископъ новаго Рима.» Такимъ образомъ онъ равняетъ степень обоихъ. (pag. 492.)

Стефанъ Епископъ Ефеса сказалъ: »и я согласенъ съ тѣмъ, что опредѣлили благочестивѣйшіе и святѣйшіе Архіепископы Левъ и Анатолій.»

Лукіянъ Епископъ Визы сказалъ: »согласенъ на то, что благоугодно было присудить святому и великому Собору.»

Діогенъ Епископъ Кизики сказалъ: »и я согласенъ на опредѣленное святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ Архіепископомъ Римскимъ Львомъ, и святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ, Царьграда новаго Рима, Анатолиемъ, и настоящимъ святымъ и вселенскимъ Соборомъ.»—Вотъ три единогласныя опредѣленія въ разныхъ видахъ, и вездѣ имя Анатолія стоитъ рядомъ съ именемъ Льва, или вообще говорится о вселенскомъ Соборѣ, и въ томъ же смыслѣ отвѣ-

чали всѣ Епископы, числомъ болѣе 600; гдѣ же тутъ единовластіе Папы, не смотря на громкія рѣчи легатовъ? гдѣ покорность Собора мнимой главѣ Церкви? Вотъ какъ надобно осторожно отличать рѣчи отъ дѣяній.

Болѣе опаснымъ камнемъ претыканія представляется нѣчто въ письмѣ соборномъ къ Папѣ св. Льву. Восточные Епископы выразились такимъ образомъ: »что въ лицѣ представлявшихъ его на Соборѣ мѣстоблюстителей, онъ предводилъ ихъ какъ глава члены, являя благомысліе.» И потомъ: »мы утвердили также правило 150 Отцевъ, собранныхъ въ Константинополь, при блаженной памяти Θεодосіи старшемъ, которое повелѣваетъ, послѣ вашей святѣйшей и Апостольской кathedры, имѣть старшинство Константинопольской, будучи увѣрены, что по обилію у васъ Апостольскаго свѣта, вы многократно, съ обычнымъ попеченіемъ, простирали оный и на Церковь Константинопольскую, потому что вы независтно сообщаете приснымъ собственныя блага.» (Tom. 9. Concil. pag. 204. 207.)

Сколько ни кажутся сильными такія выраженія: однако и онѣ не должны быть принимаемы въ строгомъ смыслѣ. Во первыхъ надобно замѣтить, что согласно съ волею Императоровъ, Сената и всего царствующаго града, настоящимъ письмомъ, Соборъ просилъ Папу между прочимъ согласиться на преимущество кathedры Константинопольской предъ Александрійскою и Антиохійскою;—въ семъ случаѣ нуженъ былъ голосъ Папы, какъ представителя Западной Церкви, и потому весьма естественно, что употреблены самыя лестныя для него выраженія. Впро-

чемъ тѣ же самыя Отцы называютъ себя собратіями Папы, говоря: «вотъ, что мы совершили вмѣстѣ съ тобою, который духомъ присутствовалъ между нами, и заблагоразсудилъ согласиться, какъ съ братіями.» (pag. 206.) Во вторыхъ, въ томъ же самомъ письмѣ, послѣ упомянутаго перваго выраженія, о главѣ и членахъ, тотчасъ читается: «вѣрные же Императоры весьма прилично председательствовали и распоряжались соборомъ, подобно Зоровавелю и Иисусу въ Иерусалимѣ, стараясь возобновить порядокъ Церкви по отношенію къ догматамъ.» При такомъ свидѣтельствѣ, мы не знаемъ, кому дать преимущество, Папѣ или Императорамъ, но совершенно увѣрены, что первый теряетъ уже чрезъ сіе по крайней мѣрѣ половину своей мнимой власти. Въ третьихъ, самое выраженіе о всеобщей главѣ Церкви у Восточныхъ писателей имѣетъ иной смыслъ, какъ мы это уже неоднократно видѣли.

Впрочемъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, мы еще приведемъ одно обстоятельство того же Собора: когда на ономъ читано было письмо Папы Льва, Епископы Иллирійскіе и Палестинскіе объявили касательно онаго свои сомнѣнія, и не прежде успокоились, какъ получивши удовлетворительное изъясненіе отъ пословъ папскихъ. Епископы Египетскіе совсѣмъ не подписали настоящаго письма, потому что еще не имѣли своего Епископа, безъ согласія котораго, по обыкновенію Египетскому, не лзя было дѣлать подобныхъ подписей. Первые не осмѣлились бы выразить своихъ сомнѣній, если бы мнѣніе Папы было принимаемо во-

обще за правило вѣры; другіе не дерзнули бы отказать подписать означенное письмо, если бы увѣрены были, что Папа есть верховный начальникъ, воля и мнѣніе котораго должны были быть священными и для ихъ областнаго Епископа. Соборъ уважилъ требованія тѣхъ и другихъ: для однихъ назначилъ снова разсмотрѣть письмо Льва, другихъ же уволилъ отъ требуемой подписи до избранія имъ Епископа. (Ист. Флери кн. XXVIII, гл. 17.)

Правила Халкидонскаго Собора относили окончательный судъ духовныхъ лицъ (безъ сомнѣнія Восточныхъ) Епископу новой столицы, подобно какъ помѣстный Сардикійскій Соборъ на Западѣ положилъ обращаться къ Епископу древней столицы, и узаконеніе сіе не возбудило негодованія легатовъ папскихъ, хотя выраженія онаго весьма благопріятствовали возвышенію кафедры Цареградской.

Правило 9. »Аще который клирикъ съ клирикомъ же имѣеть судное дѣло: да не оставляетъ своего Епископа, и да не перебѣгаетъ къ свѣтскимъ судилищамъ. Но сперва да производитъ свое дѣло у своего Епископа, или, по изволенію того же Епископа, избранные обѣими сторонами да составляютъ судъ. А кто вопреки сему поступитъ: да подлежитъ наказаніямъ по правиламъ. Аще же клирикъ со своимъ, или со инымъ Епископомъ, имѣеть судное дѣло: да судится въ областномъ соборѣ. Аще же на Митрополита области Епископъ, или клирикъ имѣеть неудовольствіе: да обращается, или къ Экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя, и предъ нимъ да судится.»

Но легаты не могли равнодушно принять канона о второй степени Константинопольскаго престола, единодушно изложеннаго въ ихъ отсутствіи, на послѣднихъ засѣданіяхъ, всѣми отцами вселенскаго Собора.

Правило 28. »Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ святыхъ Отець, и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти Боголюбезнѣйшихъ Епископовъ; бывшихъ въ соборъ во дни благочестивыя памяти Θεодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія Церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. (Надобно обратить особенное вниманіе на сіе мѣсто, какъ на такое, которое объяняетъ намъ происхожденіе старшинства Римской каведры, т. е. что оно дано ей, по свидѣтельству самой Церкви, не ради преемничества Св. Петра, ибо въ семь случаевъ Антіохійскій еще старше, но просто ради того, что городъ былъ столичный въ Имперіи.) Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе Епископы, предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ. Посему токмо Митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Фракійскія, и такжеде

Епископы у иноплеменниковъ вышепереченныхъ областей, да поставляются отъ святѣйшаго престола святѣйшія Константинопольскія Церкви: сирѣчь, каждый Митрополитъ вышепомянутыхъ областей, съ Епископами области, должны поставлять епархіальныхъ Епископовъ, какъ предписано Божественными правилами. А самые Митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быть, какъ речено, Константинопольскимъ Архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія, и по представленіи ему онаго.»

Легаты изъявили не только свое несогласіе, но даже и сомнѣніе въ свободномъ утвержденіи сего канона Отцами Восточными; но принуждены были слышать отъ нихъ самихъ, что никто не былъ принужденъ къ тому въ присутствіи всего царскаго синклита, который не смотря на сопротивленіе Римлянъ, призналъ рѣшеніе соборное дѣйствительнымъ. Достойно вниманія, что когда легаты папскіе хотѣли опровергнуть сіе постановленіе, правилами Никейскаго собора, будто бы гласившими въ пользу пренмущества Римской каѳедры: то списки, ими присланные, оказались несходными съ подлинниками Греческими, какъ уже однажды обличилъ такую же невѣрность соборъ Карфагенскій.—Въ спискахъ Римскихъ сказано было такъ: «трехсотъ осмнадцати Св. Отець правило девятое: Церковь Римская всегда да сохраняетъ первенство. Да соблюдается оно и въ Египтѣ, чтобы Епископъ Александрійскій имѣлъ всякую власть, поелику сіе Римскому Епископу обычно.» (pag. 180.)

Въ спискахъ же Греческихъ ни слова не упо-

мянуто о первенствѣ Римскомъ, а просто: «да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, дабы Александрійскій Епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими, поелику и Римскому Епископу сіе обычно. Подобно и въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да соблюдаются преимущества Церкви.»

По прочтеніи правилъ перваго и втораго Вселенскихъ соборовъ, Сенаторы изрekli свое мнѣніе такъ, спросивъ прежде согласіе Епископовъ: «опредѣляемъ сохранить паче всѣхъ первенство и изрядную почестъ, по правиламъ, боголюбезному Архіепископу старѣйшаго Рима; подобаеъ же и святѣйшему Архіепископу царствующаго Константинополя, новаго Рима, воспріять тѣ же старѣйшинства почести и ему также, по своему достоинству, имѣть власть рукополагать Митрополитовъ Азіи, Понта, Фракіи и проч.» Весь Соборъ возгласилъ предъ лицемъ легатовъ: «сіе есть правое опредѣленіе: мы всѣ сіе изрекаемъ, сіе всѣмъ угодно; законоположеніе да сохранится, ибо все правильно опредѣлено. Отпустите насъ, умоляемъ, отпустите съ собора, мы всѣ остаемся при томъ же рѣшеніи.» Напрасно легаты вступались за мнимыя права Апостольской кафедрѣ, говоря, что не позволятъ унижать се въ ихъ присутствіи, что они должны извѣстить о томъ, что сдѣлано вопреки канонѣвъ, Апостольскаго и всей Церкви первенствующаго Епископа; имъ отвѣчалъ отъ лица всего Собора 630 Епископовъ Іосифъ Севастійскій, что всѣ остаются при томъ же мнѣніи, и Сенаторы подтвердили, что опредѣленіе сіе есть всего Собора, который съ сими словами разошелся. (pag. 187, 188.)

Самъ Папа Левъ великій не превознесся, выраженіями посланія соборнаго, и не принималъ на себя титула Епископа всея вселеннїи, которое легаты его домогались за нимъ утвердить, но въ посланїяхъ къ Императору и Анатолю Епископу Константинопольскому, вступался только за преимущества древнихъ Апостольскихъ Церквей Александріи и Антіохіи, изъ коихъ первая, по словамъ его, важна достоинствомъ Марка Евангелиста, ученика Петрова, а вторая проповѣдію самаго блаженнаго Апостола, отколѣ и началось имя Христїанъ, и просилъ не нарушать древнихъ правилъ Никейскихъ, уважаемыхъ всею Церковію, восхищеніемъ себѣ первенства надъ другими, дабы домогаясь чести, не лишиться собственнаго вѣнца. Здѣсь нѣтъ ни слова о вселенской власти Римскаго Епископа. (Т. 9. Concil. pag. 216.)

Посланія Льва великаго къ Епископамъ, собравшимся въ Ефесѣ и Халкидонѣ, не отличаются также тѣмъ надмѣннымъ духомъ, который обнаруживали его легаты, хотя и Левъ говорилъ въ оныхъ о преимуществахъ своей кафедры, но только въ смыслѣ первенства и полноты Вселенской Церкви. Такъ писалъ онъ въ Ефесѣ:

»Левъ Епископъ, святому Свноду, собравшемуся въ Ефесѣ, возлюбленнымъ братьямъ, о Господѣ радоватися. Благочестивая вѣра всемилоствѣйшаго Государя нашего, зная, что много возвысится собственная слава его, если не прозябнетъ при немъ никакое сѣмя заблужденія внутри Каколической Церкви, оказала то уваженіе Божественнымъ опредѣленіямъ, что, для совершенія святаго предначи-

нанія, присовокупила и важность Апостольской ка-
едрѣ, какъ бы желая, отъ лица самаго блаженнаго
Апостола Петра, провозгласить всехвальное его ис-
повѣданіе. Ибо когда спросилъ Господь: «кого мя
глаголють человекѣ быти?» многія различныя мнѣ-
нія сказали ему ученики; когда же испыталъ ихъ
собственную вѣру, началовождь Апостоловъ въ крат-
комъ словѣ обнялъ всю полноту вѣры: «Ты еси
Христосъ Сынъ Бога живаго,» почему и ему отвѣ-
чалъ Господь: «ты еси Петръ, и на семь каменн
созижду Церковь мою.» И такъ весьма чуждъ со-
ставу сего зданія Церкви тотъ, кто не приѣмлетъ
исповѣданія блаженнаго Петра и противурѣчитъ
Евангелію Христову. Поелику же не должно остав-
лять безъ исцѣленія такихъ заблужденій, и Хри-
столюбивый Императоръ благочестиво пожелалъ
имѣть Соборъ Епископскій, чтобы полнѣйшимъ
разсужденіемъ могла истребиться всякая лѣсть, то
я послалъ братій нашихъ: Іуліана Епископа и Ре-
ната пресвитера, и сына моего Иларія діакона, и
съ ними вѣрнаго намъ нотарія Дулцентія, кото-
рые вмѣсто меня, на священномъ собраніи, между
братства вашего будутъ, и общимъ съ вами судомъ
положатъ то, что угодно Господу.» (Т. 8. Concil. pag. 37.)

Вселенскому же собору, соединившемуся въ Хал-
кидонѣ, писалъ Папа: «возлюбленные! желалъ бы
я, ради любви взаимной нашего сословія, чтобы
всѣ Святители Господни, въ благочестіи единой ка-
толической вѣры стояли, и не увлекались отъ пути
истины, милостями или страхомъ свѣтскихъ властей.
Но поелику весьма часто случаются дѣла достой-
ныя покаянія, и превозмогаетъ вину преступленія

милосердіе Божіе, и такимъ образомъ отлагается казнь, чтобы имѣло мѣсто исправленіе, то должно принять вполнѣ благочестивый совѣтъ всемилостивѣйшаго Государа, который хочетъ, чтобы соединилось святое братство ваше, для разрушенія козней дьявольскихъ и исправленія мира церковнаго, сохранивъ все подобающее кафедрѣ блаженнаго Апостола Петра и должную ей почесть; такъ что и насъ собственными на сіе пригласилъ грамотами, дабы и мы присутствіе наше явили святому собору; что однако же не возможно, и по нуждамъ времени, и поелику и прежде не было такого обычая. Однако же въ сихъ братіяхъ, Пасхазіи и Луцентіи Епископахъ и Вонифатіи и Василии пресвитерахъ, посылаемыхъ отъ Апостольской кафедры, братство ваше да почитаетъ меня предсѣдющимъ на соборѣ, и васъ самихъ не лишенныхъ моего присутствія; ибо, чрезъ мѣстоблюстителей моихъ, нахожусь съ вами и не отсутствую въ проповѣданіи католической вѣры; дабы какъ вы, не можете не вѣдать того, чему вѣруемъ мы по древнему преданію, такъ не могли бы и сомнѣваться въ томъ, какое есть собственно желаніе наше.» (Г. 9. pag. 81.)

Такъ выражался одинъ изъ именитыхъ пастырей своего времени, хотя съ примѣтною заботою поддержать достоинство своей кафедры, но и не забывая достоинства Вселенской Церкви, предъ которою искалъ оправдать свою вѣру, а не возвеличить власть свою; посему и воздавали ему Цари и Епископы должную почесть, какъ старѣйшему изъ Епископовъ Католической Церкви и вѣрному истолкователю ея святыхъ догматовъ.

ШЕСТЫЙ ВѢКЪ.

ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Сокрушеніе Римской Имперіи на Западъ, варварскими народами, которые исповѣдывали большею частію Аріяство, и потомъ покореніе Италиі и Рима, оружіемъ Императора Іустиніана, не всегда благопріятствовало въ шестомъ столѣтіи Епископамъ Римскимъ; ибо Короли Готѣвъ и Императоры Византійскіе участвовали въ ихъ избраніи и утверждали на каедрѣ. Папы являлись не однократно посланниками отъ лица варварскихъ влaстителей въ Константинополь. Такимъ образомъ Іоаннъ I былъ посланъ Королемъ Теодорикомъ, чтобы испросить свободу исповѣданія Аріянамъ въ Царьградѣ, и хотя предметъ посольства не соответствовалъ достоинству первостепеннаго Епископа Западной Церкви, однако Іоаннъ принятъ былъ съ большею честью Императоромъ Іустиномъ, вѣнчалъ его на царство, и совершалъ литургію на Латинскомъ языкѣ въ Софійскомъ соборѣ.—Не много лѣтъ спустя,

Папа Агапиль II ходилъ къ Императору Густиніану, ходатаемъ за Италію, отъ Короля Готѣвъ, который опасался его оружія, и хотя не успѣлъ въ дѣлахъ политическихъ, принесъ однако пользу въ духовныхъ, ибо онъ не хотѣлъ сообщиться съ Патріархомъ Цареградскимъ Анеимомъ, неправильно переведеннымъ съ кафедры Требизондской, происками Императрицы Θεодоры, потому что онъ находился въ сношеніи съ Северомъ, лже-патріархомъ Антиохійскимъ и другими, отвергавшими IV вселенскій Соборъ. (Ист. Флери кн. XXXII, гл. 5, гл. 53.)

Съ согласія Императора, созвавъ въ Царьградъ всѣхъ православныхъ Епископовъ и Архимандритовъ, Агапиль осудилъ Анеима, вмѣстѣ съ его общниками, и по избранію Царя, клира и народа Цареградскаго, рукоположилъ на мѣсто его Мину, сообщивъ о томъ грамотою Патріарху Іерусалимскому Петру, въ коей свидѣтельствовалъ, что какъ низложеніе, такъ и избраніе сдѣланы были обще Императоромъ, клиромъ и народомъ, и просилъ увѣдомить обычнымъ отвѣтомъ, какъ принято будетъ рѣшеніе Апостольской кафедры. Петръ, созвавъ малый Соборъ въ Іерусалимѣ, разсмотрѣвъ сіе рѣшеніе, и найдя правильнымъ, утвердилъ согласіемъ своихъ Епископовъ, не пріемля такимъ образомъ безъ разбора дѣяній папскихъ, даже и соборныхъ. По смерти Агапита, скоро воспослѣдовавшей въ Царьградъ, Мина предсѣдательствовалъ на маломъ Соборѣ, окончательно осудившемъ еретиковъ, имѣя по правую руку Епископовъ Римскихъ, пришедшихъ съ Агапитомъ и представлявшихъ всю Церковь Западную, по лѣвую же, такъ называемыхъ

апокрисіарієвъ, или повѣренныхъ отъ Патріарховъ Восточныхъ; ибо Іустиніанъ постановилъ правиломъ, чтобы всегда находились въ Царьградѣ, отъ ихъ лица, какъ и отъ лица Папы, таковыя легаты, большею частію діаконы, ради нуждъ церковныхъ ихъ епархій, и такимъ образомъ въ послѣдствіи, самъ великій Григорій Папа, жилъ долгое время въ Константинополѣ апокрисіаріємъ. (Ист. Патр. Іерус. Досиѳея кн. V, гл. 10, 16.)

Замѣчательно, что въ прошеніи православныхъ иноковъ къ Папѣ Агапиту, какъ и въ посланіи Епископовъ Восточныхъ къ Патріарху Минѣ, и во время дѣяній соборныхъ, они одинаково названы: «святѣйшими, блаженнѣйшими, отцами отцевъ и Вселенскими Патріархами,» съ однимъ только различіемъ древняго и новаго Рима; ибо наименованіе Вселенскаго, которое вошло въ употребленіе, особенно въ Царьградѣ, со временъ Іустиніана, не означало Епископа властвующаго надъ всею вселенной, а только по именитости своей кафедрѣ, преимущественно извѣстнаго во всѣхъ концахъ міра, какъ именуется вселенскими учителями Василій, Григорій, Златоустъ, какъ самъ Златоустъ называлъ Фларіана, и какъ донинѣ величаютъ Патріарха Константинопольскаго Вселенскимъ, хотя ему не подвластны прочіе Патріархи; Александрійскаго же величаютъ еще: отцемъ отцевъ, Архіереємъ Архіереевъ, пастыремъ пастырей, тринадцатымъ изъ Апостоловъ и судією вселенной.

По смерти Агапита, король Готѳовъ, Θεодатъ велѣлъ избрать на мѣсто его въ Римѣ Сильверія; но Императрица Θεодора дала обѣщаніе діакону

Римской Церкви Вигилію, находившемуся тогда въ Константинополѣ, поставить его на кафедру, если только онъ отвергнетъ Соборъ Халкидонскій и войдетъ въ общеніе съ лжепатріархами Царьграда, Александріи и Антіохіи. Вигилій, изъявивъ на то согласіе, показалъ въ Равеннѣ указъ царскій, о своемъ избраніи, Велисарію и былъ неправильно возведенъ имъ на кафедру Римскую, на мѣсто Сильверія; но горько заплатилъ въ послѣдствіи за свое честолюбіе, ибо самъ подвергся тяжкимъ огорченіямъ въ Константинополѣ, куда былъ вызванъ, по предмету разсужденія о трехъ статьяхъ Халкидонскаго Собора, или твореніяхъ трехъ восточныхъ Епископовъ, которыя оказались неправославными, хотя и не отвергнуты были отцами Халкидонскими. (Ист. Флери кн. XXXII, гл. 57.)

Римляне не любятъ пятаго вселенскаго Собора, который былъ держанъ въ Константинополѣ, во время пребыванія тамъ Папы Вигилія, но безъ личнаго его присутствія, и осудилъ его поступки, потому что Соборъ сей униженъ для власти папской;—они не только не сохранили дѣяній его на Греческомъ, вѣроятно слишкомъ для нихъ неблагоприятныхъ, но даже въ изданіи соборовъ выкинули тѣ мѣста, которыя были оскорбительны для чести Вигилія или Римскаго престола.—Соборъ открылся въ 553 году въ присутствіи трехъ Патріарховъ: Евтихія Константинопольскаго, Аполлинарія Александрійскаго, Доминика Антіохійскаго, мѣстоблюстителей Евстохія Іерусалимскаго и 168 Епископовъ, чтеніемъ грамоты Императора Іустиніана, въ которой излагалось, какимъ образомъ первые

четыре вселенскіе Собора были созваны Императорами, (а не Папами, что и дѣйствительно основано на фактахъ историческихъ). Предсѣдателями Ефесскаго называлъ онъ не одного Папу Келестина, но одинаково св. отцевъ Келестина и Кирилла; говоря о причинахъ созванія настоящаго пятаго Собора, Императоръ присовокупилъ: »кто не соглашается съ четырьмя первыми вселенскими, какого бы ни былъ онъ достоинства, подлежитъ клятвѣ, (чѣмъ намекалъ на лице Вигилія, не хотѣвшаго участвовать въ Соборѣ.) Если кто будучи вопрошаемъ о правой вѣрѣ, медлитъ отвѣчать, сіе ничто иное, какъ отреченіе праваго исповѣданія; ибо въ вопросахъ и отвѣтахъ о вѣрѣ, нѣтъ перваго или втораго, но кто обрѣтется болѣе готовымъ къ правому исповѣданію, тотъ пріятнѣ Богу.» (Т. 12. Concil. pag. 13.)

За симъ прочтены были и взаимныя посланія Патріарха Евтихія и Папы Вигилія; первое написано было такъ: »святѣйшему и блаженнѣйшему господину и сослужителю Вигилію, Евтихій: зная сколь великихъ благъ источникомъ служить миръ Божій, охраняющій умъ и сердца вѣрныхъ и совокупающій ихъ воедино, для праваго исповѣданія вѣры, и желая сохранить съ вами единство, мы объявили вашему Апостольскому престолу, что всегда содержимъ вѣру, преданную намъ отъ Господа, чрезъ Апостоловъ и Мучениковъ. Поелику же возникли нѣкоторые вопросы, о трехъ статьяхъ, просимъ, чтобы было о нихъ сощщаніе, при предсѣдательствѣ вашего блаженства, подѣ съвію священнаго величества, предѣ лежащимъ святымъ Евангеліемъ,

дабы постановить конецъ угодный Богу;—моли о насъ святѣйшій и блаженѣйшій братъ.» (pag. 19—21.)

Вигилій отвѣтствовалъ святѣйшему брату Евтихию и Епископамъ подѣ нимъ состоящимъ, изъявленіемъ своего на то согласія, и Соборъ, по прочтеніи грамотъ сихъ, положили, чтобы Патріархъ и нѣкоторые изъ Епископовъ пошли пригласить Вигилія къ засѣданіямъ; но на ихъ приглашеніе онъ отозвался болѣзнію, объявъ на другой день объявить свое мнѣніе. (pag. 23.)

На второмъ засѣданіи Патріархи объявили Собору, что Папа извинялся малымъ числомъ своихъ Епископовъ въ сравненіи Восточныхъ, и что онъ изложитъ свое мнѣніе прямо Государю. Патріархи напомнили ему, что онъ обѣщался совѣщаться съ ними вмѣстѣ, и что не подобаетъ цѣлому Собору отлагать свое сужденіе, ради Западныхъ Епископовъ: ибо и на первыхъ вселенскихъ Соборахъ никогда не бывало болѣе трехъ Западныхъ Епископовъ, а при немъ случилось въ то время большее ихъ число изъ Италіи и Африки, и потому лучше дѣло рѣшить съ приличною любовію общимъ приговоромъ. »Если же, заключили они, не хочеть твое блаженство соборовать, по данному обѣщанію письменному и словесному, то да будетъ тебѣ извѣстно, что мы, соединившись вкупу, изложимъ и сами нашу волю, ибо несправедливо соблазнять медленностію благочестиваго Императора и вѣрный народъ.» (pag. 24. 25.)

Сановники, посыланные отъ лица царскаго къ Папѣ, объявили Собору также, что они убѣждали

Вигилія, и предлагали ему даже назначить, какой пожелаетъ срокъ, для времени пришествія его на Соборъ; но онъ остался непреклоннымъ, и потому пригласили Патріарховъ и Епископовъ приступить безъ него къ совѣщаніямъ, что и сами они положили на третьемъ дѣяніи, съ тѣмъ, чтобы твердо держаться правилъ четырехъ вселенскихъ Соборовъ и св. Отець. (pag. 27.)

И такъ вотъ примѣръ вселенскаго Собора, соединеннаго противъ желанія Папы и дѣйствующаго безъ него, хотя онъ въ томъ же городѣ. На седьмомъ засѣданіи читаны были посланія Вигилія къ разнымъ лицамъ, присланныя Императоромъ для доказательства, что и Папа мыслить одинаково съ Соборомъ; но въ изданіи актовъ опущено то, что не благопріятствовало Вигилію, а именно: показаніе сановника царскаго о томъ, какимъ образомъ Папа присылалъ звать къ себѣ Патріарха и нѣкоторыхъ Епископовъ, и просилъ отнести Императору изложенное на бумагѣ мнѣніе свое, и какъ они отказались; опущено также, что сановникъ сей объявилъ волю Императора, о исключеніи имени Вигиліева, изъ поминовеній церковныхъ, за его упорство и несогласіе съ отцами, на что согласился Соборъ. Императоръ желалъ однако сохранить единство съ каедрою Римскою. (Ист. Флери кн. XXXIII, гл. 49.)

На послѣднемъ засѣданіи Отцы соборные изложили пространно свое рѣшеніе, которое здѣсь вкратцѣ приводится: »Видя, что послѣдователи Несторія усиливаются ввести въ Церковь свои заблужденія, чрезъ нечестивыя творенія Θεодора

Мопсуестскаго и Теодорита Кирскаго, и мнимое письмо Ивы къ Марину Персіянину, мы собрались, по волю Божіей и по велѣнію царскому, для прекращенія сихъ злоупотребленій.— Благочестивѣйшій Вигилій, находясь въ семъ городѣ, былъ свидѣтелемъ всѣхъ прѣвій касательно трехъ статей, и неоднократно осуждалъ ихъ устно и письменно, потомъ же согласился придти на Соборъ и рассмотреть ихъ вмѣстѣ съ нами, для общаго опредѣленія. Когда же Императоръ побудилъ насъ собраться здѣсь, мы принуждены были просить Вигилія исполнить свое обѣщаніе, представляя ему примѣръ Апостоловъ, которые хотя и были, каждый въ особенности, исполнены Духомъ Святымъ, такъ что не имѣли нужды въ совѣтѣ, не хотѣли однако же рѣшить вопроса, о обрѣзаніи язычниковъ, прежде нежели собрались и утвердили свое мнѣніе текстами Св. Писанія. Отцы, въ свое время державшіе четыре вселенскіе Собора, слѣдовали прежнему примѣру и вкупѣ рѣшали о ересяхъ, ибо нѣтъ другаго средства для познанія истины въ догматахъ вѣры; всякой, по словамъ Писанія, нуждается въ помощи брата, и гдѣ два или три собраны во имя Христова, тамъ и онъ между ними. И такъ, послѣ того какъ мы часто приглашали на соборъ Папу Вигилія, и Императоръ посылалъ къ нему сановниковъ, онъ обѣщалъ дать, частнымъ образомъ, свое мнѣніе о трехъ статьяхъ. Мы же услышавъ такой отвѣтъ, помыслили о словахъ Апостола, что каждый дасть за себя отвѣтъ Богу, и убоялись суда, который угрожаетъ соблазняющимъ братій своихъ.» (pag. 222, 223)

Въ слѣдствіе сего Соборъ излагаетъ то, что онъ сдѣлалъ, при разсматриваніи трехъ статей, и признавалъ четыре вселенскіе Собора Никейскій, Константинопольскій, Ефесскій и Халкидонскій, заключаетъ: »что если кто дерзнетъ, вопреки ихъ постановленію, что либо учить или писать, то кто бы онъ ни былъ, Епископъ или клирикъ, становится чуждымъ священства и обнажается епископства.» Это прямо относилось къ Вигилію, хотя и умолчено его имя. Подпись 165 Епископовъ, имѣвшихъ во главѣ Епископа Константинопольскаго, утвердила рѣшеніе соборное, и Вигилій принужденъ былъ принять оное, хотя произнесено было противъ прежнихъ его мнѣній и съ явнымъ пренебреженіемъ его чести. И такъ вотъ вселенскій Соборъ осуждаетъ Папу, и что же смиренно отвѣтствовалъ Вигилій, возлюбленному брату своему Евтихію, подписавшемуся во главѣ Собора?—

»Каждому извѣстно, какой соблазнь возбудилъ во всемъ мірѣ врагъ человѣчeskій, такъ что его самаго, (т. е. Папу Вигилія) и находившихся при немъ въ Царьградѣ, хотя одинаково съ братьями своими и соепископами уважающихъ опредѣленія четырехъ вселенскихъ Соборовъ и единую съ ними содержащихъ вѣру, старался отдѣлать отъ нихъ, софизмами и лукавыми кознями; но Христось Богъ нашъ, истинный свѣтъ, не объемлемый тьмою, отклонилъ всякое смущеніе отъ мыслей его (Папы), и весь міръ и Церковь призвалъ къ миру, такъ что по откровенію Господа, спасительно исполнено имъ Вигиліемъ то, что подобало,» и проч. (pag. 263.)

Вмѣстѣ съ Папою и весь Западъ призналъ рѣшеніе сего собора, который получили, чрезъ общее соглашеніе Церкви, достоинство Вселенскаго. Послѣ такого колебанія и почти осужденія Вигиліева, не должно уже смущаться, лестными выраженіями Императора Юстиніана о каедрѣ Римской, въ грамотѣ къ предмѣстнику Вигилія Папѣ Агапиту, если только и она не искажена Римлянами.

»Первое спасеніе есть хранить правую вѣру и не отступать отъ преданія отеческаго; ибо не можетъ мимо идти изреченіе Господа нашего Иисуса Христа: «ты еси Петръ и на семь каменъ созижду Церковь мою.» Слова сии подтверждаются событіями, ибо и на каедрѣ Апостольской всегда соблюдается неизмѣнно Каеволическая вѣра.» Нѣсколько лѣтъ спустя оныиъ показалъ самому Юстиніану въ лицѣ Папы Вигилія, котораго имя велѣлъ онъ исключить изъ поминовеній церковныхъ, что слова Христовы относятся не къ особѣ Петра и не къ каедрѣ Римской исключительно, но къ исповѣданію Петрову и Вселенской Церкви. (Concil. T. II, pag. 188.)

Другая грамота Юстиніана къ Папѣ Іоанну, показываетъ ясно отношенія Римскаго Епископа къ Церквамъ: «воздавая честь Апостольской вашей каедрѣ и вашей святинѣ, и какъ отца уважая ваше блаженство, мы всегда хотѣли доводить до свѣдѣнія вашего все, что касалось до состоянія Церквей; ибо всегда имѣли великую заботу сохранить единство съ вашимъ Апостольскимъ престоломъ и благосостояніе Св. Божіихъ Церквей. И такъ просимъ отеческую любовь вашу, чтобы въ грамотахъ вашихъ къ намъ

и къ святѣйшему Епископу сего града, Патріарху брату вашему, (послику и онъ писалъ къ вамъ, согласуясь во всемъ съ Апостольскою каедрю вашею) объявить намъ, что вы пріемлете всѣхъ исповѣдающихъ правую вѣру, и отрицающихъ оную осуждаете. Тѣмъ паче возрастетъ общая любовь къ вамъ и важность вашего Апостольскаго престола, и сохранится единство сущихъ у васъ святыхъ Церквей, ибо чрезъ васъ узнають всѣ блаженные Епископы правое ученіе тѣхъ, которые относятся къ вашей святинѣ.» (pag. 172.)

Здѣсь также не видно единовластія Папы, а только почеть и союзъ Запада съ Востокомъ. Императоръ Іустиніанъ, который съ ревностію входилъ въ разбирательство правъ церковныхъ, подобно какъ и гражданскихъ, въ числѣ многихъ своихъ узаконеній, опредѣлилъ и степени первенствующихъ престоловъ, находившихся въ предѣлахъ его обширной имперіи. Но и онъ, подобно отцамъ Константинопольскаго и Халкидонскаго Соборовъ, не видѣлъ какого либо духовнаго начала въ ихъ различныхъ преимуществахъ, а только распоряженія чловѣческія, когда издалъ слѣдующее узаконеніе: «согласно съ правилами святыхъ Соборовъ, опредѣляемъ святѣйшему Епископу старшаго Рима быть первымъ предъ всѣми іереями, и блаженнѣйшему Епископу Константинополя, новаго Рима, занимать второе мѣсто послѣ престола старшаго Рима и быть выше всѣхъ прочихъ.» (Novella centesima.)

То же преимущество подтвердилъ Папъ Вонифатію III; по просьбѣ его, Императоръ Фока, умертви-

вній предвѣстника своего Маврикія, и отнялъ титуло Архіерея Вселенскаго у Киріака Патріарха Константинопольскаго, за то, что онъ не выдалъ ему Императрицу и трехъ ея дочерей, искавшихъ спасенія въ храмъ. Сіе титуло Вселенскаго, со времени Іустиніана стало употребляться въ Церкви Константинопольской и возбудило сильное негодованіе св. Папы Григорія Великаго, противъ Патріарха Цареградскаго св. Іоанна Постника, который прежде всѣхъ началъ подписываться такъ въ актахъ церковныхъ. (Ист. Флери кн. XXXVI, гл. 52.)

Римскіе святители не терпѣли присвоенія вселенской власти и титула, когда оныя давались другимъ, хотя въ этомъ случаѣ Григорій дѣйствовалъ единственно по духу смиренія. Письма его могутъ служить лучшею и сильнѣйшею проповѣдью и обличеніемъ противъ духа властительства и единоначалія Римскаго, и изъ нихъ можно видѣть, въ чемъ собственно состояло первенство Епископовъ Римскихъ.

»Размысли, пишетъ онъ Іоанну, что твоею безразсудною надмѣнностію возмущается миръ церковный; братъ возлюбленный, возлюби всемія сердцемъ твоимъ смиреніе, которымъ можетъ сохраниться согласіе всѣхъ братій и единство святой вселенской Церкви. Когда Апостоль Павелъ услышалъ нѣкоторыхъ говорящихъ: «я Павловъ, я Аполлосовъ, а я Кифинъ» ужаснулся онъ такому разтерзанію тѣла Господня, члены всего прилагались чуждымъ главамъ, и воскликнуть: «развѣ Павелъ распялся за васъ, или во имя Павлово вы крестились?» Такъ избѣгалъ онъ, видѣ Христа, подчинять члены тѣла

Господня въ частности, какъ бы главамъ, даже самимъ Апостоламъ. Что скажешь Христу, т. е. всеобщей главѣ Церкви, на испытаніи послѣдняго суда, ты, который названіемъ вселенскаго стараешься подчинить себѣ всѣ члены его? Кто въ этомъ, столь развращенномъ названіи, предлагается подражанію, кромѣ того, который презрѣвши легіоны Ангеловъ, въ союзѣ съ нимъ поставленныхъ, домогался вознестись на верхъ единства, чтобы не подлежать никому, и чтобы одному казаться выше всѣхъ? который также сказалъ: «на небо възду; выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой; възду выше облакъ; буду подобенъ Вышнему?» Ибо что братія твоя, всѣ Епископы вселенской Церкви, если не звѣзды неба, предъ коими когда ты, хочешь возвыситься и унижить имя ихъ, посредствомъ надмѣннаго названія, что иное говоришь, если не: «въздѣ на небо, выше звѣздъ поставлю престолъ мой?» Не облака ли суть всѣ Епископы? когда же твое братство презираетъ и старается давить ихъ подъ собою, что иное говорить, какъ не то, что сказано древнимъ врагомъ: «выше облакъ възду?»

»Истиннѣ Петръ Апостолъ есть первый членъ святой и вселенской Церкви, Павелъ же, Андрей, Іоаннъ, что другое какъ не главы частныхъ народовъ? и однако же подъ одною главою суть всѣ члены Церкви; и чтобы вкратцѣ выразиться: святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатию, всѣ они, воспомяющіе собою глго Господне, причисляются къ членамъ Церкви, и никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ. (Вотъ истинное и прямое ученіе Церк-

ви и отцевъ) Да познаеть ваша святыня сколько она превозносится, когда хочетъ называться такимъ именемъ, котораго не восхицалъ никто изъ тѣхъ, которые истинно были святыми. Или неизвѣстно вашему братству, что на Халкидонскомъ священномъ Соборѣ, святители сего Апостольскаго престола, которому по волю Божию служу, называемы были ради почести вселенскими? Никто однако же никогда не хотѣлъ называться такимъ именемъ, никто не восхитилъ себѣ столь дерзновенное имя, дабы, если восхитить себѣ въ святительскомъ санѣ исключительную славу, не показалось бы, что онъ отказываетъ въ оной всѣмъ братьямъ. (За симъ слѣдуютъ увѣщанія словами Евангельскими.) Размысли чему научаютъ насъ заповѣди Испытателя нашего, глаголющаго: «блаженни нищѣ духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное» (Мате. V.); и чрезъ Пророка своего: «на комъ почиетъ Духъ мой, только на смиренномъ и кроткомъ и трепещущемъ словъ моихъ» (Исаія LXVI). Когда Господь хотѣлъ привести сердца немощствующихъ учениковъ на путь смиренія, онъ имъ сказалъ: «если кто хочетъ быть въ васъ первымъ, да будетъ всѣмъ слуга,» (Мате. XV.) и еще: «вы же не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель, вы же всѣ братья» (Мате. XXIII.); не называйте себѣ отца на земли, ибо одинъ только Отецъ вашъ.» Ты же, возлюбленный братъ, что скажешь на ономъ страшномъ испытаніи грядущаго суда, когда желаешь въ мірѣ называться не только отцемъ, но и отцемъ вселенскимъ? Да отклоняется всякое внушеніе злое, да бѣжитъ всякій соблазнъ. »Подобаеть пріити соблазнамъ, но

XX - 9

7
 горе чловѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.» (Матѣ. XVIII.) И вотъ, отъ сего неистоваго и надмѣннаго титула, раздѣляется Церковь и сердца всѣхъ братій смущаются соблазномъ. (Не отъ сего ли истиннѣ и раздѣлилась Церковь? не отъ возношенія ли Первосвятителей Римскихъ, хотѣвшихъ возгосподствовать надъ вселенскою Церковію?) Писано: «любовь не ищетъ своего» (1 Кор. XIII.), а твое братство присвоетъ себѣ даже чуждое, и опять писано: «предупреждайте другъ друга честію» (Рим. XIII.), ты же стараешься у всѣхъ отнять то, что желаешь незаконно присвоить себѣ одному. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что сіе пишу ради любви къ вашему братству, и не противъ васъ, а за васъ; не могу однако предпочесть даже и возлюбленнаго заповѣдамъ Евангельскимъ, правиламъ церковнымъ и пользѣ брата.» (Письмо 58. кн. IV. инд. 13.)

Кажется, невозможно было сказать ничего лучше и сильнѣе, и удивительно какъ преемники великаго Григорія могутъ спокойно читать еію грамоту и не только называться вселенскими, но и главами вселенской Церкви и намѣстниками Христовыми! Не къ одному Іоанну, но и ко всѣмъ Патріархамъ, писалъ по сему же предмету св. Григорій, ибо до всѣхъ относилось такое нарушеніе равенства; сказавъ имъ прежде, какимъ образомъ его предмѣстникъ Пелагій уничтожилъ, важностію Петра Апостола, дѣянія соборныя, въ коихъ Іоаннъ, Патріархъ Константинопольскій, присвоилъ себѣ имя вселенскаго, и какъ никто изъ Епископовъ Римскихъ не хотѣлъ сего титула, ибо если одинъ Патріархъ назовется вселенскимъ, то всѣхъ прочихъ

Патріарховъ уничтожится званіе: «никому не давай-те титула вселенскаго Архіерея и ничего не бойтесь за сіе отъ лица Кесарева; онъ богобоязливъ и не поступитъ вопреки Евангелія и канонѣвъ. Могу ли не сокрушаться, видя, что нѣкогда смиренный постникъ Іоаннъ до того превознесся, что покушается присвоить себѣ власть, и тѣхъ, которые соединены съ единымъ главою, т. е. со Христомъ, всѣхъ его членовъ хочеть подчинить себѣ, превозношеніемъ гордаго титула. Если дозволятъ ему употребить такой титулъ, то всѣ Патріархи лишатся своего достоинства, и когда именующійся вселенскимъ Епископомъ впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется болѣе Епископа, стоящаго въ правдѣ. И такъ умоляю васъ соблюсти ваши Церкви какими вы ихъ пріяли; охраните отъ сей порчи всѣхъ подвластныхъ вамъ Епископовъ и покажите имъ, что вы вѣистинну Патріархи вселенской Церкви; если и случится какое бѣдствіе, пребудемъ единокорны и даже умирая докажемъ, что не ради собственныхъ выгодъ осудили титулъ сей. Вѣрьте мнѣ, что какъ мы получили санъ нашъ для проповѣданія истины, такъ долѣебъ лучше оставить его ради истины, нежели удержать. Помолитесь за меня, дабы дѣла мои соответствовали словамъ.» (Письмо 36 кн. IV. инд. 13. Ист. Флери кн. XXXV, гл. 39.)

Къ Императору Маврикію писалъ о томъ же великій Святитель: «ты упрекаешь меня, что ради суетнаго титула не должно возникать между нами соблазна. Но размысли, что есть нѣкоторыя вещи суетныя, хотя и весьма безвредны, другія же крайне вредны: когда грядущій антихристъ назоветъ себя Богомъ,

сіе будетъ суетно, но вмѣстѣ и крайне пагубно!— Обратимъ вниманіе на составъ слова: въ немъ только одинъ слогъ, а въ смыслѣ бездна нечестія и общаа гибель. Я же смѣло говорю, что если кто себя называетъ, или желаетъ назвать вселенскимъ святителемъ, тотъ, возношеніемъ своимъ, предшествуетъ антихристу, ибо надмѣнно предпоставляетъ себя прочимъ. Одинаковою гордостію ведутся они къ заблужденію, ибо какъ оный сынъ погибели хотеть казаться Богомъ предъ всѣми человѣками, такъ и сей, кто бы онъ ни былъ, желающій назваться единственнымъ святителемъ, возносится надъ прочими святителями.» (Пис. 30. кн. VI. инд. 45.) Не падаетъ ли это на лице Папы, который, какъ намѣстникъ Христа, садится даже, въ день своего поставленія, на самый престоль, на коемъ совершается безкровная жертва Христова? Не ужаснулся ли бы сего великій Григорій, учредитель чина церковнаго, писавшій: «поелику истина рекла: всякой возносящій себя смирится» (Луки XIV.), знаю что всякое возношеніе тѣмъ скорѣе рушится, чѣмъ больше напыщается.» Какъ далеко отъ его смиреннаго письма до постановленій Западныхъ, въ коихъ Пана названъ не только вселенскимъ Архіереемъ, но даже намѣстникомъ Христа, и всѣ Епископы присягаютъ ему въ вѣрности и сознаются, что получили свои каедры, по благодати Божіей и милостію Апостольскаго престола!

Если же изъ писемъ св. Григорія кто либо заключаетъ, что не пріемля громкаго титула Вселенскаго Архіерея, онъ однако домогался вселенской власти, и именовъ Петра Апостола думаетъ упра-

влять всею Церковію, поелику часто ссылаеся на его первенство и верховный санъ: то пусть прочтетъ письмо Григорія къ Патріарху Александрійскому Евлогію, (п. 37. кн. 6.) въ которомъ ясно показано, какъ разумѣлъ онъ первенство Петрово. »Возлюбленная мнѣ святость твоя много въ письмахъ своихъ говорила мнѣ о кафедрѣ верховнаго Апостола Петра, утверждая, что и донинѣ онъ сидитъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ. Я же признаю себя недостойнымъ, не только чести предсѣдствующихъ, но даже и числа стоящихъ; однако съ любовію принялъ все сказанное, потому что о кафедрѣ Петра говорилъ мнѣ содержащій кафедру Петрову. И хотя ни сколько не радуется меня частная почеть, я весьма обрадовался, потому что вы святѣйшіе, то, чѣмъ меня обременяли, сами себѣ даровали. Ибо кто не знаетъ, что святая Церковь утверждена на крѣпости верховнаго изъ Апостоловъ, который выражалъ самымъ именемъ крѣпость мысли своей, будучи названъ Петромъ отъ камня?—Сему сказано было гласомъ истины: »тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго, и ты, нѣкогда обратившись, утверди братію свою, и паси овцы моя.» И такъ хотя многіе суть Апостолы, ради самаго старѣйшинства, одна только кафедра верховнаго Апостола превозмогаетъ важностію своею, которая въ трехъ мѣстахъ единому принадлежить. Ибо онъ самъ возвеличилъ престолъ, на коемъ упокоился и удостоился окончить временную жизнь; онъ самъ украсилъ престолъ, на который послалъ ученика своего Евангелиста, и самъ же утвердилъ престолъ, на коемъ сперва возсѣдалъ семь лѣтъ. И

такъ, если одинаго и одинъ есть престоль, на ко-
емъ нынѣ, по Божественной власти, предѣять
три Епископа: то я вмѣняю себѣ то, что о васъ
слышу добраго, а что обо мнѣ добраго пріемлете,
то своимъ заслугамъ вмѣняйте, ибо мы едины въ
томъ, кто сказалъ: «чтобы всѣ были едино, какъ
Отець во мнѣ, и я въ Отцѣ, такъ и всѣ въ насъ
да будутъ едино.» (Іоан. XVII.) 21

Одинъ изъ лучшихъ и безпристрастныхъ писа-
телей Западной Церкви, аббать Флери, въ своей
церковной исторіи, описывая правленіе Св. Папы
Григорія, излагаетъ, какъ далеко распространялась
въ концѣ 6 вѣка власть Епископовъ Римскихъ:
«Григорій поставлялъ Епископовъ и входилъ во
всѣ подробности управленія только въ такихъ
Церквахъ, которыя прямо зависѣли отъ Римска-
го престола, и которыя посему назывались под-
городными: какъ то въ южной части Италиі, гдѣ
онъ былъ единственнымъ Архіепископомъ, въ Си-
цилиі и иныхъ островахъ, хотя они имѣли своихъ
Митрополитовъ. Но нигдѣ не видно, чтобы онъ
имѣлъ такую же непосредственную власть въ обла-
стяхъ, зависѣвшихъ отъ Медиолана и Аквилен, ни
въ Испаниі и Галлиі. Правда, Епископъ Арелатскій
былъ его викаріемъ въ Галлиі, такъ какъ и Тессало-
никійскій въ Западной Иллириі. Папа заботился такъ
же о Церквахъ Африканскихъ, чтобы тамъ созыва-
лись Соборы и соблюдались правила. Но мы не ви-
димъ, чтобы онъ пользовался какимъ либо судеб-
нымъ правомъ во всѣхъ областяхъ, какія только
принадлежали Имперіи Восточной, т. е. въ четы-
рехъ патріархіяхъ Константинополя, Александриі,

Антиохии и Иерусалима. Онъ былъ только въ общеніи письменномъ со всѣми сими Патріархами, не входя однако въ частное управленіе ихъ Церквей, исключая развѣ нѣкоторыхъ необычайныхъ случаевъ.» Вотъ справедливое, кромѣ одного послѣдняго выраженія, описаніе того, въ чемъ собственно состояло первенство Римской кафедры на Востокъ.

СЕДЬМЫЙ ВѢКЪ.

ШЕСТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ,

Отношенія Римскихъ Епископовъ не измѣнялись и въ седьмомъ столѣтіи, ни къ Вселенской Церкви, ни къ Императорамъ Византійскимъ, отъ которыхъ они вполнѣ зависѣли, ибо Римъ продолжалъ еще быть достояніемъ ихъ обширной области. Но долговременное несогласіе волновало Церковь въ теченіи сего вѣка, по случаю ереси Монофелитовъ, которые не признавали, согласно съ ученіемъ православымъ, двѣ воли въ лицѣ Господа Іисуса, проистекавшія отъ двоякой его природы, Божеской и человѣческой; первостепенные Епископы

благопріятствовали ихъ заблужденію, какъ-то: Киръ Александрійскій, Сергій, Павелъ и Пирръ Царградскіе и Онорій Римскій.—Посему Императоръ Константинъ Погонать, желая водворить миръ въ Церкви, созвалъ въ Константинополь Соборъ, признанный шестымъ Вселенскимъ, на которомъ присутствовали и легаты Римскіе.

Патріархъ Іерусалимскій Досноей въ исторіи своей замѣчаетъ о семъ Соборѣ слѣдующее: »Константинъ Погонать, по восшествіи своемъ на престолъ, прилѣжно заботился о мирѣ и единеніи Церкви; посему онъ имѣлъ совѣщаніе съ Константинопольскимъ Патріархомъ, и потомъ писалъ къ Римскому Папѣ, о соединеніи Восточной и Западной Церкви: »поселику нѣкоторые захотѣли возбудить несогласіе, касательно спорныхъ предметовъ о догматахъ благочестія, между вашею святѣйшею Церковію и между здѣшною святѣйшею великою Церковію Божіею и произвести споръ: то мы немедленно повелѣли прекратить сіе, зная, что отъ частнаго спора не можетъ произойти у нихъ соединенія, но напротивъ только увеличится зло. А мы желаемъ найти удобное время къ каѳолическому созванію обоихъ престоловъ на Соборъ для того, чтобы подтвердить каноническія опредѣленія пяти св. Соборовъ и изложеніе святыхъ извѣстнѣйшихъ отцевъ, и чтобы едиными устами и единымъ сердцемъ славить пречестное имя Бога нашего. Пока не начался еще Соборъ, мы обращаемся къ вашему отеческому блаженству, чрезъ сію нашу благочестивую грамоту, убѣждая прислать къ намъ мужей способныхъ и честныхъ, имѣющихъ знаніе во всемъ Бого-

духовенномъ писаніи, и стяжавшихъ неукоризненную опытность въ догматахъ, которые бы представляли лице вашего Апостольскаго престола; они будутъ имѣть безопасность, ибо клянемся Вседержителемъ Богомъ, что у насъ нѣтъ никакого пристрастія къ какой либо одной сторонѣ, но что мы сохраняемъ одинаковое расположеніе къ обѣимъ.»

Здѣсь должно замѣтить, что когда два престола, Римскій и Константинопольскій, находились въ несогласіи и спорили между собою: то Царь былъ безпристрастнымъ ихъ примирителемъ, что по повелѣнію его созывается вселенскій Соборъ и не Римскій Папа начальствуетъ на ономъ; Царь не говоритъ, что Константинопольцы были не послушны Римскому Папѣ, и что Константинопольскій Патріархъ былъ подчиненъ Римскому, но обоихъ почитаетъ равными, и общаетъ соблюсти равенство на обѣихъ сторонахъ и не предпочитать одну другой; и такъ гдѣ же превосходство Папы, требующее себѣ повиновенія? Посему Царь и Римскаго Папу и Константинопольскаго Патріарха называетъ и блаженнѣйшими и святѣйшими, и сіе не по чему другому, какъ потому, что всѣ Патріархи суть равно Патріархи.» (Кн. VI, гл. 8.)

Таковы были порядокъ и дѣйствія сего Собора. Въ теремѣ царскомъ, называемомъ трулломъ, сидѣлъ посрединѣ Императоръ, окруженный главными своими сановниками; по лѣвую сторону три легата Папы Агаеона и всего Западнаго собора, и посланные отъ Патріарха Иерусалимскаго; по правую лично засѣдали Патріархи Константинопольскій Георгій и Антіохійскій Макарій и послац-

ные отъ Александрійскаго, который не могъ явиться потому, что Арабы уже господствовали въ Египтѣ и Сиріи; Евангеліе лежало посреди Собора. Легаты Римскіе начали рѣчь, отъ лица Папы и всего Западнаго помѣстнаго собора, который онъ нарочно созывалъ для ихъ отправленія на Соборъ вселенскій, и обличили давнюю ересь Моноотелитовъ, начавшуюся отъ Сергія Епископа Цареградскаго. (Флери кн. XL, гл. 11. Т. 16. Concil. pag. 47.)

Достойно вниманія, что съ переменною обстоятельствомъ и самаго характера сѣдѣющаго на Римской кафедрѣ, измѣняется и голосъ его легатовъ. Они также открываютъ Соборъ сей, какъ и Халкидонскій, но какая разность въ изложеніи!—они уже не говорятъ: «мы имѣемъ повелѣніе отъ блаженнаго и Апостольскаго Епископа Римской Церкви, главы всѣхъ Церквей,» но весьма смиренно обращаются къ Царю: «всеблагій владыко, по священному указу, посланному отъ твоей богомудрой державы къ святѣйшему нашему Папѣ, мы посланы отъ него къ благочестивѣйшимъ стопамъ твоей богохранимой тихости, съ его грамотою, и съ другою соборною грамотою, равномѣрно имъ составленною къ твоему богоогражденному благочестію, отъ подвластныхъ тебѣ преосвященныхъ Епископовъ, и грамоты его мы поднесли боговѣнчанной твоей державѣ.»—Потомъ, говоря о ереси нѣкоторыхъ изъ Патріарховъ Цареградскихъ, продолжаютъ: «неоднократно заботилась о томъ послушная вамъ, у насъ находящаяся Апостольская кафедра, и не въ силахъ была отвлечь ихъ отъ такого неправославнаго уче-

нія; посему просить твою боговѣнчанную державу, да изрекутъ нѣкоторые со стороны святѣйшей Константинопольской Церкви, отколѣ произошла такая новость?» Вотъ настоящій духъ смиренія, достойный легатовъ первенствующей кафедрѣ, возвышающей голосъ въ защиту догматовъ; однако авторъ книги *l'Eglise Catholique justifiée* не ссылается на сей Соборъ, а любопытно сравнить его съ позднѣйшими соборами среднихъ вѣковъ, и смиренный голосъ легатовъ папскихъ съ требованіями Кардиналовъ, посланныхъ на встрѣчу Патріарха Цариградскаго предъ Флорентинскимъ Соборомъ, которые непремѣнно хотѣли заставить его цѣловать ноги у Папы. (Т. 16. pag. 51.)

Въ столь же смиренномъ и православномъ духѣ написана и самая грамота Папы Агаѳона къ Императору. Называя его вмѣстѣ сыномъ и владыкою, себя же повсюду рабомъ его, онъ пишетъ, что во исполненіе его благочестивой воли и ради должнаго ему послушанія, онъ, по довѣренности къ знанію сослужителей своихъ, посылаетъ ихъ на Соборъ, съ благоговѣніемъ смиреннаго сердца, ибо у людей живущихъ среди язычниковъ и непрестанно обремененныхъ тѣлесными трудами, гдѣ искать глубокаго познанія Св. Писанія? преданное же Апостольскими его предмѣстниками и пятью вселенскими Соборами, сохраняется несомнѣнно въ простотѣ сердца, и желательно, чтобы въ преданіи отеческомъ, ничего не было ни умножено, ни убавлено, или измѣнено, не только въ смыслѣ, но и въ словахъ.» (Т. 16. Concil. pag. 75.)

Такое желаніе благочестиваго Агаѳона достаточ-

но свидѣтельствуеть противъ позднѣйшаго измѣненія въ символѣ. Въ посланіи же его къ Царю, и подлежащихъ собору Апостольскаго престола Епископовъ (разумѣется Западныхъ), онъ говоритъ отъ лица всѣхъ, не исключая и себя: «мы всѣ убогіе предстоятели Церкви Христовыхъ, рабы твоей христіаннѣйшей державы, въ западныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ обрѣтающіеся, хотя малые и небогатые знаніемъ, однако твердые вѣрою по благодати Божіей и проч.»—А что сіе говоритъ Папа о себѣ, явствуеть изъ того, что далѣе онъ выражается такъ: «свѣтъ вѣры, истекающій отъ истиннаго источника свѣта, чрезъ блаженныхъ служителей Петра и Павла, верховныхъ Апостоловъ, и ихъ учениковъ и преемниковъ, постепенно сохранился и до нашего убожества, помощію Божіею.» И такъ онъ признаеть себя преемникомъ обоихъ Апостоловъ, а не одного Петра, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наравнѣ съ прочими, однимъ изъ предстоятелей Церкви сущихъ на Западѣ, и сіе весьма важно въ устахъ Папы. Грамоту же сію онъ подписалъ такъ: «Агаѳонъ Епископъ Св. Божіей Апостольской и Каѳолической Церкви города Рима, согласуюсь и подписую сію грамоту, вмѣстѣ съ обществомъ всего собора Апостольскаго престола, бывшаго ради исправленія Апостольскаго исповѣданія,» и за нимъ подписали всѣ Епископы.

Послѣ многихъ засѣданій, Макарій Антиохійскій былъ обличенъ въ закоснѣлой ереси, и, по приговору Патріарха Константинопольскаго и всѣхъ легатовъ, осужденъ вмѣстѣ съ живыми и мертвыми своими единомышленниками, въ числѣ коихъ были:

Онорій Папа Римскій, и Киръ Папа Александрійскій, и Сергій, Пирръ, и Павелъ Константинопольскіе. (Том. 16. Concilior. Gest. XVI, p. 471.)

На восклицаніяхъ и многолѣтіяхъ, бывшихъ по сему случаю на Соборъ, замѣтно опять равенство первостепенныхъ кафедръ, ибо отцы Собора провозгласили одинаково многія лѣта Агаѳону Папѣ Римскому, Георгію и Теофану Патріархамъ Константинополя и Антиохіи, православному Собору и Сенату; Императору же возгласили многія лѣта, какъ охранителю православія, утвержденію Церкви и стражу вѣры. По окончаніи Собора всѣ Епископы просили Императора укрѣпить ихъ опредѣленіе своею подписью и указами, и для большей вѣрности послать къ пяти Патріаршимъ престоламъ скрѣпленное его рукою исповѣданіе вѣры. Соборъ извѣстилъ грамотами Папу о своихъ дѣяніяхъ, которыя къ нему препроводилъ, прося также утвердить изложеніе вѣры, т. е. письменно изъяснить согласіе свое, хотя въ числѣ осужденныхъ еретиковъ поставлено было и имя Папы Онорія. (Ист. Флери XL, гл. 27.)

Соборъ сей особенно замѣчателенъ тѣмъ, что противъ него, какъ и противъ перваго Никейскаго, не было никакого противурѣчія со стороны Западныхъ, и потому что во время онаго кафедре Римская находилась въ предѣлахъ имперіи Восточной, отчего и отношенія ея Епископовъ къ Церкви Константинопольской и прочимъ кафедрамъ, были правильны, какъ сіе явствуетъ изъ соборныхъ и царскихъ грамотъ. Съ выраженіемъ глубокаго уваженія къ личнымъ достоинствамъ Папы Агаѳона

и первенству его престола, не видно какой либо подчиненности, противной правиламъ Церкви.—Соборъ Вселенскій пишетъ къ собранію Епископовъ Западныхъ: «вы знаете, блаженнѣйшіе, что большія болѣзни требуютъ большей помощи, и провидѣніе Божіе даю святыню вашу цѣлителями православными противъ заразы еретической,» обращается и къ лицу самаго Агаѳона «какъ къ первопрестольнику вселенской Церкви, стоящему на твердомъ камени вѣры, ради истиннаго исповѣданія, изложеннаго имъ въ посланіи къ Царю, которое принято было, по божественному его содержанію, какъ бы отъ верховной высоты Апостоловъ, и разогнало заблужденія еретическія. Мы просимъ, заключаютъ отцы соборные, чтобы ваша отеческая святыня снова запечатлѣла, своею честною подписью проповѣданное нами, купно съ вами, святое православіе, и да сохранить Богъ святыню вашу невредимо съ вѣренными ей православными стадами. Всеобщее же, съ вашимъ блаженствомъ обрѣтающееся братство наше, мы, и съ нами суще, много привѣтствуемъ.» (Т. 16. Concilior. pag. 538.)

Здѣсь Папа названъ только первопрестольникомъ Вселенской Церкви, стоящимъ на камени исповѣданія Петрова, а не главою Церкви, и грамоты его, по божественному ихъ содержанію, внушены какъ бы отъ верховныхъ Апостоловъ, во множественномъ, т. е. Петра и Павла, какъ и самъ Агаѳонъ называлъ себя ихъ преемникомъ. Грамота царская, называемая священной (саста) къ преемнику Агаѳона, Льву II, еще вѣрнѣе объясняетъ истинный смыслъ нѣкоторыхъ высокопарныхъ

выраженій; а эдиктъ или указъ, который повѣшенъ былъ въ преддверіи Софійскаго собора начинался такимъ образомъ: »что вѣра есть утвержденіе царства, исповѣданіе же оной есть твердый камень, на коемъ должно утверждаться.»—Одинаково называются въ ономъ, Келестинъ и Кирилль, экзархами третьяго всеменскаго Собора, съ помощію Христа Бога, осудившими ересіарха Несторія. На чемъ же основываются Римляне, называя Келестина председателемъ Собора, Кирилла же токмо его намѣстникомъ? (pag. 549.)

Въ граматѣ къ Папѣ Императоръ говоритъ: »что ради мира церковнаго, онъ возбудилъ, своими посланіями, блаженнѣйшаго Папу Агаѳона прислать отъ себя нѣкоторыхъ, для представленія его лица, и прочимъ святѣйшимъ первосвященителямъ возвѣстити, чтобы каждый, собравъ подвластныхъ себѣ іереевъ, пришелъ съ ними въ богоспасаемый градъ.— Когда же, по нашему зову и велѣнію, сошлись какъ тѣ, которые суть со стороны вашего блаженства, такъ и сопредстольные вамъ, послѣ васъ сѣдящіе, святѣйшіе Патріархи, и прочіе всѣ преосвященнѣйшіе Епископы, и возсѣли съ нашею благочестивою тишостию, мы занялись сужденіемъ о вѣрѣ.»—Не показываютъ ли ясно сіи выраженія, что Папа только первопрестольникъ, а не глава Церкви? Далѣе, когда прочтены были грамоты Папы на Соборъ и найдены, по сличеніи съ Св. Писаніемъ и канонами, совершенно имъ соответствующими, Императоръ говоритъ: »что имъ мнилось, мысленными очами, созерцать самага первопрестольника и начальствующаго въ Апостольскомъ ликѣ Петра, божественно

изрекающаго всю тайну смотрѣнія Божія, и граматую, какъ бы словами, исповѣдающаго: ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго! ибо всего Христа описывали намъ священныя сіи грамоты; почему и приняли мы ихъ съ благоговѣніемъ и радостію, какъ будто бы самага Петра, въ нѣдра душъ нашихъ воспріали.» И такъ содержаніе грамотъ, напоминающее исповѣданіе Петрово, пріемлется духовно, какъ бы самъ Апостоль, и далѣе опять говорится: »что одинъ только Макарій Антиохійскій, сопротивленіемъ сложивъ съ себя иго Христова, и изшедши изъ священнаго собранія, вовсе отрекся согласовать мнѣніе съ священными грамотами Агаѳоновыми, какъ бы безумствуя на самага корифея Петра.» Здѣсь опять не лице Папы, но содержаніе его писемъ напоминаетъ Петра. (Т. 16. pag. 567.)

»Посему святой и вселенскій Соборъ, безумствующаго Макарія, съ его сообщниками, обнажилъ святительскаго образа, и поелику всѣ они, общею граматую, просили нашу свѣтлость послать ихъ къ вашему блаженству, то мы и посылаемъ ихъ къ вамъ, довѣряя отеческому суду вашему ихъ дѣло.»—Сему есть и причина: »слава Богу творящему славное и сохранившему у васъ вѣру невредимою!» и это не есть право апелляціи, а только снисхожденіе къ осужденнымъ. Далѣе казалось бы могли восторжествовать Римляне, ибо Императоръ, умолчавъ и какъ бы забывъ о ереси Папы Онорія, проклятаго вмѣстѣ съ прочими на Соборъ, говоритъ: »и какъ не устояла бы вѣра на камнѣ, положенномъ въ основаніе Церкви, которую не одолѣють врата адовы, т. е. козни еретическія, и отколетъ, какъ бы изъ глубины неба, возсіяло

слово праваго исповѣданія и освѣтило души Христолюбивыя, ожививъ охлажденное Православіе!»—Но вотъ что за тѣмъ немедленно слѣдуетъ: »сіе, съ помощію Божіею, мы совершили и овецъ Христовыхъ собрали во едино стадо, дабы не обольщались болѣе наемниками, которые не суть пастыри, и не дѣлались добычею волковъ, но дабы паслись единымъ и единственнымъ пастыремъ, съ которымъ повелѣно и вамъ пасти и полагать душу за овецъ.» И такъ Императоръ, чрезъ посредство Собора, приводитъ овецъ къ единому пастырю Христу, Епископъ же Римской, долженъ только какъ Епископъ, пасти со Христомъ или во Христа, сходно съ словами Апостола Петра: »пастырей вашихъ увѣщаваю я, сопастырь и свидѣтель Христовыхъ страданій и соучастникъ въ славу, которая должна открыться, пасти стадо какое у васъ есть, надзирая за онымъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наследіемъ Божіимъ, но будьте примѣромъ для стада.» (1 Петр. V, 1, 2, 3.)

Легаты Римскіе, будучи еще въ Константинополь, испросили также у Императора грамоту, по коей онъ уменьшилъ сумму, обыкновенно вносимую за поставленіе Папы, съ тѣмъ однако же, чтобы новоизбранный не прежде былъ посвящаемъ, какъ послѣ полученія въ Константинополь вѣсти о его избраніи, на которое, по древнему обычаю, Императоръ долженъ былъ изъявить свое согласіе, и такимъ образомъ преемникъ Агаѳона, Левъ II, былъ посвященъ только съ согласія царскаго. При немъ уже принесли легаты грамоты на имя Папы и За-

паднаго собора; и Левъ, признавъ опредѣленіе соборное и царское, мечемъ духовнымъ, обоюду острымъ, разсѣкающимъ ересь, принужденъ былъ вмѣстѣ съ прочими осудить Папу Онорія, хотя предметникъ его Агаѳонъ, осудившій иныхъ, на то не рѣшился; — такое признаніе явно говоритъ противъ непогрѣшительности Римскихъ Епископовъ, на которое опираются Римляне. (Флери кн. XL, гл. 28.)

Поелику же пятый и шестой вселенскіе Соборы не оставили по себѣ правилъ для устройства церковнаго, то одиннадцатъ лѣтъ спустя, въ томъ же теремѣ, или трумѣ; преемникъ Константина, Императоръ Иустиніанъ, созвалъ еще Соборъ, называемый пято-шестымъ, и почитаемый за продолженіе шестаго Вселенскаго, на коемъ присутствовали лично всѣ Патріархи Восточные съ 265 Епископами. Они издали 102 правила, относящіяся до внутренняго и внѣшняго благочинія церковнаго; но такъ какъ на ономъ осуждались нѣкоторыя отступленія Римскія отъ древняго порядка, то Папа Сергій не хотѣлъ признать Соборъ сей, хотя онъ обязателенъ для Восточной Церкви, наравнѣ съ вселенскими уставами.

»Поелику мы увѣдали, яко обитающіе во градъ Римъ, во святую четьредесятницу, въ субботы ея постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію: то святому Собору угодно, да и въ Римской Церкви ненарушимо соблюдается правило, глаголющее: аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ во святый день Господень, или въ субботу постящимся, кромѣ единыя токмо: да будетъ изверженъ, аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ.» (Прав. 55.)

Тотъ же Соборъ утвердилъ опять преимуще-
ства Церкви Константинопольской. »Возобновляя
законоположенное сто пятидесятию святыми Отца-
ми, собравшимися въ семь Богохранимомъ и цар-
ствующемъ градѣ, и шесть сотъ тридесятию, собра-
вшимися въ Халкидонѣ, опредѣляемъ, да имѣеть
престоль Константинопольскій равныя преимущества
съ престоломъ древняго Рима, и, якоже сей, да
возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вто-
рымъ по немъ: послѣ же онаго да числится пре-
столь великаго града Александри, потомъ пре-
столь Антиохійскій, а за симъ престоль града Иеру-
салима.» (Прав. 37.)

ОСЬМЫЙ ВѢКЪ.

СЕДЬМЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ

ВЪ НИКЕИ.

Безсиліе Императоровъ Византійскихъ и безум-
ное стремленіе Льва и сына его Копронима, къ
истребленію св. иконъ, нарушили въ осьмомъ столѣтїи
связь гражданскую Рима и Византїи, и дали по-
водъ Епископамъ древней столицы, мимо слабыхъ

эксарховъ царскихъ въ Равеннѣ, искать защиты противъ Лонгобардовъ у новой возрастающей династии Франковъ. Постепенно развилась однако мысль, сперва о независимости, потомъ же о владычествѣ, у святителей Римскихъ, дотогъ уважаемыхъ только по своему духовному достоинству и первенству ихъ кафедръ. Еще Григорій II, когда вся Италия взволновалась за иконоборство, не хотѣлъ отложиться отъ законной власти и удержалъ Римъ за Византією, хотя Императоръ, разгнѣванный за несогласіе на иконоборство, овладѣлъ богатымъ имуществомъ Церкви Римской и даже подчинилъ Патріарху Цареградскому церкви Иллиріи, Калабріи, Неаполя, Сициліи, дотогъ зависѣвшія отъ престола Римскаго. (Флери кн. XLII, гл. 17.)

Григорій III уже дѣйствовалъ рѣшительнѣе: въ строгихъ письмахъ обличилъ онъ безуміе Императора, и выставя достоинство своей кафедры, презиралъ его угрозы. «Епископы Римскіе, писалъ онъ, сидятъ въ сей древней столицѣ, какъ нѣкое средостѣніе, какъ посредники мира между Западомъ и Востокомъ. Не страшимся угрозъ твоихъ; за нѣсколько стадій отъ Рима, въ предѣлахъ Кампаніи мы уже внѣ всякой опасности.» Но и Григорій еще не разумѣлъ власть папскую превыше владыкъ земныхъ, хотя вопреки правъ царскихъ, онъ предложилъ титулъ Патріція и Консула Карлу Мартелю; ибо въ томъ же письмѣ къ Императору онъ писалъ о предѣлахъ власти мірской и духовной: «что какъ Епископы не должны мѣшаться въ дѣла гражданскія и раздавать почести мірскія, такъ и

властители должны воздерживаться отъ дѣлъ церковныхъ и не вступаться въ посвященія и таинства.» (Гл. 8, 9.)

Папа Захарія одобрилъ похищеніе престола у древней династіи Меровинговъ, сыномъ Карла Мартеля, Пепиномъ, а Стефанъ II, тѣснымъ Лангобардами, первый изъ Папъ, переступилъ Альпы и принятый съ чрезвычайною честью Пепиномъ, вѣнчалъ его на царство, и получилъ отъ него во владѣніе обширную область, принадлежавшую Императорамъ, которую они уже не могли защищать, подъ именемъ достоянія Петрова, со многими городами.— Такимъ образомъ, вопреки правъ гражданскихъ и каноновъ церковныхъ, Епископъ Римскій, прикрывая свое властолюбіе именемъ Петра, сдѣлался обладателемъ мірскимъ и владыкою духовнымъ, забывъ слова учителя Петрова: «царство мое не отъ міра сего.» Какимъ же образомъ Папы употребляли во зло лице Петрово, которымъ они величались, видно изъ письма того же Стефана къ Королю Пепину, когда умолялъ его о помощи. (Кн. XLIII, 17, 18.)

»Петръ, призванный Апостолъ Иисуса Христа, Сына Бога живаго, избраннымъ людямъ Пепину, Карлу и Карломану, тремъ Королямъ, и съ ними всѣмъ Епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, монахамъ и всѣмъ Герцогамъ, Графамъ и Баронамъ: поелику мною Церковь Римская, коей Епископъ есть Стефанъ, утверждена на камнѣ,—умоляю васъ, и Пресвятая Дѣва Марія со всѣми Ангелами, Мучениками и Святými, заклинаетъ васъ со мною, не поустити, чтобы мой городъ Римъ и мой народъ сдѣлались жертвою Лангобардовъ. Если послушаете

скоро, получите великую мзду въ сей жизни, и сокрушите враговъ своихъ и будете долговѣчны, и вкусите блага земныя и еще получите жизнь вѣчную. Если же не послушаете, то да вѣдаете, что властію Трисвятой Троицы и моего Апостольства, лишены будете царствія Божія.»

Уже Папа Павелъ I, превознесенный новою мірскою властію, принялъ, по еѳодальному обычаю, присягу отъ Герцоговъ Беневента и Сполеты, и тѣмъ едва не утратилъ всего достоянія, раздраживъ Лонгобардовъ. Преемники его, Стефанъ III и Адрианъ I, спаслись только помощію Карла Великаго, который сокрушивъ ихъ королевство, вступилъ въ Римъ и подтвердилъ сему послѣднему Папѣ все достояніе, данное Пепиномъ.

Не смотря на сіе даяніе, Карль, а не Папа, сдѣлался наслѣдникомъ владычества Императоровъ Византійскихъ въ Италіи и настоящимъ владыкою Рима, когда наконецъ, въ 800 году, Папа Левъ III внезапно провозгласилъ его Императоромъ и вѣнчалъ златымъ вѣнцемъ, простершись предъ нимъ на землю, какъ нѣкогда предмѣстники его воздавали честь сію властителямъ Восточнымъ.—Но слабые преемники Карла, властно распоряжавшаго въ Римѣ и утверждавшаго избраніе Папѣ, которымъ посылали свои узаконенія, выпустили изъ рукъ власть своего великаго предка, по внутреннимъ несогласіямъ, и стремясь въ Римъ за свѣтлымъ вѣнцемъ Кесарей, приучили вѣнчавшихъ ихъ на царство къ той мысли, что они суть истинные и законные раздатели вѣнцовъ царскихъ, распоряжая даже и императорскимъ. (Кн. XLV, гл. 21.)

Въ исходъ сего столѣтія явились и ложныя декретаціи папскія, или мнимыя каноническія постановленія, приписываемыя Епископамъ Римскимъ первыхъ вѣковъ, которыхъ подлогъ рѣшительно обличенъ былъ только чрезъ восемь столѣтій, а въ теченіи сего времени, онѣ служили каноническимъ правомъ для Западной Церкви, потворствуя владычеству Рима. Вотъ что говоритъ о нихъ историкъ Флери: «собраніе, въ коемъ декретаціи находятся, носить имя Исидора, родомъ Испанца, но на нихъ лежитъ отпечатокъ явнаго подлога. Всѣ онѣ одного слога, растянутого и надутаго, который болѣе принадлежитъ осьмому вѣку, нежели тремъ первымъ, и по тщательному изысканію, въ нихъ нашлись даже различныя отрывки св. Льва и Григорія, и другихъ Папъ, жившихъ гораздо позже нежели тѣ, подъ чьихъ именами, выдавались декретаціи; годы же ихъ почти всѣ вымышлены, а содержаніе еще болѣе обнаруживаетъ ложь. Онѣ говорятъ объ Архіепископахъ, Приматахъ и Патріархахъ, какъ будто бы титулы сіи явились при началѣ Церкви, запрещаютъ соборы, даже помѣстные, безъ дозволенія Папы, представляютъ аппелляціи въ Римъ весьма обыкновенными, и тому подобное. Исидоръ утверждаетъ даже, что болѣе 20 канонѣвъ опредѣлено было на Соборѣ Никейскомъ.—Однако сколь ни былъ грубъ подлогъ сей, онъ обманулъ всю Церковь Латинскую; въ теченіи 800 лѣтъ ихъ почитали истинными и едва оставили ихъ въ минувшемъ столѣтіи, хотя нынѣ всякій немного образованный человекъ увѣренъ въ ихъ несправедливости.» Такъ, мало помалу, уже образовалось огром-

ное зданіе вселенскаго единодержавія Первосвященника древней столицы міра. (Кн. XLIV, гл. 22.)

Но еще однажды, въ исходѣ сего столѣтія, Церковь видѣла утѣшительное событіе въ нѣдрахъ своихъ,—седьмой вселенскій Соборъ, созванный въ Никей, для прекращенія иконоборства, Императоромъ Константиномъ и матерію его Ириною, по убѣдительной просьбѣ св. Тарасія Патріарха Цареградскаго. »Ничто такъ не пріятно Богу, говоритъ онъ, какъ единство, которое изъ всѣхъ насъ составляетъ единую Каѳолическую Церковь, какъ мы исповѣдуемъ въ символѣ: и такъ умоляю Государей, созвать вселенскій Соборъ, дабы мы составили всѣ единое тѣло, подъ единственною главою, Исусомъ Христомъ.» (Ист. Флери кн. XLIV, гл. 24.)

Седьмой вселенскій Соборъ особенно важенъ для Православныхъ, какъ послѣднее торжественное соединеніе Востока и Запада, за это лѣтъ до ихъ разрыва, и потому должно обратить тщательное вниманіе на взаимныя отношенія пяти первенствующихъ престоловъ, которые всѣ вкупѣ, съ подчиненными имъ Церквями, составляли одну вселенскую. Не должно увлекаться напыщенными иногда выраженіями Патріаршихъ грамотъ, ибо таковъ былъ духъ и слогъ того времени, и сего требовала взаимная вѣжливость, но слѣдуетъ взглянуть ближе на самые факты, которые представляются на Соборѣ.

По смерти Павла Патріарха Цареградскаго св. Тарасій, противъ воли, единодушно избранъ былъ изъ мірскихъ сановниковъ на его мѣсто, по своей великой ревности къ Церкви, чтобы погасить бурю иконоборства, давно ее волновавшую. Тарасій

согласился, съ такимъ только условіемъ, чтобы созванъ былъ Соборъ для умирненія Церкви, и онъ обратился по сему предмету, вмѣстѣ съ Императрицею Ириною къ Папѣ Адріану I, дабы прислалъ своихъ легатовъ, и къ тремъ Восточнымъ престоломъ.

Адріанъ, хотя и огорченный тѣмъ, что Тарасій, прямо изъ мірянъ, поставленъ былъ въ Патріархи, однако принялъ общительную грамоту, ради его православія, изъявивъ радостное согласіе Императрицъ на созваніе Собора; онъ просилъ только своимъ легатамъ полной свободы и благосклоннаго приема, умоляя также и о томъ, чтобы возвращены были ему достоянія Петровы, дарованныя Императорами и другими вѣрными, для освѣщенія храма и питанія нищихъ, и чтобы предоставлено было опять Римской Церкви посвященіе Архіепископовъ и Епископовъ ея округа, по древнему преданію, (это относилось къ Иллирійскимъ, нѣкогда бывшимъ подъ вѣдѣніемъ Папъ.) Жасательно Тарасія, присовокуплялъ Адріанъ, насъ изумилъ, въ письмѣ царскомъ, титулъ вселенскаго Патріарха, ибо безъ согласія нашей каѳедры, Патріархъ Цареградскій не имѣлъ бы даже и второй степени; если же онъ вселенскій, то имѣеть первенство и надъ нашею Церковію, что всѣ Христиане могутъ признать за нелѣпное притязаніе. Самъ Тарасій прислалъ намъ свою соборную грамоту, и его исповѣданіе вѣры насъ утѣшило; но мы смутились, видя, что онъ извлеченъ прямо изъ мірскаго состоянія и царской службы, чтобы внезапно стать на степень Патріарха. Сіе столь противно правиламъ, что мы никакъ бы не согласились на его

поставленіе, если бы не надѣялись, что оны релігиозно содѣйствовать будутъ къ возстановленію иконопочитанія.» (Истор. Флери кн. XLIV, гл. 25.)

По грамотамъ царскимъ, отъ имени Ирины и сына ея Константина, Епископы имперіи Восточной, два легата Римскіе и два отъ трехъ Патріарховъ Восточныхъ, страдавшихъ уже подъ игомъ Магометанъ, собрались сперва въ Константинополь, а потомъ, послѣ возникшихъ тамъ смутъ, въ Никен, въ числѣ 567. Хотя присутствовали легаты Римскіе, однако начали рѣчь Епископы Сициліи, смиренно говоря: «мы находимъ достойнымъ и прежде всего приличнымъ сему святому и вселенскому Собору, чтобы святѣйшій и высшій пастырь и святитель царствующаго града Константинополя, новаго Рима, сказалъ вступленіе къ началу того, о чемъ будетъ разсуждаемо, и какъ бы открылъ двери, объяснивъ сперва, что подобаетъ сему собранію» и святый Соборъ отвѣтствовалъ: «да удовлетворится желаніе святѣйшихъ Епископовъ.» И такъ вотъ, уже при самомъ началѣ, въ присутствіи легатовъ папскихъ, предводитъ Соборомъ, съ общаго согласія, Патріархъ Константинопольскій. Послѣ краткой рѣчи Тарасія, читана была на Соборѣ грамота царская о его созваніи, такого содержанія: объяснивъ сперва, что по заповѣди евангельской Христа, вѣчнаго Первосвятителя, озаботились водворить миръ въ Церкви, они говорятъ: «желаемъ твердый и постоянный союзъ Святителей въ предѣлахъ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ, и уже по волѣ Божіей всѣ соединились здѣсь, чрезъ частныя соборныя грамоты, по-

слышанныя отъ святѣйшаго Патріарха (а не отъ Папы), ибо таковъ соборный законъ во вселенской Церкви, изъ вѣка въ вѣкъ переходящій, евангельски учрежденный, по внушенію и какъ бы по велѣнію коего, мы создали васъ священныхъ мужей, раздавателей завѣта, чрезъ безкровную жертву того, кто утвердитъ судъ вашъ, основанный на правильныхъ опредѣленіяхъ соборныхъ, и осіяетъ всѣхъ свѣтомъ Духа Святаго.» Излагая далѣе, какимъ образомъ Тарасій, по неволѣ, поставленъ былъ въ Патріархи, Императоры приводятъ самыя его рѣчи къ ихъ лицу: «когда вижу и разсуждаю, что Церковь, основанная на камнѣ, Христъ Богъ нашъ, нынѣ раздѣлена, разсѣяна и разбита, мы же колеблемся въ словахъ нашихъ, и что Христіане Восточные слѣдуютъ единодушно одной вѣрѣ, наши же мудрствуютъ иначе, а съ тѣми соглашаются Христіане Западныя, которые всѣ вообще насъ ежедневно анаеоматствуютъ,— умоляю созвать Соборъ вселенскій, какъ изъ всѣхъ мѣстъ, управляемыхъ Папою Римскимъ, такъ и изъ тѣхъ, отколы могутъ послать мужей своихъ высшіе Святители Восточные.» (Здѣсь ясно опредѣлена область папская.) «Поелику же мы получили отъ святѣйшаго Адріяна, Папы древняго Рима, грамоты чрезъ его мѣстоблюстителей, которые съ нами сѣдятъ, (а не предсѣдательствуютъ) на Соборѣ; то повѣляемъ ихъ прочесть предъ всѣми, по древнему соборному обычаю, потомъ же и другія двѣ грамоты, отъ верховныхъ Святителей и священныхъ мужей Восточныхъ епархій, присланныя чрезъ ихъ пресвитеровъ, которые присутствуютъ на Соборѣ,

чтобы чрезъ нихъ познали сужденіе и приговоръ Каѳолической Церкви.» (И такъ не однѣ Римскія грамоты, но и Восточныя для сего необходимы.) (Т. 18. Concilioꝝ. pag. 249, 252, 254.)

Потомъ введены были Епископы, покаявшіеся въ своихъ заблужденіяхъ, и изъ нихъ Васицій Анкирскій сказалъ: «на основаніи церковныхъ правилъ, преданныхъ изначала отъ святыхъ Апостоловъ, чрезъ нихъ преемниковъ св. Отцевъ и священные вселенскіе Соборы, я, желая быть въ союзъ и согласіи съ Каѳолическою Церковію, излагаю письменное мое исповѣданіе святѣйшему Адріану, Папѣ древняго Рима, блаженнѣйшему Патріарху Тарасію, и святымъ Апостольскимъ престоламъ Александріи, Антиохіи и Св. града, и всѣмъ православнымъ святытелямъ и пресвитерамъ, какъ имѣющимъ, по важности Апостольской, власть исправлять и прощать заблужденія.» (Такое исповѣданіе въ присутствіи легатовъ, безмолвствующихъ, съ наименованіемъ пяти Апостольскихъ престоловъ, весьма важно.) Тарасій отвѣчалъ: «что весь священный Соборъ воздастъ славу и благодареніе Богу за сіе исповѣданіе, данное имъ Каѳолической Церкви.» Соборъ же единогласно подтвердилъ слова Патріарха.—Кто председательствуетъ и чѣмъ именемъ?—кажется не папскимъ, хотя тутъ его легаты. (pag. 258.)

На второмъ засѣданіи сановникъ царскій напомнилъ, что должно прочесть грамоты Папы и Патріарховъ, и онѣ прочтены были громогласно;—въ грамотѣ къ Царямъ, Адріанъ, восхваляя ихъ ревность, и сравнивая съ Константиномъ и Еленою, говоритъ: «вы же наипаче, въ преданіи

вѣры православной Церкви, согласуетесь съ блаженными и верховными Апостолами Петромъ и Павломъ, по примѣру прежнихъ Императоровъ, которые отъ всего сердца возлюбили ихъ намѣстника. Посему ваше Богомъ данное величество чувствуете святѣйшую Римскую Церковь верховныхъ Апостоловъ, которымъ отъ самаго Бога дана была власть вязать и рѣшить грѣхи на небѣ, яко на землѣ.» (И такъ вотъ Папа признаетъ себя намѣстникомъ не одного Петра, но и Павла, и что еще важнѣе, говоритъ, что власть вязать и рѣшить дана обомъ. Это самое показываетъ, что не должно слишкомъ привязываться къ тѣмъ изреченіямъ, которыя возносятъ власть и кафедру собственно Петрову.) Далѣе изложивъ, изъ примѣровъ св. Писанія, догматъ о поклоненіи честнымъ иконамъ, Папа мысленно повергается, съ братьями своими соепископами, къ стопамъ царскимъ, заклиная возстановить поклоненіе иконамъ. (pag. 290, 299.)

Въ граматѣ къ возлюбленному брату, Патриарху Тарасію, Адрианъ, описавъ сперва въ чемъ состоитъ долгъ и заботы истиннаго пастыря, воспріявшаго на себя иго Христова, и какъ важно согласіе церковное, говоритъ: »что утѣшивъ его вѣрою и, по повелѣнію царскому, отправилъ на Соборъ своихъ легатовъ. Поелику же было при иконоборцѣ Копронимѣ нечестивое соборище въ Царьградѣ, презванное вселенскимъ, Папа прежде всего предлагалъ Тарасію, безъ трепета внушить Императорамъ, чтобы предано было торжественной анаемѣ ложное сіе соборище, безъ согласія и присутствія Апостольской кафедры, вопре-

ки всякаго преданія достоуважаемыхъ Отцевъ, противъ честныхъ иконъ неправильно и безъ должнаго созванія бывшее; чѣмъ самымъ искоренится всякій расколъ изъ Церкви и исполнятся надъ нею глаголы Господа: «что и врата адовы ея не одо-лбють,» и еще: «ты еси Петръ» и проч.; ибо каедрa его, получившая первенство, сидеть во всемъ мѣрѣ и является главою всѣхъ Божіихъ Церквей, и самъ блаженный Апостоль, пасущій Церковь по повелѣнію Божію, ничего отнюдь не опустилъ, но повсюду получилъ и получаетъ начальство. Желаетъ, чтобы и ваша блаженная святыня, яко хранительница невредимаго благочестія и правильно разумѣющая, что достойно уваженія, искреннею мыслію и всѣмъ сердцемъ, соединялась съ нашею блаженною Апостольскою кафедрою, которая есть глава всѣхъ Божіихъ Церквей.» (pag. 303.)

Казалось бы здѣсь чрезвычайно превознесено священноначальство Римскаго Епископа, хотя и справедливо то, что безъ правильнаго созванія и соучастія Запада не могло быть вселенскаго Собора, но послѣдующее объясняетъ его пышную рѣчь.—»И такъ блаженство ваше, молитвенными рѣчами, да внушаетъ благочестивѣйшимъ Императорамъ нашимъ, чтобы слѣдуя стезямъ нашей Церкви, яко предъ страшнымъ судомъ Божіимъ, повелѣли, по древнему чину, возстановить въ царствующемъ градѣ и повсюду честныя иконы и сохранять преданіе сей святѣйшей Римской Церкви, и преслѣдуя заблужденіе нечестивыхъ еретиковъ, прокляли бы lestъ ихъ, чрезъ посредство вашего ратоборства и вѣрнѣйшихъ трудовъ.»

И такъ вотъ къ какому скромному заключенію клонилась пышная рѣчь, и почему, когда легаты Римскіе спросили Тарасія: «согласуется ли онъ съ граматами святѣйшаго Папы древняго Рима, или нѣтъ?»—онъ отвѣчалъ: «что справедливо восхваляль божественный Павелъ въру Римлянъ, въ своемъ посланіи, и что свидѣтельству сего Апостола должно послѣдовать и теперь. Адріянь, предстоятель древняго Рима и преемникъ верховныхъ Апостоловъ, ясно и истинно писалъ къ Императору и нашему смиренію, и объявилъ правымъ древнее преданіе Каолической Церкви: также и мы, изслѣдовавъ писанія, исполненные духомъ отцевъ, исповѣдуемъ, согласуемся и утверждаемъ силу сихъ прочтенныхъ грамматъ, и по древнему преданію приедемъ чествованіе св. иконъ;» и вслѣдъ за Патріархомъ Соборъ возгласилъ, «что священнѣйшій Соборъ такъ въруеть и учить.» И такъ не Папа утверждаетъ рѣшеніе, но Патріархъ и за нимъ Соборъ утверждаетъ силу его грамматъ, поелику онъ сходны съ писаніемъ и преданіемъ отцевъ.

Потомъ легаты спросили Соборъ: «приедемъ ли граматы святѣйшаго Папы древняго Рима или нѣтъ?»—Соборъ отвѣчалъ: «слѣдуемъ, приедемъ и одобряемъ,» а легаты Восточныхъ Патріарховъ воскликнулъ: «нынѣ время повѣрить слова св. Писанія: милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася!—Вѣдаемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ есть истина и милость; такими, по преемству, суть и нарицаются святѣйшіе Патріархи, пастыри вселенной. Здѣсь милость и истина срѣтили другъ друга, ибо Адріянь, святѣйшій Папа

древняго Рима, и Тарасій, Патріархъ царствующаго града, единое мыслятъ, единое чувствуютъ и исповѣдуютъ.» Такое исповѣданіе легатовъ Восточныхъ достаточно показываетъ равенство обоихъ престоловъ. (pag. 305, 306.)

На третьемъ засѣданіи читана грамота Тарасія къ Восточнымъ Патріархамъ, въ которой умоляетъ ихъ, какъ трижды священныхъ мужей и отцевъ, поддержать его малодушіе, оплотомъ своей доблести и отеческаго ученія, чѣмъ однако не теряя первенства своей кафедрѣ предъ ними; читанъ и отзывъ Патріарховъ, которые восхваляя его ревность, посылали ему согласное мнѣніе трехъ Апостольскихъ престоловъ, радуясь что Императора и Папу Римскаго имѣютъ въ своемъ согласіи. (pag. 329, 331.)

На пятомъ засѣданіи отцы Никейскіе опровергли дѣянія ложнаго соборища иконоборцевъ, бывшаго въ Царьградъ при Копронимъ и неправильно именовавшаго себя вселенскимъ; »какъ могъ онъ быть великимъ и вселенскимъ, говорили они, когда не всѣ на оный согласились, и не только не приняли его предстоители прочихъ Церквей, но даже предали анаемъ; ибо онъ не имѣлъ соучастниками, какъ торжествуемый нынѣ, ни Римскаго Папу, ни его священниковъ, ни мѣстоблюстителей, ни окружныхъ грамотъ, какъ сіе подобаетъ быть на Соборахъ; не имѣлъ также себѣ согласующими и Восточныхъ Патріарховъ, т. е. Александрійскаго, Антиохійскаго и Св. града, ни даже отъ нихъ грамотъ, ни священниковъ.» Вотъ истинное и правильное опредѣленіе вселенскаго Собора, приемлемое

Православною Церковію изъ усть послѣдняго такого Собора. (pag. 475.)

Потомъ, изложивъ свое правое исповѣданіе, Соборъ опредѣлилъ ненарушимымъ правиломъ: хранить не нововводно всѣ, писаніемъ или безъ писанія, установленныя для насъ церковныя преданія; такъ нѣкогда и на 3-мъ вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ, положено было о символѣ, чтобы никому не было позволено произносить, или писать, или слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной отъ Св. отцевъ, во градѣ Никей со Св. Духомъ собравшихся.

По заключеніи Собора съ многолѣтіемъ Императорамъ, возгласили вѣчную память только тремъ Патріархамъ Цареградскимъ, Герману, Іоанну и Георгію, не упомянувъ ни о комъ изъ Папъ. Замѣчательна грамота Тарасія Патріарха святѣйшему и блаженнѣйшему брату и сослужителю Папъ древняго Рима Адріану. (pag. 601, 626.) Сказавъ ему о козняхъ еретическихъ и о препятствіяхъ, бывшихъ для соединенія Собора, Тарасій говорить: «что наконецъ пришли всѣ Епископы въ городъ Никею, съ легатами Римскими и намѣстниками Восточными, и всѣмъ сѣдящимъ на Соборѣ благоразсудилось избрать себѣ главою, самаго Христа, ибо на святомъ престолѣ положено было Евангеліе, которое всѣмъ собравшимся внушало судить правый судъ.—Сперва, по нѣкоему преимуществу, повелѣли мы прочесть письмо твоей святини, потомъ же грамоты Восточныхъ Патріарховъ. Христосъ Богъ нашъ, суцій камень, на комъ мы утверждены, не позволилъ долге быть рас-

торгнутымъ своему нешвенному хитону, т. е. своей Каеолической Церкви, имъ и на немъ основанной, и членамъ своимъ долге оставаться раздѣленными, и мечемъ духовнымъ отсѣкъ онъ ересь иконоборцевъ.» Кажется выраженія сии, въ заключеніе дѣяній соборныхъ, достаточно свидѣтельствуютъ истину, чтобы не прибавлять къ нимъ еще что либо, въ пользу древняго священноначалія Церкви.

Сколь свято держались тогда древнихъ преданій и постановленій соборныхъ, явствуетъ изъ примѣра преемника Адриянова, Льва III, который памятуя опредѣленіе сего Никейскаго Собора и Ефесскаго, показалъ благоразумную твердость посланникамъ Карла Великаго; они напрасно просили его приложить къ символу, что Духъ Святыи исходитъ и отъ Сына, ссылаясь на нѣкоторыя отрывки изъ Св. Отець, которые, казалось, благопріятствовали ихъ мнѣнію, недавно возникшему въ Церкви Испанской, гдѣ соборъ Толедскій узаконилъ такое приложеніе.—Папа остался непреклоннымъ по заповѣди вселенскихъ Соборовъ. »Не знаю, сказалъ онъ, лучше ли сдѣлали древніе отцы, что опустили сіе слово; я не могу утверждать, чтобы они не также хорошо разумѣли оное, какъ и мы, потому что я не только не смѣю предпочитать себя имъ, но даже и равняться съ ними. Какъ бы ни хорошо было намѣреніе наше, должно опасаться испортить то, что уже хорошо само по себѣ, самонадѣянно отступивъ отъ древняго образа ученія, ибо отцы, запретивъ что либо придавать къ символу, не различали доброе или дурное намѣреніе, а запретили просто, не дозволивъ даже и разсуждать, почему

они такъ поступили.» И для большаго охраненія Православія Папа повѣсилъ, надъ гробомъ св. Петра, двѣ серебряныя доски, на коихъ вырѣзанъ былъ символъ по-Гречески и по-Латыни.

ВѢКЪ ДЕВЯТЫЙ.

I.

СОСТОЯНИЕ ЦЕРКВИ.

Приступая къ плачевной повѣсти, какимъ образомъ отступила Церковь Западная отъ вселенскаго единства, должно возобновить въ памяти своей всѣ предыдущія обстоятельства и еще однажды послѣдовать мысленно за постепеннымъ ходомъ сношеній Епископовъ Римскихъ съ Востокомъ, которыя здѣсь были изложены во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ; потомъ, безпристрастнымъ окомъ, надѣжиться взглянуть и на тогдашнее положеніе Церкви и на характеръ дѣйствующихъ лицъ, чтобы не увлечься односторонними сужденіями.

Въ теченіе осьми столѣтій мы довольно ясно могли уже видѣть, въ чемъ собственно состояло

первенство катедры Римской, предъ другими равнопрестольными катедрами, Царяграда, Александрии, Антиохии и Иерусалима; хотя некоторые изъ Папъ и домогались возвысить оное, по обширности своего экзархата, обнимавшаго весь Западъ, и по важности древней столицы, однако всегда находили себя правильное противудѣйствіе въ Соборахъ вселенскихъ, не отступавшихъ отъ исконн учрежденнаго порядка въ Церкви. Не должно обманывать себя и мнимою обширностью области церковной, подчиненной Епископу Римскому, которая подаетъ видъ неопытнымъ, что будто, во времена разрыва, одна только малая Константинопольская Церковь не хотѣла признать надъ собою верховнаго владычества Папы. Посему не излишнимъ полагаю представить здѣсь сравнительное исчисленіе епископій, находившихся въ Церквахъ Запада и Востока, которое ученый Бингамъ извлекъ изъ вѣдомости, нарочно составленной по повелѣнію Императора Льва премудраго, въ исходѣ IX вѣка, т. е. около 891 года, дополнивъ оное болѣе подробными свѣдѣніями о Западной Церкви.

Азіатскія епископіи, зависѣвшія прямо отъ Патріарха Константинопольскаго, со включеніемъ Исаврской области, присоединенной отъ Патріарха Антиохійскаго, были въ числѣ 432.—Европейскія же, въ Иллирии, Греціи, Фракіи, Македоніи, Болгаріи, доходили до 160; къ сему должно присовокупить, что за сто лѣтъ предъ тѣмъ, указомъ Императора Константина Копронима, раздраженнаго противъ Папы Григорія, вся южная Италія съ Сициліею, отошла къ церковной области Патрі-

арха Цареградскаго, и самъ Папа Николай I, въ письмахъ къ Императору Михаилу, дѣйствуя противъ Фотія, просилъ о возвращеніи отчужденныхъ областей. Если въ сихъ предѣлахъ считать около 64 епархій, ибо въ то время Италія съ островами заключала всего 293, то весь Патріархатъ Константинопольскій могъ состоять изъ 656 епископскихъ каедръ, а не считая Италіи, изъ 592, показанныхъ въ вѣдомости, что объясняетъ, какимъ образомъ Патріархъ Фотій могъ созывать на свои соборы болѣе 300 подвластныхъ ему Епископовъ. (Palmer a treatise of the church. vol. 1. pag. 204. Bingham lib. IX, c. 57.)

Сверхъ того Патріархъ Александрійскій имѣлъ еще подъ своимъ начальствомъ до 108 Епископовъ, и Патріархи Антиохійскій и Іерусалимскій до 240, хотя и подъ игомъ Сарацинскимъ, чему можно повѣрить; ибо не весьма задолго предъ тѣмъ Патріархъ Іерусалимскій, котораго область была всѣхъ менѣе, собиралъ еще на совѣщаніе въ Св. градъ до 50 своихъ Епископовъ; и такъ три сопрестольныхъ Римскому и Константинопольскому Патріарха начальствовали надъ 348 епархіями. На островѣ Кипръ, который, по опредѣленію третьяго вселенскаго Собора, былъ изъятъ изъ подъ власти Антиохійскаго Патріарха, считалось до 13 Епископовъ. Сверхъ того, въ Арменіи, Халден и другихъ областяхъ Персидскихъ, въ коихъ около того же времени мученически пострадало однихъ Епископовъ до 24, и которыя не имѣли никакихъ сношеній съ Римскимъ престоломъ; у Омиритовъ, гдѣ подъ Архіепископомъ Тефры, вѣроятно было по

Епископу въ каждомъ колѣнѣ Индійцевъ и Сарацинъ, также у Скивовъ и въ другихъ варварскихъ областяхъ, внѣ Греческой Имперіи, не безразсудно было бы считать до 70 святителей, что довело бы число Восточныхъ епархій до 1023, а съ присоединеніемъ южной Италіи и Сициліи слишкомъ до 1087. Количество сіе не должно казаться огромнымъ, ибо въ то время, какъ и теперь еще въ Греціи, почти каждый городъ имѣлъ своего Епископа.—

Теперь обратимся къ Западу: Италія и прилежащія къ ней острова, какъ мы уже говорили, имѣли до 293 Епископовъ, если же исключить южныхъ и Сицилійскихъ 64, то оставалось не болѣе 229. Область Африканская, нѣкогда цвѣтущая, и во времена блаженнаго Августина, т. е. въ началѣ V вѣка считавшая у себя до 466 Епископовъ, послѣ разореній Вандальскихъ и Сарацинскихъ, едва ли сохранила и нѣсколько Епископовъ въ своихъ предѣлахъ; если же и сохранила, то съ самаго ея завоеванія при Іустиніанѣ-великомъ, она болѣе относилась къ Церкви Константинопольской, нежели къ Римской, особливо когда южная Италія и Сицилія подчинились Царьграду. Испанія, хотя и многочисленная, не имѣла болѣе 76 Епископовъ, Галлія и Германія до Рейна 122; въ Британіи же и Ирландіи едва ли могло находиться тогда даже и 70 Епископовъ.—Посему и старались Папъ, съ такою ревностію, возвратитъ себѣ отторгнутыя епархіи въ Италіи и Иллиріи, и приобрѣсти въ свою церковную область вновь обращенныхъ Патриархами Константинополя Болгарь и все много-

людное племя Славянское, какъ новую стѣхю, входящую въ составъ обширнаго Европейскаго семейства. Такимъ образомъ всѣхъ епархій на Западъ, въ томъ числѣ и уже не существовавшихъ, могло считаться до 1027 т. е. столько же сколько и на Востокъ, а съ исключеніемъ Африки только 561; если же еще отдѣлить отъ сего югъ Италіи и Сицилію, то въ областяхъ Первосвятителя Римскаго могло оставаться не болѣе 497, т. е. 159 менѣе, нежели сколько было у Патріарха Цареградскаго, котораго домогался неправедно себѣ подчинить. Почему и возникло справедливое негодованіе Фотія и прочихъ Восточныхъ Патріарховъ на такое незаконное притязаніе, противное вселенскимъ уставамъ, которое могутъ объяснить одни только отношенія Рима къ Западу.

Еще при Императорѣ Карлѣ Великомъ, властно распоряжавшемъ въ древней столицѣ и предписывавшемъ законы Папамъ, которые ставили имя его во главѣ всѣхъ своихъ актовъ, уже подымался на Западъ сильный голосъ въ пользу ихъ владычества. Ученый Алкуннъ писалъ къ Карлу: «доселѣ мы знаемъ только три личности свѣше другихъ; во первыхъ высоту Апостольскую, управляющую на мѣстнически каедрою блаженнаго Князя Апостоловъ; второе достоинство есть Императорское, третіе же наконецъ Королевское.»—Когда такія рѣчи, смѣшивающія власть свѣтскую съ духовною, вопреки словамъ Спасителя: «царство мое нѣсть отъ міра сего,» разсѣвались на темномъ Западѣ и когда тамъ не было другихъ Апостольскихъ кафедръ, (т. е. лично Апостолами основанныхъ, кро-

мъ Римской,) или другихъ первостепенныхъ Епископовъ, могущихъ съ ними равняться въ достоинствѣ, какъ Патріархи, равные между собою на Востокъ,— то не мудрено, что мысль о вселенскомъ господствѣ возобладала Епископами Рима, особливо при слабыхъ преемникахъ Карла. При малодушномъ его сынѣ Людовикѣ и при недостойныхъ внукахъ, которые возставъ противъ отца, ослабили раздорами могущественную Имперію дѣда и приходили только домогаться вѣнца въ Римъ, освободилась и древняя столица изъ-подъ ихъ вліянія, какъ нѣкогда изъ-подъ власти Императоровъ Греческихъ. Сами они, посреди распрей, признавали, что власть располагать вѣнцемъ императорскимъ по произволу принадлежитъ Папѣ, и что никто не можетъ упрекать его въ выборѣ Императора. Папы же, оставленные безъ покровительства Королей Французскихъ, должны были заботиться о сохраненіи своего достоянія, не только какъ духовные, но и какъ свѣтскіе властители, дѣлая договоры съ сосѣдями, устроая замки, собирая флоты противъ набѣговъ Сарацинскихъ.

Надежало только явиться одному сильному характеру на ихъ каедрѣ, чтобы укрѣпить за собой всѣ предназначенія честолюбивыхъ предшественниковъ, и онъ явился въ лицѣ Николая I, который не напрасно прибавилъ вѣнецъ царскій на свою митру, потому что и сами современныя лѣтописи простоудшно о немъ говорятъ, что «послѣ блаженнаго Папы Григорія великаго, не возставало подобнаго Николаю; ибо онъ повелѣвалъ царями и тираннами, съ такою властію, что понстинѣ можно было бы принять его

за владыку вселенной.» (*Chronica Regenonis*, apud *Pistoriump. to. 1. Matter. his. p. 33.*) И новѣйшій писатель XVII вѣка, Иезуитъ Маимбургъ, въ повѣсти о раздѣленіи Церкви, думая похвалить Николая, весьма неумѣстно о немъ выразился: «что въ девятилѣтнее свое правленіе онъ вознесъ власть первосвятительскую гораздо выше, нежели когда либо она была, особенно въ отношеніи Императоровъ, Королей, Князей, Патріарховъ, Епископовъ, обращаясь съ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда полагалъ, что они нарушаютъ преимущества его престола, гораздо круче, нежели кто либо изъ его предмѣстниковъ.» (стр. 83.) Съ такимъ противникомъ долженъ былъ состязаться Фотій; и потому надлежало ему имѣть характеръ не менѣе сильный, чтобы поддержать права не только свои, но и всей Церкви Восточной, въ лицѣ своемъ, ибо отъ покоренія Патріарха Папѣ, или отъ ихъ равенства, зависѣло рѣшеніе важнаго вопроса на весь будущіе вѣка. Посему и Фотій сдѣвался предметомъ самыхъ язвительныхъ осужденій со стороны Римлянъ, которые сильно опирались на первое, не совсѣмъ правильное его поставленіе, при жизни Патріарха Игнатія; личные враги Фотія, приверженные Риму, старались затмить лице его самыми черными клеветами, которыя отозвались и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, требующихъ большой осторожности.

Такимъ образомъ, Митрофанъ Митрополитъ Смирнскій, Стиліанъ Неокесарійскій Епископъ, и Игуменъ Θεοτοσύνη, хотя и современники, весьма однако же подозрительны, въ оставшихся послѣ нихъ письмахъ, потому что они были самые

закононыя враги Фотія и дѣйствовали противъ него. Другой современникъ, Анастасій книгохранитель, на котораго весьма опирается Западная Церковь, потому что онъ составилъ, для Папы Адріана II, предисловіе собора Константинопольскаго, называемаго Вселенскимъ, и перевелъ его акты, еще менѣе заслуживаетъ довѣренности, какъ потому, что онъ уже въ самомъ предисловіи старается извинить, разными оговорками, несходство Греческихъ актовъ съ Латинскими, такъ и по иной важной причинѣ. (Сопс. Т. 23. р. 129.) Историки западные упоминаютъ о нѣкоемъ книгохранителѣ Анастасіи, который подвергся отлученію отъ Церкви и лишенію сана, по приговору трехъ Папъ; самъ Адріанъ, осуждая его за соумышленіе въ убійствѣ, упоминаетъ между прочимъ, что онъ похитилъ изъ его патріаршихъ палатъ, акты соборныя, въ которыхъ былъ осужденъ, и кажется, такое свидѣтельство достаточно, чтобы не принимать его собственнаго, если это тотъ самый Анастасій: хотя Флери утверждаетъ, что собиравшій акты соборныя, бібліотекаръ Анастасій, былъ совсѣмъ иной, послыанный легатомъ отъ Адріана въ Германію. (кн. II, гл. 20, 45.) Странно однако же такое сходство именъ и должностей въ одно и то же время, ибо и отлученный Анастасій игралъ важную роль и ходатайствовалъ за новоизбраннаго Папу Адріана предъ Епископами Галліи, ожесточенными суровыми мѣрами предмѣстника его Николая.

А между тѣмъ на Анастасія много ссылаются новѣйшіе гонители памяти Патріарха Фотія, и видно, что тѣми же сказаніями руководились и бли-

жайшіе къ его времени писатели. Между ними занимает первое мѣсто Никита Давидъ Пафлагонинъ, сильный противникъ Фотія, составившій жизнеописаніе Патріарха Игнатія, уже послѣ него, по тому что слышалъ отъ старцевъ, какъ самъ выражается, и какъ видно слухи сіи происходили отъ людей непріязненныхъ. Многія клеветы, о мнимой жестокости Фотія противъ Игнатія, не вѣроятны, если сравнить ихъ съ духомъ собственныхъ посланій Патріарха и съ фактами въ нихъ изложенными, другія даже вовсе нелѣпы: на прим. онъ пишетъ, будто Фотій предлагалъ вѣнецъ императорскій Королю и Королевѣ Франковъ, при жизни Михаила и тому подобное.—Видно также, что Никита былъ приверженецъ Римской Церкви, по многимъ выраженіямъ въ пользу верховной власти Папъ, и Патріархъ Иерусалимскій Досиѣй, прямо говоритъ, что онъ исповѣдалъ исхожденіе Духа Святаго, и отъ Сына, по западному преданію. (*Vita Ignat. Concilior.* Т. 23 pag. 435. Греч. истор. Патр. Досиѣ. кн. 7, гл. 5.) Однако біографія его служитъ основнымъ актомъ для Западныхъ, противъ Фотія, и даже присоединяется ими къ актамъ, мнимаго осьмаго вселенскаго Собора, вмѣстѣ съ похвалою Михаила Синкелла Патріарху Игнатію, которая впрочемъ хотя и проникнута духомъ Римскимъ, однако гораздо скромнѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Есть еще одинъ язвительный клеветникъ Фотія, жившій послѣ него, Симеонъ Логоетъ; но сказанія его исполнены такими нелѣпостями и вымышленными пророчествами и чудесами, что они не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія: такъ на пр

отецъ Фотія будто бы похитилъ монахиню, и ему пророчили, что отъ нее родится антихристъ, и она видѣла въ сонномъ видѣннн, что раждаетъ змія, и юноша Фотій отданъ былъ въ наученіе Еврею, предался астрологн, и тому подобное. (Corpus Histor. Byzanti. Tom. 21. 1729. Venetia pag. 331—333.) Другіе лѣтописцы Греческіе: Георгій монахъ, Кедринъ, Зонарь и самъ Императоръ Константинъ Багрянородный, хотя говорятъ довольно кратко о Фотіи и Игнатн; но ихъ безпристрастіе заслуживаетъ вѣру, и особенно единогласіе, съ какимъ приписываютъ они жестокости противъ Игнатія не Фотію, а Кесарю Вардѣ, дядѣ Императора. (Georgius Tom. 21 pag. 400. Constan. pag. 89. Zonaras, T. 11 pag. 127. Cedrenis T. 8 pag. 433.)

Но кромѣ сихъ и другихъ лѣтописцевъ, лучшимъ свидѣтельствомъ истины могутъ служить самыя письма Патріарха Фотія, выражающія не только его глубокую ученость и образованность, въ которыхъ невольно сознаются всѣ его злѣйшіе враги, (образованіе же естественнымъ образомъ умягчаетъ сердце), но и правдивость, и мужество, съ какими обличалъ пороки и жестокости вельможъ, и самаго Кесаря гонителя Игнатіева, предъ коимъ ходатайствовалъ за гонимыхъ. Посланія сіи проникнуты духомъ Апостольскимъ, какъ на пр. увѣщанія его новокрещенному Царю Болгарскому, исполненныя глубочайшаго знанія богословскаго, хотя враги Патріарха упрекаютъ его въ грубыхъ заблужденіяхъ; онѣ показываютъ живо и пастырскую любовь его къ страждущимъ за него Епископамъ, и твердость, съ какою переносятъ собственныя страданія, на-

учая тому и другихъ, и отъ сего чистаго зеркала невольнo сбѣгаетъ вся неблагопріятная тѣнь, которую силятся накинуть противники Фотія на его непорочную жизнь.—Теперь приступимъ къ самой исторіи, будучи предварены о историкахъ.

II.

ПАТРИАРХИ ИГНАТІЙ И ФОТІЙ.

Патріархи Игнатій и Фотій, между которыми, въ теченіи тридцати лѣтъ, раздѣлялось участіе Епископовъ Восточныхъ и Западныхъ и оспоривалась кафедра Цареградская, происходили оба отъ именитаго рода и отличались высокими достоинствами, что самое объясняетъ сильную приверженность къ каждому тѣхъ людей, которые однажды присоединились къ той или другой сторонѣ. Игнатій былъ сынъ Императора Михаила Куропалата, прозваннаго Рангаве, а по матери внукъ другаго Императора Никифора Геника. Жестокій Армянинъ Левъ, овладѣвъ престоломъ отца его, заключилъ все семейство въ монастырь и оскотилъ Игнатія, чтобы навсегда удалить его отъ царства.—Въ подвигахъ многочислыхъ протекла его жизнь,

и проходя съ честию степени церковныя, во время гоненія иконоборцевъ, онъ достигъ высшаго сана, по смерти блаженнаго Патріарха Меѳодія, стараніемъ благочестивой Императрицы Теодоры, которая возстановила православіе, потрясенное ея жестокимъ супругомъ Теофиломъ, и управляя царствомъ по малолѣтству сына, извлекла Игнатія изъ его тихаго уединенія на патріаршіи престолъ.

И Фотій происходилъ отъ знаменитыхъ родителей, которые воспріяли мученическіе вѣнцы во дни гоненій иконоборцевъ, и называлъ дядею Патріарха святаго Тарасія, предсѣдательствовавшего на седьмомъ вселенскомъ Соборѣ; по матери же своей сестрѣ Патриціи Арсавера, находилась въ родственныхъ сношеніяхъ съ домомъ царскимъ, почему и благопріятствовалъ ему Кесарь Варда, братъ Императрицы. Но кромѣ именитаго рода, Фотій былъ столь великаго разума, что въ свое время не имѣлъ себѣ подобнаго, и природа, чрезъ многіе вѣка, никого не облагодѣтельствовала столь щедро своими дарами; ибо онъ превосходилъ самыхъ ученыхъ мужей почти во всѣхъ наукахъ, и былъ верховнымъ учителемъ философіи, врачебной науки, астрономіи и богословіи, которой исключительно посвятилъ себя послѣ избранія на Патріаршіи престолъ. Оставшееся послѣ него великое множество книгъ и собственныхъ сочиненій, свидѣтельствуетъ довольно о чрезвычайныхъ его способностяхъ, какъ въ разсужденіи его проницательнаго мнѣнія о разныхъ писателяхъ, такъ и всеобъемлющаго чтенія. Не менѣе искусенъ онъ былъ и въ дѣлахъ политическихъ, и опытность сія возведа его на первыя

степени чиновъ государственныхъ, какъ то протоспафарія, или перваго меченосца, и перваго совѣтника, что давало ему старшее мѣсто въ засѣданіяхъ Сената. Занятія ученія были для него любимымъ препровожденіемъ времени и онъ посвящалъ имъ цѣлыя ночи, которыя могъ удѣлить отъ дѣлъ общественныхъ.—Посему весьма вѣроятно, что съ такимъ исключительнымъ расположеніемъ къ наукамъ, и на столь высокой степени, не охотно могъ согласиться Фотій на предлагаемый ему Кесаремъ санъ, о которомъ горько раскаявался въ послѣдствіи, ибо лишился своихъ любимыхъ мирныхъ занятій. Въ смутныя обстоятельства Церкви и царства, при возмужавшемъ Михаилѣ, преданномъ всякому разврату,—насильственное постриженіе Императрицы, самоуправство Кесаря Варды, овладѣвшаго государствомъ, и даже низложеніе Игнатія, не могли быть приманкою для честолюбія Фотія, и безъ того уже удовлетвореннаго почестями гражданскими; враги его усиливались однако распространить мнѣніе, будто онъ, всѣми средствами, домогался престола патриаршаго въ теченіи одиннадцатилѣтняго правленія Игнатіева, и не успокоился даже на престолѣ, продолжая свои происки и гоненія. (Ист. Флери кн. I, гл. 3. Камень соблазна стр. 7.)

Анастасій книгохранитель, Никита Пафлагонянинъ, и самъ Папа Николай, осуждали Фотія, за его связь съ Григоріемъ Архіепископомъ Сиракузскимъ, съ которымъ Патріархъ Игнатій не хотѣлъ сообщаться въ день своего посвященія, въ послѣдствіи осудивъ его даже соборно; въ чемъ собствен-

но состояли вины Григорія—не извѣстно, но онъ жаловался Папамъ Льву IV и Венедикту III, предметникамъ Николая, которые однако не произнесли надъ нимъ рѣшительнаго приговора.—(Concil. T. 23. pag. 120, 458. Ист. Флери кн. L. гл. 3.)

Врагъ Фотія, Симеонъ Логоветъ, говоритъ въ своей исторіи, что Патріархъ Меѳодій, сверхъ иныхъ причинъ, о коихъ однако не упоминаетъ, запретилъ Григорія за то, что онъ рукоположилъ въ своей епархіи пресвитера Захарію, посланнаго Патріархомъ въ Римъ, и это вѣроятно было началомъ и главною причиною всѣхъ неудовольствій противъ Григорія. Конечно онъ поступилъ въ этомъ случаѣ противъ правилъ; но обстоятельство слишкомъ темно, чтобы судить о причинахъ его поступка; къ тому же Григорій, какъ Архіепископъ Сиракузской области, бывшей предметомъ спора между Римскою и Цареградскою кафедрою, былъ болѣе независимъ и самобытенъ нежели прочіе Епископы, подчиненные престолу Константинопольскому, и можетъ быть увлекся своимъ положеніемъ, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе Патріарха. Впрочемъ мы видимъ, изъ церковной исторіи, и св. Епифанія, Архіепископа Кипрскаго, впадшаго въ таковой же проступокъ предъ Іерусалимскимъ Патріархомъ, хотя не осужденнаго столь строго, и весьма замѣчательно что враги Фотія, выражаясь въ общихъ словахъ весьма жестоко о Григоріи, не указываютъ однако прямо ни на какое преступленіе, явно извѣстное, что отчасти свидѣтельствуетъ въ его пользу. (Corpus Byzant. T. XXI. Simeon. magist. pag. 332.)

Анастасій пише въ предисловіи къ осьмому Собору, что нѣкоторые Епископы, въ томъ числѣ и Григорій, не соглашались на посвященіе Игнатія, за то, что онъ, зная ихъ безславную жизнь и нарушеніе церковныхъ правилъ, не хотѣлъ съ ними сообщаться, доколѣ не разсудитъ ихъ вины, и что они сами обвиняли его, неправильно, въ желаніи очернить память блаженнаго предмѣстника Меѳодія. Никита Пафлагонянинъ, также не изъясняя преступленія Григорія, говоритъ, что многіе изъ Епископовъ осуждали строгость Игнатія, безъ суда отлучившаго Григорія отъ своего общенія, и тѣмъ раздражившаго сего мужа, котораго Фотій почиталъ, за великаго угодника Божія. Если же онъ такимъ ему казался, по свидѣтельству самихъ враговъ, и не видно ясно его преступленій, при чрезвычайной поспѣшности Игнатія къ его осужденію, то и нѣтъ причины обвинять Фотія за близкія съ нимъ сношенія, тѣмъ болѣе что изъ письма его къ Григорію видно, что оба они имѣли цѣлю благо Церкви, если бы даже и обманывались. (Concilior. T. 23. pag. 120. Vita Ignatii pag 458. Photii epistola III, London. 1641.)

»Не нужно часто возобновлять въ твоей памяти, писалъ Фотій, какимъ образомъ, отъ самаго начала, смиреніе мое вмѣстѣ съ твоею Архіерейскою святинею, содѣйствовали къ утверженію Церкви Божіей, особенно нынѣ, когда яснымъ гласомъ, совершеннѣе, насъ тому научаютъ взаимныя обстоятельства наши, еще болѣе внушая единодушія и единомыслія; ибо общія суть наши во Христѣ гоненія, общія искушенія и страданія, которыя удо-

стоились мы принять за соблюденіе и исполненіе заповѣдей Господнихъ. И такъ бодрствуй и слѣдуй прямьмъ путемъ, рукополагая, священнодѣйствуя, умножая Христово стадо, воздвигая, освящая и обновляя храмы, особенно въ такое время, когда священнослужители и священство, большею частію и горькимъ образомъ, сокрушаются въ безмолвіи и исчезаютъ отъ лютои челоуѣковъ, когда храмы всѣ опустѣли и расхищены, вмѣсто того благолѣпія, коимъ нѣкогда процвѣтало государство Римское, и едва не исторгается изъ своихъ основаній самое Христіанство. Кто бы могъ о томъ довольно восплакать, кромѣ одного Пророка Іереміи, который умѣлъ, вздохами своими и слезами, выразить всю великость такого страшнаго опустошенія; но повѣсть подобныхъ бѣдствій невольно прорывается изъ глубины самаго молчанія.—Ты же здравствуй и поминай въ молитвахъ мое смиреніе.»

Не извѣстно, въ какое именно время, писано Фотіемъ письмо сіе; но изъ него ясно видно, какимъ духомъ были проникнуты оба, и трудно повѣрить, чтобы челоуѣкъ столь мудрый и проніцательный, каковъ былъ Фотій, не упрекаемый даже и врагами въ порочной жизни, могъ сблизиться съ челоуѣкомъ совершенно безнравственнымъ и разрушителемъ всѣхъ правилъ церковныхъ, если точно такимъ былъ Григорій. Игнатій, увлекшись излишнею ревностію, поступилъ по слабости челоуѣческой, безъ суда отлучивъ Григорія, отъ общенія церковнаго, за что даже былъ осуждаемъ своими приверженцами; онъ поступилъ тѣмъ болѣе пристрастно, что Григорій былъ изъ числа несогла-

шавшихся на его избраніе; посему нѣтъ причины обвинять слишкомъ строго и самаго Григорія, за то что сильно вооружался противъ Игнатія, по той же слабости человѣческой, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи увѣренъ въ правотѣ своей, обращался къ суду Римской Церкви, и если не былъ оправданъ, то и не былъ осужденъ ею, и вѣроятно имѣлъ на своей сторонѣ нѣчто доброе, ибо могъ казаться другимъ даже великимъ угодникомъ Божиимъ. Обстоятельства сіи, при самомъ началѣ, уже показываютъ, какъ мало можно довѣрять современнымъ историкамъ, увлеченнымъ, духомъ односторонней любви или ненависти, къ двумъ соперникамъ.

Всѣ историки западные и восточные единодушно свидѣтельствуютъ, что причиною гнѣва Кесаря Варды, противъ Игнатія, была пастырская твердость, съ какою онъ обличилъ прелюбодѣяніе Кесаря, отлучивъ его торжественно отъ причастія въ день Богоявленія. Съ тѣхъ поръ Варда старался очернить его въ глазахъ Императора, ругавшагося надъ святынею, внушивъ ему, будто Патріархъ ищетъ опять возвести на престолъ Императрицу Теодору, и достигъ наконецъ своей коварной цѣли, ибо, въ Ноябрь того же года, Игнатій сосланъ былъ на островъ Тервиню.

Послѣ сего единогласнаго сказанія, должно опять быть осторожнымъ въ повѣсти, о избраніи Фотія. Анастасій книгохранитель, осуждающій во всемъ Фотія, какъ главнаго соумышленника Кесарева, пишетъ однако: что Игнатій, будучи изгнаемъ, связалъ Церковь, дабы никто не дерзалъ безъ него совершать въ ней священнодѣйствія.

(Anast. graef. Concil. T. 23. pag. 121.) Такой поступокъ вовсе не соответствовалъ ни пастырскому смиренію, ни попеченію о духовныхъ потребностяхъ паствы, особенно если вспомнить примѣръ другаго Патріарха Константинопольскаго, св. Іоанна Златоуста, который будучи изгояемъ, напротивъ того убѣждалъ своихъ Епископовъ сообщаться съ тѣмъ, кого изберутъ на его мѣсто, чтобы не разстроить Церкви: потому что не имъ, говорилъ онъ, началась Церковь, не имъ и кончится, Апостолы же и Пророки гораздо болѣе претерпѣли золь; онъ просилъ только Епископовъ, если признаютъ его правымъ, не подписывать его осужденія. Когда бы Игнатій послѣдовалъ сему благому примѣру, онъ избѣжалъ бы всѣхъ жестокихъ гоненій Кесаря; ибо дѣло шло, не о какомъ либо догматѣ вѣры, а только собственно о лицѣ его. И самъ писатель житія его, Никита Пафлагонянинъ, превозносящій хвалами его твердость говорить: «не прошло трехъ дней послѣ удаленія Патріарха, какъ явились къ нему почитавшіеся первыми между Епископами, прося отъ него грамоты отреченія, ради неблагопріятныхъ обстоятельствъ; и какіе Епископы? прибавляетъ онъ, тѣ самыя, которые дали ему клятву на хартии: прежде отречься отъ пресущественной Троицы, нежели потерпѣть, чтобы пастырь ихъ, безъ законнаго осужденія, былъ извергнуть.» Если подлинно они дали такую клятву, то она не совмѣстна съ духомъ Христіанства, ибо можно ли требовать и давать столь богохульную клятву?—Если же ее избобрълъ самъ историкъ, для прикрасы, то по ней можно судить и о послѣдую-

щемъ, съ какою истиной описалъ онъ страданія Игнатія и гоненія Фотія, когда сей послѣдній все въ нихъ не участвовалъ, по свидѣтельству другихъ болѣе достовѣрныхъ лѣтописцевъ. Далѣе пишетъ Никита, что Епископы возвратились безъ успѣха, и что, чрезъ нѣсколько дней, тѣ же самые, съ Патриціями и свѣтлѣйшими изъ Сенаторовъ, опять приходили къ Игнатію, всѣми средствами, обѣщаніями и угрозами, понуждая его отречься отъ епископства, если не хочетъ подвергнуться явной опасности, и когда уже не знали, какъ на него напасть и не встрѣчали никакой вины, на которую бы не могъ онъ имъ дать отвѣта,—съ безстыднымъ челомъ приступили ко всякому беззаконію. И такъ здѣсь дѣйствуютъ Сенатъ и Епископы, и Игнатій охотно идетъ на всѣ мученія ради того, чтобы не лишиться престола? Если такъ подлинно расположенъ былъ Игнатій: то онъ на сей разъ не принималъ въ разсужденіе изреченія Христа, что добрый пастырь, полагаетъ душу свою за овецъ своихъ, а не за собственное величіе, и не вспомнилъ заповѣди Христовой, «когда гонять васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой.» (*Vita Ignatii. Tom. 23. Conciliorum pag. 453.*)

»Послѣ сихъ тщетныхъ усилій, продолжаетъ Никита, составивъ совѣтъ и долго между собою совѣщавшись, обращаясь на всѣ стороны, избрали наконецъ Архіереемъ царствующему граду, Фотія, протоспаарія и перваго совѣтника.» Здѣсь не видно соучастія, и самъ Никита осуждаетъ его только за честолюбивое согласіе на несправедливое избраніе; но посмотримъ, что пишетъ самъ Фотій

о томъ къ Папѣ, ибо конечно свидѣтельство его заслуживаетъ вѣру. »Когда помышляю о всей важности сана Епископскаго, о слабости человѣческой и о моей въ особенности, и сколько я всегда удивлялся, что можно когда либо возложить на себя столь страшное иго, не могу довольно выразить моей горести, видя себя обремененнымъ такимъ саномъ. Ибо когда предмѣстникъ мой оставилъ свою должность, клиръ, собранные Митрополиты и наипаче Императоръ, ко всѣмъ милостивый, ко мнѣ же одному жестокий, приступили ко мнѣ, движимые не знаю какимъ побужденіемъ, не внимая никакимъ моимъ отговоркамъ и не давая мнѣ ни сколько отдыха, говорили, что мнѣ необходимо принять на себя епископство. И такъ, не смотря на мои слезы и отчаяніе, сдѣлали мнѣ насиліе и исполнили надо мною свою волю.» Если же грамота сія кажется льстивою Римлянамъ, то частная переписка Фотія съ Кесаремъ Вардою, главнымъ виновникомъ всѣхъ смуть церковныхъ, можетъ обличить истину, и я приведу ее въ свое время. (Ист. Флери кн. I, гл. 4.)

Между тѣмъ и самыя обстоятельства не показываютъ, чтобы Фотій торопился принять предлагаемый санъ, ибо отъ дня низложенія Игнатія, 23 Ноября, до дня посвященія Фотія въ праздникъ Рождества, протекло болѣе мѣсяца, да и весьма естественно, что человекъ столь любознательный, какимъ описываютъ его самые враги, проводившій все свое время въ занятіяхъ ученыхъ, не съ жадностію бросился на предлагаемый санъ, который лишилъ его возможности заниматься, тѣмъ

болѣе, что и безъ того онъ уже стоялъ на высшихъ ступеняхъ государственныхъ. Мудрено также повѣрить и тому, что будто бы Кесарь Варда, видя несогласіе нѣкоторыхъ Епископовъ на его избраніе, призывалъ отдѣльно cadaго изъ нихъ, обѣщая имъ кафедру, если отрекутся отъ Игнатія, но прося ихъ однако отказываться, когда Императоръ станетъ ее предлагать, чтобы не возбудить сомнѣнія, и что они, обманутые такою хитростію, сами всѣ невольно отреклись отъ престола. Когда столь рѣшительно поступлено было съ сыномъ царскимъ и законнымъ Патріархомъ, котораго тѣ же Епископы приходили упрашивать, чтобы онъ уступилъ тѣснымъ обстоятельствамъ времени, едва ли нужна была такая уловка, въ отношеніи прочихъ совсѣмъ незначительныхъ Епископовъ, которые могли разумѣть, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, кто-либо болѣе именитый долженъ былъ заступить мѣсто Игнатія.—Скорѣе можно предполагать, что взоры Кесаря и клира невольно обратились на Фотія, еще мірянина, потому единственно, что никто съ болѣею славой не могъ занять престолъ патріархій, и потому гораздо легче повѣрить словамъ Фотія, что его принудили неволею, да и самые враги объявляютъ, что на его избраніе не согласились только пять человекъ, въ томъ числѣ Митрополитъ Смирнскій Митрофанъ. Когда же былъ избранъ, посвященіе совершилось скоро, по примѣру Нектарія и святыхъ Тарасія и Никифора, Цареградскихъ Патріарховъ. Въ недѣлю прошелъ онъ всѣ степени церковныя, а не въ одинъ день, какъ сожалѣ въ

послѣдствіи Стилианъ Папъ Стефану, и на шестой рукоположилъ его Григорій Архіепископъ Сиракузскій, безъ сомнѣнія не лишенный сана, хотя и отчужденный отъ общенія Игнатіемъ; ибо иначе, какъ могъ бы онъ рукополагать, особливо если приговоръ былъ соборный и произнесенъ въ самомъ Константинополѣ, тѣми же Епископами, которые участвовали въ избраніи Фотія и ходили, по свидѣтельству враговъ его, умолять Игнатія уступить обстоятельствамъ. А что Фотій далъ имъ вначалѣ письменное обѣщаніе уважать Патріарха Игнатія, какъ отца, сему можно повѣрить, хотя мы увидимъ въ послѣдствіи, какимъ образомъ вынужденъ онъ былъ, самыми обстоятельствами, дѣйствовать противъ его упорства. (Corpus Histor. Byzantii. Constantinus T. 24, pag. 89. Ист. Флери кн. I, гл. 3.)

Никита Пафлагонянинъ пишетъ, будто Фотій, два мѣсяца послѣ своего поставленія, старался ласками и угрозами отвлечь отъ Игнатія преданныхъ ему Епископовъ, и не видя успѣха, терзалъ ихъ ударами; Кесаря же и самаго Императора убѣдилъ нарядить слѣдствіе противъ Игнатія, за мнимый заговоръ; а слѣдователи столь жестоко съ нимъ обращались, что заключивъ сперва въ кѣльвъ, перевозили потомъ съ острова въ темницу Цареградскую, заковали въ колоду, выбили два зуба, требуя насильственно отреченія, и наконецъ Фотій проклялъ его соборно, низложивъ и сославъ преданныхъ ему Епископовъ послѣ многихъ пытокъ; Власію же книгохранителю отрѣзали языкъ за свободныя рѣчи. (Vita Ignatii pag. 459.)

Анастасій бібліотекаръ, хотя также изъ противниковъ Фотія, свидѣтельствуеть однако, что не онъ, а Варда Кесарь, услышавъ, что Игнатій связалъ послѣ себя клятвою всю Церковь, посылалъ къ нему мучителей насильственно вынудить отреченіе, и когда нѣкоторые Епископы начали роптать на такую жестокость, Фотій, вмѣстѣ съ Императоромъ, созвалъ соборъ и осудилъ бывшаго Патріарха. (Conciliogum t. XXIII, pag. 121.)

Митрофанъ Смирскій, также закосный врагъ Фотія, еще лучше объясняетъ дѣло. Онъ говоритъ, что Епископы области Константинопольской, раздраженные жестокимъ обращеніемъ съ бывшимъ ихъ пастыремъ, соединились въ церкви св. Ирины, и тамъ низложили Фотія, предавъ анаѹемъ и тѣхъ, которые его признають Патріархомъ. (Ист. Флери кн. I, гл. 3.) Такой ихъ поступокъ невольнo могъ заставить Фотія и самаго Императора, подпавшаго подъ ихъ анаѹему, соединить съ своей стороны соборъ и отлучить отъ Церкви, не только нарушителей порядка церковнаго и гражданскаго, но и того, кто былъ виною ихъ возмущенія, т. е. Игнатія, связавшаго неправильно клятвою Церковь, и упорно защищавшаго личное свое достоинство. Вѣроятно многіе за сіе подверглись и казнямъ гражданскимъ; но сколь мало въ томъ участвовалъ Фотій, явствуеть изъ собственныхъ писемъ его къ Вардѣ, предъ которымъ, какъ предъ главнымъ орудіемъ всѣхъ гоненій, конечно не могъ онъ притворяться въ ложномъ состраданіи, потому что ему было все извѣстно.

»Еще не испытавъ, я уже чувствовалъ себя недостойнымъ сана и степени архіерейской и обя-

занности пастырской, писалъ Фотій, и по сей причинѣ, влекомый и принуждаемый, столько сопротивлялся. О если бы смерть постигла меня прежде, нежели я былъ постигнуть симъ насильственнымъ и нетерпимымъ избраніемъ! Не обуревали бы ежедневно бѣдствующую мою душу волны толикихъ золь, которыхъ ожиданіе и тогда уже меня сокрушало и смущало; ибо природа человѣческая удивительно устроена, для предчувствія грядущихъ бѣдствій, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о собственной участи. Заранѣе смущаемый сими бѣдами, я горько плакалъ, на все соглашался лучше, нежели идти на совѣщаніе тѣхъ, которые готовились наложить на меня руки; не я ли умолялъ отклонить отъ меня чашу столькихъ золь и многообразныхъ искушеній? Нынѣ научаетъ меня самый опытъ, обличая довольно мое недостоинство, и уже не страхъ ожиданія меня обдержитъ, но отчаяніе, но болѣзнь, нанесшая мнѣ смертную язву, но вопли и воздыханія. Когда, видя всѣхъ іереевъ и каждаго, страждущихъ, біемыхъ, окованныхъ, лишаемыхъ языка, (Господи, прости согрѣшенія наши!) не долженъ ли назвать усопшихъ блаженными паче меня?—Могу ли не почитать ига, на меня возложеннаго, за наказаніе моихъ тяжкихъ грѣховъ? Человѣкъ бѣдный и безъ покровительства и даже не одаренный здравымъ умомъ (а такого рода люди болѣе заслуживаютъ состраданія, нежели гнѣва) претерпѣлъ столько бѣдствій вмѣстѣ!—онъ былъ преданъ, битъ, брошенъ въ темницу и, это уже не подлежить никакому утѣшенію, лишень языка, но, что всего ужаснѣе,—будучи пресвитеромъ! Часто я

за него ходатайствовалъ, часто молилъ тебя и слышалъ одни только тщетныя общанія;—это знаютъ всѣ видѣвшіе, когда же они забыли, не забываетъ Богъ. Если въ дѣлахъ столь явныхъ взорамъ каждаго, я такимъ образомъ лишуюсь надежды и предаюсь поруганію, чего же ожидать мнѣ въ случаяхъ болѣе скрытыхъ? Какъ стану ходатайствовать за грѣхи твои и народа и чѣмъ искуплю ихъ, когда умоляя тебя за одного человѣка,—я до такой степени, сверхъ всякаго чаянія, былъ обманутъ. Сіе написалъ я кровными слезами! Отъ тебя зависитъ, чтобы письмо сіе было или первымъ или послѣднимъ. Господомъ свидѣтельствуюсь, что если ты принялъ намѣреніе и впредь обманывать насъ и презирать увѣщательныя ходатайства наши, такъ, что вмѣсто возможнаго облегченія, сей несчастный не получитъ никакого утѣшенія,—не буду болѣе писать и беспокоить тебя; но, размышляя о самомъ себѣ и оплакивая собственную участь, умолю. Если же, послѣ ежедневныхъ, воздвигаемыхъ на меня искушеній, погублю еще и мою бѣдствующую душу, я буду несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ.» (*Photii epistola 6.*)

И въ другомъ письмѣ къ тому же Кесарю писалъ онъ: »радуюсь оскорбленіямъ, но сожалѣю, что оскорбляютъ тѣ, отъ коихъ наиболѣе надѣялся помощи; еще тяжелѣе то, что насъ, неправедно страдающихъ, обвиняютъ какъ совершителей неправды. Мы занимаемся крамолами?—и это на насъ пишутъ тѣ, которые ежедневно противъ насъ клеветуютъ!—За все благодареніе Господу! если бы не почитали мы сію нашу жизнь за испытаніе

временное, много огорчились бы мы настоящими бѣдствіями!» (Epistola 8.)

Письма сіи излились, съ такою силою, изъ огорченной души Фотіевой, что не возможно искать лучшаго ему оправданія, противъ всѣхъ возводимыхъ на него клеветъ, о мнимой жестокости. Пресвитерь, о которомъ онъ ходатайствуетъ столь пламенно, есть тотъ самый Власій, коему отсѣкли языкъ за смѣлыя рѣчи, хотя враги Фотія домогаются включить его въ число жертвъ его честолюбія.—Такъ можно вѣрить и прочимъ ихъ клеветамъ, на которыя не напрасно онъ жалуется. (Ист. Флери кн. I, гл. 3, 4. Vita Ignatii 461.)

III.

СНОШЕНІЯ СЪ ПАПОЮ НИКОЛАЕМЪ.

Пишутъ, что Фотій слыша общій противъ себя ропоть, отправилъ пословъ въ Римъ, подъ предлогомъ укрощенія ереси иконоборцевъ, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы укрѣпиться на престолѣ, помощію Римлянъ, и, думая обмануть Папу, писалъ къ нему, что Игнатій, оставивъ санъ

по старости и болѣзни, удалился въ обитель, окруженный всѣми почестями. Однако сами Римляне должны сознаться, что у нихъ не существуетъ письма сего, хотя бы оно было весьма для нихъ полезно для обличенія во лжи Фотія, а признають подлинность другаго, которое мы уже выписали отчасти, нѣсколько выше, и въ коемъ видно все смущеніе избраннаго неволею на многоятежное поприще. Грамата Фотія была не что иное, какъ окружное посланіе, съ изложеніемъ вѣры, какими обыкновенно новопоставляемые Патріархи сообщали другъ другу свое избраніе, въ залогъ взаимной любви, и Фотійъ надписалъ оное «всесвятѣйшему брату и сослужителю, Николаю Папѣ древняго Рима.»

Императоръ Михайль, надѣясь утишить воздвигнутое имъ смятеніе въ Церкви, отправилъ отъ себя пословъ, съ богатыми дарами въ Римъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ Папу со всею Западною Церковію, и къ несчастію посольство сіе сдѣлалось источникомъ разрыва, ибо надмѣнный Папа не пропустилъ случая, благопріятнаго его властолюбію и немедленно отправилъ отъ себя легатами въ Царьградъ, Епископовъ Захарію и Родоальда, съ тѣмъ, чтобы дѣло о иконоборствѣ, они рѣшили по собственному благоразумію, дѣло же обоихъ Патріарховъ, изслѣдовавъ только на мѣстѣ событія, отнесли бы къ нему для окончательнаго суда. Онъ отправилъ съ ними два письма, одно къ Фотію, въ коемъ признавалъ исповѣданіе его православнымъ, но осуждалъ неправильность скорого поставленія изъ мірянъ, и потому не хотѣлъ изъ-

являть на оное согласіа до возвращенія пословъ своихъ. Однако Папа ни слова не упоминалъ о неправильномъ изложеніи Игнатія, хотя о томъ жаловался въ письмѣ къ Императору, и обѣщаль признать Фотія съ братскою любовію, если окажется ревность къ защитѣ Каѳолической вѣры и услышитъ о дѣйствіяхъ его ко благу Церкви. Чего же требовалъ Папа, то видно изъ траматы его къ Императору, въ коей вполнѣ выразился честолюбивый характеръ Николая и его обширные замыслы; такъ начинается онъ: (Т. 22. Concil. 1. pag. 71.)

»Спаситель всѣхъ, вручая начальство божественной власти избраннымъ Апостоламъ своимъ и, на твердой вѣрѣ Князя Апостоловъ, упрочивая твердость, ему предназначилъ и первую каѳедру, ибо гласомъ Господнимъ сказано: »ты еси Петръ, и на семь каменіи созижду Церковь мою.» Потомъ жаловался, что въ Константинополѣ соборное изложеніе Игнатія произошло безъ согласія Римской каѳедры, чего по словамъ его никогда не бывало, (хотя мы видѣли неоднократные примѣры изложенія Епископовъ, безъ всякаго сношенія съ Римскими); онъ хотѣлъ, чтобы Игнатій, безотвѣтно осужденный, предсталъ опять предъ лице вселенскаго Собора и его легатовъ, къ которымъ просилъ имѣть полную вѣру; окончательное же рѣшеніе обѣщаль прислать изъ Рима. Наконецъ требовалъ отъ Императора подчиненія Римской каѳедрѣ Епира, Иллирии, Македоніи, Фессаліи, Ахаіи, Дакии, Мизіи, Дарданіи, и признанія его намѣстникомъ на Востокъ Архіепископа Фессалоникійскаго, древле зависѣвшаго отъ Папы; требовалъ еще возвращенія достоянія

Римской Церкви въ Калабріи и Сициліи, и чтобы поставленіе Архіепископа Сиракузскаго зависѣло опять отъ Папы.» Такимъ образомъ видно, что Николай, принимая участіе въ дѣлѣ Игнатія, не забывалъ и собственныхъ выгодъ, притязаніемъ на прежнюю церковную область, и тѣмъ самымъ обнаруживалъ ея предѣлы, хотя домогался вселенской власти; ибо если и самые Патріархи, по мнѣнію Римлянъ, были въ зависимости ихъ Первосвятителей, то для чего было возобновлять викаріатъ Фессалоникійскій? Если же, о самомъ Фотіи, Папа выражался довольно снисходительно вначалѣ, хотя уже обличалъ неправильность его избранія, то не отъ того ли, что надѣялся чрезъ него получить утраченное? Есть одно письмо Фотія къ Кесарю Вардѣ, которое подаетъ поводъ къ такимъ предположеніямъ, ибо онъ прямо говоритъ, не называя лицъ, что нѣтъ справедливости въ тѣхъ, которые готовы признать его законнымъ, если уступить половину своей церковной области, и находятъ его недостойнымъ, если будетъ за собою удерживать всю. Здѣсь не лѣзя разумѣть Игнатія, ибо не могло быть двухъ Патріарховъ въ Константинополь, и вѣроятно письмо сіе писано, во время долгихъ переговоровъ, бывшихъ съ легатами по ихъ прибытіи въ Царьградъ, которыхъ будто бы обольстили ласками и угрозами, какъ о томъ въ послѣдствіи жаловался Папа. (Т. 22. Concilioꝝ pag. 62, и далѣе.)

»Моя скудость заслуживаетъ, можетъ быть, чтобы къ болѣзни ранъ моихъ прилагать еще болѣзни, но для вашего благосердія и расположенія ко мнѣ сіе непристойно. Иной подумалъ бы, что это

случилось намъ не по вашей волѣ: но видя, что мы терпимъ, тогда какъ вы находитесь во власти и силѣ, переѣните свое мнѣніе. Мы обмануты, обруганы, посрамлены; на насъ клеветуютъ, навѣтуютъ. Но скажутъ: мы еще не имѣли ударовъ? имѣли, и еще тягостнѣе, не на тѣлѣ,—что бываетъ открыто для взоровъ всѣхъ людей, служить къ обличенію обижающаго и приносить не малое ободреніе, состраданіемъ видящихъ; мы же получили удары въ самую душу, чрезъ которую и тѣло поражается болѣзнію. Въ семъ случаѣ и бѣоцій не стыдится, какъ будто бы не причинялъ обиды; и бѣмый, сверхъ скорби отъ ударовъ, пріемлетъ избытокъ наказанія въ томъ, что нѣтъ сострадающихъ, такъ какъ его скорби сокрыты.»

»Но мы терпѣли сіе прежде за Христа и божественные законы; и благодареніе Богу, тѣмъ паче умножающему мзду. Я зналъ уже при самомъ началѣ подвига, что буду сіе терпѣть; я ожидалъ еще прежде страданія и подвига (если же говорю неправду, пусть потерплю и болѣе того, что терпѣлъ), я ожидалъ, говорю, того, что я потерпѣлъ; а теперъ мнѣ прискорбно, что терплю подъ властію таковыхъ людей. Моя кончина опредѣлена Богомъ и я съ радостію пріемлю чашу, какая бы она ни была; не отягчаюсь тѣмъ, что терплю, напротивъ желаю и того, что еще остается мнѣ терпѣть, хотя впрочемъ, не могу сносить безъ скорби: ибо человѣческой природѣ не дано терпѣть безболѣзненно. Вотъ какъ я долженъ быть расположенъ и какъ помышляю относительно преслѣдовавшихъ и еще преслѣдующихъ меня; но въ

васъ желалъ я найти наказателя обижающихъ, а не предводителя въ обидахъ. Впрочемъ не лъзя мнѣ ни избѣжать того, что я долженъ претерпѣть, ни противъ воли другихъ переимѣнить ихъ желаніе, или мнѣніе.»

»Поелику много уже потерпѣли мы прежде и зло какъ будто оскудѣвало,—выдумывается еще другой видъ озлобленія, и за насъ терпятъ зло другіе. Кларъ и значительнѣйшіе изъ подчиненныхъ мучателя голодомъ, дабы говоря и памятуя, что они за насъ подверглись сей участи, все поношеніе и клятву обращали на нашу голову. Я не говорю о томъ, что и на нашу часть прикладывается по мѣрѣ, и у насъ отнимается половина власти (области). Умно дѣйствуютъ отнимающіе, и хитро приготавливаютъ намъ гоненіе. Если они сіе сдѣлали въ исполненіе нашего прошенія, т. е. чтобы намъ освободиться отъ сего ига и бремени (ибо они, можетъ быть, и это говорятъ въ насмѣшку намъ): то я благодаренъ имъ за отнятое. Но они печалятъ меня тѣмъ, что еще нѣчто для меня оставили, а медлительностію отнять и остальное, еще болѣе огорчаютъ, точно также какъ тѣ болѣе мучать убиваемаго, которые оставляютъ его полумертваго и полурасвѣченнаго, нежели тѣ, которые его вдругъ убиваютъ. И кажется, поелику мы просили, чтобы сняли съ насъ все, за сіе самое отняли у насъ половину; а если бы мы просили о раздѣленіи власти, то были бы вполне услышаны. Но какъ расвѣченному пополамъ не возможно жить: такъ и намъ оставаться здѣсь по такому раздѣленіи. Стыдъ и поношеніе, не только предъ

тѣми, которые были прежде насъ, но и предъ тѣми, которые будутъ послѣ, если только можетъ быть несчастнѣе насъ кто либо изъ тѣхъ, которые послѣ насъ и вмѣсто насъ подвергнутся тому же иту! Мы оставляемъ мѣсто; да умолкнетъ ненависть! если же не оставляемъ, то опечалимъ нѣкоторыхъ, или наче, пусть тогда насъ въ этомъ обвиняютъ; но мы и прахъ отрясал, оставляемъ престоль. Да отложатъ коварство противъ насъ, предостереганія, ухищренія, навѣты. О правосудіе, о законы, о суды Божіи! Когда мы васъ не пощираемъ, тогда мы преступники; когда мы васъ любимъ, насъ не любятъ; когда мы за васъ стоимъ, тогда имѣемъ раздоръ. Слухи разносятся, и кто выдумаетъ что нибудь новое противъ насъ, считается умнымъ и искуснымъ, а кто намъ соболѣзнуеть, того обвиняютъ, какъ врага и преступника законовъ, хотя бы онъ былъ братъ, и по природѣ склоненъ къ состраданію. Можно ли легко снести, что мы имѣемъ такихъ судей надъ нашимъ поведеніемъ, которые прежде были нашими хвалителями, и считали милостно, когда не будутъ осуждены нами; а нынѣ насъ же съ друзьями разлучаютъ, отторгаютъ отъ братій.—Кто это стерпитъ?» (Photii epistola 3.)

По краткимъ сказаніямъ лѣтописцевъ Греческихъ, намъ извѣстно, что въ храмъ Апостоловъ созванъ былъ соборъ, состоявшій изъ 318 Епископовъ, въ память числа отцевъ Никейскихъ перваго вселенскаго Собора; на ономъ присутствовали и легаты папскіе. Игнатій вызванъ былъ изъ своего заточенія и, какъ будто неправильно по-

ставленный не съ общаго согласія, изложенъ опять, по приговору пословъ Римскихъ; хотя сохранились каноны сего собора, дѣяній его не находится, кромѣ описанія, сдѣланнаго тремя врагами Фотія, Анастасіемъ книгохранителемъ, Никитою Пафлагонскимъ и игуменомъ Θεογνωстомъ, или лучше сказать самимъ Игнатіемъ въ письмѣ, (если можно вѣрить его подлинности) чрезъ него писанномъ къ Папѣ, въ которомъ оный величаетъ его, вопреки всѣхъ правилъ и примѣровъ своихъ предшественниковъ: «святѣйшимъ владыкою и блаженѣйшимъ предсѣдателемъ и Патріархомъ всѣхъ престоловъ и преемникомъ предводителя Апостоловъ.» (Т. 23. Concilior. pag. 523.)

По сей причинѣ не откуда почерпнуть вѣрнаго свѣдѣнія о происходившемъ на соборѣ; нельзя однако безотчетно вѣрить клеветамъ, взводимымъ на Фотія, о жестокостяхъ противъ Игнатія, если только вспомнить опроверженіе первыхъ клеветъ, собственными его письмами и дѣяніями, и разногласіемъ самихъ обвинителей. Самое ужасное, какъ обыкновенно, проистекаетъ отъ Никиты Пафлагонянина, который увѣряетъ, что Игнатія, со многими поруганіями, обличали въ неправильномъ представленіи, и приводя на соборъ сперва въ простой одеждѣ, потомъ въ святительской, сорвали ее предъ лицемъ всѣхъ и нрвозгласили недостойнымъ, не смотря на всѣ его оправданія; потомъ Фотій заключилъ старца въ гробницу подземную Копронима, гдѣ морили его голодомъ и холодомъ, сажали обнаженнаго на острую крышу мраморнаго гроба; привязывая къ ногамъ камни, доколь не исторгли

вмѣсто подписи, одного креста, подъ коимъ самъ Фотій подписалъ его отреченіе, и недовольный тѣмъ, хотѣлъ еще выколоть ему глаза и умертвить, но Игнатій спасся бѣгствомъ. Пафлагонянинъ присо-вокупляетъ еще, что послѣдовавшее землетрясеніе и пожары въ Константинополь были слѣдствіемъ сей неправды, и что самъ устранинный Кесарь Варда, услышавъ гдѣ спасается Игнатій, возвра-тилъ его въ прежнее уединеніе.—Почти то же, но съ меньшими подробностями, говоритъ и Θεογνότης въ письмѣ Игнатія; Анастасій же увѣряетъ, что Фотій свирѣпствовалъ, послѣ собора, противъ всѣхъ приверженцевъ бывшаго Патріарха, преслѣдуя самыя отшельниковъ въ ихъ пустыняхъ. (*Vita Ignatii* pag. 468, 471.)

Хотя по симъ свидѣтельствамъ и по твердымъ отвѣтамъ Игнатія Царю и всѣмъ Епископамъ, коихъ не признавалъ онъ такими, если не хотятъ признать его законнымъ, ибо большая часть ихъ рукоположена была имъ самимъ,—дѣло его кажется правымъ и дѣйствія собора пристрастными, однако не льзя не сдѣлать и нѣсколькихъ замѣчаній въ защиту Фотія. Прежде всего должно сказать, что когда, однажды и противъ желанія, имѣлъ онъ слабость принять санъ патріаршій, ему уже необходимо было защищать себя, и упорство Игнатія, возбуждавшаго противъ него Епископовъ, до такой степени, что они рѣшились его анаематствовать, могло служить достаточнымъ извиненіемъ, чтобы и противъ самаго Игнатія приняты были строгія мѣры; жестокости же, какъ и всѣ прежнія, вымышлены.

Никита Пафлагонянинъ пишетъ, что противъ неправильнаго поставленія Игнатіева свидѣтельствовали 72 человекъ, не только изъ простыхъ, но и изъ именитыхъ людей, что подастъ поводъ подозревать, что у него было много враговъ; достойно вниманія и то, что Фотій могъ собрать противъ него 318 Епископовъ; Игнатій же нѣсколько лѣтъ спустя соединилъ противъ Фотія только 102 Епископа, слѣдовательно втрое меньше, хотя Императоръ Василій также благопріятствовалъ ему, какъ прежде Михаилъ Фотию, и также присутствовали легаты папскіе, и даже соборъ ихъ названъ вселенскимъ; да и игумень Теогностъ подалъ прошеніе Папѣ, отъ лица Патріарха Игнатія и съ нимъ только отъ 10 Митрополитовъ и 15 Епископовъ. Анастасій книгохранитель, въ предисловіи къ сему мнимому вселенскому собору, пишетъ, что легаты Римскіе, Родоальдъ и Захарія, не разумѣли сами грамать, принесенныхъ ими отъ Папы на соборъ Фотіевъ и искаженныхъ Греками въ переводѣ, а если и замѣтили порчу, то умолчали отъ страха. Можетъ ли быть, чтобы Папа послалъ людей не знающихъ языка и столь малодушныхъ? Но что всего замѣчательнѣе: самъ Папа Николай, жалуясь въ письмахъ своихъ, что легаты его, послѣ осмимѣсячнаго томленія въ Царьградѣ, вынуждены были, угрозами дальней ссытки, согласиться на осужденіе Игнатіево, не смотря на то, хотя и отвергнувъ дѣянія собора, въ присутствіи всей Римской Церкви и посланниковъ Императора, однако въ томъ же году послалъ испытаннаго въ малодушіи или корыстолюбіи Родоальда, опять легатомъ во

Францію, и на какой же подвигъ?—чтобы расторгнуть бракъ Короля Лотарія! Потомъ, по слухамъ отъ людей, приходившихъ въ Римъ, созвалъ оный соборъ и оудилъ вмѣствъ съ Фотиємъ одного легата Захарію, отложивъ судъ Родоальда до возвращенія.—Такой образъ дѣйствованія весьма сомнителенъ и наводитъ подозрѣніе, что были какія нибудь тайныя условія, для признанія или отверженія Фотія, и что быть можетъ, если бы сей послѣдній покорился Папѣ и уступилъ ему просимую область Иллирійскую, онъ остался бы неприкосновеннымъ. Примѣромъ тому можетъ служить и самъ Игнатій, который по возвращеніи своемъ на престолю, одною только смертію спасся отъ сужденія Папы Адріяна, за то что не хотѣлъ уступить ему Болгарію, и новая есора Папы Іоанна съ Фотиємъ, нѣсколько лѣтъ спустя, произошла по той же причинѣ. (Concil. T. 23. pag. 465. 122, 523. Ист. Флери кн. I. гл. 16, 25, 26.)

Грамата Фотія къ Николаю, послѣ собора, свидѣтельствуеть сколько желалъ онъ мира церковнаго, и что вопросъ объ Иллиріи служилъ не малымъ къ тому препятствіемъ: «ничего нѣтъ драгоценнѣе любви, которая соединяеть отцевъ съ чадами, друга съ друзьями и самыхъ отдаленныхъ людей между собою. Она убѣжда меня претерпѣть колкіе упреки святыхъ вашей, и не приписывать ихъ какому либо страстному движению, а только ревности вашей къ устройству Церкви. Но, пользуясь свободою, какая должна существовать между братьями и между отцами и чадами, я пишу вамъ чтобы защищать себя, а не для того чтобы про-

творѣчить. Вмѣсто укоровъ вы бы должны сожалѣть о мнѣ, ибо я былъ вынужденъ. Богъ, отъ котораго ничего не утаено, знаетъ претерпѣнное мною насиліе. Меня заключили въ темницу, какъ преступника, мнѣ дали стражей, меня избрали неволею; я плакалъ, я бился, стоналъ, всѣ это знаютъ,—и такъ не болѣе ли заслуживаю я отъ васъ утѣшенія, нежели упрековъ?» (Ист. Флери кн. I, гл. 15.)

Хотя Римляне пишутъ, что Фотій выражался такимъ образомъ, чтобы обольстить Папу, однако человекъ, столь рѣзкаго характера, каковъ былъ Фотій, слишкомъ не свойственна столь низкая ложь, особенно если сравнить слова его съ тѣми, какія писалъ онъ Кесарю Вардѣ, предъ которымъ уже не могъ лгать, если бы и хотѣлъ, ибо Вардѣ все было извѣстно.—Продолженіе письма понятно и правдоподобно каждому любознательному человеку.

»Я потерялъ миръ и отраду жизни, которою наслаждался у себя, въ кругу избранныхъ друзей въ изученіи мудрости и наукъ и въ исканіи истины.—Не имѣлъ я ни съ кѣмъ распрей, напротивъ того доброе имя друзей моихъ безпрестанно привлекало мнѣ новыхъ; часто ходилъ я съ ними въ палаты царскія и оставался тамъ сколько хотѣлъ, и всегда болѣе, нежели сколько они желали. Все сіе я воспоминаю, какъ источникъ слезъ моихъ, ибо я зналъ, прежде даже чѣмъ испыталъ, заботы и затрудненія занимаемаго мною мѣста, непокорность народа, мятежный духъ его и дерзость къ начальникамъ. Онъ ропщетъ, если ему отказыва-

ютъ въ просьбахъ, если же ихъ исполнить, пренебрегаетъ какъ будто бы вынудилъ согласіе. Мнѣ должно безпрестанно принуждать себя, казаться веселымъ когда я грустенъ, гнѣвнымъ безъ гнѣва, и измѣнять лице свое, когда напротивъ друзьямъ всегда представлялся въ своемъ обыкновенномъ видѣ. Съ высоты моего мѣста часто долженъ укорять друзей, пренебрегать родственниками, быть тягостнымъ для всѣхъ грѣшниковъ, и отсюду привлекать себѣ ненависть. (Обширная переписка Фотія свидѣтельствуеть истину сего, ибо онъ непрестанно укорялъ первостепенныхъ вельможъ Царьграда за ихъ порочную жизнь, безъ всякаго лицепріятія.) Сколько долженъ я терпѣть, борясь противъ симоніи и вольности говорить въ церквахъ, и противъ суеты отвлекающей отъ спасенія? Все сіе я предвидѣлъ и оттого бѣжалъ.—Но зачѣмъ писать о томъ?—если мнѣ вѣрятъ, оскорбляютъ меня, не сожалья; если же не вѣрятъ, то еще обиднѣе то, что не хотятъ признать истинны!—Но, говорятъ мнѣ, ты бы не долженъ былъ терпѣть насилія.—Кого же должно обвинять въ томъ если не насилывавшихъ? Но они нарушили законы, воспрещающіе возводить мірянъ въ санъ епископскій? Кто же опять ихъ нарушилъ? тотъ ли, кто сдѣлалъ насиліе, или тотъ, кому его сдѣлали? Надлежало противиться и я противился, даже болѣе, нежели сколько можно было, и если бы не боялся возбудить болшей бури, противустоялъ бы до самой смерти. Впрочемъ Церковь Константинопольская не приняла доселѣ правилъ, въ нарушеніи коихъ насъ упрекаютъ.» (Здѣсь говорить о мѣстномъ соборѣ Сарди-

кійскомъ и декреталяхъ Папъ Келестина, Льва и Геласія, о коихъ упоминалъ Николай.)

»Я бы могъ остановиться на сихъ словахъ, но не намѣренъ оправдываться. Никогда не желалъ я мѣста сего и противъ воли пребываю на немъ, но я долженъ оправдать память отцевъ моихъ, Никифора и Тарасія, которыхъ осуждаютъ ради меня. Говорятъ, будто ихъ рукоположили въ Епископы, вопреки канонѣвъ, потому что измыслены были изъ мірскаго чина; но они не знали сихъ правилъ и вѣрно соблюдали тѣ, какія были имъ извѣстны. Каждый долженъ соблюдать свои, и есть иныя правила, принятыя одними, хотя другіе о нихъ вовсе не слышали. Такъ одни бръютъ бороду, а другимъ это запрещено: мы постимся только одну великую субботу, а другіе и въ прочіе субботы. Въ Римѣ ибѣтъ женатыхъ пресвитерѣвъ; мы же научены посвящать и такихъ, которые довольствуются однимъ бракомъ. Мы осуждаемъ того, кто посвящаетъ діакона въ Епископа мимо пресвитерской степени; для другихъ же сіе безразлично. Никтъ кого не требуется соблюденіе непринятаго имъ закона, если бы только онъ не нарушалъ вѣры и вселенскихъ правилъ.»

»Люди, извлекаемые изъ мірскаго чина для епископства, заслуживаютъ не хулы, но большихъ похвалъ, поелику за добрую ихъ жизнь предпочтены были уже облеченнымъ въ священство. Не одежды и не власы, и не долгота времени, а нравъ, дѣлаютъ достойными епископства; не о себѣ говорю, ибо не имѣлъ ни нравѣвъ, ни одежды, но о дѣдѣ моемъ Тарасіи и о Никифорѣ; говорю о Амвросіи,

котораго знаю, что постыдились бы осудить Латиняне, какъ лучшую славу своей земли, издавшаго на ихъ языкѣ столько полезныхъ писаній. Не осудятъ они и Нектарія, если съ нимъ вмѣстѣ не захотятъ осудить и вселенскій Соборъ, утвердившій его избраніе. Однако и тотъ и другой, не только были мірянами, но даже некрещеными, когда ихъ избрали въ Епископы. Не хочу говорить о Григоріи отцѣ Богослова и Фалассіи Кесарійскомъ, и о другихъ Епископахъ, которыхъ никогда не обвиняли за такого рода производство.»

»Говорю же сіе не для распрей, потому что я согласился на соборъ, чтобы никакой мірянинъ или монахъ впредь не поставлялся въ Епископы, не пройдя извѣстное время въ каждой степени; ибо мы всегда готовы отклонять соблазны, если только это возможно безъ грѣха. Оскорбительно было бы памяти отцевъ нашихъ признать, и за прошедшее время, наблюдаемое вами правило, но нѣтъ никакой необходимости сдѣлать законъ для будущаго. О если бы Церковь Константинопольская всегда его сохраняла!—я бы избѣжалъ обременившихъ меня заботъ. Я окруженъ нечестивыми, изъ коихъ одни оскорбляютъ Господа Иисуса Христа въ его иконахъ, другіе же смѣшиваются или отвергаютъ его двѣ природы, ругаясь надъ четвертымъ вселенскимъ Соборомъ.—Съ ними мы ратуемъ и многихъ одоумляемъ. (Многія сему свидѣтельства находятя также въ богословскихъ письмахъ Фотія, вполне опровергающія всѣ клеветы враговъ о его ереси, и показывающія ясно, какую должно имѣть къ нимъ вѣру.) Но есть еще лисицы, выходящія изъ норъ своихъ,

чтобы уловить птенцовъ:—это раскольники, болѣе опасные, нежели явные враги. Мы смирили ихъ правиломъ собора, въ которомъ вы участвовали чрезъ своихъ легатовъ, и съ ихъ согласія мы издали нѣсколько другихъ канонѳвъ. Мы бы приняли и прочія учрежденныя вами правила, если бы не воспротивился Императоръ; но мы лучше пожелали лишиться одной части канонѳвъ, нежели всѣхъ.»—(Слова сіи показываютъ, какъ мало имѣлъ свободы въ своихъ дѣйствіяхъ Фотій и потому напрасно его обвиняютъ, какъ участника, въ жестокостяхъ царскихъ.)

»Что же касается до Иллирійскихъ и другихъ церквей, возвращенія коихъ вы требуете, то мы бы охотно сіе сдѣлали, если бы оно отъ насъ зависѣло, но это забота государственная, ибо дѣло идетъ о предѣлахъ и областяхъ. Я же, съ своей стороны, не только хотѣлъ бы отдать другимъ то, что имъ принадлежить, но и уступить собственное; я былъ бы обязанъ тому, кто облегчитъ меня отъ моего бремени, вмѣсто того, чтобы отказывать въ законномъ достояніи кому либо другому, особливо такому отцу, какъ вы, требующему чрезъ людей столь почтенныхъ, каковы легаты ваши. Они добродѣтельны, осторожны и опытны, и вполнѣ ученики Христовы, достойные того кто ихъ послалъ. Многое изъяснилъ я имъ на словахъ, чего не лзя написать, и никто лучше ихъ не скажетъ вамъ истины и не заслуживаетъ вѣры.»

»Я забылъ еще представить вамъ, что такъ какъ никто, болѣе васъ, не обязанъ соблюдать канонѳвъ, то вы не должны безразлично принимать тѣхъ,

которые отсель идутъ въ Римъ безъ довѣрительныхъ грамотъ. Мы весьма довольны, чтобы ходили принадлеать къ святыиъ вашей, но только не безъ вѣдома нашего. Ибо многіе грѣшники, подѣ благовиднымъ предлогомъ богомолія, избѣгаютъ такимъ образомъ заслуженнаго наказанія за ихъ прелюбодвѣнія, татѣбы, убійства и другія преступленія, и вы сдѣлаете тщетными ихъ злобныя намѣренія, если не станете ихъ принимать безъ нашихъ грамотъ.»

Такимъ образомъ писемо сіе, которое представляютъ Римляне въ доказательство лести Фотіевой, служитъ лучшимъ ему оправданіемъ и объясняетъ обстоятельства времени. Достоиню вниманія, съ какою благородною твердостью онъ объясняетъ Папѣ свои поступки, не унижая себя предъ нимъ, защищая свои права и не страшась обличать его, отклоняя вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжёлое дѣло о предѣлахъ епархій, какъ подлежащее суду мірскому и зависящее отъ указовъ царскихъ. То что онъ пишетъ о легатахъ, соотвѣтствуетъ прежнему о нихъ мнѣнію Папы, которое какъ мы видѣли, не тотчасъ измѣнилось, ибо посылая того же Родоальда въ Галлію, онъ называлъ его въ своей грамотѣ: »вѣрнымъ Римской Церкви и столпомъ Апостольскаго престола, поручая ему, страхомъ оной, содержать Епископовъ на соборѣ.» (Concilioг. Т. 22. pag. 378.) Отвѣтъ Папы Фотію, какъ и вся послѣдующая его переписка съ Императоромъ, и посланія на Востокъ, отзываются нестерпимымъ духомъ властолюбія, которое не могли равнодушно переносить знающіе вселенскіе каноны. (Камень соблазна стр. 24—34. Epistolae

Nicolai. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. T. 22. Concil. pag. 75—229.)

Объявивъ себя явнымъ врагомъ Фотія, защитникомъ Игнатія и поборникомъ верховной церковной власти, онъ писалъ къ Царю Михаилу, утверждая въ посланіи своемъ все, что ни сдѣлано на соборъ противъ иконоборцевъ, но уничтожая то, что опредѣлено въ отношеніи Игнатія и Фотія, и увѣщевая его прекратить несогласія, между спорящими Епископами и клириками, судомъ Римской Церкви. Къ Патріарху же Фотію писалъ грозно: что Церковь Римская, по преимуществу, полученному Петромъ отъ самаго Христа, есть глава всѣмъ другимъ Церквамъ, и что потому каждый долженъ содержать свято и ненарушимо всѣ ея опредѣленія, хотя бы она и противны были обыкновенію; и поелику Фотій вступилъ изъ мірскаго чина на патріаршій престоль, противъ установленій Западной Церкви, которой правила должно ему знать и хранить, то и сдѣлался чрезъ то преступникомъ безотвѣтнымъ и никакого оправданія въ винѣ своей не имѣющимъ, а наиболѣе потому, что воспріялъ сей священный санъ, при жизни Игнатія, несправедливо осужденнаго, котораго Церковь Римская потому и не престаётъ почитать въ прежнемъ его патріаршескомъ достоинствѣ. Что же принадлежитъ до Нектарія, который хотя и дѣйствительно посвященъ былъ изъ мірянъ Архіереемъ: сіе сдѣлано для того, что тогда не было достойнѣе его никого изъ духовнаго чина, а Тарасій получилъ санъ Патріарха за то, что былъ защитникомъ иконъ; Амвросій же Медіо-

ланскій воспріялъ архіерейскій санъ за чудеса. Таково было содержаніе отвѣтной къ Фотію грамоты Папы Николая, который однако ничего въ ней не упомянулъ ни о Никифорѣ, коего Константинопольская Церковь избрала также изъ мірянъ Патріархомъ и притомъ безъ всякой нужды, ни о тѣхъ преступникахъ и возмутителяхъ, которые изъ Константинополя уходили, для избѣжанія казни, въ Римъ и были тамъ отъ него приняты. Въ то же время послалъ онъ отъ себя и къ другимъ Патріархамъ и Архіереямъ Восточной Церкви грамоту, увѣдомляя ихъ, что Римская Церковь не приметъ изверженія Игнатіева и избранія Фотіева, и требовалъ, повелительнымъ гласомъ верховнаго Апостола, чтобы и они его не принимали, и чтобы другихъ непременно о томъ увѣдомили. Еще въ одномъ посланіи прямо объявилъ, что кафедра верховная Римская судить всѣхъ и ни отъ кого судиться не можетъ, кромѣ какъ отъ самаго вручившаго ключи царствія Апостолу Петру, что противно всѣмъ правиламъ и примѣрамъ.

По отправленіи сихъ грамотъ на Востокъ, созвалъ онъ западныхъ Епископовъ въ Римъ, и составя изъ нихъ соборъ, велѣлъ прочесть бывшія въ Константинопольской Церкви противъ Игнатія дѣянія, обвинилъ торжественно Фотія, за то, что будучи міряниномъ, возшелъ на патріаршескій престолъ, какъ прелюбодѣй, какъ тать и разбойникъ, и присудилъ снять съ него санъ патріаршій, лишивъ священства и всѣхъ тѣхъ, кои были имъ рукоположены; напротивъ того Игнатія призналъ законнымъ Патріархомъ, повелѣвая возвратитъ пре-

стоны всѣмъ тѣмъ Епископамъ, которые пострадали за него и сосланы въ ссылку, и опять о томъ уведомиль Восточное духовенство, самаго Фотія, дядю царскаго Варду и Игнатія, угрожая проклятіемъ, неразрѣшимымъ отлученіемъ отъ Церкви и вѣчною мукою всѣмъ тѣмъ мірскимъ и духовнымъ чинамъ, кои дерзнуть нарушить учиненное имъ на соборѣ опредѣленіе. Изъ всего этого видно, что онъ много вѣрилъ Константинопольскимъ бѣглецамъ, которые, по примѣру всѣхъ преступниковъ, имѣющихъ обыкновеніе злословить тѣхъ судей, отъ коихъ боятся праведнаго суда, старались всячески Фотія очернить и многія сплетали на него клеветы. Папа причиталъ ему въ вину все то, что учинено было противъ Игнатія и единомышленниковъ его, самимъ Царемъ и Вардою, и чрезъ то нарушалъ церковныя правила, запрещающія принимать такихъ людей и вѣрить ихъ клеветамъ; но гдѣ дѣйствуетъ страсть, тамъ правила не имѣють мѣста.

Замѣчательно, что дѣянія Римскаго собора, осудившія Фотія, не находятся въ собраніи соборовъ, ибо Римляне весьма знаютъ, что имъ можно сохранить и что опустить; приговоръ сего собора извѣстенъ только чрезъ 7-е посланіе Папы, въ коемъ чрезвычайно возвышены преимущества Римской кathedры; на концѣ же присоединено и осужденіе собственныхъ его легатовъ, неправильно дѣйствовавшихъ противъ Игнатія, будто бы вопреки данной имъ инструкціи, хотя ее также не находится въ собраніи актовъ. Въ граматѣ сей Папа не называетъ даже, кто именно принесъ ему обвиненія на Фотія, а просто осуждаетъ заочно по до-

шедшимъ до него слухамъ, и приступаетъ къ сему безъ всякой побудительной причины, спустя почти годъ послѣ отправленія своихъ грамотъ къ Царю и Патріарху Фотію, прежде даже нежели получили отъ нихъ какой либо отзывъ.

Что касается до папскихъ отлученій отъ Церкви и проклинаній, то онѣ почитались въ Константинополѣ за слабыя стрѣлы, и Папа скоро получилъ отъ самаго Царя отвѣтъ, въ коемъ, при уничтоженіи крайней власти, которую хотѣлъ присвоить себѣ надъ всеми Церквами, сказано было, что легаты его призваны были изъ Рима, въ знакъ только чести, а не для того, чтобы покорить Восточную Церковь Западной и поручить Фотіево и Игнатіево дѣло непосредственному его суду; но дабы, въ присутствіи его пословъ, утвердилось изверженнаго Игнатія изверженіе, а избраннаго уже Фотія избраніе, послѣдовавшее по согласію всехъ Восточныхъ Патріарховъ, не смотря на его сопротивленіе, и чрезъ то пресѣчено бы было навсегда несогласіе между Восточнымъ духовенствомъ.

Но Папа, пребывая твердымъ въ подвигъ своемъ и желая довершить оный, ополчился всѣмъ оружіемъ священнаго Писанія и употреблялъ всѣ способы къ преодолѣнію мнѣнія своихъ противоборниковъ. Къ Царю Михаилу писалъ онъ, что какъ не отъ человѣковъ, но отъ Бога, т. е. не отъ Соборовъ, но отъ самаго Спасителя воспріять Петръ преимущество власти надъ всею Церковію; то и Архіереи Римскіе, какъ его преемники, суть верховнѣйшіе всякаго духовнаго дѣла судіи; почему и увѣщевалъ его, дабы прислалъ къ нему въ Римъ

на судъ Игнатія и Фотія, или повелѣлъ бы имъ, если не могутъ предстать на оный сами, увѣдомить его, письменнымъ свидѣтельствомъ, почему не могутъ? и прислать отъ себя повѣренныхъ для разсмотрѣнія дѣла ихъ съ самаго начала. Но такое непомѣрное требованіе служило только къ большому уничтоженію тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя онъ присвоивалъ себѣ; ибо Восточное духовенство отрицало Римской Церкви начальство надъ всеми Церквами и представляло, что Римъ потому только имѣлъ предпочтеніе, что былъ престольнымъ градомъ Царей; по перенесеніи же престола изъ Рима въ Константинополь, перешло туда и предпочтеніе патриаршескаго сана, и съ того времени Епископъ Константинопольскій почитался совершенно равнымъ Епископу Римскому и писался Вселенскимъ Патріархомъ, не спрашивая у него на то особеннаго соизволенія.

Въ теченіе сего времени, ходилъ Царь Михаилъ, съ дядею своимъ Вардою, въ походъ противъ Сарациновъ въ Критъ, и Варда, выступившій изъ предѣловъ власти своей и навлекшій на себя подозрѣніе, былъ по повелѣнію самаго Царя лишень внезапно жизни; послѣ чего, Михаилъ возвратясь немедленно въ Византію, избралъ соправителемъ государственнымъ Василія Македонскаго, мужа славнаго въ мудрости и храбрости, коего прежде усыновилъ, а потомъ велѣлъ возложить на него царскій вѣнецъ въ храмъ Святыя Софіи, рукою Патріарха Фотія.

Папа Николай видя, что письменныя его посланія не имѣютъ никакого успѣха, отправилъ опять

въ исходѣ 866 года въ Константинополь къ Царю Михаилу пословъ, а именно Доната Епископа, Льва пресвитера и Марина діакона, коимъ велѣлъ стараться какъ о возвращеніи Игнатію патриаршескаго престола и о изверженіи Фотія, такъ и о томъ, чтобы Царь прислалъ ихъ обоихъ къ нему въ Римъ и сжегъ бы ту грамоту, въ которой онъ отвѣтствовалъ на посланіе его съ уничтоженіемъ власти и преимущества Церкви Римской. Онъ угрожалъ, если Императоръ не согласится, созвать въ Римъ соборъ и повѣсить на деревѣ ту грамоту, вмѣстѣ съ прочими такого содержанія, для преданія огню, къ великому посрамленію Церкви Восточной. Но Михаилъ, не словами, а самымъ дѣломъ далъ ему знать, что всѣ его старанія о подчиненіи себѣ Константинопольской Церкви тщетны, повелѣвъ не впускать въ предѣлы государства пословъ его, доколѣ не предадутъ проклятію всѣхъ Латинскихъ догматовъ, Восточную Церковь отвергаемыхъ, и не дадутъ письменнаго о томъ свидѣтельства; послы, извѣстясь о томъ по прибытіи въ Болгарію, возвратились въ Римъ для донесенія Папѣ.

IV.

СПОРЪ ЗА БОЛГАРІЮ.

Церковный раздоръ возымѣлъ большую силу, со времени обращенія Болгарь въ Христіанскую вѣру, т. е. съ 864 года, потому что они сдѣлались предметомъ распрей обоихъ патріаршихъ престоловъ. Славяне, обитавшіе въ Далматіи и Иллиріи, давно уже живли ономъ Епископовъ, которые зависѣли отъ Патріарха Восточнаго, до тѣхъ мѣстъ, доколѣ распространялась имперія Греко-каля, и Епископы Аквилейскіе въ области Венеціанской, величаемые Патріархами на Западѣ, колебались между двумя кафедрами, судя по успѣхамъ оружія Франковъ или Гречевъ; на рубежахъ обѣихъ епархій встрѣчались пресвитеры Западные и Восточные, и первые часто превозмогали, вводя новые обряды въ странѣ, гдѣ исповѣданіе Восточное уже искони водворилось. (Исторія первобытной Церкви у Славянъ, соч. Маціевскаго переводъ съ Польскаго Евецкаго 1840.)

Во второй половинѣ VIII вѣка учреждена была постоянная миссія Римскихъ священниковъ на границахъ Аквилейскихъ, для обращенія Славянъ За-

карпатскихъ, и оружіе Карла Великаго, вторгшагося въ Паннонію, сильно имъ содѣйствовало, такъ что для покоренныхъ имъ Гунновъ и Аваровъ, учреждено было Архіепископство Зальцбургское, которое пустило вѣтви подвластныхъ епископій внутри завоеванной земли. Славянскіе Князья, подвластные Королямъ Германскимъ, принимали крещеніе отъ ихъ миссіонеровъ и Латинское исповѣданіе распространилось далеко за Карпаты въ Моравію;—слабость имперіи Греческой не позволяла ей дѣйствовать съ такою же силою между племенами необузданными, и исповѣданіе Восточное встрѣчаясь съ Западнымъ въ горахъ Карпатскихъ невольно ему уступало. Однако же войны, возникшія между Германцами и сильными Князьями Славянскими, Ростиславомъ, Котеломъ и Святополкомъ, обратили сихъ послѣднихъ къ болѣе миролюбивымъ сношеніямъ съ Царьградомъ, и временно возстановили православное исповѣданіе въ нихъ предѣлахъ.

Они отправили отъ себя посольство къ Императору Михаилу, прося отъ него духовныхъ наставниковъ, и Патріархъ Фотійъ поспѣшилъ послать къ нимъ двухъ знаменитыхъ ученостію братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые уже отличились, Апостольскими трудами, въ Болгаріи и у народовъ, обитавшихъ при Черномъ морѣ, и зная Славянскій языкъ, перевели на оный священныя книги. Кириллъ получилъ, при отправленіи изъ Царьграда, санъ епископскій, чтобы удобнѣе распространять Христіанство, и стараніемъ сихъ великихъ учителей снабжена была Паннонія пресвитерами, учреждена въ ней іерархія, и истинное просвѣще-

ніе пролилось въ странѣ дотолъ грубой. Четыре года проповѣдывали Кирилль и Меѳодій, переходя изъ страны въ страну, когда новыя войны Германцевъ съ Славянами, неудачныя для сихъ послѣднихъ, принудили ихъ, въ угодность побѣдителямъ, сблизиться съ Церковію Римскою. По приглашенію Папы Николая, Кирилль и Меѳодій, принуждены были явиться въ Римъ въ 867 году и тамъ скончался Кирилль; Меѳодій же, одобренный во всемъ Папою и произведенный имъ въ Епископа на мѣсто брата, съ полною властію распространять Христіанство въ краяхъ Славянскихъ, и совершать богослуженіе на природномъ ихъ языкѣ, къ крайнему неудовольствію пресвитеровъ Римскихъ, тамъ находившихся, еще многіе годы продолжалъ святитьствовать въ странѣ, имъ утвержденной въ истинной вѣрѣ.

Въ такихъ же отношеніяхъ къ властителямъ Греческимъ и Германскимъ находились и Болгаре, то подымая противъ нихъ оружіе, то увлекаемые силою обстоятельствъ къ заключенію союза, съ тѣми или другими, и тѣмъ открывая входъ миссіонерамъ, Восточнымъ или Западнымъ, въ свои предѣлы Богорисъ, Царь Болгарскій, страшный своими набѣгами Грекамъ, покорился наконецъ оружію Михаила, въ 864 году; тѣснимый голодомъ и бѣдствіями своей земли, убѣждаемый къ Христіанству совѣтами сестры, долгое время обитавшей въ Царьградѣ, и наконецъ устрашенный иконою послѣдняго суда, которую показалъ ему проповѣдникъ инокъ Греческій, пришелъ самъ, съ своими вельможами, просить крещенія въ Константинополь.

Тамъ получилъ имя своего воспріемника Царя Михайла, и съ тѣхъ поръ сдѣлался постояннымъ предметомъ заботъ Патріарха Фотія, который далъ ему Архіепископа и послалъ къ народу проповѣдниковъ слова Божія; самому же Михайлу написалъ странное изложеніе вѣры и правилъ соборныхъ, для руководства жизни царственной и домашней, исполненное высокихъ поученій, называя его въ семъ писаніи: «прекраснымъ образомъ трудовъ своихъ и духовныхъ болевней, благороднымъ и законнымъ своимъ чадомъ.»

Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ другой счастливый походъ противъ Болгаръ Императора Германскаго Людовика, принудилъ Царя ихъ обратиться за духовными учителями къ Западу, и Папа поспѣшилъ послать миссіонеровъ, чтобы подчинить своей власти новую область; ученіе ихъ имѣло такой успѣхъ, что Царь Болгарскій отправилъ къ нему пословъ съ богатыми дарами и просилъ наставленія, какъ въ разсужденіи устройства новой Церкви, такъ и поступка съ тѣми изъ своихъ подданныхъ, которые не хотѣли принять св. крещенія. Не трудно было обратитъ Болгаръ отъ обрядовъ Восточной Церкви къ Западной, какъ новокрещенныхъ, еще не утвердившихся въ ученіи вѣры, и не трудно было Римлянамъ убедитъ ихъ, что Константинопольскій Патріархъ Фотійъ неправильно избранъ, и потому всѣ его постановленія не имѣютъ законной силы, такъ, что многіе изъ нихъ приняли опять муропомазаніе, хотя оно уже совершено было надъ ними Восточнымъ духовенствомъ.—Видѣто того, чтобы радоваться, что на

родъ Болгарскій, обратился къ свѣту Христову, Папа думалъ только о своихъ личныхъ выгодахъ, и при самомъ началѣ, не разумѣющимъ еще, что есть Епископъ, уже прославлялъ величіе своей кафедры, унижая ту, отъ коей приняли Христіанство. (Ист. Флери кн. I. гл. 50, 51.)

»Истинные Патріархи, писалъ онъ въ отвѣтахъ Царю Болгарскому, суть только тѣ, которые управляютъ Церквами Апостольскими, т. е. отъ нихъ учрежденными, какъ-то: Римскою, Александрійскою и Антиохійскою; Епископы Константинополя и Иерусалима имѣютъ только имя Патріарховъ, но не имѣютъ той же власти. (Не явная ли это ложь, опровергнутая всѣми Соборами, начиная съ втораго вселенскаго? А между тѣмъ не проговорился ли Папа, что онъ есть ни больше, ни меньше, какъ Патріархъ, равный Александрійскому и Антиохійскому, на одинакомъ основаніи происхожденія трехъ кафедръ отъ Апостоловъ, и даже отъ одного Апостола Петра?) Ибо Церковь Константинопольская не была основана Апостоломъ и о ней не упоминалъ Соборъ Никейскій; но поелику Константинополь названъ былъ новымъ Римомъ, то Епископъ его получилъ титулъ Патріарха, болѣе по милости царской, нежели по праву;—такимъ образомъ второй Патріархъ послѣ Римскаго есть Александрійскій.»—Впрочемъ изъ самыхъ постановленій церковныхъ, предписываемыхъ Николаемъ, можно видѣть, до какой степени Церковь Римская отступила отъ своихъ древнихъ правилъ, какъ на прим. Папа упоминаетъ о четырехъ постахъ, свято соблюдаемыхъ доселѣ въ Православной Церкви,

изъ коихъ Великій, Рождественскій и Петровъ должны продолжаться около 40 дней; у Римлянъ же они сокращены въ послѣдствіи, произволеніемъ ихъ первосвятителей, какъ и другое тому подобное.

Такой непріязненный поступокъ Римскаго духовенства, ожесточилъ чрезвычайно Церковь Восточную, и Патріархъ Фотій, видя отторженіе новыхъ членовъ своей Церкви, которые отъ него единственно воспріяли свѣтъ Христіанства, увѣдомилъ немедленно всѣхъ Восточныхъ Патріарховъ и Епископовъ, окружнымъ посланіемъ, о нанесенной ему обидѣ и усильномъ стараніи Папы распространить свое владычество въ Болгаріи, и о догматахъ проповѣдуемыхъ тамъ его Епископами. Онъ сообщилъ имъ и списки полученныхъ имъ съ Запада грамотъ, отъ первостепенныхъ Архіепископовъ Тревирскаго, Колонійскаго и Равенскаго, которые жаловались на жестокое съ ними обращеніе Папы; ибо двухъ первыхъ онъ осудилъ заочно и лишилъ престола, за утвержденіе ими неправильнаго брака Короля ихъ; Равенскаго же принудилъ совершенно признать надъ собою верховную власть свою, и тѣмъ совершенно уничтожилась нѣкоторая самостоятельность, наслѣдованная имъ отъ бывшаго экзархата Равенскаго. Всѣ три просили себѣ помощи и защиты отъ престола Цареградскаго и чрезъ то свидѣтельствовали, что и Западъ не признаетъ честолюбивыхъ дѣйствій Папы Николая и неподсудимости его кафедръ, которую онъ, по сказаніямъ современныхъ лѣтописцевъ, старался надъ всѣми возвысить. (Камень соблазна стр. 37.)

Патріархъ Фотій всѣхъ призывалъ на Соборъ,

для утверждения и защиты коренныхъ церковныхъ постановленій, для водворенія мира внутренняго и уничтоженія замысловъ Римскихъ, и вскорѣ потомъ открылся Соборъ многочисленный, въ присутствіи намѣстниковъ трехъ патріаршихъ престоловъ, многихъ Епископовъ и клириковъ, Царей Михаила и Василія, и всего синклита. Дѣла Папы Николая громогласно были прочтены на Соборѣ и по общему всѣхъ совѣту объявленъ онъ недостойнымъ священнаго престола и церковнаго общенія и преданъ анаемѣ;—рѣшеніе же соборное, съ тысячею подписями, отправлено было къ нему въ Римъ, чрезъ Захарія Митрополита Халкидонскаго и Теодора Кизическаго.—Анастасій книгохранитель, котораго жесвидѣтельство мы уже часто видѣли, сомнѣвается въ подлинности сего Собора и говорить, что только 21 Епископъ приложили руку, прочія же всѣ подписи были ложныя. Но Фотій, который могъ созывать на свои соборы до 400 Епископовъ, конечно могъ имѣть и большее число ихъ подписей; къ тому же на сихъ актахъ подписались, вѣроятно, вмѣстѣ съ Царемъ и присутствовавшіе сановники; ибо вся Церковь Восточная раздражена была честолюбивыми поступками Николая и анаемною, имѣ заочно распространенною на всѣхъ сообщавшихся съ Фотіемъ, и потому, если онъ могъ жаловаться на то, что судимъ былъ вопреки правилъ церковныхъ заочно, то собственный его примѣръ, въ отношеніи Фотія и Западныхъ Епископовъ, подалъ тому поводъ и оправдывалъ такое дѣйствіе. Достойно вниманія окружное посланіе Фотія, о коемъ мы упоминали, какъ заключающее

въ себѣ многія обличенія на отетупленіе Римлянъ отъ древнихъ обычаевъ и догматовъ Православія. (Anast. T. 23. Concil. pag. 123. Ист. Флери кн. I, 56.)

»Болгарскій народъ, грубый и христоненавистный, склонился къ кротости и богопознанію, такъ что, отвергнувъ заблужденіе языческаго суевѣрія, сверхъ чаянія, обратился къ Христіанской вѣрѣ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ, со времени пріятія онымъ народомъ правой Христіанской вѣрѣ, какъ порожденія Западной страны устремились на народъ новонасажденный въ благочестіи. Они всячески ухищряются сихъ новопросвѣщенныхъ развратить и отторгнуть отъ праваго и чистаго ученія непорочной Христіанской вѣры.»

»И во первыхъ, въ противность церковнымъ правиламъ, привели ихъ къ пощенію въ субботы. Обыкновенно же и малое отступленіе отъ преданій ведетъ къ совершенному пренебреженію Христіанскаго ученія. Далѣе, первую седмицу четьредесятницы, отдѣливши отъ прочаго времени поста, разрѣшили на млеко, сыръ и подобное сему чревоугожденіе. Отсель, расширяя имъ путь къ отступленіямъ, и совращая ихъ съ прямаго и царскаго пути, внушили отвращеніе и омерзеніе къ живущимъ въ законномъ бракѣ пресвитерамъ, истиннымъ іереямъ Божиимъ. Такъ посывали они съмена ереси Манихейской, и души, едва начавшія произращать сѣмя благочестія, повреждали при съваемыми плевелами.»

»Сверхъ сего, мурономазанныхъ отъ пресвитеровъ, они не убоились вторично муропомазывать, объявляя себя Епископами, и баснослова, будто

муропомазаніе отъ пресвитеровъ не дѣйствительно и все совершается, и чрезъ то превъшеестественныя и божественныя таинства Христіанъ попирають. И вотъ мудрованіе сихъ подлинно неосвященныхъ людей: не лѣзя, говорятъ они, священникамъ освящать муромъ крещенныхъ: ибо сіе предоставлено закономъ однимъ Архіереямъ.—Откуда такой законъ? кто законодатель? который изъ Апостоловъ, или Отцевъ, или какой Соборъ, гдѣ и когда состоявшійся? по чьимъ голосамъ получившій рѣшеніе?—Если не лѣзя священнику знаменать муромъ крещаемыхъ: то не лѣзя будетъ ему и крестить и священнодѣйствовать! Такимъ образомъ пусть уже онъ, не отчасти, но совершенно будетъ изверженъ въ кругъ непосвященныхъ. Священникъ священнодѣйствуетъ тѣло Господне и кровь Христову, и сими освящаетъ давно уже крещенныхъ: и какъ же не можетъ онъ святить, муропомазаніемъ, новокрещенныхъ? Священникъ крестить, совершая надъ крещаемымъ очистительную благодать: какъ же отнять у него право ограждать и запечатлѣвать то очищеніе, коего онъ совершитель? Но если отымешь у него право запечатлѣвать очищеніе, то не оставишь ему и права служить при очищеніи, и надъ кѣмъ либо совершать оное.»

»Впрочемъ не здѣсь еще конецъ ихъ отступленію отъ законовъ. Ибо, кромѣ вышесказанныхъ непристойностей, они, съ крайнею дерзостію, отважились священнѣйшій и святѣйшій символъ, который, опредѣленіями всѣхъ вселенскихъ Соборовъ, непоколебимо утвержденъ, повредить чуждыми при-

мышленіями и привнесенными словами. О ухищренія лукаваго, посявющаго новый раздоръ между единовѣрными!—вздумали говорить, что Духъ Святый, не отъ Отца токмо, но и отъ Сына исходитъ. Кто изъ освященныхъ Христіанъ можетъ снести, когда во Святую Троицу вводятся два начала: одно для Сына и Святаго Духа, то есть Отець, а другое для Святаго Духа, то есть Сынъ, и такимъ образомъ единоначаліе раздѣляется на двоебожіе?»

»Святый Духъ (говорятъ) происходитъ отъ Сына: отъ кого ты сіе слышалъ? отъ какихъ Евангелистовъ заимствовалъ сіе слово? какого Собора сіе изреченіе?—Господь и Богъ нашъ глаголетъ: »Духъ иже отъ Отца исходитъ:» а породившіе сей новый соблазнъ говорятъ: »Духъ, иже отъ Сына исходитъ.»

»Кто не заградить слуха отъ сего дерзновеннаго мнѣнія? Оно противорѣчитъ Евангелію, возстаеъ противу святыхъ Соборовъ, отвергаетъ блаженныхъ и святыхъ Отцевъ: Аванасія великаго, преславнаго въ богословіи Григорія, Василія великаго, сіе царское украшеніе Церкви, Іоанна, истинно Златоустаго. Но для чего я упоминаю о томъ, или другомъ? противу всѣхъ вообще Пророковъ, Апостоловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, и противу глаголовъ самаго Господа вооружается сей дерзновенный и богоборственный гласъ.»

»Таковыя-то отступленія отъ заковъ, Западные Епископы, распространили въ Болгарскомъ народѣ. Достигла вѣсть о семъ нашего слуха—и мы поражены смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если бы кто увидѣлъ утробныхъ чадъ своихъ, предъ глазами его угрызаемыхъ и терзае-

мыхъ отъ звѣрей и змievъ; ибо естественнo было тому впасть въ несносную печаль и сѣтованiе, о потерѣ чадъ, который для возрожденiя и просвѣщенiя оныхъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и многократному пролитiю пота. Посему столько же мы сѣтовали о случившемся съ ними несчастiи, сколь полную чувствовали радость, видѣвъ ихъ освободившимися отъ древняго заблужденiя. Мы оплакивали ихъ, и оплакиваемъ, и для возстановленiя ихъ отъ паденiя, не дадимъ очамъ нашимъ сна, и въждамъ дреманiя, доколѣ не введемъ ихъ, поколику намъ то возможно будетъ, паки въ домъ Господень.»

»А новыхъ предводителей въ отступленiи, столь многими и великими расколами, раздрающихъ сей новонасажденный и младенчествующiй во благочестiи народъ, оныхъ обольстителей и богоборцевъ осудили мы соборнымъ и божественнымъ опредѣленiемъ: не нынѣ вновь изрекая судъ имъ, но изъ Соборовъ и Апостольскихъ узаконенiй открывая и всѣмъ объявляя уже предопредѣленное имъ осужденiе.»

»Поелику шестьдесятъ четвертое правило Святыхъ Апостоль, поражая постящихся въ субботы, гласить: аще кто изъ клира усмотренъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единыя токмо (великiя субботы): да будетъ извержень; аще же мiрянинъ: да будетъ отлучень.»

»И пятьдесятъ пятое правило святаго и вселенскаго шестаго Собора говорить: поелику мы увѣдали, яко обитающiе во градѣ Римъ, во святую четвeрeдeсятницу, въ субботы ея постятся, вопреки преданному церковному послѣдованiю: то святому Собору

угодно, да и въ Римской Церкви ненарушимо соблюдается правило, глаголющее: аще кто изъ клира усмотренъ будетъ во святый день Господень, или въ субботу постящимся, кромъ единыя токмо: да будетъ изверженъ, аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ.»

»Объ отвращающихся же брака четвертое правило Гангтрскаго Собора говоритъ: аще кто о пресвитеръ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко не достоинъ причащаться приношенія, когда таковой совершилъ литургію: да будетъ подъ клятвою.»

»Согласно съ симъ и шестый Соборъ, произнесши на нихъ судъ, слѣдующее написалъ: понеже мы увѣдали, что въ Римской Церкви, въ видъ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣють быть удостоены рукоположенія во діакона, или пресвитера, обязывались не сообщаться болѣе со своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу Апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. И такъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія въ уподіакона, или во діакона, или во пресвитера, такому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время поставленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею: дабы мы не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и имъ въ его пришествіи

благословенный брак: ибо гласъ Евангелія вопіеть: »аже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ» (Матѣ. XIX, 6.) и Апостоль учить: »бракъ честенъ, и ложе не скверно» (Евр. XIII, 4.) такожде: »привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія» (1 Кор. VII, 27.) Знаемъ же, что и въ Карфагенѣ собравшіеся, имѣя попеченіе о чистотѣ жизни священнослужителей, положили, чтобы вподіаконы, прикасающіеся священнымъ таинствамъ, и діаконы, и пресвитеры,* въ свои урочныя времена, воздерживались отъ сожительницъ своихъ. Такимъ образомъ, и отъ Апостоловъ преданное, и отъ самой древности соблюдаемое, и мы подобно да сохранимъ, зная время всякой вещи, и наипаче поста и молитвы. Ибо предстоящимъ олтарю, въ то время, когда приступаютъ къ святынѣ, подобаетъ быть воздержными во всемъ, да возмогутъ получить отъ Бога въ простотѣ просимое. Аще же кто, поступаая вопреки Апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, то есть пресвитеровъ, или діаконъ, или вподіаконъ, лишать союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ, или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ.»

»Разрѣшеніе же первыя седмицы великаго поста, и вторичное муропомазаніе крещенныхъ и уже муропомазанныхъ, не требуютъ, по моему мнѣнію, и приведенія правилъ для своего осужденія: поелику одно сказаніе о томъ само собою показываетъ крайнее неблагочестіе.»

»Впрочемъ и одна оная ужасная дерзость противъ Святаго Духа, паче же противъ всея Святыя Троицы, хотя бы ничто другое изъ сказаннаго не было сдѣлано, довѣсть къ тому, чтобы подвергнуть ихъ многимъ осужденіямъ.»

»О семь для вѣдѣнія и разсмотрѣнія, по древнему церковному обычаю, долгомъ почли мы представить вашему о Господѣ братству. При чемъ убѣждаемъ и молимъ васъ быть скорыми намъ споборниками, въ искорененіи сихъ неблагочестивыхъ и небоголюбивыхъ мнѣній, и не оставить отеческаго постановленія, которое вамъ предки для соблюденія въ дѣяніяхъ своихъ предали: но со многими тщаніемъ и усердіемъ, избравъ, послать вмѣсто себя мѣстоблюстителей, мужей, долженствующихъ представлять ваше лице, украшенныхъ благочестіемъ и священствомъ, словомъ и жизнію; дабы изгнать ядъ сего неблагочестія, недавно вмѣянный въ сердце Церкви, и тѣхъ, которые имѣли безуміе таковыя плевеы посѣять въ народѣ новонасажденномъ и едва утвержденномъ въ вѣрѣ, самихъ съ корнемъ изторгнуть, и общимъ судомъ предать тому огню, каковый опредѣляютъ для отлученныхъ глаголы Господни.»

»Когда такимъ образомъ будетъ изгнано неблагочестіе, и благочестіе утверждено: мы имѣемъ благую надежду, новооглащенный и новопросвѣщенный Болгарскій народъ паки обратитъ въ преданную ему вѣру. А при томъ, не только сей народъ, перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но и тотъ, о которомъ многіе многое рассказываютъ, и который въ жестокости и крово-

пролитія всѣ народы превосходить, оный глаголемый Рось, который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки на Римскую Имперію: и сей однако нынѣ, премѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго, враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенила ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ, (благословенъ Богъ во вѣки! взываю я съ Павломъ) что и Епископа и пастыря и Христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли.»

»И такъ, естли въ сіе время, когда благодатию челоувѣколюбиваго Бога, иже всѣмъ челоувѣкомъ хоцетъ спастися и въ разумъ истины пріити, оные народы отлагаютъ старыя свои мнѣнія, и вмѣсто ихъ принимаютъ чистую Христіанскую вѣру, возстанетъ и ваше братство на помощь намъ, и будемъ содѣйствовать къ исторженію и сожженію плевель: то мѣ, о Господь Іисусъ Христъ, истинномъ Богъ нашемъ, уповаемъ, что стадо его болѣе и болѣе умножится, и исполнится реченное: «познаютъ мя вси отъ мала до велика ихъ» и паки: «во всю землю изыде въщаніе Апостольскаго ученія и въ концы вселенныя глаголы ихъ.»

»Сего ради потребно, чтобы тѣ, которыхъ вы пошлете вмѣсто себя, и которые будутъ представлять ваше освященное и святое лице, уполномочены были властію, которую вы во Святомъ Духѣ стяжали, дабы, по власти, подобающей Апостольскому престолу, о сихъ предметахъ и другихъ подобныхъ,

могли они законно подавать мнѣнія, и невозбранно утверждать дѣйствительныя рѣшенія. Поелику, и изъ Италіи, получили мы нѣкоторое соборное посланіе, исполненное несказанныхъ жалобъ, которыя живущіе тамъ на своего Епископа, со многими обвиненіемъ и многими заклинаніями, приносятъ, прося не презрѣть ихъ толь бѣдственно погибающихъ, и толико тяжкимъ и жестокимъ преобладаніемъ угнетаемыхъ, равно не оставить и законовъ священства нарушаемыхъ, и всѣхъ постановленій Церкви превращаемыхъ. То же самое и прежде, отъ монаховъ и пресвитеровъ, оттуда убѣжавшихъ, всѣмъ сдѣлалось извѣстно: то были: Василій, Зосима, Митрофанъ и другіе съ ними, которые съ плачемъ жаловались на сіе жестокое преобладаніе, и со слезами призывали къ защищенію Церквей. Нынѣ же, какъ я сказалъ, получены оттолъ различныя отъ различныхъ лицъ письма, исполненныя стenanія и многихъ слезъ, какъ то покажутъ вамъ списки съ сихъ писемъ, по желанію и требованію писавшихъ представляемые: поелику они, съ страшными заклинаніями и убѣжденіями, умоляли, чтобы сіе разослано было ко всѣмъ Архіерейскимъ и Апостольскимъ престоломъ. Приобщили же мы сіе къ настоящему письму для того; дабы, когда соберется о Господѣ святой вселенскій Соборъ, тогда, по общему сужденію, и о семъ было постановлено то, что угодно Богу и согласно съ правилами соборными, да глубокій миръ объиметь Церкви Христовы. Ибо не только ваше блаженство къ сему призываемъ, но и прочихъ Святительскихъ и Апостольскихъ престоловъ пастыри, нѣкоторые уже

прибыли, а другихъ ожидаемъ скорого прибытія. Посему ваше о Господь братство, медленіемъ и отсрочиваніемъ, да не принудитъ братій вашихъ къ ожиданію чрезмѣрно продолжительному, вѣдая, что если бы, за неучастіемъ вашимъ, произошло что либо не надлежащимъ образомъ и несовершенное, то не иной кто, но вы сами были бы виновны въ томъ.» (Разговоры о Православіи, стр. 162—179.)

У.

Возвращеніе Патріарха Игнатія,

Соборъ противъ Фотія.

Въ скоромъ времени внезапная перемѣна произошла на престолѣ царскомъ и патріаршемъ. Соправитель Императора Михаила, Василій Македонскій, по волѣ его вѣнчаннй Фотіемъ на царство, будучи самъ въ опасности лишиться жизни отъ нестоваго Государя, умертвилъ его и вступилъ на престолъ, единогласно признанный всѣми, кромѣ Фотія, который не допустилъ его до св. таинъ и тѣмъ подвергся его гнѣву и заточенію. Историкъ Зонаръ пишетъ, что Императоръ, входя на праздникъ въ великую церковь и желая приступить къ безкровной жертвѣ, былъ воспрецѣнъ Фотіемъ, ко-

торый называлъ его челоуѣкоубійцею; раздраженный же Василій, созвавъ Соборъ, низложилъ Фотія, какъ будто за то, что неправильно извергнувъ Игнатія, поступилъ на его кафедру, и заключилъ его въ монастырь. То же самое повторяютъ, въ иныхъ словахъ, и другіе лѣтописцы, Юиль и Георгій монахъ, и Левъ грамматикъ, и самый врагъ Фотіевъ, исказившій цѣлпыми клеветами его жизнь, Симеонъ Логоветъ; такое свидѣтельство весьма важно, потому что оно показываетъ въ Фотіи, не низкаго честолюбца, потворствовавшаго всѣмъ ради собственнаго величія, но пастыря твердаго, который не страшился говорить истину, не менѣе Игнатія, и одинаково съ нимъ за нее пострадалъ, какъ въ томъ удостовѣряютъ и многія обличительныя его письма къ вельможамъ Цареградскимъ и самимъ Кесарямъ. Внукъ Василія Македонскаго, Императоръ Константинъ Багрянородный, который болѣе имѣлъ бы причины очернить Фотія, для оправданія дѣда своего, описывая его царствованіе, говоритъ только весьма глухо и не называя даже по именамъ обоихъ Патріарховъ: «что Василій заботясь о устройствѣ Церквей Божіихъ, и видя ихъ какъ бы смятенныхъ бурей, за вину своего предѣстника, поелику лишенъ былъ престола и удаленъ отъ паствы, законно ей предстательствовавшій, и другой поставленъ на его мѣсто, рѣшился водворить миръ, и созвавъ соборъ общій всѣхъ Епископовъ Божіихъ, сколько возможно было, укротилъ бурю церковную. Тогда утвердивъ седьмой вселенскій Соборъ и предавъ анаѣмъ иконоборцевъ, законнаго жениха Церкви и отца чадамъ

возвратилъ правильно, вторгшемуся же на его мѣсто повелѣлъ престать, доколѣ сего не призоветъ Господь». (Греч. Истор. Иерусал. Патріар. Досиоея кн. VII, гл. 3. Zonar lib. XVI, с. 8. Sim. Mag. Const. Por. Corpus Byzant. T. 21, pag. 121, 340.)

Но Никита Пафлагонянинъ и Анастасій, хотя имѣли менѣе причины нападать на Фотія, въ защиту Василія Македонскаго, нежели багрянородный внукъ его, не пощадили Патріарха и въ семь случаевъ своими клеветами, умолчавъ однако о томъ, что могло послужить ему въ похвалу, т. е. о обличеніи Василія, бывшемъ причиною изгнанія. Никита, который такъ подробно собиралъ слухи о Фотіи, написалъ нелѣпую и несходную съ обстоятельствами клевету, будто Патріархъ отлучивъ на соборѣ Папу Николая, тогда же предлагалъ Людовику Германскому и супругъ его признать ихъ Императорами Цареградскими; напротивъ того другіе Западныя историки пишутъ только, что на соборѣ онъ велѣлъ многолѣтствовать Людовика и супругу его Императоромъ и Императрицею, т. е. Германскими, что могло показаться весьма важнымъ, ибо Греки, по честолюбію, ни кому не давали сего титула, кромѣ какъ своимъ Государямъ. Весьма нелѣпо было бы Фотію въ присутствіи самаго Михаила признать Людовика Императоромъ Цареградскимъ! О удаленіи же Фотія Никита выразился кратко, что на другой день, послѣ своего воцаренія, Василій изгналъ его съ престола патріаршаго и заточилъ въ монастырь; потомъ требуя отъ него возвращенія забранныхъ имъ сокровищъ, отыскалъ у его служителей подложные акты про-

тивъ Игнатія, исполненные всякой брани и сжегъ на соборѣ. (Vita Ignat. Concil. T. 23. pag. 483. Ист. Флери кн. I. гл. 55.)

Анастасій бібліотекаръ, о недостоверности коего мы уже довольно говорили, прибавляетъ еще слѣдующую ложь: »будто бы Фотій, прежде своего паденія, настояль, чтобы всѣ милости не иначе шли, какъ чрезъ его руки, чтобы такимъ образомъ всѣхъ подкупить; потомъ требовалъ еще, чтобы всѣ давали ему собственноручныя записи, что они будутъ во всемъ содержать его вѣру, чѣмъ многіе соблазнялись, какъ будто бы двѣ разныя существовали вѣры, одна Фотіева, а другая Христова, и наконецъ увѣряетъ, что еще при Игнатіи, Фотій проповѣдывалъ двѣ души въ одномъ человѣкѣ, и когда одинъ ученый мужъ спросилъ его: »можетъ ли онъ учить такой нелѣпости?» Фотій отвѣтствовалъ: »что онъ такъ нарочно проповѣдуетъ для того только, чтобы видѣть, что будетъ дѣлать Патріархъ Игнатій, если въ его время возникнетъ какая либо ересь, основанная на силлогизмахъ философическихъ, когда онъ гонить отъ себя всѣхъ занимающихся вѣншею мудростію.» (Anast. Concil. T. 23. pag. 129.)

Сколь ни безразсудна такая клевета, она бросаетъ однако нѣкоторый свѣтъ на положеніе обоихъ Патріарховъ, и подаетъ поводъ думать, что можетъ быть, какъ это часто случается, пастырская простота Игнатія, воспитаннаго въ заточеніи, чуждалась всякой вѣншей учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма гибельнаго для Церкви, по причинѣ глубо-

кихъ познаній; это тѣмъ правдоподобнѣе, что по свидѣтельству лѣтописцевъ, со временъ Константина Копронима, совершенно упало образованіе въ Царьградѣ, и только Кесарь Варда началъ опять подымать науки изъ долгаго ихъ забвенія, которое могло внушить людямъ, весьма впрочемъ благочестивымъ, совершенное къ нимъ охлажденіе и даже недовѣріе къ словесію ученыхъ, а на оборотъ людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, взаимное недоброжелательство къ пренебрегающимъ оными. Въ такомъ случаѣ Игнатій и Фотій, не говоря уже о ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были въ самомъ Константинополѣ, представителями двухъ совершенно противныхъ партій, и это объясняетъ взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей.

Касательно же изложенія Фотіева, Анастасій пишетъ, что Императоръ Василій Македонскій, будто бы ничего не зная, хотя уже столько времени царствовалъ съ Михаиломъ, началъ допытываться о дѣлѣ Игнатія и Фотія, какое было рѣшеніе Апостольской каедрѣ⁹ и отыскавъ оное, хотя и далеко было запрятано Фотіемъ, былъ убѣжденъ къ исполненію сего рѣшенія, т. е. къ удаленію Фотія и призванію Игнатія. Но поедіку Игнатію не подобало, безъ утвержденія верховнаго престола, возвратиться опять на свой, рѣшился Царь писать къ Папѣ и къ тремъ патріаршимъ каедрамъ, прося изъ Рима разрѣшительныхъ грамотъ и легатовъ для разсужденія дѣла, отъ Патріарховъ же только мѣстоблюстителей; потому что, находясь между Агарянами, они не принимали участія въ ходѣ всего дѣла, но приходя въ Константинополь

принимали обыкновенно съ благоговѣніемъ опредѣленія Апостольской кафедры, ничего не дерзая къ нимъ прибавить или отъ нихъ убавить. Для сего отправлены были посланники въ Римъ со стороны Игнатіевой, Іоаннъ Митрополитъ Силейскій, а со стороны Фотіевой, Петръ Сардикійскій, который на пути потонулъ. Іоаннъ не засталъ уже Папу Николая, а преемникъ его Адріянъ II, велѣлъ сжечь всѣ акты бывшихъ при Фотіи соборовъ, и проклявъ его опять заочно съ соумышленниками, отправилъ отъ себя легатовъ на вселенскій Соборъ въ Константинополь. (Anastas T. 23. Concil. pag. 124.)

Хотя Анастасій въ своемъ предисловіи къ собору, на коемъ присутствовалъ и коего акты собралъ и перевелъ, замѣчаетъ осторожность съ какою дѣйствовалъ Императоръ, — однако Никита Пафлагонскій, выхваляя поступки Царя и Игнатія, торжественно имъ вызваннаго изъ заточенія и водвореннаго въ Церкви, говоритъ совсѣмъ иное, и не знаешь кому изъ сихъ двухъ враговъ Фотія дать болѣе вѣры! — Онъ утверждаетъ, что прежде отправленія пословъ въ Римъ, Игнатій отлучилъ отъ таинъ, не только Фотія и посвященныхъ имъ, но и всѣхъ его послѣдователей, стало быть опять безъ суда и съ тою же поспѣшностію, съ какою дѣйствовалъ уже однажды, при первомъ своемъ вступленіи на престолъ патриаршій, въ отношеніи Григорія Сиракузскаго. Потомъ описывая кратко соборъ, низложеніе и проклятіе Фотія, нехотѣвшаго на немъ повиниться, не смотря на всѣ убѣжденія Царя, сената и клира, съ невольнымъ ужасомъ сознается, что для большей твердости, приговоръ былъ подписанъ, не просты-

ми чернилами, а божественною кровію Господа Иисуса Христа, (какъ тому нѣкогда подавъ примѣръ Папа Феодоръ, осудивъ Патріарха Пирра Константинопольскаго и Моноелитовъ.) Не смотря на то, еще присовокупляетъ, что соборъ сей кажется ему предосудительнымъ, не за излишнюю строгость, какъ говорятъ нѣкоторые, но напротивъ за снисхожденіе къ виновнымъ, вопреки Апостольскихъ правилъ, ибо вмѣстѣ съ Фотіемъ не были окончательно осуждены всѣ его сообщники, что въ послѣдствіи дало ему возможность возвратиться опять на свой престолъ и сдѣлать послѣднее горше перваго: таково милостивое сужденіе Никиты. И онъ и Анастасій говорятъ: что на семъ соборѣ, состоявшемъ только изъ 102 Епископовъ, (весьма незначительное число въ сравненіи соборовъ, созываемыхъ Фотіемъ, хотя довольно было времени для собранія Епископовъ, ибо успѣли придти легаты изъ Рима и благопріятствовалъ Императоръ), присутствовали и мѣстоблюстители всѣхъ патріаршихъ престоловъ; однако они не что иное были, какъ иноки Восточные, посланные по дѣламъ гражданскимъ, отъ Калифа къ Императору, и оставленные имъ въ качествѣ мѣстоблюстителей для собора, что можно видѣть изъ письма Фотіева, къ Феодору молчальнику, которому обнаруживаетъ также и всю жестокость обращенія, какое съ нимъ имѣли, хотя Никита осуждаетъ снисхожденіе его судей. (Vita Ignatii T. 23, pag. 489, 492.)

»Хотя доселѣ никто не дерзалъ, да и це было примѣра, чтобы посланниковъ и слугъ безбожныхъ Измаильтянъ, преобразовать въ мужей священно-

начальственныхъ, сообщать имъ патріаршія права, и объявлять ихъ предсѣдателями чуднаго ихъ собранія: однако и сіе не должно удивлять тебя; это согласно съ другими ихъ дерзостями. Они знали, что имѣють благодать священства наравнѣ съ оными; такимъ образомъ, яко неосвященные, они не могли найти средствъ, какъ иначе составить полное собраніе; Апостолы христоненавистниковъ, у какихъ другихъ людей могли бы сдѣлаться предводителями и предсѣдателями, какъ только у нихъ? да и кто приступилъ бы къ нимъ, чтобы неистовствовать противъ таковыхъ и столь многихъ Архіереевъ и іереевъ Божіихъ, кто, если не служители, воспитанники и порожденія богоборственныхъ варваровъ? И сію-то помуварварскую свою засаду они назвали судилищемъ и соборомъ; а потомъ не могли представить, ни свидѣтелей, ни обвинителей, въ какомъ бы то ни было преступленіи, ниже произнести какого либо доноса, хотя все и сверху и снизу разбирали, ни даже разсмотрѣть, сдѣлано ли что нибудь или нѣтъ. Вокругъ поставили войско, вооруженное мечами, угрожающее подвижникамъ смертію, чтобы они и слова не могли сказать, сіе войско должно было стоять цѣлые шесть или девять часовъ, не зная мѣры своей наглости и дерзости въ ругательствахъ. Много было и другихъ странностей и представленій, какъ будто бы на сценѣ, именно, когда предлагаемы были, одно за другимъ, варварскія и богохульныя письма. Послѣ сего, поздно и какъ бы противъ воли, закрывая собраніе, они не сдѣлали и не сказали ничего по челоуѣцки, хотя бы для виду, но, какъ

подражатели неистовствующих Коривантовъ или Вакхантовъ, пронзительнымъ и протяжнымъ голо-
сомъ вопили: »мы пришли сюда не судить и не
судимъ васъ: ибо мы уже осудили, и должно съ
любовію принять наше осужденіе!» Таково было
сіе безбожное, безстыдное и неслыханное покуше-
ніе. Хотя оно затмило всѣ Іудейскія дерзости, какія
только солнце видѣло и луна скрывала; хотя оно
превзошло безстыдство и беззаконіе Елминовъ, не-
дугующихъ безбожіемъ, и также превысило неистов-
ство и безуміе всѣхъ на землѣ варваровъ: однако ты
нисколько не изумляйся, и да не внидетъ въ помы-
шленія твои какое нибудь безумное поношеніе бо-
жественныхъ и мудрыхъ судовъ. Какъ я тому ни
мало не удивляюсь, такъ и ты вскорѣ, я увѣренъ,
будешь одного со мною мнѣнія; напротивъ, хотя
это для нѣкоторыхъ покажется страннымъ, я
усматриваю здѣсь сильнѣйшія свидѣтельства того,
сколь несомнѣнно и всевидяще Божественное и
сверхъестественное промышленіе. Какъ и какимъ
образомъ?—когда гнѣвъ владычествующій противъ
вѣрныхъ за то, что они не сохранили языки и сердца
чистыми отъ кровей, возгнѣщается съ такою си-
лою и жестокостію, истина всѣми мѣрами озлоб-
ляется, а ложь обходитъ свободно и въ блиста-
тельномъ видѣ; когда нечестивая наглость строго
преслѣдуетъ всякое дѣйствіе, слово и движеніе, а
благочестивые, видя сіе, только скорбятъ и про-
стираютъ взоры и руки къ оку правосудія; когда
нѣкоторые ищутъ клеветниковъ и свидѣтелей, мно-
гіе другіе стараются угодить власти и услужить ей
по ея желанію, а тѣмъ болѣе страхъ и смерть

распростираются на всѣхъ хотящихъ сказать что-нибудь поистиннѣ; когда имъ уступлены столь многія и еще большія выгоды, и они однако отнюдь не смѣютъ написать что-нибудь на бумагѣ, также не смѣютъ предъявить написаннаго, не могутъ представить свидѣтельства ни на одно обвиненіе, противъ кого-нибудь изъ святыхъ, ни даже сохранить внѣшняго приличія, хотя бы то и варварскаго суда, напротивъ заключаютъ собраніе такъ безчестно и постыдно, такимъ непристойнымъ и поноснымъ образомъ—какъ можно изъ всего того не почерпнуть самая сильнѣйшія и несомнѣныя свидѣтельства промысла, все премудро объемлющаго! Не есть ли это доказательство, что есму промыслу, хотя часто сокрытымъ отъ человѣческаго ума образомъ, всегда сопутствуетъ воздающее правосудіе, наказующее гонителей, но защищающее гонимыхъ, которымъ вспомошествуетъ? Симъ то судомъ, промыслъ Божій, и теперь покрылъ стыдомъ и безчестіемъ досадителей, мнящихъ быть славными и уважаемыми за тиранство, а подвижниковъ, которыхъ почитали уже въ самомъ крайнемъ положеніи, исполнилъ радости и веселія, и украсилъ, какъ неувядаемыми вѣнцами, непрестанными похвалами отъ всѣхъ людей. Тѣмъ, которые съ ними беззаконно поступили, въ сихъ самыхъ поступкахъ, онъ начинаетъ уготовлять казнь, и полагаетъ начало ихъ неизбѣжной скорби въ будущемъ вѣкѣ; а другихъ вознаграждаетъ за ихъ подвиги, и вручаетъ имъ, какъ бы залогъ будущихъ неизреченныхъ наградъ и многовождедѣннаго вѣчнаго блаженства.» (Photii epistola 112, pag. 159.)

Съ чрезвычайною осторожностію должно разбирать дѣянія сего Собора, признаваемаго Римлянами за осьмой вселенской; подлинникъ онаго со всѣми подписями утратился, когда легаты папскіе были на обратномъ пути ограблены Славянами, и не льзя вѣрить тому списку, который привезъ съ собою въ Римъ и перевелъ съ Греческаго книгохранитель Анастасій, написавшій столь пристрастное къ нему предисловіе противъ Фотія; неправда Римская ярко бросается въ глаза, если только обратить должное вниманіе на всѣ дѣянія Собора.

Прежде его начала, легаты, принятые съ чрезвычайною честію, уже возбуждаютъ общее недоумѣніе, неумѣстными требованіями, ибо когда Императоръ говорить имъ: «что Церковь Константинопольская, со всѣми Патріархами Восточными, Митрополитами и Епископами, уже два года ожидаетъ суда матери, Церкви Римской, для водворенія мира»—легаты отвѣтствуютъ: «что они не могутъ принять на Соборъ никого изъ Восточныхъ, если не удостовѣрятся ихъ подпискою по формѣ, найденной ими въ архивахъ Апостольской каѳедры;» на что Императоръ и Патріархъ отозвались, что такія подписи для нихъ совершенно дѣло новое, и хотѣли сперва прочесть формулу; вотъ ея содержаніе:

»Начало всякаго спасенія, есть соблюденіе догматовъ вѣры, потомъ же правилъ отеческихъ; первое относится къ исповѣданію, второе же къ дѣламъ. Не льзя однако умолчать о словахъ Господа: «ты еси камень и на семь камней созижду Церковь мою,» коихъ истину показалъ опытъ, ибо Апостольская каѳедра всегда непогрѣзнительно соблюдала

вѣру каеолическую. И такъ, чтобы не отдѣлится отъ нее и слѣдовать правиламъ Отцевъ, наипаче на ней возсѣдавшихъ, мы анаеematствуемъ все ереси и между ними иконоборную; анаеematствуемъ также Фотія, хищника престола Цареградскаго, доколь не покорится суду Римскому и не отвергнетъ своего соборища. Мы приеemлемъ соборъ Папы Николая, который и ты, равноангельскій іерархъ Адриянь, подписалъ, и все, что ты по сему предмету постановилъ, приеemля признанныхъ, осуждая осужденныхъ, наипаче же Фотія и Григорія Сиракузскаго, и ихъ послѣдователей и сообщниковъ.—Мы анаеematствуемъ на вѣки два ложные собора, бывшіе при Императорѣ Михаилѣ противъ Игнатія, и третій противъ Римскаго престола и всѣхъ держащихся оныхъ. Мы приеemлемъ отъ всего сердца все постановленное Апостольскою каеедрою, въ отношеніи нашего Патріарха Игнатія, желая во всемъ соблюсти общеніе съ нею, ибо на ней основана прочность вѣры Христіанской, общая не помянуть на литургіи отлученнаго ею. Я (имя рекъ) Епископъ, подписалъ сіе собственноручно и представилъ чрезъ твоихъ легатовъ тебѣ, Адрияну, верховному Первосвятителю и Папѣ вселенскому.» (Ист. Флери кн. LI, гл. 26, 28.) Достоинно вниманія, что формула сія, которая находится въ актахъ Латинскихъ сего Собора, безъ Греческаго текста (Т. 23. pag. 156.) сокращена въ другомъ собраніи сихъ дѣяній на Греческомъ и Латинскомъ (которыя помѣщены въ томъ же томѣ на стр. 544.), и гораздо вѣроятнѣе, что ее читали въ такомъ видѣ на Соборѣ. При столь же суровыхъ выраженіяхъ, противъ

Фотія и его послѣдователей, тамъ однако ни слова не сказано ни о утвержденіи Церкви, на кафедрѣ Петровой, какъ бы во свидѣтельство словъ Христовыхъ Апостолу, ни о ея непогрѣшительности, и эта обычная фраза, какую любили вставлять Римляне въ свои грамоты, конечно не была принята Восточными, потому и не находится въ Греческомъ текстѣ.— Да и вообще текстъ сей, имѣющій свой Латинскій переводъ, хотя и названъ извлеченіемъ изъ дѣяній соборныхъ, но едва ли не онъ есть настоящій текстъ актовъ, ибо имѣетъ довольно полноты, хотя и гораздо короче Латинскаго текста Анастасія библіотекаря; Анастасій же произвольно дополнялъ или измѣнялъ все, что могло служить въ пользу Римской кафедры.

Такая формула, пишетъ Флери, т. е. первая, была уже однажды прислана въ Царьградъ Папою Николаемъ, но отвергнута Фотіемъ, какъ противная вселенскимъ правиламъ, и подчиняющая вполнѣ Церковь Константинопольскую Римской; при Василии же Македонскомъ и Игнатіи, имѣвшихъ нужду въ признаніи папскомъ, она была невольнo подписана Епископами, чему свидѣтельствомъ служить то, что по сказанію Анастасія, послѣ окончанія Собора, нѣкоторые изъ Восточныхъ начали жаловаться Императору и Патріарху, что такими подписками совершенно покорена Риму вся Церковь, и безъ возвращенія оныхъ не можетъ получить своей свободы.—Почему Императоръ велѣлъ своимъ сановникамъ похитить изъ дому легатовъ подписки, во время ихъ отсутствія; но легаты замѣтили похищеніе, и вмѣстѣ съ послами Импе-

ратора Германскаго, вытребовали ихъ обратно, увѣряя Царя, что безъ нихъ не смѣютъ явиться въ Римъ. На какихъ вселенскихъ Соборахъ было видно нѣчто подобное?—Весьма вѣроятно, что и Славяне, ограбившіе легатовъ, были подсланы Императоромъ и подписки сіи были причиною, что многіе Епископы отказались придти на Соборъ; ибо въ теченіи двухъ лѣтъ, Царь и Патріархъ, могли собрать на первое засѣданіе только 18 святителей, хотя изъ рѣчи къ легатамъ, кажется будто вся Церковь ожидала ихъ прибытія. Какой же вселенскій Соборъ открывался когда либо столь убого? (Ист. Флери кн. II, гл. 47.)

Изъ сихъ осмнадцати, 5 Митрополитовъ и 7 Епископовъ были тѣ, которые пострадали за Игнатія, онъ самъ, три легата и два мѣстоблюстителя Восточные, восполняли малое число. Кто же были сіи послѣдніе?—Ома, Митрополитъ Тирскій, не принесшій никакого о себѣ свидѣтельства, по случаю смерти своего Патріарха, а только въ качествѣ старшаго, заступившій его мѣсто, какъ о томъ изъяснилъ другой намѣстникъ, Илія сингеллъ Іерусалимскій, представившій письмо своего Патріарха Θεодосія; но содержаніе сего письма, (не говоря уже о позднѣйшихъ болѣе ясныхъ обличеніяхъ), оправдывало вполнѣ слова Фотія, что посланникамъ Сарацинскимъ даны были степени мѣстоблюстителей; ибо Іерусалимскій Патріархъ писалъ къ Игнатію, что страхъ Агарянскій препятствовалъ имъ дотолѣ входить съ нимъ въ сношенія; теперь же, получивъ повелѣніе отъ самаго Эмира, посылаетъ къ нему сингелла своего Илію,

съ которымъ Эмиръ послалъ отъ себя Архіепископа Өому, какъ вы сего желали. Вы знаете, что причиною такого посольства есть освобожденіе плѣнниковъ Сарацинскихъ, а потому мы просимъ васъ убѣдить Императора прислать къ намъ какъ можно болѣе Сарациновъ.» Мѣстоблюститель же Александрійскій пришелъ, только при самомъ концѣ Собора и съ такими же просьбами, соглашавсь заранѣе съ своей стороны на всѣ рѣшенія, до него бывшія. (Флери кн. LI, гл. 27, 41. Concil. T. 23. pag. 155.)

Во второе засѣданіе Соборъ умножился только до 28 Епископовъ, потому что къ 18 прежнимъ явились еще десять, съ повинными грамотами, исполненными лести Папѣ Николаю и обличеній на Фотія; они калялись въ томъ, что будучи посвящены Игнатіемъ и Меоодіемъ, перешли на сторону новаго Патріарха; съ ними пришли еще 41 пресвитеровъ, 9 діаконовъ и 7 вподіаконовъ,— какое незначительное число въ сравненіи того, чего бы можно было ожидать отъ всей Восточной Церкви, вопіющей противъ Фотія, по словамъ его враговъ! На третьемъ засѣданіи послали убѣждать еще нѣсколькихъ Епископовъ, посвященныхъ Игнатіемъ, къ подписанію формулы Римской, принесенной легатами; но они рѣшительно отказались, говоря, что должно довольствоваться ихъ исповѣданіемъ вѣры, даннымъ при рукоположеніи; это показываетъ какъ насильственна была самая подписка. На четвертомъ дѣяніи соборномъ, легаты Римскіе долго старались обличить во лжи двухъ Митрополитовъ, Өеофила и Захарію, изъ числа посвященныхъ Игнатіемъ, которые были отправлены Фотіемъ къ Папѣ Ни-

колаю, съ извѣстіемъ о его поставленіи, и удосто-
вѣряли Соборъ, что сообщались съ Папою, изъ
чего можно предполагать, что при самомъ началѣ
онъ не отвергъ Фотія.—Оба были выгнаны изъ
собора за упорство, потому что не только твердо
стояли въ своемъ показаніи, но даже обличали одного
изъ легатовъ, Марина, какъ свидѣтеля ихъ общенія
съ Папою, и не хотѣли даже слышать о предлага-
емой формулѣ Римской. Наконецъ, на пятомъ засѣ-
даніи, вызвали на Соборъ самаго Фотія, но не чрезъ
Епископовъ, а чрезъ мірянъ, какъ бы принадле-
жавшаго къ числу ихъ. Онъ не хотѣлъ явиться
добровольно; его принудили, и потому, на всѣ
вопросы легатовъ, отвѣчалъ совершеннымъ без-
молвіемъ; когда же легаты сказали ему, что без-
молвіемъ не избавится отъ осужденія, Фотій
возразилъ, что не избѣжалъ онаго и самъ Господь.
Послѣ многихъ обличеній, которыя выслушалъ съ
такимъ же равнодушіемъ, ему дали срокъ для по-
слѣдняго отвѣта, но онъ не принялъ его. импера-
торъ присутствовалъ на шестомъ дѣяніи и угова-
ривалъ, вмѣстѣ съ легатами, Епископовъ, держав-
шихся стороны Фотія, обратиться; нѣкоторые по-
виновались, другіе остались твердыми и одинъ изъ
нихъ, Евѳимій Кесарій Каппадокійской, старшаго
престола въ малой Азій, сказалъ замѣчательныя
слова: »Государь, мы знаемъ твою правду и доб-
роту, дай намъ письменное удостовѣреніе, что мы
можемъ свободно говорить въ наше оправданіе, и
мы надѣемся доказать, что намъ противопоставля-
ютъ здѣсь суетныя рѣчи.» Достоинно вниманія так-
же, что Императоръ, желая убѣдить его, не вы-

ставлѣя преимущественно важности Римской каедрѣ надъ прочими, но говорилъ вообще: «можно ли называть суетнымъ, что проистекаетъ отъ патриаршихъ престоловъ? ты знаешь самъ, равно какъ и вся подсолнечная, что съ помощію Божіею, пять патриаршихъ каедръ не могутъ заблуждаться въ вѣрѣ; и такъ ты долженъ необходимо принимать ихъ опредѣленія.» (Флери кн. II, гл. 29, 32, 34, 35.)

Послѣ многихъ словопрѣній въ пользу и противъ Фотія, когда Епископъ Кесарійскій сталъ утверждать Царю, что Патриархъ Игнатій далъ наконецъ отреченіе отъ престола, легаты рѣзко сказали, что отлученные Римскою Церковью не имѣютъ права даже и говорить на соборѣ, и спросили приверженцевъ Фотія, кто изъ нихъ посвященъ Игнатіемъ? Три Епископа выступили, и ихъ опять спросили легаты, хотятъ ли они подписать формулу Римскую?—«Избави Богъ, отвѣчали они, и если Государь велитъ, мы скажемъ истину, какъ все было;»—легаты велѣли имъ удалиться, за то что не повиновались собору, прогнали также и Захарію, который возражалъ имъ въ защиту Фотія;— все сіе показано однако въ актахъ, собранныхъ Анастасіемъ для Римлянъ.

На седьмомъ засѣданіи призванъ былъ опять Фотій, съ Григоріемъ Сирагузскимъ и своими приверженцами, и на вопросъ судей: «хочетъ ли покаяться?» спросилъ ихъ «одумались ли они сами и хотятъ ли измѣнить неправо свое сужденіе? онъ же, съ своей стороны, не имѣетъ что отвѣчать на клеветы.» Епископы, съ нимъ бывшіе, сказали не обвинуясь: «что если бы не только посланные

изъ Рима и Иерусалима, но Ангелъ съ неба принесъ къ нимъ нѣчто противное правиламъ, они бы не повиновались; и что не смотря на ихъ просьбы, имъ не дали свободно оправдаться.» Тогда, послѣ новыхъ убѣжденій, произнесены были анаѳемы противъ Фотія, Григорія и ихъ приверженцевъ, и созданы двѣянія соборныя Фотія противъ Папы Николая, и преданы покаянію свидѣтели, бывшіе противъ Игнатія, и мѣстоблюстители Патріарховъ Восточныхъ, представленные на прежнихъ соборахъ Фотіемъ, признаны ложными; сознавшись въ винѣ своей, они предали его анаѳемъ, воскликнувъ: »можемъ ли противиться рѣшенію столь великаго Собора?»—(Соборъ же состоялъ вначалѣ изъ 28 Епископовъ.)

По окончаніи занялись вопросомъ о Болгаріи, кому должна принадлежать сія новая епархія? потому что самъ Царь Болгарскій прислалъ спросить о томъ въ Константинополь. Легаты Западные и Восточные собрались съ Царемъ и Патріархомъ, для разсужденія сего важнаго дѣла, и сколько ни защищали Римляне права своей Церкви на предѣлы древней Иллиріи, которую захватили Болгары, сколько ни отговаривались неимѣніемъ инструкціи, утверждая, что такой вопросъ долженъ быть предоставленъ на окончательное рѣшеніе Папы,—всѣ Восточные рѣшили въ пользу кathedры Цареградской, ибо сія область принадлежала къ имперіи Восточной и первые въ ней священники были Греческіе, а не Римскіе. О смиренномъ духѣ легатовъ папскихъ можно судить, по ихъ отвѣту мѣстоблюстителямъ патріаршимъ: »Апо-

стольская каеэдра не избрала васъ судіями въ своемъ дѣлѣ, потому что вы ей подчинены; она одна имѣеть право судить всю Церковь, и потому мы ей предоставляемъ окончательное рѣшеніе; что же касается до вашего мнѣнія, то она презираетъ его столь же легко, какъ легко вы оное излагаете.» (Флери кн. II, гл. 48.)

Симъ заключеніемъ не прекратимось дѣло о Болгарахъ; но хотя Царь ихъ выслалъ отъ себя съ большими дарами Епископа Римскаго Гримоальда и всѣхъ пресвитеровъ, которые подозрѣвали его въ подкупъ, и принявъ Святителя Греческаго со всѣмъ клиромъ, съ тѣхъ поръ утвердившихся въ его предѣлахъ,—Папы не оставались покойными. Адріанъ, въ письмѣ къ Императору, просилъ его заставить Патріарха Игнатія отступить отъ управленія сею областію, подѣ страхомъ запрещенія церковнаго ему лично и изверженія посылаемыхъ отъ него Епископовъ. Преемникъ же Адріана II, бывшій легатомъ его на Соборъ, посвященный подѣ именемъ Іоанна VIII, явно угрожалъ Игнатію, что если, чрезъ два мѣсяца послѣ получения его грамоты, онъ не отступится отъ управленія Болгаріею и не выведетъ оттолкъ своихъ Епископовъ, то будетъ лишень имъ общенія тѣла и крови Христовой; если же еще станетъ упорствовать, то лишится и патріаршескаго сана, который получилъ по милости папской. Такимъ образомъ дѣло шло уже, не о правильности избранія Игнатіева, а только о Болгаріи, и смерть избавила старца отъ угрозъ Римскихъ. Тихою кончиною онъ отошелъ, послѣ многоятежнаго святительства, въ

которомъ, если иногда увлекался чрезвычайною ревностію, всегда однако же соблюдалъ правую вѣру, и по непорочности житія причтенъ къ лику Святыхъ. (Ист. Флери кн. ІІІ, гл. 16, 48.)

Что касается до Фотія, то сколь тягостны для него были первые годы его заключенія, можно судить изъ письма его къ Императору: «внемли, все-милостивѣйшій Государь! я уже не буду вспоминать тебѣ нашей прежней дружбы и страшныхъ клятвъ и обѣщаній, ни священнаго мвропомазанія и вѣнчанія, ни святыхъ тайнъ, изъ моихъ рукъ воспріятыхъ, ни духовнаго усыновленія чадъ твоихъ, не буду болѣе о томъ говорить тебѣ, а только о правахъ общихъ чловѣчества. Всѣ народы, Греки и варвары, лишаютъ жизнь осужденныхъ на смерть, а тѣхъ, которымъ оставляютъ жизнь, не заставляютъ умирать голодомъ и тысячами мукъ, я же провожу жизнь жесточайшую самой смерти.— Я узникъ, лишень всего, родственниковъ, друзей, служителей, однимъ словомъ всякаго пособія чловѣческаго; когда однако влекли въ оковахъ божественнаго Павла, не воспрещали ему имѣть друзей для прислуги, и онъ находилъ чловѣколюбіе въ язычникахъ, врагахъ Иисуса Христа. Изобрѣли еще новую казнь: у меня отняли самыя книги; не по страху ли, чтобы мы не слышали слова Божія? Если мы дѣйствуемъ худо, намъ бы должно было напротивъ дать книги и даже учителей, чтобы наставить насъ; если же мы не дѣлаемъ зла, зачѣмъ намъ сіе творять?—никогда ни съ кѣмъ изъ православныхъ такъ не поступали и еретики!»—Приводя въ примѣръ Аванасія, Златоуста, Никифора,

онъ жалуется еще, что разрушили церкви и больницы, имъ устроенныя, какъ будто бы хотѣли повредить душѣ его, отымая съ одной стороны книги, могущія научить его, а съ другой средства искупить грѣхи. »Подумай о томъ, Государь, продолжалъ онъ, и если ни въ чемъ тебя не упрекаетъ совѣсть, приложи къ нашимъ ранамъ; если же обвиняетъ, не ожидай суда, на которомъ покаяніе поздно. Вспомни, что ты человѣкъ, хотя и Императоръ, и носишь такую же плоть, какъ и частные люди, что мы имѣемъ одинаго Владыку, Создателя и Судію. Не прошу у тебя ни почестей, ни славы, ни благосостоянія, но то, чего не отказываютъ варвары своимъ рабамъ,—я прошу жизни, которая бы не была хуже смерти, или скорѣйшаго избавленія отъ сего бѣдственнаго тѣла.»

Такія же горькія обстоятельства описывалъ Фотій и въ пространномъ посланіи къ Епископамъ, оставшимся ему вѣрными, въ коемъ оправдывался противъ возведенныхъ на него клеветъ, въ мнимо́мъ предательствѣ Церкви. Какъ лучшее доказательство правоты своей и какъ явное чудо, которому, по словамъ его, едва могутъ вѣрить современники, тѣмъ менѣе потомки, прибавляетъ то, что посреди столь ужасной бури, такого смятенія и измѣненія обстоятельствъ, никто изъ малыхъ или великихъ, простыхъ или образованныхъ, именитыхъ жизнью или догматами, Епископовъ малаго городка или областной столицы, не отдѣлился отъ него и не увлекся потокомъ смутныхъ обстоятельствъ.»
(Photii epistola 174.)

»И должно сознаться, говорилъ западный исто-

рикъ Флери, что только сто Епископовъ, посвященныхъ Меоодіемъ или Игнатіемъ, подписались на соборъ противъ Фотія; Фотій же умѣлъ удержать на своей сторонѣ всѣхъ, которыхъ самъ рукоположилъ, числомъ болѣе трехъ сотъ.»—Такое свидѣтельство весьма важно, и должно предполагать, что много тому способствовали честолюбивые замыслы Римлянъ, противъ которыхъ боролся мужественно Фотій, ибо въ немъ видѣла вся Церковь Восточная своего защитника. Возвращеніе его, послѣ одиннадцатилѣтняго заточенія, случилось въ самый годъ смерти Игнатіевой, когда сей послѣдній получилъ грозную грамоту отъ Папы Іоанна; можно предполагать, что не лестное родословіе отъ Царя Армянскаго Тиридата, которое, по увѣренію Никиты Пафлагонскаго, вымыслилъ Фотій и подкинулъ въ бібліотеку царскую, послужило къ его освобожденію, и не дружба съ вохвомъ Сантавариномъ, обувавшимъ будто бы умъ Императора; но дряхлость Игнатія и затруднительныя отношенія съ Римомъ побудили Василія Македонскаго заблаговременно возвратить Фотія изъ его заточенія и немедленно поставить его на кафедрѣ Цариградскую, послѣ смерти Игнатія, чтобы оградиться отъ притязаній Римскихъ. Послѣдующія клеветы Никиты, Стилиана и Симеона Логоѣта, о жестокостяхъ Фотія съ приближенными бывшаго Патріарха, не заслуживаютъ даже вниманія. (Ист. Флери кн. II, гл. 20. *Vita Ignat.* Т. 23. pag. 512.)

Стилианъ Неокесарійскій пишетъ, между прочимъ, въ посланіи къ Папѣ Стефану, будто бы

Патріархъ Фотій подослалъ убійць, для сокращенія жизни Игнатіевой, когда уже ему было 80 лѣтъ, и потому не долго оставалось ждать; что онъ, чарами и обаяніемъ, преклонилъ къ себѣ Императора и опять заставилъ, угрозами, легатовъ папскихъ, Павла и Евгенія, присланныхъ еще къ предмѣстнику, признать его Патріархомъ; но сіе невѣроятно, ибо Папа Іоаннъ тѣхъ же легатовъ отправилъ потомъ на Соборъ къ Фотию, и что будто бы обманомъ принудилъ Митрополитовъ подписать грамоту о его избраніи; но зачѣмъ же было ихъ обманывать, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 400 Епископовъ добровольно сошлись на Соборъ въ Константинополь, и даже, во все время его изгнанія, болѣе 300 Епископовъ не нарушали съ нимъ общенія? Такова правда враговъ Патріарха, на которой однако основываются западные его хулители; письмо же Стиліана писано было послѣ втораго низложенія Фотіева, по внушенію Императора Льва, который искалъ оправдаться, низвергнувъ Патріарха, чтобы дать мѣсто младшему брату своему Стефану. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 51, 52.)

VI.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАТРИАРХА ФОТІЯ.

СОБОРЪ, НАЗЫВАЕМЫЙ ОСЬМЫМЪ ВСЕ- ЛЕНСКИМЪ.

Папа Іоаннъ, находясь въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, по случаю страшныхъ набѣговъ Сарацинскихъ, и желая получить помощь отъ Императора сильнаго, каковъ былъ Василій Македонскій, не отринувъ Фотія, подобно всѣмъ предмѣстникамъ; онъ надѣялся, что такимъ снисхожденіемъ къ первому, не совсѣмъ правильному его избранію, онъ выиграетъ и дѣло о Болгаріи, что явствуетъ изъ его инструкціи легатамъ и изъ посланія къ Императору; ибо, какъ онъ пишетъ, видя единодушіе всѣхъ Патріарховъ и Епископовъ, даже поставленныхъ Игнатіемъ, къ избранію Фотія, соглашается уступить обстоятельствамъ, по прежнимъ примѣрамъ снисхожденія, бывшаго на Соборахъ, съ тѣмъ однако же, чтобы Фотій не имѣлъ никакого вліянія на Болгарію, и испросивъ самъ прощенія на соборъ, принялъ бы въ свое общеніе

всѣхъ Епископовъ Игнатія, которыхъ Папа объявлялъ отлученными, если не согласятся признать Фотія; о чемъ писалъ къ тремъ главнѣйшимъ его противникамъ: Митрофану, Стиліану и Іоанну.—А двумъ прежнимъ своимъ легатамъ, къ коимъ присоединилъ еще третьяго, Петра пресвитера, велѣлъ отлучить отъ Церкви всѣхъ, которые избѣгать будутъ общенія съ ними и съ Фотіемъ, самаго же Фотія велѣлъ просить предъ всѣмъ Соборомъ, чтобы онъ отнюдь не вступался въ Болгарію и никого не поставлялъ въ сію область; подъ симъ условіемъ всѣ Соборы, бывшіе противъ него въ Римѣ и Царьградѣ, должны почитаться какъ бы несуществовавшими, и приговоръ сей подписанъ былъ 17 Епископами, въ Римѣ, въ присутствіи Папы.

Тогда соединился въ 879 году, подъ председательствомъ Фотія, многочисленный Соборъ въ Константинополь, въ храмъ св. Софіи, состоявшій изъ 383 подвластныхъ ему Епископовъ, что показываетъ обширность тогдашней Константинопольской епархіи, съ легатами папскими и мѣстоблжстителями прочихъ патріаршихъ престоловъ. Ученый Епископъ Кеѳалонійскій, Ілія Минятій, въ книгѣ своей «камень соблазна,» говоритъ, что выписку сего Собора сохранилъ потомству, Іоаннъ Веккъ, Патріархъ Константинопольскій, въ словѣ о мирѣ церковномъ, изчисляя 7 дѣяній онаго, которыя также обрѣтаются во II томѣ пандектовъ, и что сверхъ того имѣются еще рукописныя, болѣе пространныя, но несходныя числомъ дѣяній съ Векковыми, какъ о томъ упоминаетъ Каве въ

исторіи церковной. (л. 303.) А ученый историкъ западный Флери пишетъ, что акты сего Собора еще не были при немъ напечатаны; но что любознательный Г. Балюзъ выписалъ изъ Рима вѣрную ихъ копію, которую ему сообщилъ, и кажется можно принять за достовѣрное выписку Флери, повѣряя ее иногда Минятіевой, потому что если Западные рѣшились говорить истину, она не подлежитъ сомнѣнію, ибо Соборъ неблагопріятенъ Риму. Флери однако жалуется, будто письмо и инструкція Папы были искажены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось отъ Фотія испрашивать прощенія соборнаго, заключаая о семь поврежденіи изъ того, что требованіе Папы на Соборъ не исполнено: напротивъ того вѣроятнѣе, что и при неповрежденности грамотъ, по волѣ Императора и всей Церкви, отложено такое неумѣстное уничтоженіе ея представителя, предъ лицомъ всего Собора. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 12.)

На первомъ засѣданіи, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій легатовъ и Патріарха, Захарій Халкидонскій, тотъ самый, котораго выгнали съ Собора при Игнатіи, говорилъ, что виною всѣхъ золъ Фотія было глубокое знаніе Божественныхъ писаній и всей энциклопедіи наукъ человѣческихъ, которыя навлекли ему зависть и гоненіе; говорилъ также, что соборъ созванъ для Римской Церкви, а не для Восточной, ибо она сохранила единство духа съ Патріархомъ, то же повторилъ и весь Соборъ, изъясняя, что многіе никогда не нарушали съ нимъ общенія, нѣкоторые же присоединились въ послѣдствіи. Заеѣданіе кончилось

многолѣтіемъ святѣйшимъ Патріархамъ Фотію и Іоанну; и такимъ образомъ во всѣхъ многолѣтіяхъ имя Фотія стояло выше Іоаннова, что никакъ не соответствовало мысли о господствѣ папскомъ, если бы такъ оное разумѣли Восточные, какъ Западные.

На второмъ засѣданіи читаны были посланія папскія, искаженные, какъ предполагаетъ Флери, вѣроятно съ согласія легатовъ, потому что они ихъ слушали безпрекословно. Соборъ отвѣтствовалъ, что пріемлетъ все относящееся до мира Церкви, исключая того, что касается до Императора и его области; т. е. Болгаріи. На вопросы легатовъ о Болгаріи, Фотій отвѣчалъ, что со времени своего возвращенія, онъ никого еще не поставлялъ въ сію область; Прокопій же Кесарійскій присовокупилъ: »мы надѣемся, что Господь покоритъ Императору всѣ народы земные, и тогда онъ устроитъ, по своему желанію, предѣлы митрополій;» то же повторилъ и Соборъ, почитая дѣло сіе не духовнымъ, а гражданскимъ, и оправдалъ также прежнія дѣянія Патріарха. Самъ Фотій разсказалъ весьма замѣчательныя обстоятельства, которыя подтвердилъ Соборъ, неоднократно прерывая рѣчь его: »что онъ силою вынужденъ былъ принять престоль, съ согласія всѣхъ Епископовъ, втайнѣ отъ него подписавшихся, что будучи изгнанъ, оставался въ покоѣ, не нарушая мира, не желая и не надѣясь возвратиться, доколь Богъ не тронетъ сердца Царева, и при жизни Игнатія не искалъ престола, не смотря на убѣжденія страждущихъ собратій; призванъ же былъ изъ заточенія самъ, не ради себя, но

ради народа; что онъ искалъ всячески мира съ Игнатіемъ, и когда свидѣлись въ палатахъ царскихъ, оба бросились другъ другу въ ноги и простились взаимно; во время же болѣзни, по собственному приглашенію Игнатія, неоднократно посѣщаль его и утѣщаль, приѣмая на свое попеченіе людей ему близкихъ. По смерти же его Императоръ, сперва втайнѣ, а потомъ явно, чрезъ Патриціевъ, объявилъ ему свое намѣреніе и желаніе Епископовъ на его возстановленіе, и потомъ посѣтивъ его лично, убѣдилъ принять опять кафедру.—Соборъ повторилъ что все сіе истинно, и довольно былъ многлюдень, чтобы ему вѣрить, особенно если сравнить оный съ малолюдствомъ собора Игнатіева, при такихъ же обстоятельствахъ.

Тогда прочтены были письма Патріарховъ Восточныхъ: Александрійскій предавалъ анаѣемъ Іосифа и Илію, назвавшихся мѣстоблюстителями его и престола Іерусалимскаго на прежнемъ Соборѣ, и извѣщаль, что третій лжеблуститель престола Антиохійскаго, Митрополитъ Тома, покался и прислалъ отъ себя извинительную грамоту. О томъ же писали къ Фотію и прочіе два Патріарха, говоря, что никогда не нарушали съ нимъ общенія ихъ престолы и то же повторилъ единогласно Соборъ. (Кам. соблаз. стр. 64.)

На третьемъ засѣданіи продолжалось обличеніе прежнихъ мѣстоблюстителей, которые были признаны за посланниковъ Сарацинскихъ и отринутъ Соборъ противъ Фотія, какъ о томъ упоминалось въ инструкціи, данной легатамъ, которую читали соборно. Илія Минятіевъ говоритъ, что на

семь засѣданій не угодна была Собору грамота Папы къ Восточнымъ Епископамъ, потому что она обнаруживала его притязанія не на одну Болгарію, но и на всю Церковь Константинопольскую, и Соборъ отвѣчалъ о Болгаріи, что должно отнестись къ Царю, а касательно Фотія, Епископы желали только общенія, а не суда Римскаго, въ знакъ любви, а не покорности, ибо сами единодушно признали Патріарха.—Слова сіи въ выраженіяхъ болѣе мягкихъ приведены у Флери, въ первомъ засѣданіи. (Кам. соблазна. 65.)

Въ четвертое засѣданіе легаты спросили Соборъ: согласенъ ли онъ на пять условій примиренія? и Соборъ, отстранивъ первое о Болгаріи, не принявъ втораго, о непосвященіи мірянъ на степень епископскую, и третьяго, о избраніи Константинопольскихъ Патріарховъ изъ среды только своей Церкви, руководствуясь прежними примѣрами; но утвердиль единогласно четвертое и пятое, о отверженіи прежнихъ соборовъ противъ Фотія и всѣхъ нарушителей мира. На пятомъ засѣданіи приглашенъ былъ главный изъ нихъ, Митрофанъ Смирскій, но отказался придти, по мнимой болѣзни, за что отлученъ отъ Церкви. Флери пишетъ, ссылаясь на акты, что будто легаты сказали: «Папа даровалъ Патріарху Фотію одинаковую власть вязать и рѣшить, принятую имъ отъ св. Петра, и потому онъ можетъ самъ осудить Митрофана;» Фотій же отвѣтствовалъ: «мы почитаемъ васъ за нашихъ отцевъ, какъ легатовъ Папы нашего духовнаго отца;» но вслѣдъ затѣмъ является правило, что всѣ Епископы, клирики и міряне Италійскіе, низложенные или отлученные

Папою Іоанномъ, гдѣ бы они ни находились, будутъ почитаться таковыми и отъ Фотія, и равномѣрно всѣ отлученные Патріархомъ Фотіемъ, какой бы то области ни были, будутъ почитаться таковыми же Папою и Римскою Церковію, безъ нарушенія привиллегій ея кафедръ; Соборъ изъяснилъ на то согласіе и мѣстоблюстители Патріарховъ подтвердили, что ихъ Владыки дали ту же власть Фотію, какъ имѣющему согласіе Восточныхъ и Римской кафедръ; но Ідія Минятіевъ, основываясь на Греческихъ спискахъ, удостовѣряетъ, что правило о равномѣрномъ отлученіи Папою и Патріархомъ, отлученныхъ однимъ изъ нихъ, кончалось напротивъ того сими словами: »въ принадлежащія святѣйшему престолу Римскія Церкви, т. е. ея предсѣдателю преимущества, отнюдь ни нынѣ, ни послѣ никакихъ новостей не вводитъ.» Это правдоподобно и сходно съ духомъ Собора, который столь твердо стоялъ за независимость своей Церкви и кончалъ каждое засѣданіе многолѣтіемъ сперва Фотію, а потомъ Іоанну, называя обоихъ Патріархами, безъ всякаго отличія. (Ист. Флери кн. ЛІІІ, гл. 18, 19, 20. Кам. соб. стр. 67.)

На шестомъ засѣданіи присутствовалъ Императоръ Василій, съ сыновьями Львомъ и Александромъ, и здѣсь должно выписать подлинныя слова пандектовъ, ибо они замѣчательны. (Pandect. T. 2, p. 301—303.) »Въ присутствіи всѣхъ Епископовъ христоролюбивый Императоръ Василій сказалъ: »мы также признали за нужное явиться на святой Соборъ и вмѣстѣ съ вами споспѣшествовать миру и согласію всѣхъ Божіихъ Церквей, и предъ

цѣлымъ сонмомъ Епископовъ и пресвитеровъ, собственною подписью, утвердить и запечатлѣть то, что постановлено симъ священнымъ и великимъ Соборомъ: но дабы нѣкоторые, коихъ языкъ всегда готовъ къ клеветѣ и порицанію, не почи царскаго присутствія нашего за нѣкоторое насиліе сему святому и вселенскому Собору, т. е. будто бы всѣ согласились на миръ и единеніе, изъ уваженія къ нашему лицу и по страху: то мы почи за лучшее, чтобы сначала, сами по себѣ, вы и прочіе архіерейскіе престолы и весь соборъ Церкви, при осѣненіи на всѣхъ помощи свыше, все окончили, согласно воли Божіей и собственному вашему свободному и самостоятельному мнѣнію, а потомъ и наша боговрученная власть, принимая и утверждая, собственноручно подписала все, постановленное на семъ святомъ и вселенскомъ Соборѣ. Между тѣмъ почи таю весьма полезнымъ, если заблагоразсудится это и вамъ, чтобы вы, пребывая въ совершенномъ мирѣ и согласіи, и бывъ соединены подъ главою всѣхъ, Христомъ, законоположили бы касательно церковнаго ученія, не что либо новое и пришлое, но то, что сначала святой и великій Соборъ въ Никее положилъ, а прочіе вселенскіе Соборы одобрили, и на чемъ они сами утверждались.»

»Василій боголюбезный Митрополитъ Мартиропольскій и мѣстоблюстителъ Антіохійскій отвѣчалъ: «достоинно и праведно, чтобы послѣ того, какъ расколы и соблазны во всей Церкви уничтожены, заботливостію и попеченіемъ твоимъ, христоролюбивѣйшій Государь нашъ, молитвами же и ходатайствомъ, предъ Богомъ, духовнаго отца твоего и на-

шого, святѣйшаго Патріарха Фотія, чтобы, говорю, послѣ сего одинъ и тотъ же образецъ вѣры былъ по всей вселенной, такъ какъ и доселѣ былъ, и чтобы Соборъ нашъ, въ общемъ присутствіи, подтвердилъ его.»

»Присутствующіе Архіереи Божіи сказали: «для сего нужно только, и на нашемъ Соборѣ, прочитать и утвердить то же самое опредѣленіе вѣры Никейскаго Собора, которое прочіе вселенскіе Соборы подтвердили и на которомъ основывались.»

»Святѣйшіе мѣстоблюстители древняго Рима сказали: «такъ какъ повелѣлъ великій въ Богъ Императоръ нашъ, и какъ благоугодно братіямъ и сослужителямъ нашимъ: то справедливо, не дѣлать никакого новаго опредѣленія вѣры, но чтобы прочитано и подтверждено было древнее оное, содержаемое во всей вселенной.»

»Святѣйшій Патріархъ Фотій сказалъ: «согласно мнѣнію всѣхъ нашихъ братій и сослужителей, пусть будетъ прочитано.» И боголюбезный протонотарій и діаконъ Петръ, получивъ повелѣніе, началъ читать: «Божественное и досточтимое ученіе Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, принимая сердцемъ, крѣпкою мыслию и въ нерушимой чистотѣ вѣры, такъ же свято сокращая и, непреклоннымъ умомъ содержа, священные постановленія и каноническія правила святыхъ его учениковъ и Апостоловъ, равно почитая и содержа, искреннею и непоколебимою мыслию, неповрежденными и неподложными опредѣленія и правила святыхъ вселенскихъ семи Соборовъ, такъ какъ они управляемы были вдохновеніемъ того же Св. Духа,—мы отлучаемъ

тѣхъ, кого они отлучали отъ Церкви, любимъ же и почитаемъ достойными пріятія тѣхъ, кого они провозгласили учителями православія и благочестія, достойными уваженія и почитанія. Такъ думая и говоря о нихъ, мы умомъ и словомъ исповѣдуемъ и всѣмъ и вездѣ громогласно возвѣщаемъ образецъ чистѣйшей Христіанской вѣры, дошедшій до насъ отъ предковъ нашихъ, ничего не отнимая, ничего не прибавляя, ничего не измѣняя и не извращая: ибо такое отъятіе и прибавленіе, хотя бы кознями лукаваго и не было воздвигнуто никакой ереси, причиняетъ не безнамѣренную и непростительную обиду отцамъ, кои неукоризненны во всемъ; еще пагубнѣе сего, если мы подмѣняемъ поддѣланными словами опредѣленія отцевъ. Посему сей святой вселенскій Соборъ, принимая, по вдохновенію Божию и въ правой мысли, первоначальное опредѣленіе вѣры, и полагая въ немъ твердое основаніе спасенія, провозвѣщаетъ, чтобы всѣ подобнымъ же образомъ мыслили и исповѣдывали.»

»Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ и проч.» (весь символъ до конца.)
»Всѣ мы такъ мыслимъ, въ семъ исповѣданіи мы крещены, чрезъ него слово истины всякую ересь дѣлаетъ слабою и недѣйствительною. Тѣхъ, которые такъ мыслятъ, мы поставляемъ въ числѣ братьѣ, отцевъ и сонаслѣдниковъ вышняго отечества. Если же кто дерзнетъ начертать другой образецъ вѣры, кромѣ сего святаго символа, который изначала отъ блаженныхъ и св. отцевъ дошелъ до насъ, дерзнетъ называть, что либо свое, опредѣлас-

ніемъ вѣры и унижать достоинство исповѣданія оныхъ богопросвѣщенныхъ мужей, включать въ него собственныя изобрѣтенія и выдавать его вѣрнымъ или тѣмъ, которые недавно обратились изъ какой либо ереси, за общее ученіе вѣры, или дерзновенно покусится повредить поддѣльными словами, прибавленіями и убавленіями, древность сего святаго и достоуважаемаго образца вѣры: то по опредѣленію, нынѣ, а равно и прежде насъ, отъ святыхъ вселенскихъ Соборовъ, возвѣщенному, если таковой имѣеть священный санъ, подвергаемъ его всеконечно низверженію, а если мірянинъ анаѣемъ.»

»Послѣ сего чтенія, священное собраніе воскликнуло: »всѣ мы такъ мыслимъ, такъ вѣруемъ, въ сѣмъ исповѣданіи мы крещены и удостоились священнаго сана; кто мыслить не такъ, а иначе, тотъ анаѣема!»

»Илія, благочестивѣйшій пресвитеръ и мѣстоблюститель Іерусалимскій и Косма, апокрисиарій Александрійскій, сказали: »анаѣема тѣмъ, кои не исповѣдуютъ сего общаго символа вѣры!»

»Фотій, святѣйшій Патріархъ, сказалъ: »если благоугодно вамъ, священный и святой Соборъ, то, какъ вначалѣ, постановленное и опредѣленное Соборомъ, высокій и великій Царь нашъ утвердилъ и запечатлѣлъ собственноручнымъ своимъ подписомъ, такъ да будетъ и теперь.»

»Святѣйшіе Митрополиты сказали: »мы не только согласны, но просимъ и умоляемъ благочестиваго и высочайшаго Царя, дабы онъ собственноручнымъ своимъ подписомъ утвердилъ и запечатлѣлъ.»

чатѣль все, постановленное на семь святомъ и вселенскомъ Соборѣ.» И взявъ опредѣленіе соборное, христоролюбивый Царь Василій утвердилъ своею рукою.»

На послѣднемъ, седьмомъ засѣданіи, опять повторено и подтверждено единогласно исповѣданіе вѣры, и по окончаніи легаты Папскіе произнесли: «если кто не признаетъ святѣйшаго Фотія законнымъ Патріархомъ и съ нимъ не сообщится, да будетъ часть его съ Иудою.» На что единогласно отвѣтствовалъ Соборъ: «если кто его не признаетъ Божиимъ Архіереемъ, да не узритъ славы Господней!» Послѣднее многолѣтіе Собора было опять святѣйшимъ Патріархамъ Фотию и Іоанну. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 23. Кам. соб. стр. 69.)

Флери хотя и рѣшился привести акты сего Собора, но сомнѣвался въ ихъ подлинности, подозрѣвая характеръ Фотія, о которомъ онъ судилъ однако по описаніямъ Никиты Пафлагонскаго, Митрофана Смирнскаго, Стилиана Неокесарійскаго и Анастасія книгохранителя, коихъ клевету мы достаточно видѣли. Другіе писатели Римскіе: Бароній, Бивій и Левъ Аллаций, писали также противъ сего Собора, а послѣдній и отвергалъ его существованіе, въ изданной имъ книгѣ, подъ именемъ, Соборъ Фотіевъ, которая напечатана въ Римѣ въ 1668 году, хотя самъ Папа Іоаннъ упоминалъ о немъ въ своихъ посланіяхъ къ Царю и Патріарху. (Кам. собл. стр. 70.)

На концѣ двѣяній соборныхъ обрѣтается еще письмо Іоанна къ Фотию, въ коемъ также сомнѣваются Римляне, ибо оно ихъ обличаетъ. »Мы зна-

емъ, пишетъ Іоаннъ, дурные слухи, которые принесли къ вамъ, о насъ и о нашей Церкви, и потому я хотѣлъ объяснитьсь предъ вами, прежде даже нежели вы ко мнѣ о томъ напишете. Вы знаете, что посланный вашъ, объясняясь съ нами касательно символа, нашелъ, что мы соблюдаемъ оный какъ пріяли прежде, ничего не прибавляя и не убавляя, ибо знаемъ какое тяжкое наказаніе заслуживаетъ держащій сіе учинить. И такъ, чтобы васъ успокоить по сему предмету, сдѣлавшему соблазнъ въ Церкви, объявляемъ вамъ еще разъ, что не только мы такъ не произносимъ; но и по безумію дерзнувшихъ учинить оное вначалѣ осуждаемъ, какъ нарушителей слова Божія и искажителей ученія Христова, Апостоловъ и Отцевъ, соборно предавшихъ намъ символъ, и часть ихъ съ Іудею, какъ одинаково съ нимъ дѣйствующихъ; ибо они не тѣло Господне предають смерти, но вѣрныхъ Божіихъ, которые суть его члены, раздирають расколомъ и предають вѣчной смерти, вмѣстѣ съ собою, какъ оный недостойный Апостолъ. Но я думаю, святинѣ вашей, исполненной мудрости, не безъизвѣстно, что не легко склонить къ сему мнѣнію остальныхъ Епископовъ нашихъ и скоро измѣнить столь важный обычай, утвердившійся годами. Посему полагаемъ, что никого не должно принуждать къ оставленію сдѣланнаго въ символъ прибавленія; но дѣйствовать съ скромностію и осторожностію, внушая мало помалу другимъ оставить сію хулу. И такъ, обвиняющіе насъ въ томъ, будто и мы раздѣляемъ сіе мнѣніе, говорятъ неправду; но тѣ не далеки отъ истины, которые утверждаютъ, что есть еще между

нами люди, дерзающіе такъ произносить символъ; вашему же братству подобаесть не соблазняться о насъ и не чуждаться прочаго тѣла нашей Церкви, но наипаче, съ кротостію и осторожностію, содѣйствовать намъ къ обращенію отклонившихся отъ истины, и такимъ образомъ съ нами вмѣстѣ воспріять мзду. Здравствуй о Господь, достоуважаемый и каеолическій братъ.»

Папа Іоаннъ, колеблясь между страхомъ набѣговъ Сарацинскихъ и желаніемъ приобрѣсть область Болгарскую, не рѣшался явно отвергнуть Соборъ, столь неблагопріятный Римской Церкви, и онъ писалъ, въ ласковыхъ выраженіяхъ, къ Императору и Патріарху, благодаря перваго за присланную помощь, и говоря, что признаетъ милость оказанную Фотію, но не пріемлетъ дѣяній соборныхъ, если легаты его въ чемъ либо преступили его повелѣнія.—Посланный въ Константинополь Маринъ, за несогласіе отвергнуть мнимый осьмой всеменскій соборъ, бывшій при Игнатіи, и отринутый самимъ Папою Іоанномъ, былъ посаженъ Императоромъ на мѣсяць въ темницу, и возведенный по смерти Іоанна на его кафедрѣ, по чувству личной ненависти, осудилъ опять Фотія, чему послѣдовали его преемники, Адрианъ III и Стефанъ V, а между тѣмъ продолжалась обличительная переписка между Императоромъ и Папами. (Ист. Флери гл. 27.)

Смерть Василія Македонскаго, послѣдовавшая въ 886 году, опять измѣнила участь Патріарха. Преемникъ престола Левъ, спасенный ходатайствомъ Фотія отъ ослѣпленія, которому хотѣлъ подвергнуть его Императоръ, по подозрѣнію въ покушеніи

на жизнь его, вмѣсто благодарности, низвергнувъ Патріарха, чтобы дать его мѣсто младшему брату своему Стефану. Исполненный ненависти къ Епископу Евхаетскому Сантаварину, оклеветавшему его предъ отцемъ, и неправильно подозрѣвая самого Фотія, въ соучастіи противъ него, Императоръ тщетно старался уличить Патріарха и безъ суда сослалъ его въ монастырь Армоникійскій, гдѣ въ томъ же году скончался сей великій подвижникъ, правившій Церковію сперва девять лѣтъ, а потомъ восемь.—Тогда-то написалъ на него клеветы свои Стилианъ Неокесарійскій, въ граматѣ къ Папѣ Стефану, который самъ обличилъ въ своемъ отвѣтѣ неесходство сего писанія съ царскимъ, ибо въ противность показаніямъ Стилиана, что Фотій былъ изгнанъ изъ Церкви, Императоръ увѣрялъ, будто онъ удалился добровольно по старости. По сей причинѣ Папа, прежде нежели призналъ брата царскаго Патріархомъ, хотѣлъ опять, по примѣру своего предмѣстника Николая, чтобы дѣло перенесено было на сужденіе въ Римъ, на что однако не хотѣли согласиться Восточные, чтобы не унижить достоинства своей Церкви, и Стефанъ умеръ, не дождавшись ихъ отзыва. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 40, 41, 42.) 56-41-42

Преемникъ Стефана V, Папа Формозъ, послѣдній осудилъ Патріарха Фотія, уже умершаго, отвѣчая на грамату Стилиана Неокесарійскаго къ своему предмѣстнику, и самъ подвергся, послѣ своей смерти, еще большому осужденію отъ преемника, Папы Стефана VI, который даже вырвалъ его тѣло и представилъ на соборище, отсѣкъ ему пальцы

и голову и велѣлъ бросить въ Тибръ, за то что былъ, вопреки канонѣвъ, переведенъ на кафедру Римскую изъ другой епархіи. (Ист. Флери кн. LIV, гл. 27.)

ВѢКЪ ДЕСЯТЫЙ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи десятаго столѣтія, кафедра сія, обуреваемая всѣми ужасами безначалія и разврата, представляла столь горестное зрѣлище, къ соблазну всей Церкви, что Епископы ея, безпрестанно смѣняемые по смятеніямъ народнымъ, по насилію Патриціевъ Римскихъ и прихотямъ женскимъ, едва могли только заботиться о собственномъ плачевномъ существованіи. О томъ свидѣлствуютъ опредѣленія Римскаго Собора, при Іоаннѣ IX, которыя гласятъ:

»Святая Римская Церковь много страдаетъ отъ насилій, при кончинѣ каждого Папы, что происходитъ отъ того, что его посвящаютъ безъ вѣдома Императора, вопреки правилъ и обычая, не ожидая присутствія его повѣренныхъ, которые бы остановили безпорядокъ. Посему мы хотимъ, чтобы отнынѣ Папа избирался въ собраніи Епископовъ и

всего клира, по требованію Сената и народа, и потомъ торжественно посвящался бы въ присутствіи приставовъ царскихъ, и чтобы никто не дерзалъ требовать отъ него вновь изобрѣтенныхъ клятвъ; все же сіе для того, чтобы Церковь пребывала безъ соблазна и не умалялось бы достоинство императорское. Вкраяся еще преступный обычай, что послѣ смерти Папы расхищаютъ его патриаршій дворець, и грабежъ распространяется по всему Риму и даже въ предмѣстіяхъ; такъ поступаютъ и съ домами епископскими по смерти Епископовъ. Почему мы не только сіе воспрещаемъ впредь, подѣ страхомъ наказанія церковнаго, но и гнѣва царскаго.» (Ист. Флери кн. LIV, гл. 28.)

Таково было бѣдственное положеніе сихъ мнимыхъ вселенскихъ владыкъ и намѣстниковъ Христовыхъ.—Стыдно говорить о Папѣ Сергіи III, при коемъ развратная боярыня Римская Феодора правила городомъ, ибо самъ Папа прижилъ незаконно сына съ дочерью ея Маруціею, который также былъ впоследствии Папою, подѣ именемъ Иоанна XI. Преемникъ же Сергія, Иоаннъ X, выбравъ былъ, по своей преступной связи съ сестрою Маруціи, и сіи развратныя жены долгое время управляли Римомъ и давали ему Епископовъ. (Флери кн. LIV, гл. 42, 49. кн. LV, гл. 5.)

Сынъ Маруціи и Патриція Алберика, вступившій на престолъ Римскій осмнадцати лѣтъ, подѣ именемъ Иоанна XII, соединилъ въ своемъ лицѣ власть свѣтскую и духовную, но не въ силахъ будучи бороться съ другими сильными властителями, призвалъ на помощь Оттона, Короля Германскаго

и вѣнчалъ его Императоромъ, давъ ему, со всѣми гражданами, присягу въ вѣрности и послушаніи, за что Оттонъ подтвердилъ всѣ прежнія преимущества и достояніе Римской Церкви. Онъ положилъ также, чтобы избраніе Папы производилось правильно, кѣмъ и народомъ, и Папа не прежде могъ быть посвящаемъ, какъ давши присягу, въ присутствіи приставовъ царскихъ, что сохранить права всѣхъ; это показываетъ, что Императоръ отнюдь не отрекался отъ власти своей въ столицѣ. Когда же Іоаннъ нарушилъ свою присягу, Императоръ созвавъ 40 Епископовъ на соборъ въ Римъ, торжественно осудилъ его, за порочную жизнь и ношеніе оружія въ битвахъ, и съ согласія соборнаго поставилъ на его мѣсто Льва VIII. Но Іоаннъ опять водворился въ Римъ, низложивъ Льва, и такія низложенія безпрестанно повторялись, съ чрезвычайными жестокостями противъ соперниковъ. Такъ протекло все десятое столѣтіе, самое позорное въ лѣтописяхъ Римской Церкви, которая отъ времени до времени, хотя и довольно рѣдко, не преставала дружелюбно сноситься съ Цареградскою, но, какъ можно судить по самымъ обстоятельствамъ, не могла имѣть ни малѣйшаго на нее вліянія, будучи сама поражена какъ бы нѣкою духовною болѣзнію. (Ист. Флери кн. LV, гл. 50, 59. — *not in the* кн. LVI, гл. 4, 5, 6, 9.)

Въ такомъ же отношеніи находились обѣ Церкви до половины одиннадцатаго столѣтія; хотя отверженіе Фотія въ Римъ нисколько не подѣйствовало въ Константинополѣ, и имя его возносилось въ поминовеніяхъ, между Игнатіевымъ и Стефано-

вымъ, какъ видно на Соборъ, бывшемъ при Патриархъ Николаѣ и Императорахъ Василии и Константинѣ, въ послѣднихъ годахъ IX столѣтія. Въ Римъ же, гдѣ съ такою жестокостію осуждалъ Папа Николай его избраніе за то, что онъ поставленъ былъ изъ мірянъ, міряне въ отроческихъ лѣтахъ восходили на престолъ святительскій, какъ бы на царскій, по праву наслѣдства, какъ Іоаннъ XII, братъ Вонифатія VIII, которые оба были дѣти могущественнаго Графа Тускулумскаго, и какъ двѣнадцатилѣтній его племянникъ Вонифатій IX, поставленный также силою денегъ. Такъ смѣнялись властители Римскіе до воинственнаго Льва IX, который стараясь водворить порядокъ, хотя самъ однако выходилъ изъ онаго, сражаясь противъ Норманновъ, и взятый ими въ плѣнъ, принужденъ былъ разрѣшить ихъ отъ наложенной анаѣмы. (Ист. Флери кн. LVII, гл. 42. кн. LIX, гл. 3. 31.)

ВѢКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

I.

РАЗРЫВЪ ПАТРИАРХА МИХАИЛА КЕРУЛАРІЯ СЪ ЛЕГАТАМИ РИМСКИМИ.

Внутреннее управленіе Церкви, тѣсно связанное съ обстоятельствами внѣшними, постепенно облекалось на Западѣ въ свою исключительную форму, несвойственную Восточной, которая слѣдовала Апостольскимъ началамъ, въ отношеніяхъ клира и Епископовъ, между собою и съ свѣтскою властію; догматы и обряды богослуженія сохранились въ невредимой цѣлости на Востокѣ, ибо никто не дерзалъ самовольно ихъ касаться. Измѣненія же на Западѣ послужили поводомъ къ обличеніямъ, со стороны Патриарха Константинопольскаго Михаила Керуларія, который однако не выступилъ изъ предѣловъ своей церковной области, когда вмѣстѣ съ Архіепископомъ Болгарскимъ Львомъ, въ 1053 году, написалъ пространное посланіе къ Іоанну Епископу Транийскому, въ южной Италіи, касательно опрѣснокоевъ, употребляемыхъ Римлянами, вмѣсто хлѣба

на литургіи, и о пощеніи въ субботу и другихъ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ правилъ. (Ист. Флери кн. LX, гл. 2.)

Михаиль писалъ сіе, по духу любви и по ревности къ Церкви, желая вразумить паству, подчиненную престолу Цареградскому, (ибо еще въ 970 году, Патріархъ Поліевкть, съ согласія Императора Никифора, учредилъ архіепископію въ Отрантъ, подчинивъ ей пять епископій, и запретилъ богослуженіе на Латинскомъ языкѣ во всей Калабріи и Апуліи), писалъ же и для того, чтобы чрезъ Епископа Іоанна научились Западныя.—Письмо сіе переведено было, Кардиналомъ Епископомъ Гумбертомъ на Латинскій, и представлено Папѣ Льву, который написалъ пространнѣйшій отвѣтъ Михаилу, исполненный, вмѣстѣ съ желаніемъ согласія духовнаго, странныхъ порывовъ властолюбія; онъ упрекалъ, что Патріархъ, въ безумной слѣпотѣ своей, дерзнулъ осудить Апостольскую кафедру, которую никто изъ смертныхъ не можетъ судить, ибо, по Божественному опредѣленію Императора Константина въ пользу Папы Сильвестра, утвержденному вселенскимъ Соборомъ Никейскимъ, высшій престолъ будто бы сохранилъ себѣ сіе неотъемлемое право, и поставленъ во главу всѣхъ.—Къ сей нелѣпности присоединилъ онъ, для большаго удостоверенія, и выписку изъ подложнаго акта Константинова, всѣми признаваемаго нынѣ за вымышленный, дабы никто не сомнѣвался, писалъ Левъ, что земное владычество Римской кафедры не основано на басняхъ, ибо Константинъ находилъ, что неприлично тому, кому даровалъ Господь власть небесную,

быть подданнымъ власти земной, и потому сообщилъ ему не только могущество и достоинство Императорское, но и самое одѣяніе и приличныхъ сановниковъ.» (Кн. LVI, гл. 26. Concilior. T. 25, pag. 420.)

Не смотря на укоризненное посланіе Папы Льва, Императоръ Константинъ Мономахъ и Патриархъ Михаилъ Керуларій отвѣчали ему къ кроткихъ выраженіяхъ, ибо и самыя обстоятельства внѣшнія, и страшные набѣги Норманскіе въ Италиіи и Греціи, возбуждали къ миролюбивымъ сношеніямъ. То же побужденіе внушило Папѣ, находившемуся въ плѣну у Норманновъ, гдѣ въ скоромъ времени и скончался, отправить трехъ легатовъ въ Царьградъ, изъ коихъ старшій былъ Кардиналъ Гумбертъ, переводившій съ Греческаго посланіе Михаила. Описывая въ грамотѣ къ Императору бѣдственныя опустошенія Норманскія, Папа просилъ его помощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращенія достоянія Римской Церкви, находившагося въ его владѣніяхъ (подразумѣвая Болгарію, Иллирію и Италию, хотя и не называлъ ихъ); онъ сознавался, что каедрa Апостольская долгое время находилась въ рукахъ недостойныхъ наемниковъ, которые совершенно ее опустошили; жаловался также на Патриарха Михаила, за то что анаематствуетъ употребляющихъ опрѣсноки въ таинствѣ причащенія, и хочетъ будто бы подчинить себѣ престолы Александрійскій и Антиохійскій, (обвиненіе ни на чемъ не основанное, какъ можно судить изъ взаимныхъ писемъ Михаила и Патриарха Антиохійскаго Петра). Въ такомъ же смыслѣ писалъ

Папа и къ самому Михайлу, упрекая его, будто бы онъ новокрещенный въ вѣрѣ, не прошелъ по степенямъ церковнымъ, и хочетъ покорить другіе престолы, присвоивая себѣ титулъ вселенскаго, все сіе, какъ самъ выражался, по дошедшимъ до него слухамъ; наипаче же осуждалъ его за грамату противъ обрядовъ Латинскихъ, посланную имъ въ Апулію. (Кн. XX, гл. 4.)

Кардиналъ Гумбертъ, пришедши въ Константинополь, отвѣчалъ пространнѣе на сію грамату, оправдываясь противъ нареканій Восточныхъ, касательно пощенія въ субботу и опръсноковъ, и усиливаясь доказать, что ими самъ Спаситель пріобщилъ на вечери учениковъ своихъ. Съ своей стороны упрекалъ онъ Греческую Церковь, что преподаетъ тѣло и кровь Христову не отдѣльно, но вкупѣ и лжицею, когда Римская причащаетъ вѣрныхъ отдѣльно каждымъ видомъ таинства. (Что скажутъ нынѣшніе Римляне, вовсе не пріобщающіеся крови Христовой, когда еще въ XI вѣкѣ Епископъ ихъ обращалъ вниманіе и на такое незначительное обстоятельство при совершеніи литургіи?)—Еще болѣе нелѣпо упрекалъ онъ Православныхъ за то, будто они перекрещиваютъ Латинъ и зарываютъ въ землю остатки свхаристіи, и за то что дозволяютъ бракъ пресвитерамъ, и написалъ другое письмо, такого же содержанія, иноку Греческому Никитѣ, наполненное столь же странными и недоказанными обвиненіями. (гл. 6.)

Но самый замѣчательный актъ самонадѣянности Латинской есть отлученіе отъ Церкви, написанное легатами, противъ Михайла и его приверженцевъ,

которое они отважились положить сами на престолъ Софійскаго собора, въ присутствіи клира и народа, за то что Патріархъ не хотѣлъ лично говорить съ ними. Содержаніе сего акта мы почерпаемъ изъ источниковъ западныхъ, Баронія и Флери, и тѣмъ яснѣе обнаруживается нелѣпность:

»Мы были посланы, такъ выражались легаты, святою кафедрою Римскою въ сей царственный городъ, чтобы разпознать истину до нее дошедшихъ слуховъ, и мы нашли здѣсь много добра и много зла. Ибо что касается до столповъ государства, до мужей сановныхъ и мудрыхъ гражданъ, то градъ сей весьма Христолюбивъ и православенъ; что же касается до Михаила, неправильно называемаго Патріархомъ, и его послѣдователей, то ими разсѣвается ежедневно много ересей. Ибо они продаютъ дары Божіи, какъ Симоніане, дѣлаютъ евнухами своихъ причельцевъ, какъ Валезіане, и потомъ поставляютъ ихъ не только въ клирики, но и въ Епископы; подражая Аріянамъ, они церекрещиваютъ людей, крещеныхъ во имя Пресвятыя Троицы, особенно изъ Латинъ; подобно Донатистамъ они утверждаютъ, что внѣ Церкви Греческой нѣтъ болѣе въ мірѣ ни Церкви Христовой истинной, ни истиннаго крещенія; подобно Николаитамъ, дозволяютъ бракъ служителямъ алтаря; подобно Северіанамъ говорятъ, что законъ Моисеевъ проклятъ; подобно Македоніанамъ, они исключили изъ символа, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына; подобно Манихеямъ увѣряютъ, между прочимъ, что все квасное одушевлено; подобно Назореемъ соблюдаютъ очищенія жидовскія, не дозволяютъ

крещенія младенцевъ, умирающихъ прежде осьми дней, и причащенія родильницамъ, и не допускають къ своему общенію стригущихъ волосы и бороду, по обычаю Римской Церкви. Михаилъ, увѣщаемый письмами папскими, по случаю многихъ своихъ заблужденій и проступковъ, не обратилъ на то вниманія, и сверхъ сего, когда мы хотѣли прекратить зло разумными мѣрами, отказался насъ видѣть и слышать, и дать намъ церковь для совершенія литургіи. Какъ и прежде онъ заключилъ церкви Латинянь, называя ихъ опрѣсночными, преслѣдуя ихъ повсемѣстно и анаематствуя Апостольскую кафедру, и принявъ даже титуло вселенскаго Патріарха. Сего ради, властію Святыя Троицы, Апостольскаго престола, седми соборовъ и всей Католической Церкви, мы подписываемъ анаему, произнесенную Папою, и возглашаемъ Михаилу, неправильно Патріарху, новокрещенному, облеченному иноческаю одеждою, ради страха человеческого, и обезславленному многими преступленіями, и съ нимъ Льву, глаголемому Епископу Акридскому, и Константину сакелларію Михаила, поправшему ногами безкровную жертву Латинянь, имъ и всѣмъ ихъ послѣдователямъ,—анаема, со всѣми Симоніанами, еретиками, вышереченными и иными, съ дьяволомъ и ангелами его, если не обратятся, аминь, аминь, аминь»

Почти каждое слово сего невѣжественнаго акта есть или грубая ложь или несообразная нелѣпость, какъ о томъ можетъ судить всякій Православный, и какъ вѣроятно должна сознаться нынѣ и самая Римская Церковь, особенно въ нареканіи за сокра-

щеніе символа, и въ оскопленіи отроковъ и некрещеніи младенцевъ и проч.; однако же легаты дерзнули положить анаѳему всенародно на престолъ во время литургіи и отряхнувъ прахъ ногъ своихъ, воскликнули: «Господь да разсудитъ между нами!» и сіе вопреки не только всѣхъ правилъ, но даже и собственнаго ихъ писанія, ибо они сами говорятъ вначалѣ, что Папа велѣлъ имъ только разпознать истину, они же прямо произнесли отлученіе отъ Церкви, безъ всякаго суда, тогда какъ уже Папа Левъ три мѣсяца скончался и кафедра Римская не имѣла предстоятеля. Сверхъ того нареканія ихъ противъ Михаила не доказаны и о преступленіяхъ его выражаются они весьма глухо, также и о томъ, что будто онъ возведенъ на престолъ патриаршій не по степенямъ церковнымъ, изъ новокрещенныхъ.

Кедринъ, почти современный историкъ, говоритъ только, что послѣ Патріарха Алексія, возведенъ былъ Михаилъ Керуларій, жившій монахомъ съ тѣхъ поръ, какъ сильный при Императрицѣ Ѳеодорѣ, свнухъ Іоаннъ удалилъ его за уготованныя противъ него козни.» (Согр. Hist. Byzan. Cedr. T. 8, pag. 758.) И такъ это нареканіе весьма не ясно; о новокрещенномъ же состояніи нѣтъ ни слова, а видно что Михаилъ былъ не только давно крещенъ, но и монахъ. Замѣчательно, что ни у Кедрина, ни у Зонара и другихъ писателей, не сказано ничего, о ссорѣ его съ легатами и о ихъ проклятій, какъ о дѣлѣ, которое вѣроятно не произвело тогда сильнаго впечатлѣнія.

Предавъ же безвременно проклятію всѣхъ дерзающихъ принимать святыя тайны, отъ хулящихъ

обряды Латинскіе, они однако разстались мирно съ Императоромъ и признавали православными всѣхъ гражданъ, хотя разрывъ между обѣими Церквами совершился въ сію горестную минуту. Тщетно Михаилъ Керуларій убѣждалъ Императора возвратить ихъ для совѣщанія соборнаго.—Историки западные увѣряютъ, будто онъ хотѣлъ, подъ предлогомъ собора, умертвить легатовъ въ смятеніи народномъ, а Императоръ предвидя его замысль, велѣлъ имъ продолжать путь, за что будто бы Патріархъ возмутилъ народъ, принудилъ выдать себѣ переводчиковъ, бывшихъ при легатахъ, и искажилъ самый актъ отлученія, который вновь вытребовалъ Императоръ отъ легатовъ, уже съ дороги, и оказалъ свое неудовольствіе Патріарху. Но какая была бы нужда Михаилу исказить такое отлученіе, которое, самою негѣпостію своею, благопріятствовало ему, ибо заключало ложь въ каждомъ словѣ, и что иное могла бы принести ему смерть легатовъ, если не совершенное и правильное осужденіе, по законамъ гражданскимъ и духовнымъ? Римляне же продолжали бы оставаться при своихъ мнѣніяхъ противъ него и Церкви Восточной.

Что оставалось дѣлать Патріарху, послѣ столь безразсуднаго акта со стороны легатовъ, если не обличить ихъ негѣпость; онъ то и сдѣлалъ, поступивъ впрочемъ весьма осторожно, ибо не коснулся Папы, а только легатовъ.—Флери, основываясь на словахъ Льва Аллація, пишетъ, что Михаилъ собралъ въ палатахъ царскихъ десять Митрополитовъ и двухъ Архіепископовъ и составилъ слѣдующій отзывъ на актъ отлученія:

»Нечестивые люди, изшедшіе изъ мрака Запада, пришли въ сей благочестивый городъ, отколь источникъ православной вѣры излился по вселенной, и покусились исказить здоровое ученіе, различіемъ своихъ обрядовъ, дерзнувъ даже положить на святую трапезу грамату отлучительную противъ насъ и противъ тѣхъ, которые не увлекаются ихъ заблужденіями, укоряя насъ между прочимъ, что не брѣмъ бородъ подобно имъ, и сообщаемся съ женатыми пресвитерами, и что исказили символъ чуждыми прибавленіями.» Изъяснивъ на какомъ основаніи Восточная Церковь содержитъ сіи три предмета, Михаилъ продолжаетъ о самихъ легатахъ: »они давали видъ, будто пришли изъ Рима и посланы отъ Папы, но подлинно пришли сами отъ себя, по проискамъ Дукса Аргира, (сановника царскаго въ южной Италіи) и поддѣлали письмо отъ имени Папы, въ чемъ удостовѣрились мы, между прочимъ, по ложнымъ печатямъ. (Обвиненіе весьма важное и едва ли не справедливое, потому что не видно, чтобы, по возвращеніи легатовъ въ Римъ, пресмникъ Льва IX, Папа Викторъ II, и его ближайшіе наслѣдники, утвердили своимъ согласіемъ отлучительную грамату, брошенную на престолъ Софійскій.) И такъ, когда сіе писаніе, противъ насъ составленное, положено было на трапезу въ присутствіи чередныхъ иподіаконовъ, они хотѣли принудить ихъ взять оное обратно и сбросили на землю; мы же взяли грамату, чтобы произнесенныя хулы не были обнаружены и потомъ велѣли перевести съ Латинскаго.—А дабы такая дерзость не оставалась безнаказанною, мы жаловались Импе-

ратору, и поелику не болѣе одного дня протекло съ тѣхъ поръ, какъ оставили они городъ, Государь послалъ звать ихъ обратно. Но они не захотѣли предстать ни къ намъ ни на великій Соборъ, ниже дать какой либо отвѣтъ въ произнесенныхъ ими хулахъ, намѣреваясь не только поддержать написанное ими, но и приложить еще нѣчто, что передано было намъ и собору отъ имени Императора. Однако Государь, не желая принудить ихъ силою явиться, потому что были облечены достоинствомъ пословъ, ни оставить безнаказанною такую дерзость, прислалъ къ намъ грамоту слѣдующаго содержания:

»Разсмотрѣвъ все происходившее, убѣдился я, что источникъ зла произошелъ отъ Аргири и переводчиковъ; что же касается до сихъ странниковъ, подосланныхъ другими, то мнѣ нечего съ ними дѣлать; но я посылаю къ вамъ виновныхъ, наказавъ ихъ для примѣра другимъ. А грамота будетъ ссужена всенародно, по преданіи анаемъ тѣхъ, которые ее внушили, писали и обнародовали. Я также велѣлъ посадить въ темницу зятя Аргирова и сына его, чтобы наказать за сей подлогъ.»

Такое писаніе Патріарха весьма правдоподобно объясняетъ самое происшествіе, и нѣтъ никакой причины подозрѣвать, чтобы онъ хотѣлъ умертвить легатовъ и что Императоръ спасъ ихъ отъ ярости народной. Они сами, устранившись своего поступка, не дерзнули возвратиться и сложили вину на Михаила. Переписка его съ ученымъ и благочестивымъ Патріархомъ Антиохійскимъ Петромъ, и сего послѣдняго съ Архіепископомъ Аквилейскимъ, еще болѣе проливаетъ свѣта на обстоятельства горест-

наго разрыва, и показываетъ мнѣніе о томъ Восточныхъ первосвятителей, хотя обнаруживаетъ недостатокъ образованія въ Михаилѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много осторожности въ сношеніяхъ съ Римомъ, потому что ни онъ, ни Петръ Антиохійскій, ни Императоръ, не хотѣли нарушить древняго общенія Церкви.

Архіепископъ Аквилейскій Доминикъ, величая себя титуломъ патриаршимъ, писалъ къ Петру Антиохійскому, какъ къ святителю именитому на Востокъ; прося его пріязни и мнѣнія, касательно упрековъ Церкви Константинопольской, сдѣланныхъ Римскою о опрѣснокахъ, ибо желалъ сохрानить миръ церковный. Патриархъ отвѣтствовалъ ему въ ласковыхъ выраженіяхъ, но не преминулъ замѣтить: «что отъ дѣтства и до старости, пытался чтеніемъ священныхъ писаній, онъ однако никогда не слышалъ, чтобы Епископъ Аквилейскій назывался Патриархомъ; ибо, по Божественному опредѣленію, пять только Патриарховъ существуютъ во всемъ мірѣ, а именно: въ Римѣ, Константинополѣ, Александріи, Антиохіи и Иерусалимѣ; и еще одинъ только Антиохійскій собственно именуется Патриархомъ, потому что Римскій и Александрійскій называются Папами, а Константинопольскій и Иерусалимскій Архіепископами. Кромѣ того во вселенной есть области гораздо больше Венеціанской, которыя управляются однако Митрополитами и Архіепископами, какъ то Болгарія и Вавилонія, Херсона, и прочія на Востокъ; куда посылаютъ Каволикосовъ, имѣющихъ подъ собою Митрополитовъ.» Вотъ вѣрное изображеніе іерархіи церковной въ XI вѣкѣ, въ кото-

рѣмъ сравнены между собою Патріархи, и вовсе не упоминается о какомъ либо преимуществѣ Римскаго надъ другими. Петръ Антиохійскій, весьма правильно выражается о немъ, говоря, что вначалѣ своего святительства писалъ къ Папѣ грамоту общительную (по обычаю), и послалъ ее чрезъ богомольцевъ Иерусалимскихъ, но не получилъ отвѣта, а потому просилъ доставить ему копію оной, вмѣстѣ съ тою, какую писалъ къ Аквилейскому Епископу, дабы если Папа останется довольнымъ ея содержаніемъ, то соображался бы съ Восточными и всѣ бы соединились единодушно, для принесенія Богу одинаковой жертвы.» (И такъ не Восточные Патріархи повиновались Риму, а хотѣли, чтобы Римскіе соображались съ ними, ибо они сохраняли древніе каноны.) Касательно же опрѣсноковъ Петръ отвѣтствовалъ: »что напрасно Западные жалуются, будто Патріархъ Константинопольскій разсѣваетъ о нихъ дурную молву и отлучаетъ отъ общенія церковнаго; онъ весьма хорошо знаетъ, что вы православны и вѣруете подобно намъ въ Троицу и воплощеніе; но онъ огорчается, что вы разнствуете въ семъ единомъ предметѣ, и не приносите безкровной жертвы, какъ четыре Патріарха и вся прочая Церковь.» (кн. LX, гл. 11.)

Патріархъ Михаилъ писалъ также по сему предмету къ Петру Антиохійскому, объясняя смутныя обстоятельства: »услышавъ нѣсколько времени тому назадъ, отъ пришедшихъ изъ древняго Рима, о добродѣтели, благородствѣ и познаніяхъ Папы, нынѣ уже умершаго, я тогда же написалъ ему пространно и съ большимъ смиреніемъ, касатель-

но мира и согласія по нѣкоторымъ предметамъ, принимаемымъ Западными противно нашей вѣрѣ, какъ можешь увидѣть самъ изъ письма моего. Я имѣлъ цѣлю столько же приобрести самаго Папу, сколько получить, чрезъ его посредство, помощь отъ Франковъ противъ Италійскихъ Норманновъ, на коихъ озлобленъ былъ Папа, пользовавшійся большою довѣренностію при Императорѣ Генрихѣ. Грамату мою, вмѣстѣ съ императорскою, вручилъ я вестіарію, надѣясь, что онъ доставитъ ее вѣрно и принесетъ отвѣтъ; но сей сановникъ, прибывъ къ дуксу Итали Аргиру, былъ имъ обманутъ и вручилъ ему письма, подъ тѣмъ предлогомъ, что скорѣе доставитъ ихъ Папѣ. Между тѣмъ Аргиръ, какъ мы о томъ вѣрно извѣстились, будучи всегда дурно расположенъ къ государству, употребилъ деньги царскія въ свою пользу, съ грамотами же учинилъ хитрость. Онъ призвалъ къ себѣ людей преданныхъ ему, изъ коихъ одинъ былъ Епископъ города Амалфи, по законнымъ причинамъ изгнанный изъ сей церкви, и уже пять лѣтъ скитавшійся, другой же только съ именемъ Архіепископа, ибо не извѣстно, гдѣ была его епархія, кардиналъ Гумбертъ. Третьему далъ онъ титулъ канцлера Римской Церкви, чтобы употребить его для своихъ видовъ, какъ твердый оплотъ; потомъ, раскрывъ письмо мое, написалъ мнѣ отвѣтъ, будто бы отъ имени Папы, и коварно убѣдилъ принести его въ Константинополь.»

»Когда же они прибыли, то явились сперва къ Императору, съ чрезвычайною надмѣнностію въ осанкѣ, поступи и одѣяніи, которая еще болѣе

умножилась при посѣщеніи моихъ палатъ; ибо они не только не сказали мнѣ ни слова, но даже не наклонили головы и не хотѣли воздать обычнаго привѣтствія, или возсѣсть позади Митрополитовъ, бывшихъ со мною въ палатѣ. И что говорю я о себѣ? они не смирились даже и предъ Императоромъ, но взошли во дворець съ крестами и посохами въ рукахъ; мнѣ же довольствовались вручить только запечатанную грамоту и немедленно удалились; но внимательно разсматривая оную, прежде чѣмъ распечатать, я замѣтилъ, что печать подмѣнена, содержаніе же грамоты исполнено было лести и коварства, ибо въ ней заключалось все то, о чемъ Аргиръ часто говорилъ со мною, будучи въ Константинополѣ, особенно касательно опрѣсноковъ, что побудило меня отлучать его отъ Церкви даже до четырехъ разъ. Прошляю тебѣ копію съ письма моего къ Папѣ и переводъ Греческій съ его отвѣта, принесеннаго мнѣ сими нечестивыми, чтобы ты лучше узналъ истину. Коварство ихъ еще болѣе объяснилось, пришествіемъ сюда Архіепископа Трапійскаго, который все исполнилъ такъ, какъ я разсказалъ Императору.» (гл. 12.)

Все, что Патріархъ писалъ о семъ происшествіи, весьма походитъ на истину, и сходно съ дерзостію тѣхъ, которые отважились положить актъ отлученія на престолѣ Сойскій, и очень вѣроятно, что послѣ такого перваго посѣщенія Михаилъ не хотѣлъ болѣе ихъ видѣть. Молчаніе ближайшихъ пресвитеровъ Льва IX, касательно сихъ легатовъ, много свидѣтельствуетъ въ пользу предположеній Михаила, о коварствѣ Аргира, и какая

была бы нужда Патриарху оправдываться такъ предъ Святителемъ Антиохійскимъ, который не могъ имѣть никакого на него вліянія и сохранялъ съ нимъ общеніе, и прежде и послѣ. А что клиръ, дворъ и народъ, однимъ словомъ, вся Церковь Константинопольская, были на сторонѣ его, видно изъ того, что никто не возвысилъ противъ него голоса, самъ же Императоръ принужденъ былъ наказать переводчиковъ Латинскихъ.

Далѣе въ письмѣ своемъ къ Петру, Михаилъ сдѣлалъ ошибку, но только историческую, а не догматическую, говоря, что Папа Вигилій присутствовалъ на шестомъ, а не на пятомъ Соборѣ вселенскомъ. Весьма правдоподобно, что ошибку сію сдѣлалъ писецъ грамоты, какъ то замѣтилъ въ своемъ отвѣтѣ Святитель Антиохійскій, ибо довольно трудно чтобы Патриархъ не зналъ, кто былъ на Соборахъ, когда онъ описываетъ, за что именно отлучили Вигилія; ошибиться же въ цифрахъ гораздо легче, нежели въ смыслѣ. Онъ жаловался, что Антиохійскій и прочіе два Патриарха включили въ помянутое имя Папы Льва, когда послѣ Вигилія исключены были, въ Церквахъ Восточныхъ, имена Папъ, что впрочемъ могло случаться только по временамъ, судя по тому, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою предводители кафедръ Римской и Цареградской. Обвиненія же противъ Латинянъ въ письмѣ Михаила, за опрѣсноки и другія отступленія отъ древнихъ правилъ, гораздо справедливѣе, нежели то, въ чемъ обвиняли легаты Греческую Церковь, а именно: Патриархъ осуждалъ ихъ за употребленіе удавленныи и крови въ пищу, вопреки

Апостольскаго устава, въ соблюденіи поста въ субботу вмѣсто среды, въ послабленіи образа пощенія, въ запрещеніи брака пресвитерамъ и разрѣшеніи онаго, въ нѣкоторыхъ близкихъ степеняхъ родства, мірянамъ, въ крещеніи однимъ погруженіемъ вмѣсто трехъ, а наипаче въ приложеніи къ символу словъ «и отъ Сына,» и въ томъ, что ихъ Епископы, носящіе кольца въ залогъ обрученія своего съ Церковію, выходятъ на брань, какъ воины, и проливаютъ кровь къ погубленію души своей, и сверхъ того, что посланные съ Запада хотятъ всѣхъ учить и принудить принять ихъ мнѣніе.

Патріархъ Антиохійскій отвѣчалъ Михаилу, съ необычайною умѣренностію и благоразуміемъ, и грамота его могла бы служить руководствомъ для обѣихъ каедръ, въ обстоятельствахъ столь смутныхъ. Онъ извѣщалъ, что во времена Іоанна Антиохійскаго, еще на его памяти, имя Папы находилось въ помянникѣ, и что за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, когда самъ посѣтилъ Константинополь при Патріархѣ Сергій, поминалось имя Папы Іоанна съ прочими Патріархами.—Какимъ же образомъ и по какимъ причинамъ исключено было не знаетъ; впрочемъ полагалъ, что Михаилу не должно слишкомъ заботиться о семъ предметѣ. Обстоятельство сіе показываетъ, что и во время общенія, имя папское поминалось въ церквахъ, наравнѣ съ прочими Патріархами, а иногда и опускалось безъ различія; и не въ одномъ Константинополь, слѣдственно безъ всякой мысли о утвержденіи единства церковнаго на каедрѣ Римской. (гл. 13.)

Патріархъ выражался, касательно злоупотребленій

Римскихъ, описанныхъ ему Михаиломъ, что по его мнѣнію должно избѣгать нѣкоторыхъ, исправить иныя и умолчать о прочихъ; »ибо что намъ до того, что ихъ Епископы брѣютъ бороды и носятъ кольца въ залогъ обрученія съ Церковію; мы сами дѣлаемъ себѣ гуменцо на головѣ въ честь св. Петра, и носимъ золото на одеждахъ. Что же касается до нечистыхъ яствъ и мяса, употребляемаго ихъ монахами, то и наши иногда то же творять, и не должно гнушаться никакимъ твореніемъ Божиимъ, но всякое принимать, только съ благодареніемъ;» онъ предлагалъ въ примѣръ великаго Пахомія, который кормилъ свиней для приходящихъ странниковъ, больнымъ же инокамъ давалъ въ пищу ноги и внутренность. Но самое великое зло и достойное анаемы есть приложеніе къ символу словъ »и отъ Сына,» и Петръ распространялся о семъ предметѣ, какъ наиважнѣйшемъ. »Однако, продолжалъ Петръ, мы должны обращать вниманіе на благое намѣреніе, и если не въ опасности вѣра, то склоняться болѣе къ миру и любви братской, ибо и они суть братія наши, хотя часто грѣшатъ по грубости и невѣжеству. Не лзя искать одинаковаго совершенства у варварскихъ народовъ, какъ у насъ, съ дѣтства воспитанныхъ въ чтеніи Св. Писанія; довольно уже если они сохраняютъ издревле ученіе о Троицѣ и воплощеніи.» И такъ вотъ какими разумѣлъ Святитель Антіохійскій Римлянъ и вообще всѣхъ Западныхъ, а не учителями и предводителями въ вѣрѣ, и могло ли быть иначе послѣ полутора вѣкова неуройства Римской Церкви.

»Однако же мы не одобряемъ, что они запре-

щаютъ пресвитерамъ, имѣющимъ законныхъ женъ, прикасаться къ святынѣ, и что не соблюдаютъ постовъ подобно намъ; о опрѣснокахъ же я достаточно говорилъ прежде, и древніе обычаи должны соблюдаться. Что касается до употребленія въ пищу давленины, и до браковъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами, не думаю, чтобы Папа и Епископы сіе разрешали; но это быть можетъ частные примѣры, какъ и безъ нашего вѣдома случается въ имперіи. Мы оставляемъ безъ вниманія собственныя злоупотребленія, тщательно вникая въ чужія.»

»Ты хорошо поступишь, если будешь наставлять о символѣ, и о бракѣ пресвитеровъ, прочее же можно оставить, а можетъ быть еще большая часть нареканій несправедлива и мы не должны легко вѣрить клеветамъ. И такъ ты долженъ написать къ будущему Папѣ, когда оный изберется, а можетъ быть онъ еще скажетъ въ свое оправданіе, что сіи обвиненія ложны и можно ли вѣрить напримѣръ: чтобы они не почитали святыхъ мощей, когда столько гордятся тѣмъ, что у себя имѣютъ тѣлеса Петра и Павла? и какъ говорить, что не уважаютъ иконъ, когда Папа подписалъ седьмой вселенскій Соборъ и проклялъ иконоборцевъ?» (Мнѣніе сіе могло произойти отъ того, что на Западѣ долгое время многіе не принимали сего Собора, исключая однихъ Папъ.) »И такъ я повергаюсь мысленно къ стопамъ твоимъ, и умоляю: быть снисходительнѣе, дабы желая возставить падшее, не сдѣлать тяжелѣе самаго надеянія, тѣмъ болѣе, что отъ долгаго несогласія, между нашею Церковію и столь великою кафедрою, произошли многія бѣдствія. Я бы полагалъ, что если

они исправятъ свое приложеніе къ символу, не должно ничего отъ нихъ болѣе требовать, и можно оставить даже безъ вниманія вопросъ объ опрѣсноксахъ. Умоляю тебя, согласишься на сіе мнѣніе, дабы твѣя всего, не лишиться всего.»

И такъ вотъ на какихъ условіяхъ Церковь Православная хотѣла опять принять въ свое общеніе Римскую, которая все болѣе и болѣе отъ нее отдѣлялась, во время продолжительныхъ своихъ неурядицъ, когда не только нарушила всякую связь, но и допустила многія измѣненія внутри себя, еще болѣе умножившіяся въ крестовые походы. Отъ сего охлажденія ея и частный разрывъ легатовъ съ Патріархомъ Михаиломъ, хотя и не имѣлъ дѣйствительныхъ формальныхъ послѣдствій, однако произвелъ нарушеніе взаимнаго согласія и отпаденіе цѣлаго Запада отъ всеенскаго единства, какъ увидимъ изъ послѣдующаго хода исторіи среднихъ вѣковъ.

II.

ПАПА ГРИГОРІЙ VII.

Еще Папа Стефанъ IX, второй послѣ Льва, отправилъ отъ себя трехъ легатовъ въ Царьградъ, въ 1052 году, съ дружественными грамотами къ Императору, но они возвратились съ пути, услышавъ о его смерти. При его преемникѣ Николаѣ II, духъ Гильдебранта, архидакона Римской Церкви, будущаго Григорія VII, уже началъ оказываться; ибо онъ оградилъ, соборнымъ постановленіемъ, избраніе Папъ отъ всякаго чуждаго вліянія, вопреки правъ императорскихъ, предоставивъ оное однимъ кардиналамъ его кафедръ: однако на семъ Соборѣ, какъ и на послѣдующемъ, не касались происшедшаго разрыва легатовъ съ Патріархомъ Михаиломъ. Послѣ Николая, Папа Александръ II, посылалъ также легата своего въ Константинополь, который провель тамъ около года, при Патріархѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ; что показываетъ миролюбивое расположеніе обвѣхъ кафедръ. (Ист. Флери кн. LX, гл. 24, 31.)

Скоро воцарился и самъ Гильдебрантъ, подъ именемъ Григорія VII, и съ тѣхъ поръ требованія Первосвященниковъ Римскихъ сдѣлались столь

неумѣренны, дѣйствительное же могущество ихъ столь необъятно, что Восточная Церковь, по необходимости, должна была для нихъ казаться отторгнутою отъ Западнаго единства, когда только защищала свои права и независимость, на основаніи вселенскихъ постановленій и древнихъ обычаевъ. (Флери кн. LXI, гл. 44.)

Духовная власть Григорія, провозглашавшая и низлагавшая Императоровъ и Королей, требовавшая ихъ покорности, какъ бы отъ данниковъ или подданныхъ Римскаго престола, до такой степени нарушала всякую церковную и гражданскую свободу, что даже Римскіе историки сознаются, что она выходила изъ должныхъ предѣловъ и почти уничтожала всѣ права Епископовъ и Церквей, отъ коихъ настоятельно домогалась совершенной покорности. Всѣ Патріархи (разумѣется не Восточные) и Архіепископы принуждены были присягать въ повиновеніи Первосвятителю, который только себя одного воображалъ облеченнымъ полнотою духовной власти, преподаваемою имъ въ разныхъ степеняхъ прочимъ Святителямъ. Слишкомъ распространенное право, перенесенія дѣлъ къ Римской кафедрѣ, укоренялось болѣе и болѣе, рѣшенія оной почитались непогрѣзительными и отъ нея зависѣли назначеніе и утвержденіе Епископовъ; верховная же власть Папъ не ограничивалась, ни какимъ Соборомъ вселенскимъ, ни какимъ обычаемъ или закономъ. Отсель всѣ неповинующіеся его велѣніямъ, или не бывшіе въ общеніи съ кафедрою Римскою, почитались схизматиками и еретиками, и потому главное и единственное условіе всякаго возвращенія

въ лоно Церкви была покорность ея верховному Епископу. Григорій VII, положилъ прочное основаніе сему самовластию, усилившемуся въ среднихъ вѣкахъ. (Palmer a treatise on the Church. vol. 1. p. 196.)

Онъ не только былъ уврѣнъ, что вообще власть свѣтская должна быть подчинена духовной, но даже предполагалъ имѣть особенныя права на всѣ государства, какъ явствуетъ изъ его писемъ. Во первыхъ Григорій почиталъ однимъ изъ преимуществъ своей катедры располагать внѣшней императорскимъ по произволу, и потому въ актахъ своихъ никогда не ставилъ, по древне принятому обычаю, имени Императоровъ Западныхъ, но только годъ своего святительства; отъ новоизбираемаго же Короля Германскаго требовалъ присяги, какъ отъ васалла, и совершеннаго во всемъ повиновенія. Саксонію, покоренную Карломъ великимъ, почиталъ достояніемъ святаго Петра, якобы по завѣщанію сего Государя. Легатамъ своимъ во Франціи поручилъ, чтобы они съ каждаго дома приказывали вносить ежегодную подать святому Петру, если хотятъ признавать его по древнему обычаю своимъ пастыремъ, въ чемъ ссылался также на подложныя постановленія Карла великаго. Съ Англіи собиралъ дань; но отказъ въ вѣрноподданнической присягѣ, Короля Вильгельма, сильно его раздражилъ. Королю Датскому напоминалъ, что онъ обѣщалъ будто бы вручить себя и царство святому Петру, и предлагалъ, одному изъ сыновей его въ даръ, какую либо изъ областей, принадлежащихъ еретикамъ. (Ист. Флери кн. LXIII, гл. 11.)

О Испаніи отзывался въ своихъ письмахъ, что прежде нападенія на нее Сарациновъ, она принадлежала святому Петру, и лучше желаетъ, чтобы она принадлежала невѣрнымъ, нежели Христіанамъ, непризнающимъ себя подданными Апостольской кафедрѣ. Въ Сардиніи повелѣвалъ удовлетворять правамъ святаго Петра, съ угрозами грядущихъ бѣдствій за непослушаніе; ибо многіе народы предлагали ему уступить имъ сію область, обѣщая вознаграждать за такой даръ.—Епископу Сардинскому велѣлъ обрить бороду, по обычаю Римской Церкви, соблюдаемому будто бы отъ самаго начала Христіанства, и заповѣдывалъ обычай сей всему клиру, подѣ страхомъ лишенія имуществъ за непослушаніе. Королю Венгерскому напоминалъ Григорій, что его государство издревле было предано святому Петру отъ властителей, и за нарушеніе такого подданства утраченъ былъ ими вѣнецъ; Далматія же будто бы искони принадлежала кафедрѣ Апостольской. Даже на отдаленную Россію простеръ свои притязанія честолюбивый Григорій, изъясняя въ грамотѣ къ Великому Князю Изяславу, будто сынъ его, посѣщая святыя мѣста Римскія, объявилъ, что хочетъ посвятить царство свое святому Петру, и принять оное обратно въ даръ отъ руки первосвященителя; Папа присовокумлялъ, что исполнить столь справедливое прошеніе.

Григорій, строгими узаконеніями, упрочилъ навсегда въ Западной Церкви безбрачіе клириковъ и запретилъ богослуженіе на иномъ языкѣ, кромѣ Латинскаго, вопреки разрѣшенія, даннаго за двѣсти лѣтъ до него, Папою Іоанномъ VIII, Славянамъ,

чѣмъ еще болѣе умножилъ причины разрыва церковнаго между Западомъ и Востокомъ. Но самъ онъ такъ былъ занятъ, возмущеніями собственной столицы противъ него и распрєю съ Императоромъ Генрихомъ IV, котораго низлагалъ будучи низлагаемъ взаимно, что не имѣлъ времени заняться Восточною Церковію, съ кою и не входилъ въ прямыя сношенія, во все время своего правленія.

Второй его преемникъ Урбанъ II, двигатель крестовыхъ походовъ, имѣлъ рѣшнѣе съ Греками о исхожденіи Святаго Духа, въ 1098 году, на маломъ соборѣ въ городѣ Баръ, куда не задолго были перенесены мощи чудотворца Николая, изъ Муръ-Ликійскихъ. Ансельмъ, Архіепископъ Британскій, котораго Папа называлъ отцемъ своимъ и владыкою, говорилъ за него, и отвергавшіе исхожденіе Духа Святаго, отъ Сына, впервые были тогда преданы анаемѣ, вопреки правилъ вселенскихъ Соборовъ, запрещавшихъ всякое измѣненіе въ символѣ. Однако Соборъ сей былъ слишкомъ незначителенъ, и потому не могъ имѣть вліянія на отношенія Запада и Востока. Напротивъ того мы видимъ изъ исторіи, что Патріархъ Іерусалимскій Симеонъ писалъ къ Папѣ, чрезъ Петра пустынника, прося покровительства противъ невѣрныхъ; а крестоносцы, проходя чрезъ Константинополь, не совсѣмъ чуждались Грековъ; въ Антиохіи же освободили изъ темницы Патріарха Іоанна, мучимаго Сарацинами, и возстановивъ его съ честію на кафедрѣ, не рѣшились назначить другаго Патріарха, вопреки каноновъ, запрещающихъ двухъ Епископовъ въ одной Церкви; онъ оставался до произвольнаго удаленія

въ Константинополь, уже два года спустя, когда увидѣлъ, что ему трудно управлять людьми Латинскаго обряда. Если же въ Иерусалимѣ поставили Патріарха Латинскаго на мѣсто Симеона, то потому только, что онъ находился тогда въ отсутствіи, да и Латинскіе Патріархи, два вдругъ, овладѣли каедрою Иерусалимскою, по распрямъ крестоносцевъ, но легатъ папскій Даймбертъ возымѣлъ верхъ надъ соперникомъ. Съ тѣхъ поръ Папы властно стали мѣшаться въ дѣла управленія Патріарховъ Иерусалимскаго и Антиохійскаго, и вражда крестоносцевъ противъ Греческой имперіи послужила въ XII вѣкѣ къ довершенію разрыва. (Ист. Флери кн. LXIV, гл. 31, 58, 59, 67.)

ВѢКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Однако и въ теченіи онаго еще случались миролюбивыя сношенія, между Константинополемъ и Римомъ.—Въ 1115 году Императоръ Алексій Комнинъ, услышавъ о насильственныхъ поступкахъ Императора Генриха V, противъ Папы Пасхалія II, отправилъ къ нему посольство для предложенія защиты, съ тѣмъ, чтобы Папа вѣнчалъ его самаго или сына его, вѣнцомъ императорскимъ въ Римѣ,

и Римляне готовились отправить къ нему для почетной встрѣчи до 600 гражданъ, но путешествіе сіе не состоялось, и Флери, основываясь на современныхъ лѣтописяхъ, полагаетъ, что Алексій постоянно былъ въ общеніи съ Римскою Церковію, судя по его грамотамъ къ Папамъ Урбану и Пасхалию, не смотря на распри съ крестоносцами. На Латеранскихъ соборахъ, бывшихъ въ теченіи сего вѣка, которые на Западѣ почитаются Вселенскими и на коихъ присутствовали иногда посланцы изъ Царьграда, отнюдь не касались также вопроса о разрывѣ церковномъ, какъ будто оный не существовалъ, хотя дѣйствительно давно уже не было единства духа между Западомъ и Востокомъ. (Ист. Флери кн. LXVI, гл. 16, 52; кн. LXXIII, гл. 19; кн. LXVII, гл. 31.)

Замѣчательно однако сужденіе одного философа Греческаго, пришедшаго въ числѣ посланниковъ изъ Царьграда къ Императору Клотарію, въ 1137 году. Осуждая Западную Церковь и особенно Римскую кафедру, онъ говорилъ: что Папа болѣе Государь, нежели Епископъ, и весь клиръ Римскій отлученъ отъ Церкви, за опрѣсноки и за приложеніе къ символу; тамъ исполняются надъ ними слова Пророческія; (Иса. XXIV, 2.) «священникъ будетъ въ нихъ яко народъ,» ибо Епископы ихъ ходятъ на брань, по примѣру Папы Иннокентія II, собираютъ войска, раздають имъ жаждущимъ и носятъ багряницу. Посему возникло дѣльце между философомъ и Латинянами, описаніе коего онъ отправилъ въ Патріарху Льву въ Константинополь. (Кн. LXVIII, гл. 40.)

И въ 1149 году Папа Евгений III, получивъ изъ Царяграда, чрезъ пришедшаго къ нему Епископа, посланіе Греческое, въ коемъ изложены были спорные предметы, между Восточною и Западною Церковью, просилъ Ансельма, Епископа Саксонскаго, бывшаго нѣкогда посланникомъ Императора Клотарія въ Царьградъ, извѣстить его о прѣніяхъ, какія онъ тамъ имѣлъ съ Греками. Ансельмъ отвѣтствовалъ, что Императоръ Кало-Іоаннъ и Патріархъ назначили ему общенародное прѣніе, съ Архіепископомъ Никомидійскимъ Никитою, который, послѣ многихъ разсужденій, о исхожденіи Духа Святаго, будто бы съ нимъ соглашался, но говорилъ, что не лзя рѣшить столь важнаго предмета безъ вселенскаго Собора; о первенствѣ же Римской Церкви выразился такимъ образомъ: (Кн. LXIX, гл. 42.)

»Мы не отказываемъ ей въ первенствѣ между ея сестрами, т. е. патріаршими Церквами, и мы дозволяемъ ей предѣдать на Соборахъ вселенскихъ; но она отдѣлилась отъ насъ своею надмѣнностію, когда, выступивъ изъ своихъ предѣловъ, раздѣлила имперію и вмѣстѣ Церкви Запада и Востока. Когда созываетъ безъ насъ Соборы изъ Епископовъ Западныхъ, они должны съ уваженіемъ принимать и соблюдать правила, устанавлиаемыя съ ихъ согласія и совѣта, но для насъ, хотя мы и не имѣемъ раздѣленія въ вѣрѣ съ Римскою Церковью, какъ могутъ быть пріемлемы каноны, изданные безъ вѣдома нашего? Ибо если Папа намѣренъ посылать намъ указы, гремя съ высоты своего престола, судить и рядить наши Церкви, безъ нашего совѣта, только по своей прихоти, то гдѣ же тутъ

братство, или даже отчество? Мы были бы рабами, а не чадами Церкви! И если бы надлежало нести столь тяжкое иго, то одна бы Римская Церковь пользовалась желанною ей свободою и давала бы законы всѣмъ прочимъ, не подчиняясь сама никакому закону; къ чему же служило бы намъ тогда знаніе Св. Писанія? къ чему разумъ? Одна власть папская, которая по словамъ вашимъ свыше всѣхъ человѣковъ, дѣлаетъ все сіе тщетнымъ; Папа будетъ единымъ Епископомъ, единымъ учителемъ, единымъ пастыремъ., который дастъ отвѣтъ Богу за стадо, ему единому ввѣренное. Если же хочетъ имѣть работниковъ, которые бы вмѣстѣ съ нимъ трудились въ вертоградъ Господнемъ, пусть сохраняетъ свое первенство, не презирая братій, возрожденныхъ Исусомъ Христомъ въ лоно Церкви, не для рабства, а для свободы; ибо всѣ мы, по словамъ Апостола, должны предстать на судилище Христова; всѣ, говоритъ онъ, не исключая и Папы, и его самаго, хотя былъ Апостоль. Посему не находимъ мы ни въ какомъ символѣ, что должно исповѣдывать въ частности Церковь Римскую, но Церковь святую, соборную, Апостольскую. Вотъ что говорю я о Римской Церкви, которую вмѣстѣ съ вами уважаю; но не полагаю, какъ вы, должнымъ необходимо ей во всемъ слѣдовать, ни оставлять наши обряды для ея обрядовъ, не повѣривъ оныя прежде разумомъ и властію Писанія священнаго, и идти за нею слѣпо, закрывъ глаза, повсюду, куда только заблагоразсудить вести по собственному ея разумнію. Мудрымъ между Греками и Латинами подобаетъ разсудить, полезно ли и честно ли было намъ такъ дѣйствовать.»

Кажется невозможно было сказать ничего скромнѣе и благоразумнѣе, однако Ансельмъ, раздраженный противорѣчіемъ, перебилъ рѣчь Архіепископа, говоря: «если бы вы знали, какъ я, вѣру, искренность, правосудіе, смиреніе, мудрость, осторожность, любовь ко всему міру Римской каедрѣ, и особенно ея точность, въ разборѣ дѣлъ церковныхъ, и свободу въ судахъ, вы бы не говорили такимъ образомъ, но присоединились бы къ ея общенію и покорились ей.»—Такой отзывъ особенно замѣчательнъ, послѣ всѣхъ ужасовъ, которые опозорили Римскую каедрѣ въ X, XI и XII вѣкѣ, и служить лучшимъ оправданіемъ словъ Никиты и вмѣстѣ справедливою укоризною Риму.

Въ 1155 году были опять нѣкоторыя мирныя сношенія между Западомъ и Востокомъ, по случаю предложенія помощи Императоромъ Мануиломъ Императору Фридриху и Папѣ, противъ Роберта Сицилійскаго. Папа Адріанъ IV, писалъ къ Архіепископу Василю Фессалоникійскому, отправляя легатовъ въ Константинополь, чтобы онъ старался о соединеніи Церквей, и Василій отвѣтствовалъ: «что нѣтъ раздѣленія между ними и Латинами; если же и существуютъ нѣкоторыя причины соблазна, которыя отдалили ихъ другъ отъ друга, то святыня ваша можетъ легко ихъ упразднить, по обширности своей власти и съ помощію благонамѣреннаго Императора. Зачѣмъ же, уподоблять насъ заблудшей овцѣ или утраченной драхмѣ? отрицаемъ будто бы мы отпали отъ лона твоего отеческаго, и не чуждаемся ни сыновняго имени, ни отеческихъ заботъ; ибо по милости Божіей, вѣрно и твердо

стоимъ въ исповѣданіи блаженнаго Петра, исповѣ-
 дую и проповѣдую Того, кого онъ исповѣдалъ и
 проповѣдалъ, ничего не измѣняя въ постановле-
 ніяхъ святыхъ Отцевъ и ни единой іоты не при-
 бавляя къ словамъ Евангельскимъ и Апостольскимъ.
 Не знаемъ также инаго основанія, кромѣ положен-
 наго, и то же съ тобою возвѣщаемъ и учимъ, какъ
 я, такъ и всѣ поддежащіе великому Апостольскому
 престолу Константинопольскому. Единый въ обѣихъ
 Церквахъ возглаголется символъ вѣры, единый при-
 носится агнецъ, какъ у Западныхъ святителей, ко-
 торые подъ твоею верховною святынею священ-
 подѣйствуютъ, такъ и у насъ, отъ востокъ солнца,
 пріившихъ святость священства отъ высочайшаго
 престола Константинопольскаго.»—И Петръ, досто-
 почтенный аббатъ Клунійскій, прославленный свя-
 тостію жизни и ученіемъ на Западъ, писалъ гра-
 маты къ Императору Іоанну Комнину, о покрови-
 тельствѣ Франковъ на Востокъ, напоминая, что
 родитель его пожаловалъ монастырь близъ Царь-
 града одному пріорату западному, захваченный съ
 тѣхъ поръ чужими, и о томъ же писалъ къ Па-
 триарху, величая его: «достоуважаемымъ и великимъ
 Святителемъ Воимъ, съ коимъ хранить общеніе
 въ единствѣ вѣры и любви, и коего молитвъ и за-
 ступленія просить себѣ и всему братству Клуній-
 скому, предлагая и ему взаимно тѣ же духовныя
 пособія.» И такъ еще не было тогда совершеннаго
 разрыва. (Флери кн. LXX, гл. 44, 49. Palmer vol
 1. pag. 191, 192.)

Около половины сего столѣтія явилось соб-
 раіе законовъ церковныхъ нѣкоего монаха Гра-

ціяна, составленне изъ отрывковъ святыхъ Отець, и папскихъ декреталій, которыя нынѣ признаются ложными самими Римлянами, хотя онѣ служили одною изъ первыхъ опоръ честолюбивымъ замысламъ ихъ первосвятителей. Папа Евгенийъ III утвердилъ сіе твореніе Граціана и велѣлъ преподавать по оному право церковное, такъ что въ теченіи трехъ послѣдующихъ вѣковъ, было единственнымъ руководствомъ для всего Запада. Вотъ какъ говорилъ Граціанъ: «Святая Римская Церковь утверждаетъ каноны, но не связана ими и не покоряется имъ сама. Какъ Иисусъ Христосъ, давшій законъ, исполнилъ его, чтобы освятить собою, и потомъ, чтобы показать, что онъ есть владыка закона, оставилъ его и освободилъ отъ него своихъ Апостоловъ; такъ и святители перваго престола, уважаютъ каноны, изданные ими или другими съ ихъ согласія, и исполняютъ ихъ по смиренію, дабы другіе ихъ исполняли, но иногда показываютъ своими рѣшеніями, или примѣрами, что они свѣше канонѣвъ отъ нихъ проистекающихъ.» Желательно бы знать, на какихъ вселенскихъ Соборахъ утверждены такіа преимущества Римской катедры, и на какихъ Евангельскихъ словахъ они основаны?—Папы, узаконившіе сіи противузаконныя правила, не явно ли нарушали сами всякое общеніе съ тѣми, которые держась древняго православія, не хотѣли имъ покориться, потому что не могли дѣйствовать вопреки своей совѣсти и канонамъ. Впрочемъ долготѣнія и кровопролитныя распри Папъ съ Императорами Западными, о преимуществахъ власти, и внутреннїа смятенїа искателей Римской катедры,

между коими раздѣлялись Государи Европейскіе, занимали Епископовъ древняго Рима, въ теченіи сего вѣка и послѣдующихъ, отвлекая отъ истинной духовной цѣли Христіанства.—Еще продолжались однако иногда дружественныя сношенія, между Римомъ и Царьградомъ, и Императоръ Мануиль благопріятствовалъ Папѣ Александру III, гонимому Императоромъ Фридрихомъ, такъ, что Греки говорили даже, будто ихъ Государь возстановилъ его на каедрѣ; Мануиль послалъ Митрополита Корцирскаго Георгія и потомъ игумена Нектарія, присутствовать на Соборѣ Латеранскомъ. Самъ онъ былъ женатъ на дочери князя Антиохійскаго, Раймунда, что показываетъ, что еще тогда Греки и Латины не чуждались между собою общенія брачнаго, не смотря на разрывъ церковный, и Вильгельмъ Латинскій Архіепископъ Тира, проѣзжая чрезъ Царьградъ, во время кончины Мануила, писалъ, что душа его примется конечно на небо, и благословенна его память. Но уже политическая вражда между Греками и Франками была столь велика, отъ частыхъ войнъ имперіи съ крестоносцами, что многіе изъ нихъ были умерщвлены яростною чернію въ Константинополь, по смерти Мануила, и спасшіеся изъ числа Франковъ желали отмстить за то Грекамъ. Все сіе показываетъ, что одною изъ важныхъ причинъ совершеннаго отчужденія Запада и Востока было вооруженіе крестоносцевъ, проходившихъ чрезъ Византійскую имперію, и наконецъ овладѣвшихъ ею, вѣроломнымъ взятіемъ Царьграда. Патріархи Антиохіи и Іерусалима, изгнанные изъ своихъ епархій Франками, жили тогда въ Царь-

градъ, и обладаніе Сиріи крестоносцами было для нихъ столь же тягостно, какъ и самое иго Турецкое; самъ Патріархъ Константинопольскій, бывшій при Императорѣ Мануилѣ, Михаилъ Анхіаль, не съ удовольствіемъ видѣлъ такое сближеніе Императора съ Папою, и отсовѣтовалъ ему принять предлагаемое легатами соединеніе, весьма благоразумно говоря: что легаты, подѣ предлогомъ единства, ничего инаго не домогаются отъ Греческой Церкви, какъ признанія первенства Папы и права на аппелляцію къ нему, вмѣстѣ съ возношеніемъ имени его въ поминавленіяхъ. (Флери кн. LXX, гл. 28; LXXI, гл. 35, 53; LXXIII, гл. 19, 32, 42. Palmer. a Treat. of the Church. T. 1. p. 197.)

ВѢКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

I.

Взятіе Царяграда Крестоносцами.

Тринадцатый вѣкъ былъ одинъ изъ тягостныхъ для Церкви Православной, по случаю крестовыхъ походовъ, разорившихъ столицу имперіи Греческой, и отъ покушеній Римскихъ покорить себѣ Востокъ, ибо это было самое цвѣтущее время са-

модержавія Папъ. Иннокентій III и Вонифатій VIII, стоять въ началѣ и въ исходѣ вѣка сего, какъ представители высшей власти, до которой могли достигнуть: Иннокентій былъ двигателемъ всей Европы и распорядителемъ Востока, куда, послѣ покоренія Царьграда крестоносцами, поставлялъ Патріарховъ; Вонифатій рѣшился издать буллу такого содержания: «мы исповѣдуемъ Церковь единую святую Апостольскую, внѣ которой нѣтъ спасенія, признаемъ также, что она есть единственная, т. е. единое тѣло, имѣющее единую главу, а не двѣ, подобно чудовищу. Сей единый глава есть Иисусъ Христосъ, и св. Петръ его намѣстникъ и наследникъ св. Петра. Если же Греки или другіе говорятъ, что они не подчинены его преемнику, то чрезъ сіе самое сознаются, что они не суть овцы Христовы, ибо онъ самъ сказалъ, что едино стадо и одинъ пастырь.» (Ничего подобнаго однако сему новому исповѣданію, не встрѣчается ни въ первые вѣка, ни въ символахъ вселенскихъ Соборовъ, хотя они исповѣдуютъ также единую Апостольскую Соборную Церковь.) Вонифатій далѣе разсуждаетъ о двухъ мечяхъ, свѣтскомъ и духовномъ, и о двухъ соотвѣтствующихъ имъ властяхъ, изъ коихъ первая должна покориться второй, ибо человекъ духовный судить все и никто его не можетъ судить. »И такъ, кто противится его власти, противится Богу и вводитъ, подобно Манихеямъ, два начала, что совершенно ложно и исполнено ереси. Почему объявляемъ и опредѣляемъ, что необходимо для спасенія всѣхъ, чтобы всякая тварь была подвластна Папѣ.» (Ист. Флери кн. XXX, гл. 60.)

XC - 96 18

Вотъ до какого безумія можетъ достигнуть отступленіе отъ древняго чиноначалія церковнаго, учрежденнаго Господомъ и его Апостолами. Любопытно видѣть, какъ самые приверженцы Западной Церкви судили о тогдашнихъ притязаніяхъ ея Первосвятителей и вообще всѣхъ Епископовъ, непрестанно спорившихъ съ властителями мірскими. »Подобныхъ состязаній, говоритъ Флери, не встрѣчается въ Греческой Церкви, потому что ихъ Епископы не имѣли власти и должностей мірскихъ, ни обладавша, и не знали ложныхъ декреталій папскихъ и проистекшихъ отъ того новыхъ постановленій Латинской Церкви; все ихъ каноническое право состояло въ соборныхъ правилахъ вселенской Церкви, и они судили только однихъ духовныхъ, возлагая только церковныя эпитиміи на кающихся. Латинскіе князья, будучи весьма невѣжественны, вѣрили всему, что имъ говорили духовные о преимуществахъ Церкви. У Грековъ же, гдѣ было гораздо болѣе образованности, частныя лица читали Священное Писаніе и каноны святыхъ Отецъ, и потому сохранили лучше древній порядокъ церковный. Епископы ихъ и Патріархи судились на всѣхъ Соборахъ, не спрашивая у Папы дозволенія созывать ихъ, ни утвержденія оныхъ; Епископы переходили безъ согласія Папъ съ мѣста на мѣсто и назначались новыя епархіи, ибо такимъ образомъ соблюдались древнія правила Восточной Церкви, не только послѣ Фотія, но и прежде, во время самаго тѣснаго союза съ Римскою Церковію, и это потому, что и на Западѣ не существовало прежде такого обычая. Разрывъ же утвердился только со времени взятія Царьграда кре-

стоносами.» (Флери разсужд. о Церк. Истор. XIII вѣка гл. 15, и съ XI по XIII вѣк. гл. 8, 9.)

»Левъ IX и его преемники, которые хотѣли возстановить Римскую Церковь изъ развалинъ X вѣка, во всемъ ея блескѣ, старались утвердить и ея мірскую власть, которую основывали на ложномъ актѣ Царя Константина, и на послѣдующихъ актахъ Императоровъ Франкскихъ, и такъ была сильна въ то время довѣренность къ нимъ на Западѣ, что Св. Бернардь называлъ Папу Евгенія III, преемникомъ не только Св. Петра, но и Константина. Не ужели же въ XI вѣкѣ открылась мудрость неизвѣстная древнимъ вѣкамъ, и не ужели Левъ IX и Григорій VII были просвѣщеннѣе святыхъ Льва и Григорія великихъ?»

»Духовная власть Папъ умножилась до такой степени, чрезъ ложныя декретаціи, что они принуждены были повѣрять ее другимъ, ибо не могли идти всюду сами или всѣхъ къ себѣ привлечь. Отсея явилась необходимость частныхъ легатовъ, избираемыхъ изъ Римскихъ кардиналовъ, или живущихъ на своихъ мѣстахъ, Епископовъ и аббатовъ, которые распоряжались во всѣхъ епархіяхъ, уничтожая власть настоящихъ Пастырей и мѣстные Соборы каждой области, и дѣлались ненавистными своею надмѣнностію и корыстолюбіемъ; чрезъ сіе нарушился первоначальный порядокъ церковный, и Митрополиты областей такъ мало вѣдали право свое, что они сами жадно домогались титула легатовъ папскихъ.» (Должно благословлять провидѣніе, которое оградило Церковь Православную, самымъ ея убожествомъ и вышними бѣдствіями отъ по-

добныхъ безпорядковъ, подрывавшихъ коренныя начала.) »Грустно, продолжаетъ Флери, обнаруживать дѣла столь постыдныя, и я опасуюсь соблазнить людей болѣе благочестивыхъ, нежели просвѣщенныхъ, но основаніе исторіи есть истина.» (Гл. 11, 13.)

Взглянемъ на отношенія Церквей между собою и въ теченіи сего вѣка. Иннокентій III, писалъ къ Императору Алексію Ангелу и къ Патріарху Юанну, о помощи для крестовыхъ походовъ и о соединеніи Церквей, чрезъ признаніе его надъ всеми гѣсподства; оба отвѣчали ему въ томъ же духѣ: Императоръ, что соединеніе было бы весьма легко, если бы пастыри отложили мудрость житейскую, и составили вселенскій Соборъ, на которой непременно явятся и Епископы православныя; а Патріархъ писалъ весьма осторожно, спрашивая: какимъ образомъ Церковь Римская можетъ быть одна всеобщею, когда есть другія частныя, и какъ можетъ она быть матерію всѣхъ Церквей, когда всѣ произошли изъ Іерусалима? Что же касается до упрека, будто Греки раздѣлили Церковь, мнѣніемъ своимъ о исхожденіи Св. Духа только отъ Отца, то они держатся собственныхъ словъ Іисуса Христа, символа Никейскаго и постановленій другихъ Соборовъ, принятыхъ Папами. (Ист. Флери кн. LXXV, гл. 14.)

Однако же, не смотря на сіи дружелюбныя сношенія, когда крестоносцы въроломнымъ образомъ овладѣли Царьградомъ, что осудилъ и самъ Папа, Иннокентій не замедлилъ дать Константинополю инаго Латинскаго Патріарха, Ому Морозини, кото-

раго самъ рукоположилъ въ Римъ, вопреки всѣхъ правъ настоящаго православнаго Патріарха Іоанна Каматера. Между тѣмъ Папа писалъ къ крестоносцамъ: »вы предупредили всѣ упреки, какіе только можно сдѣлать крестоносцамъ, потому что не имѣя никакого права, ни власти надъ Греками, безъ всякой причины, отклонились отъ чистоты своего обѣта, завладѣвъ Константинополемъ, вмѣсто того, чтобы освободить опять Іерусалимъ, и предпочли блага земныя небеснымъ. Но всего преступнѣе было то, что нѣкоторые изъ васъ, не щадя ни вѣры, ни возраста, ни пола, совершали всенародно всякаго рода нечистоты, предавая насилію рабовъ, не только женъ и вдовицъ, но и дѣвъ и инокинь; не довольствуясь расхищеніемъ сокровищъ царскихъ и боярскихъ, вы коснулись святотатными руками церковнаго достоянія и расхитили алтари, утварь, престолы, иконы и мощи. Такимъ образомъ Греки не могутъ болѣе рѣшиться подчинить себя Римской Церкви, потому что они видятъ въ Латинахъ только преступленія и дѣла тьмы, за которыя ихъ ненавидятъ какъ псовъ.» Не лзя было высказать яснѣе причину совершеннаго разрыва, однако Иннокентій вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: »поелику же судьбы Божіи неисповѣдимы, мы не хотимъ легко судить сего дѣла, прежде нежели не извѣстимся подробнѣе; ибо, можетъ быть, Греки праведно были наказаны за грѣхи свои, неправеднымъ вашимъ противъ нихъ поступкомъ, а Богъ не оставилъ наградить васъ праведно за то, что вы были орудіями его мщенія. И такъ отложивъ всѣ сн сомнительные вопросы, долгомъ признаю отвѣ-

чать вамъ рѣшительно, чтобы удержали за собою и защищали землю, данную вамъ судомъ Божиимъ, надѣясь со страхомъ, что онъ проститъ вамъ прошедшее, если съ правдою станете управлять своими подданными, сохраняя ихъ въ миръ и согласуя съ нашею вѣрою.» И Церкви Западной написавъ Иннокентій окружное посланіе: «что Господь, желая утѣшить Церковь свою присоединеніемъ отдѣлившихся, отнявъ владычество у Грековъ надмѣнныхъ, суевѣрныхъ и непокорныхъ, и предавъ оное Латинамъ, смиреннымъ, благочестивымъ, православнымъ и покорнымъ!» Какъ сіи послѣднія выраженія соотвѣтствуютъ тому, что писалъ Иннокентій въ грамотѣ къ крестоносцамъ! (Ист. Флери кн. LXXVI, гл. 13.)

Между тѣмъ новый Императоръ Греческій Ласкарисъ, основавшись въ Никеи жаловался Папѣ на неистовства Латинянъ въ Царьградѣ и на ихъ вѣроломный поступокъ, и Папа отвѣтствовалъ, что онъ не оправдываетъ Латинянъ и самъ напротивъ того часто осуждалъ ихъ, однако привелъ пѣкоторыя оправданія въ ихъ защиту; въ заключеніе же убѣждалъ покориться новому Императору Латинскому, потому что все сіе случилось, по суду Божию, за непокорность Грековъ Римскому престолу. (Ист. Флери кн. LXXVI, гл. 26.)

Въ 1252 году были также сношенія, между Папою Григоріемъ IX и Патріархомъ Германомъ, жившимъ въ Никеи, при Императорѣ Иоаннѣ Ватакисѣ, по случаю прихода въ Анатолию пяти Францискацкихъ братьевъ, для проповѣди слова Божія между иновѣрными. Но продолжительныя вѣрнія ихъ

съ духовенствомъ православнымъ, о исхожденіи Духа Святаго и опрѣснокахъ, не кончились ничѣмъ удовлетворительнымъ, ибо каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. Патріархъ писалъ Папѣ: «изслѣдуемъ подробно кто виною разрыва: если это мы, то укажите намъ зло и приложите врачевство; если Латиняне, то не думаю, чтобы вы захотѣли, по невѣдѣнію или преступному упорству, оставаться внѣ наслѣдія Божія. Ибо всякой согласится, что существо раздора состоитъ въ разнорѣчій догматовъ, нарушеніи каноновъ и измѣненіи обрядовъ, принятыхъ нами отъ отцевъ нашихъ, и всѣ могутъ служить свидѣтелями, что мы простираемъ руки къ миру, когда изслѣдуется истина, дабы обоюдно не называть другъ друга схизматиками. Много сильныхъ повиновалось бы вамъ, если бы не страшились они тѣхъ неправедныхъ истязаній, какими обременяете своихъ подчиненныхъ; отъ сего проистекають кровавыя войны и опустошеніе городовъ и заключеніе храмовъ, въ коихъ прекращается божественная жертва. Недостаетъ одного мученичества, но и оно недалеко, что могутъ засвидѣтельствовать ужасы Латинянь въ Кипрѣ.» И кардиналамъ писалъ онъ, «что все зло происходитъ отъ тиранства Римской Церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихою, и тѣмъ болѣе порабощаетъ Церкву, чѣмъ болѣе ей покоряются.» (Ист. Флери кн. LXXX, гл. 20.)

Папа отвѣчалъ Патріарху, что едва отдѣлилась Греческая Церковь отъ Римской, какъ сдѣлалась рабою свѣтской власти, и мало по малу отстала отъ истинной вѣры и порядка церковнаго. Основаніемъ сего упрека служило то, замѣчаетъ

Флери, что Епископы и клиръ болѣе были покорны государямъ и судіямъ, у Грековъ, нежели у Латинянь, и лучше содержали въ древнихъ предѣлахъ неприкосновенность церковную.

Потомъ въ 1254 году, по ходатайству Маріи Королевы Венгерской, дочери Императора Ласкариса и Францисканцевъ, бывшихъ послами на Востокъ, отправлены были Императоромъ Иоанномъ посланники въ Римъ, съ Архіепископомъ Сардійскимъ Андроникомъ и Кизическимъ Георгіемъ, къ Папѣ Иннокентію IV, для договоровъ о соединеніи Церквей. Они уступали ему все, что онъ желалъ касательно Римскаго первенства, сколько могло оно согласоваться съ Св. Писаніемъ и правилами соборными; себѣ же требовали, чтобы возвращенъ былъ Константинополь, престоль Греческаго царства, чтобы опять водворился тамъ Восточный Патріархъ со всеми своими преимуществами, и удалился Латинскій, и чтобы Папа не давалъ помощи Латинскому Императору Балдуину. Но Папа Иннокентій отвѣтствовалъ нерѣшительно на сіи предложенія: «что на вселенскомъ Соборѣ разсмотрѣно будетъ дѣло обоихъ государей, Иоанна и Балдуина, и рѣшится кому изъ нихъ долженъ принадлежать Константинополь; если же сей престольный городъ достанется Грекамъ, то ничто не можетъ мѣшать обоимъ Патріархамъ, Греческому и Латинскому имѣть въ немъ пребываніе, потому что у каждаго есть тамъ свое стадо. Притомъ обѣщаль и много другаго Архіереямъ Восточнымъ, которыхъ отправилъ обратно съ богатыми дарами. Смерть Папы и Императора, послѣдовавшая въ томъ же году, прервала опять сношенія;

странно: однако, что Папа рѣшался признавать законными двухъ Патріарховъ Цареградскихъ, въ одно и то же время, вопреки всѣхъ правилъ. Очевидно, что здѣсь выше всѣхъ правилъ поставлено было правило: всѣми средствами достигать преобладанія; Папа уступалъ Константинопольскому Патріарху часть власти, законно ему принадлежащей, но у него похищенной, чтобы сею приманкою уловить его въ свою зависимость. (Кам. собр. стр. 77.)

II.

ИМПЕРАТОРЪ МИХАИЛЬ ПАЛЕОЛОГЪ.

Настала эпоха славная и вмѣстѣ бѣдственная для Греческой имперіи. Михаилъ Палеологъ овладѣлъ престоломъ малолѣтнаго Іоанна, сына Теодора Ласкариса, и завоевавъ обратно Константинополь у Латинъ въ 1261 году, ослѣпилъ своего законнаго Государя, за что и самъ подвергся торжественному отлученію церковному, отъ добродѣтельнаго Патріарха Арсенія, который чрезъ нѣсколько времени принужденъ былъ удалиться. Германъ, избранный на его мѣсто, также не разрѣшилъ Императора, и только, спустя пять лѣтъ,

духовникъ его Иосифъ, поставленный на престолъ патриаршій, послѣ многихъ совѣщаній, рѣшился снять отлученіе, что показывало большую твердость въ пастыряхъ Цареградскихъ, особенно при Государѣ столь суровомъ, каковъ былъ Михаилъ. (Ист. Флери кн. LXXXV, гл. 15, 47. Камень соблазна стр. 79.)

Между тѣмъ Палеологъ, опасаясь изгнаннаго Императора Балдуина, который искалъ себѣ помощи на Западъ, и сильныхъ Государей: Людовика Французскаго, шедшаго въ крестовый походъ, и Карла брата его, овладѣвшаго Неаполемъ, обратилъ съ грамотами къ Папамъ Урбану IV и Клименту IV, какъ бы подъ предлогомъ соединенія Церквей, но болѣе для огражденія своего государства отъ новыхъ нападеній Латинскихъ. »Удивляюсь, писалъ онъ между прочимъ къ Урбану, что вы отлучили отъ Церкви Генуезцевъ, ради заключеннаго ими со мною мира, и что содержа первую степень между Епископами, предпочитаете кровопролитіе миру между Христіанами, каковы Генуезцы и Греки.—По-елику не лзя исправить прошедшаго, предупредимъ будущее. Вамъ бы, какъ отцу нашему, должно было предварить насъ, но я первый предлагаю миръ и не касаюсь теперъ догматовъ и обрядовъ, что можно будетъ легко устроить послѣ.»—Папа отвѣтствовалъ, изъявленіемъ радости о предложеніяхъ мирныхъ, но увѣрялъ, что, прежде покоренія Римскому престолу, не можетъ по совѣсти потерпѣть, чтобы кто либо изъ Латинскихъ князей далъ помощь Грекамъ. (Кн. LXXXV, гл. 16, 17.)

Въ 1263 году Папа Урбанъ IV, отправилъ опять

къ Императору четырехъ Францисканскихъ братьевъ, для соглашенія о вѣрѣ, но преемникъ Урбана, Климентъ IV, остался недоволенъ присланнымъ къ нему исповѣданіемъ Михаила, и нашелъ въ немъ многія заблужденія и пропуски, (иначе сказать, Палеологъ не соглашался на противныя уставамъ Церкви нововведенія Римскія). Посему онъ препроводилъ къ Палеологу полное исповѣданіе Латинской Церкви, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ догматовъ, таинствъ, частныхъ мнѣній Западныхъ, и наипаче первенства и власти своей кафедры, заключивъ сими словами: »мы не намѣрены подвергать вѣру сію новымъ испытаніямъ, почему излагаемъ ее просто, безъ всякихъ доказательствъ, и посылаемъ къ вамъ съ нашими избранными нунціями, съ коими можете прислать также своихъ мудрѣйшихъ, и общаемъ, если нужно, созвать соборъ для утвержденія союза.» Но и это покушеніе осталось до времени безъ успѣха. (Ист. Флери кн. LXXXV, гл. 55.)

Между тѣмъ Палеологъ, движимый гораздо болѣе видами политическими, нежели церковными, будучи устрашенъ побѣдами Карла Анжуйскаго, совершенно овладѣвшаго Неаполемъ, отправилъ пословъ къ брату его Людовику, избирая его въ посредники мира Церкви и прося вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ Грековъ оружіе Карла; но посланные: книгохранитель Іоаннъ Веккъ и архидіаконъ Константинъ Мелетиніотъ, нашли Людовика уже на одрѣ смертномъ.

Въ 1272 году, Михаилъ обратился, съ тѣми же прошеніями, къ Папѣ Григорію X и старался склонить у себя, къ миру церковному, Патріарха

Иосифа и Епископовъ; но они внимали его убѣжденіямъ не охотно, и только изъ вѣжливости, опасаясь противорѣчить открыто; внутренно же были увѣрены, что Церковь ихъ сохранить независимость и власть, коею искони была облечена, не подвергаясь владычеству Римлянъ, которыхъ почитали не иначе какъ за купцевъ и ремесленниковъ; посему ласково принимали посланцевъ Римскихъ, надѣясь, что покушенія Императора, какъ и всѣ предыдущія, останутся тщетными. Григорій, въ дружелюбныхъ граматахъ къ Государю и Патріарху, приглашалъ ихъ прислать знаменитыхъ сановниковъ на Соборъ съ полномочіемъ: не остался празднымъ и Палеологъ. (Кн. LXXXVI, гл. 18, ~~30, 51~~)

Однажды, въ присутствіи Патріарха и нѣсколькихъ Епископовъ, онъ началъ съ угрозами склонять ихъ къ соединенію Церквей, и предлагалъ примѣры прежнихъ сношеній Императоровъ съ Папами, указывая на письма тогдашнихъ Епископовъ, которые не обвиняли въ ереси Латинянъ, а только требовали изключенія изъ символа словъ «и отъ Сына,» и не чуждались ихъ общенія, когда принимали восточные обряды. «Что же противнаго канонамъ, спрашивалъ Императоръ, поминать Папу въ молитвахъ, когда обычай дозволяетъ поминать столькохъ присутствующихъ во время литургіи, хотя они и не Папы? Еще меньше грѣха называть его братомъ и первымъ, ибо и богачъ Евангельскій называетъ Авраама отцемъ своимъ, хотя удаленъ былъ отъ него невозвратно. Если же мы дозволимъ самыя апелляціи въ Римъ, то кто будетъ стремиться такъ далеко за судомъ?» Таковы

были вѣроломныя предложенія Михаила, достойныя сходнаго съ ними образа дѣйствованія Римскихъ Первосвятителей, для покоренія себѣ непринадлежащихъ имъ Церквей.

Патріархъ молчалъ, ожидая отвѣта отъ ученаго книгохранителя Векка, но видя его безмолвіе, повелѣлъ ему сказать свое мнѣніе подѣ страхомъ отлученія церковнаго, и Веккъ отвѣтствовалъ, что вѣчная казнь для него страшнѣе временной, и что бываютъ еретики по имени, которые не суть таковы внутренно, и бываютъ тайные еретики еще не обличенные симъ названіемъ, каковы Римляне. Раздраженный Императоръ распустилъ собраніе, заключилъ въ темницу Векка и составилъ, съ помощію архидіакона Мелетиніота, бывшаго посланникомъ при Королѣ Франціи, и Георгія Кипріяна, писаніе, защищающее ученіе Латинянъ, отправилъ оное къ Патріарху, требуя немедленно отвѣта, основаннаго также на текстахъ; но Патріархъ, съ полнымъ собраніемъ духовенства, на коемъ присутствовала и сестра государя Евдокія, опровергъ писаніе царское. 34

Тогда Михаилъ началъ склонять на свою сторону заключеннаго Векка, надѣливъ его книгами и освободивъ отъ узъ, и наконецъ онъ убѣдилъ, что соединеніе возможно, если только Латиняне исключать приложеніе изъ символа. (Каково долженствовало быть сіе убѣжденіе, начатое темницею?) Между тѣмъ монахъ Ювъ, псавиній отвѣтъ Патріарха, совѣтовалъ ему разослать, ко всѣмъ вѣрнымъ, окружное посланіе съ клятвою, что онъ не хочетъ присоединенія, и всѣ Епископы, кромѣ дальновидныхъ

(т. е. имѣвшихъ житейскіе виды) утвердили рукоприкладствомъ грамоту Патріарха. Между тѣмъ Палеологъ увѣдомилъ Папу, что немедленно отправить пословъ своихъ на Соборъ, и что Греки расположены къ миру. Для сего избралъ онъ Германа, бывшаго Патріарха Цареградскаго и Митрофана, Митрополита Никейскаго, съ великимъ логоветомъ Георгіемъ Акрополитомъ и своимъ протовестіаріемъ, съ богатѣйшими дарами, но дары погибли съ кораблемъ, на которомъ находился протовестіарій. Однако опасаясь нарушить согласіе съ Патріархомъ Іосифомъ, который разрѣшилъ его отъ отлученія церковнаго, Михаилъ заблаговременно убѣдилъ старца удалиться временно изъ палатъ своихъ, съ сохраненіемъ титула и всѣхъ преимуществъ, на тотъ случай если удастся соединеніе Церкви, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ опять возвратится, при неудачномъ дѣйствovanіи пословъ. (гл. 39, 40, 41.)

Такъ какъ всѣ убѣжденія совратившагося Іоанна Векка къ Епископамъ оставались тщетными, Императоръ созвалъ ихъ еще однажды и упрекалъ въ непокорности его власти: будто бы они проклинали его за то, что силою принуждалъ нѣкоторыхъ къ соединенію. »Я стараюсь о мирѣ, говорилъ онъ, только для того, чтобы избѣжать жестокихъ войнъ и пощадить кровь нашу, ничего не вводя вновь въ Церкви. Условія съ Римскою Церковію ограничиваются тремя предметами: первенствомъ, апелляціями и поминовеніемъ, которыя всѣ обращаются въ ничто, если только внимательно разсудить о нихъ. Ибо когда придетъ сюда Папа занимать первое мѣсто? Кто рѣшится переплыть море и

сдѣлать столь дальній путь, чтобы защищать права свои? и наконецъ, что за нужда поминать имя Папы, когда Патріархъ служить въ великой церкви? Сколько разъ отцы наши дѣлали подобныя снисхожденія? вы же ссоритесь между собою и предаете насъ анаемѣ, какъ будто мы хотимъ идти далѣе и совершенно измѣнить обычаи, по примѣру Латинскому. И такъ пусть каждый скажетъ свое мнѣніе, имѣя въ виду общее благо Церкви.»

Епископы отвѣчали единодушно, что никто изъ нихъ не прокиналъ Императора, призывая на себя градскую казнь, если докажетъ вину ихъ, что имъ не лзя давать каноническихъ рѣшеній безъ Патріарха, и что если опасность угрожаетъ государству, они могутъ представить отъ себя единственнымъ средствомъ молитву. Когда же спросили ихъ потомъ наединѣ, то нѣкоторые совершенно отвергли всѣ три предложенія, другіе же соглашались на первенство и аппелляцію въ той надеждѣ, что это будетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, но не хотѣли поминать имя папское на молитвѣ, чтобы не сообщаться съ измѣнившими символъ вѣры. Великій экономъ Ксифилинъ бросился къ ногамъ Императора и умолялъ его, съ благимъ намѣреніемъ отклонить войну внѣшнюю, не возбудить внутренней, болѣе опасной.

Тогда Михаилъ, чтобы показать, что имѣетъ у себя какое либо рукоприкладство Епископовъ, потребовалъ отъ нихъ подписки въ покорности его свѣтской власти, и сталъ отнимать ихъ имущество и изгонять изъ домовъ, будто бы принадлежавшихъ казнѣ и готовить корабли для разсымки ихъ въ

заключеніе; почему нѣкоторые покорились, страха ради человѣческаго. Тщетно весь клиръ молилъ Императора подождать по крайней мѣрѣ возвращенія пословъ съ собора.—Михаилъ объявилъ государственными преступниками всѣхъ, которые не дадутъ подписки, а чтобы успокоить ихъ совѣсть обнародовалъ подъ страшными клятвами и анаѳемами, что никого не принудить прибавлять ни единой іоты къ символу, требуя только признанія первенства, апелляцій и поминовенія, и то только на словахъ и ради снисхожденія. Малодушествовавшіе подписали, твердые были изгнаны или вынуждены угрозами къ невольному согласію.

III.

СОБОРЪ ЛІОНСКІЙ.

Между тѣмъ послы царскіе явились на многолюдный Соборъ Ліонскій и встрѣчены были, съ чрезвычайною честью, Епископами Западными. На торжественной литургіи, которую совершалъ Папа въ день Петра и Павла, Евангеліе было читано на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, равно и символъ съ приложеніемъ «и отъ Сына» и бывшій Па-

триархъ Германъ, съ прочими Греками, не устыдились воспѣвать во время литургіи похвальныя стихи въ честь Папы, что показываетъ какимъ духомъ были они движимы. Любопытно, что на томъ же соборѣ Папа принималъ также съ большею честью посланцевъ Татарскихъ, и онъ посылалъ къ нимъ на встрѣчу точно также, какъ и духовнымъ посланцамъ Греческимъ, прелатовъ съ домашними кардиналами, и принималъ ихъ въ присутствіи Епископовъ, сошедшихся къ нему въ покои для совѣщаній соборныхъ.—Такъ перемирило было на Западѣ житейское съ духовнымъ! (гл. XLIII, 44.) 41-43

Наконецъ 6 Іюля 1274 года происходило торжественное засѣданіе Собора Лионскаго; Папа объявилъ причину созванія, и что, противъ всякаго чаянія, Греки свободно покорились Римской Церкви, не требуя ничего временнаго: «мы писали къ ихъ Императору, говорилъ Григорій, захочетъ ли онъ добровольно придти въ послушаніе наше принявъ исповѣданіе Римское? и онъ прислалъ къ намъ о томъ договариваться. Милостію же Божіею, Государь сей отложивъ всякое состязаніе, добровольно призналъ первенство и исповѣданіе наше, и посланники его предстали къ намъ для изъявленія его согласія.

Тогда читаны были грамоты царскія, въ коихъ Императоръ нарекалъ Папу отцемъ всѣхъ Христіанъ и вселенскимъ первосвятителемъ, съ утвержденіемъ клятвеннымъ исповѣданія вѣры, которое нѣкогда послалъ къ нему Папа Климентъ IV. Признавая первенство Папы, Михаилъ просилъ однако, чтобы дозволено было Восточной Церкви сохранить

символь безъ приложенія и всѣ обряды бывшіе до соединенія, не противныя соборнымъ постановленіямъ древнимъ и преданіямъ отцевъ, и уполномо-чивалъ пословъ своихъ, отъ имени его, утвердить все написанное.

Грамата епископская къ Папѣ написана была, отъ лица сановниковъ Православной Церкви, съ подчиненнымъ имъ клиромъ, и что весьма замѣчательно, безъ имени Епископовъ, а только съ титулами ихъ епархій, какъ-то: Митрополитъ Ефесскій съ своимъ соборомъ, Митрополитъ Ираклійскій и тому подобное, числомъ до 35. Они называли Григорія только великимъ и изряднымъ святителемъ Апостольской кафедры, свидетельствовали о стараніяхъ Императора соединить Церкви, вопреки сопротивленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, и что не смотря на ихъ просьбы, Патріархъ не согласился отступить отъ своего мнѣнія и потому удаленъ въ монастырь, доколѣ, по возвращеніи пословъ, не согласится воздать должнаго почтенія Римской кафедрѣ.

Тогда великій логоветъ Григорій учинилъ присягу вмѣсто Императора, въ томъ, что отрекается отъ разрыва и принимаетъ исповѣданіе Римской Церкви, признавая ея первенство, съ обѣщаніемъ никогда не отступать отъ нея. Папа же, стоя и безъ митры, со многими слезами воспѣлъ: «тебе Бога хвалимъ,» и въ краткихъ словахъ изъявилъ радость свою о соединеніи Церквей. Потомъ бывшій Патріархъ Германъ и Митрополитъ Никейскій выступили на средину Церкви, и Германъ повторилъ по-Гречески символъ, произнесенный

по-Латыни Папою, съ приложеніемъ словъ »и отъ Сына,» слѣдственно вопреки прошенія самаго Императора и клятвеннаго обѣщанія даннаго имъ своимъ Епископамъ. Въ заключеніе торжества сего, достойнаго Римскихъ нововведеній, Папа велѣлъ читать собору граматы Хана Татарскаго, и хотя это было внутри храма, послы, вѣроятно для большаго блеска, сидѣли противъ Папы, у ногъ Патріарховъ Латинскихъ Константинополя и Антиохіи. Такъ кончилось сіе знаменитое дѣяніе Ліонскаго Собора, смѣсь Христіанскаго съ языческимъ! (гл. 44.)

По возвращеніи пословъ въ Константинополь, надѣленныхъ богатыми дарами, Патріархъ Іосифъ былъ заключенъ въ монастырь и Іоаннъ Веккъ возведенъ на его мѣсто, отъ чего возникъ внутренній раздоръ въ Церкви Православной. Напрасно Іоаннъ поражалъ анаеомою непокорныхъ и, въ почтительныхъ граматахъ къ Папамъ, признавалъ исполнѣ ихъ господство, все царство исполнилось смятенія духовнаго и гражданскаго, ибо нѣкоторые изъ властителей Греческихъ подняли даже оружіе противъ Уніи, какъ то предсказывалъ Государю Ксифилинъ. Немного выигралъ Палеологъ и со стороны внѣшней, потому что Папа Николай III, съ трудомъ могъ удерживать Короля Карла, отъ нападенія на его владѣнія, и не сбылось условіе касательно символа. Онъ отправилъ въ Константинополь своихъ легатовъ, съ тайною инструкціею, наставлять, чтобы Греки непремѣнно читали символъ съ приложеніемъ, и чтобы Императоръ, всѣ Епископы и весь клиръ, дали каждый отъ себя еще новое клятвенное обѣщаніе съ рукоприклад-

ствомъ, о твердости ихъ вѣры, согласно съ формулою Григорія X, хотя и самъ сознавался, что такая присяга есть нововведеніе, несходное съ обычаями восточными; однако присовокуплялъ Папа: »всякой обычай, прекословящій верховнымъ правамъ Римской Церкви, долженъ быть необходимо уничтоженъ, какъ злоупотребленіе.» Съ такими честолюбивыми и лукавыми происками трудно было Римскому владычеству укорениться на Востоку, хотя Папа хитро совѣтовалъ своимъ посланнымъ, какимъ образомъ внушить Императору мысль и желаніе имѣть постоянного у себя легата, полного распорядителя дѣлами Церкви и представителя папскаго. (гл. 57, 58.) LXXXVII - 22.

»Не лучше ли сперва коснуться сего предмета въ видѣ вопроса, а не требованія, и спросить у Грековъ, не хранять ли они въ памяти или въ актахъ своихъ, какимъ образомъ принимались у нихъ легаты Апостольской кафедры и какими правилами пользовались? если отвѣтъ царскій сообразенъ будетъ съ тѣмъ, чего можно желать, то надлежитъ испросить оный на бумагахъ; если же нѣтъ, то слѣдуетъ объяснить ему, что наблюдается у Латинянъ касательно легатовъ, и говорить это не вдругъ, чтобы не иснугать, а напротивъ стараться привлечь мало помалу, внушая также, что не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ гражданскихъ оное можетъ быть полезень.» (Кн. LXXXVII, гл. 23.)

Прибытіе посланниковъ папскихъ не было приятно Палеологу, ибо чувствовалъ, что они возмутятъ царство, слишкомъ рѣшительными требованіями, и въ такое время, когда по личнымъ съ

нимъ неудовольствіямъ, удалися самъ Патріархъ Іоаннъ Веккъ, благопріятный Уніи. Онъ просилъ его возвратиться и, созвавъ Епископовъ, еще однажды увѣрялъ ихъ, что не попуститъ никакого измѣненія въ символъ и обрядахъ, и лучше начнетъ войну съ Неаполемъ; для успокоенія же легатовъ и увѣренія ихъ въ своемъ единствѣ съ Римомъ, послалъ съ ними Епископа Ефесскаго въ темницы, показать тамъ четырехъ родственниковъ своихъ, содержавшихся въ оковахъ за несогласіе въ вѣрѣ. А для большаго удовольвенія Папы, Императоръ велѣлъ написать весьма лестную грамоту, съ подложными подписями большаго числа Епископовъ, между коими были и такія епархіи, которыя вовсе не существовали, и всѣ подписи начертаны были одной рукою. (гл. 38, 39.) 28-29

Когда Патріархъ, писаніями и соборами, старался утвердить Унію, вопреки всѣхъ старѣйшихъ Епископовъ, Императоръ дѣйствовалъ ужасами и началъ ослѣпленіемъ своихъ родственниковъ, долго томившихся въ узахъ; но жестокости его были бесполезны, потому что новый Папа Мартинъ IV, не довѣряя ему и возбуждаемый Королемъ Неаполитанскимъ, не только принялъ съ презрѣніемъ пословъ Императора, присланныхъ для его поздравленія, но даже торжественно отлучилъ отъ Церкви Михаила, какъ начальника ереси, и запретилъ всѣмъ государямъ имѣть съ нимъ какое либо общеніе. Раздраженный Императоръ, услышавъ о томъ, самъ остановилъ, во время литургіи, діакона, хотѣвшаго помянуть Папу, и воскликнулъ: «вотъ что я приобрѣлъ за то, что искалъ мира Латинскаго и воевалъ съ

моими ближними!» сіе невольное сознание было достойнымъ слѣдствіемъ всѣхъ вѣроломныхъ поступковъ Михаила! Онъ скоро скончался и тѣло его погребено было безъ всякихъ почестей. Андроникъ, сынъ его, немедленно отрекъся отъ Уніи, и удаливъ Патріарха Векка, взявъ на мѣсто его престарѣлаго Іосифа, который не иначе, какъ съ церковною эпитимією, принималъ опять въ лоно православія отпадшихъ въ Унію клириковъ и мірянъ. (гл. 54, 6, 70.)

Бывшій Патріархомъ Іоаннъ Веккъ, принужденъ былъ на Соборъ, созванномъ въ столицѣ, оправдываться въ своихъ поступкахъ и писаніяхъ, и подписать православное исповѣданіе вѣры, которое не избавило его отъ заточенія, гдѣ и умеръ. Однако внутреннее смятеніе, возбужденное въ Церкви насиліями Михаила Палеолога, отъ нововведеній и частой смѣны Патріарховъ, продолжалось въ царствованіе сына его Андроника, потому что взволнованные умы не могли скоро успокоиться. (Кн. LXXXVIII, гл. 6.)

ВѢКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ теченіе XIV вѣка Римская Церковь занята была собственными смятеніями, по случаю переселенія Папъ въ городъ Авиньонъ, въ область Королей Французскихъ, и явленія антипапъ, которые около полувѣка раздѣляли между собою Государей Западныхъ.—Однако проявлялись нѣкоторыя покушенія къ соединенію церковному Западу и Востоку, и Папа Іоаннъ XXII, посылая въ 1334 году нунціевъ своихъ въ Константинополь, для прѣвнй духовныхъ, къ Императору Андронику младшему, въ той надеждѣ, что онъ, будучи женатъ на сестрѣ Герцога Савойскаго, имѣлъ болѣе склонности къ Римской кафедрѣ. Но посольство осталось тщетнымъ, какъ и покушеніе преемника Іоаннова, Венедикта XII, два года спустя. (Кн. XCIV, гл. 36, 52.)

Но въ 1339 году Императоръ Андроникъ отправилъ къ Папѣ игумена Варлаама, съ благороднымъ Венеціаниномъ Стефаномъ Дандоло, разсуждать, а не договариваться о мирѣ церковномъ, ибо они объявили, что не имѣютъ полномочія отъ Царя и Патріарха. Варлаамъ говорилъ искренно и благо-разумно, что изъ двухъ способовъ устроить соеди-

неніе, чрезъ насиліе или чрезъ убѣжденіе, первый рѣшительно невозможенъ, какъ уже доказалъ примѣръ Михаила Палеолога. »Если, говорилъ Варлаамъ, кто либо будетъ ссылаться на Соборъ Ліонскій, то никто изъ Грековъ не приѣмлетъ сего Собора, потому что присутствовавшіе на ономъ были посланы, не четырьмя Патріархами, управляющими Восточною Церковію, и не отъ лица народа, но Императоромъ, который хотѣлъ устроить соединеніе не добровольно, насиліемъ. И такъ, если желаете вселенскаго Собора, то пришлите сперва въ Церковь Восточную легатовъ богобоязненныхъ, исполненныхъ духа смиренія и терпѣнія, съ пригласительными грамотами къ четыремъ Патріархамъ и прочимъ Епископамъ, дабы собравшись съ вами гдѣ либо, съ любовію разсудили дѣло, какъ Духъ Святой положить имъ на сердце. Вотъ единственно средство привести къ единству народъ и Церковь.

Что же касается до возраженій вашихъ: »пусть сперва Греки соединятся съ нами церковно и тогда пойдемъ съ ними противъ Турковъ;» то сіе разсужденіе весьма не справедливо, ибо Турки не нападаютъ собственно на Грековъ, отъ васъ отдѣленныхъ, но вообще на Христіанъ, и помощь ваша будетъ всему Христіанству, ибо доколѣ будетъ существовать имперія Греческая, вамъ легко будетъ одолѣть Турковъ; если же по несчастію она падетъ, трудно будетъ и для васъ сопротивляться имъ.—И такъ дѣйствуйте доколѣ есть время, чтобы вамъ не пришлось защищаться, вмѣсто того чтобы нападать!» Опытъ доказалъ истину сихъ словъ.

«Знайте еще и вѣруйте, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаютъ васъ чуждыми Грекамъ, сколько ненависть, которую они возымѣли къ вамъ, по причинѣ жестокихъ золъ нанесенныхъ имъ Латинами и доселѣ ежедневно наносимыхъ, и соединеніе не можетъ совершиться, если не престанетъ сія ненависть, чрезъ какое либо великое благодѣяніе, съ вашей стороны оказанное, безъ чего даже и не захотятъ васъ слушать. Знайте также, что не народъ Греческій меня послалъ къ вамъ, но одинъ Императоръ и притомъ втайнѣ, такъ, что если прежде не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами.»

Однако Папы и Кардиналы не приняли сего благоразумнаго совѣта, ссылаясь на мнимыя рѣшенія соборныя, коими будто бы уже окончательно разрѣшены были въ ихъ пользу вопросы догматическіе, и что трудно и бесполезно созывать новый соборъ, ибо Грекамъ не о чемъ болѣе вступать въ прѣніе, а имъ остается только прислать своихъ повѣренныхъ для ихъ наученія. И на сіе весьма основательно возразилъ Варлаамъ, «что не боится испытанія истина, которая можетъ только яснѣе чрезъ то обнаружиться, ибо и отцы Никейскіе вѣровали единосуцію Сына со Отцемъ, но ради невѣрія Аріяна, хотѣли испытаніемъ привести ихъ къ спасенію. Такъ и вамъ надлежало бы поступить съ Греками и не подавать имъ причины говорить, что вы страшитесь испытанія, не довѣряя правотѣ своей.»—Однако стараніе Варлаама и его посольство остались тщетными. (Кн. ХСV, гл. 4.)

Въ такомъ же духѣ отвѣчалъ Императоръ Иоаннъ Кантакузинъ нунціямъ папскимъ, въ 1350 году, предложившимъ ему войну съ невѣрными и миръ церковный: »не могу довольно выразить вамъ, сколько я желаю соединенія церковнаго; скажу только, что если бы можно было достигнуть онаго, пожертвованіемъ собственной жизни, я бы не только подставилъ голову мою, но подалъ бы и мечъ. Однако дѣло такой важности требуетъ большой осторожности, ибо касается не временныхъ благъ, а вѣчныхъ, и чистоты вѣры. Не хочу довѣрять самъ себя, какъ будто бы возможно было одному достигнуть столь высокаго знанія; это самое произвело вначалѣ раздѣленіе Церквей, ибо если бы тѣ, которые впервые ввели догматы, поддерживаемые нынѣ Римскою Церковью, вмѣсто того, чтобы довѣрять самимъ себя и пренебрегать прочими Святителями, оставили имъ свободу испытанія, зло не имѣло бы такого успѣха. Св. Павелъ сообщилъ Апостоламъ свое ученіе, опасаясь, какъ онъ говорилъ, чтобы не вотще подвизаться.»

»Противный образъ дѣйствованія не удался Императору Михаилу, первому изъ Палеологовъ, и только умножилъ раздѣленіе. Я самъ не думаю, чтобы кто когда либо убѣдилъ меня, безъ опредѣленія вселенскаго Собора, привязаться къ нововведеніямъ и принуждать къ онимъ другихъ; ибо тѣ, коиъ хотятъ принудить, прежде всего затыкаютъ себя уши, чтобы не слышать перваго слова. Не думаю, чтобы и вы довѣряли моему вѣрью, если перейду къ вамъ легко и безъ всякаго испытанія, ибо какую можете вы имѣть довѣренность въ дѣлахъ новыхъ-

шихъ къ такому челоѣку, который не твердо привязанъ къ мнѣніямъ, полученнымъ имъ отъ предковъ и въ коихъ былъ воспитанъ?»

»И такъ я полагаю, что должно составить вселенскій Соборъ, изъ Епископовъ Восточныхъ и Западныхъ, и если сіе будетъ, то Богъ не позволитъ намъ отклониться отъ истины. Когда бы Азія и Европа были, какъ прежде, подчинены владычеству Римскому, должно бы, по древнему обычаю, соединить Соборъ у насъ, но теперь это не возможно; Папа не можетъ придти сюда и намъ не легко удалиться отсюда, по причинѣ безпрестанныхъ войнъ. И такъ, если Папѣ угодно, мы соединимся гдѣ либо, въ приморскомъ мѣстѣ, на срединѣ пути, куда придетъ онъ съ Епископами Западными, а я съ Патріархами и подчиненными имъ Епископами. И если онъ на это согласенъ, пусть извѣститъ меня заблаговременно, о времени и мѣстѣ собранія, потому что не мало потребуется для меня времени, чтобы собрать Патріарховъ и Епископовъ.» Но и это благоразумное воззваніе, возбуждившее нѣсколько дружелюбныхъ сношеній, осталось безъ успѣха по несогласіямъ внутреннимъ Западныхъ Государей и за смертію Папы Климента VI. (Флери кн. ХСV, гл. 52.)

Не такъ осторожно дѣйствовалъ преемникъ и воспитанникъ Кантакузина, Иоаннъ Палеологъ, заточившій бывшаго Императора въ монастырь и ослѣпившій собственнаго сына, по внушенію Султана Турецкаго. Онъ далъ клятвенное обѣщаніе покориться Римской Церкви и принудить къ тому своихъ подданныхъ, и отдавалъ въ залогъ

сына своего Папъ Иннокентіо VI, чтобы только получить помощь противъ Турковъ; наконецъ самъ явился, три года спустя, въ Римъ, гдѣ исповѣдалъ торжественно догматы Западные, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, и забывая достоинство личное, съ колыбнопреклоненіемъ цѣловалъ ногу Епископа Римскаго Урбана V, хотя по древнему обычаю, сходному со смиреніемъ пастырскимъ, Епископы сіи, утверждаемые Императорами, сами простирались ницъ предъ его вѣнценосными предмѣстниками. Но малодушіе Палеолога не принесло ему никакой существенной пользы, ни помощи его имперіи, болѣе и болѣе распадавшейся отъ усиленія Турковъ. (Кн. ХСVI, гл. 29; кн. ХСVII, гл. 13.)

По смерти же Григорія XI, который возвратился въ Римъ, послѣ шестидесятилѣтняго отсутствія Первосвятителей, насиліемъ и хитростію Королей Франціи переселившихся въ Авиньонъ, прекратились на нѣкоторое время покушенія о соединеніи Церквей, ибо начался жестокий внутренній разрывъ на Западъ. Избраніе двухъ Папъ, Урбана VI въ Римъ и Климента VII въ Авиньонъ, раздѣлило Европейскихъ Государей между собою и потрясло въ основаніяхъ самую кафедру Римскую, ибо расколъ продолжался съ 1378 и до 1448 года, когда настоятельно окончанъ былъ соборнымъ актомъ Базельскимъ, послѣ семидесятилѣтняго страданія Церкви Западной.

ВѢКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

I.

СОБОРЫ КОНСТАНСКІЙ И БАЗЕЛЬСКІЙ.

Столь бѣдственнo было между тѣмъ положеніе Западной Церкви, соблазняемой взаимными проклятіями искателей папской кафедры, что Государи и Епископы убѣждали обоихъ мнимыхъ намѣстниковъ Христовыхъ отступиться отъ престола; наконецъ, когда ни Григорій XII въ Римѣ, ни Венедиктъ XIII въ Авиньонѣ, не смотря на свои обѣщанія, не хотѣли оставить папства, соединился противъ нихъ многочисленный Соборъ, въ городѣ Пизѣ, въ 1403 году, и низложивъ обoихъ, какъ схизматиковъ, еретиковъ, нарушителей клятвы, соблазнителей Церкви, избралъ на мѣсто ихъ третьяго Папу, Александра V. (Кн. С, гл. 30, 32.)

Но выборъ сей только умножилъ замѣшательства числомъ Папъ, потому что, съ его назначеніемъ, утратилась истинная цѣль Собора—исправленіе безпорядковъ церковныхъ. Новый Первосвятитель искалъ выдти изъ-подъ тяжкаго надзора столькихъ

Епископовъ, властно распоряжавшихъ, предъ его глазами, дѣлами Церкви, вопреки укоренившемуся въ среднихъ вѣкахъ мнѣнію, о непогрѣшительности и самодержавіи преемниковъ Петровыхъ. Онъ распустилъ Соборъ, отсрочивъ его на три года, и умеръ прежде сего времени, оставивъ по себѣ преемникомъ Іоанна XXIII, который подтвердилъ анаемумъ двумъ своимъ противникамъ, и не торопился также соединить Собора. Когда же Король Владиславъ Неаполитанскій овладѣлъ Римомъ, то Папа не могъ долге отклонять предложеннаго Собора, однако дѣйствовалъ не безъ хитрости, хотя Соборъ былъ, въ мысляхъ Императора Сигизмунда и всѣхъ благонамѣренныхъ, единственнымъ средствомъ исцѣлить болѣзнь церковную. Такъ открывался Папа секретарю Ареццо, въ своихъ тайныхъ замыслахъ: «все зависить отъ мѣста, гдѣ будетъ Соборъ, и я не хочу, чтобы тамъ Императоръ былъ сильнѣе меня. И такъ я дамъ моимъ легатамъ обширное полномочіе, чтобы могли всѣмъ показывать оное, но втайнѣ назначу имъ только нѣсколько мѣстъ, на которыя они должны соглашаться.» Съ такими лукавыми предположеніями, глава Западной Церкви, хотѣлъ исправлять ея безпорядки, и хотя принужденъ былъ дать полную свободу легатамъ, полагаясь во всемъ на ихъ благоразуміе, однако крайне огорчился, когда узналъ, что городъ Констанція, въ предѣлахъ имперіи Германской, избранъ мѣстомъ собранія. Съ неудовольствіемъ явился онъ самъ въ Констанцію для предсѣданія, на непріязненномъ ему Соборѣ въ 1414 году. (гл. 54.)

Историкъ Флери замѣчаетъ, что въ Западной

Церкви, уже нѣсколько вѣковъ, Соборы во многомъ отличались, отъ древнихъ Соборовъ первенствующей Церкви. Тамъ засѣданія были настоящими дѣянiями, на которыхъ предлагались и испытывались дѣла и Епископы подавали свои мнѣнiя, за коими немедленно слѣдовали рѣшенiя; посему и продолжались они не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; здѣсь же напротивъ, такъ называемыя дѣянiя, были ничто иное, какъ обряды, совершаемые въ церкви; они начинались торжественною обѣденою, потомъ слѣдовала проповѣдь, и напоследокъ читали постановленiя совсѣмъ готовыя, заблаговременно разрѣшенныя на частныхъ сходкахъ или конгрегацiяхъ; оттого и длились соборы, какъ на прим. Констанскiй, три года.—Однако же Соборъ сей, какъ и всѣ послѣдующiе, показали, что наконецъ Церковь Западная почувствовала нужду соборнаго правительства, вмѣсто единодержавiя папскаго, выскшаго се въ такiе беспорядки, изъ коихъ не могла она выдти даже и постановленiями соборными, ибо многiе навъики и мнѣнiя укоренились теченiемъ времени. Примѣромъ служить можетъ слѣдующее постановленiе Констанскаго Собора, о приобщенiи подъ однимъ видомъ, которое возбудило столько смятенiй и ересей: (Кн. СІ, гл. 1.)

«Въ нѣкоторыхъ частяхъ міра есть люди, дерзновенно утверждающiе, что народъ Христіанскiй долженъ принимать св. таинство свхаристiи, подъ двумя видами хлѣба и вина, и дѣйствительно приобщаютъ такимъ образомъ мірянъ, даже не натощахъ, вопреки благому обычаю Церкви, отвергаемому ими какъ святотатство. Почему настоящiй

Соборъ объявляетъ и рѣшаетъ, что хотя Иисусъ Христосъ учредилъ на вечери сіе достоуважаемое таинство и преподалъ оное ученикамъ своимъ, подѣ двумя видами, однако же, по важности св. канонѣвъ и признаннаго обычая, Церковь наблюдаетъ, чтобы евхаристія не была освящаема послѣ трапезы и принимаема вѣрными, иначе какъ натощакъ, развѣ въ случаѣ болѣзни или въ иныхъ крайностяхъ. И хотя въ первенствующей Церкви вѣрные принимали таинство сіе, подѣ двумя видами, однако въ послѣдствіи, для избѣжанія нѣкоторыхъ опасностей и соблазновъ, обычай благоразумно ввелъ, чтобы одни служащіе пресвитеры приобщались подѣ двумя видами, міряне же подѣ однимъ лишь видомъ хлѣба; ибо несомнѣнно, что все тѣло и вся кровь Иисуса Христа содержатся въ каждомъ изъ двухъ видовъ. Посему обычай сей, какъ благоразумно введенный въ Церковь и долго въ ней соблюдаемый, долженъ сдѣлаться закономъ, который невозможно будетъ отринуть или измѣнить безъ согласія Церкви. И такъ, тѣ, которые упорно станутъ поддерживать противное, должны быть смиряемы, какъ еретики, и строго наказываемы епархіальными Епископами и инквизиторами.» (гл. 21.)

Если бы столь святотатное опредѣленіе возглаголено было на одномъ изъ седми вселенскихъ Соборовъ, то святые отцы, въ ушахъ коихъ отзывались еще слова Христовы, на вечери тайной, о своей божественной крови: «пійте отъ нея вси» не ужаснулись ли бы, слыша названіе еретиковъ, налагаемое на исполнителей сего завѣщанія?

Не благопріятствовало самовластію папскому

опредѣленіе, что Соборъ пріемлетъ власть свою непосредственно отъ Господа Иисуса Христа, и всякій чловѣкъ, какого бы достоинства ни былъ, даже папскаго, долженъ ему повиноваться во всемъ, что касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія Церкви, въ ея главѣ и членахъ. Если же и самъ Папа откажется упорно, слѣдовать постановленіямъ сего или всякаго другаго вселенскаго Собора, то будетъ подвергнутъ приличной эпитиміи, и даже въ случаѣ нужды прибѣгнуть и къ другимъ законнымъ наказаніямъ.» (гл. 8.)

Приговоръ сей исполнился надъ Папою Іоанномъ XXIII, который открылъ сперва торжественно засѣданіе Собора и далъ клятвенное обѣщаніе отказаться отъ своего сана, чтобы побудить къ тому же своихъ двухъ соперниковъ; узнавъ потомъ, что дошли до слуха соборнаго многія нареканія на его симонію и нечистую жизнь, онъ бѣжалъ изъ Констанціи, былъ осужденъ заочно и лишенъ сана за свои преступленія. На его мѣсто поставили Мартина V, и положено было созывать Соборы вообще, чрезъ каждые десять лѣтъ, для устроенія дѣлъ церковныхъ; такъ окончился Соборъ Констанскій. (гл. 20, 39, 43.)

Папа Мартинъ, желая мира церковнаго, отправилъ въ 1422 году нунція въ Константинополь, къ Императору Мануилу, для того, чтобы предварительно условиться о мѣстѣ Собора, и получилъ отзывъ молодого Императора Іоанна Палеолога, ибо отецъ его Мануиль скоропостижно скончался:—мы поручили нашимъ посланникамъ обѣщать только то, что содержится въ нашихъ письмахъ, т. е. соедине-

ніе Собора, по обычаю семи вселенскихъ Соборовъ. Мѣстомъ будетъ избранъ Константинополь, потому что не можемъ отлучиться, и по причинѣ издержекъ. Прежде падали онъ на Императора, но теперь мы не въ силахъ, ни коимъ образомъ, принять ихъ на себя: посему просимъ васъ взять ихъ на свой счетъ. Что же касается до времени, мы бы желали немедленнаго соединенія, но вашу нунцій видѣлъ въ какомъ положеніи дѣла наши. Мы почти совершенно уничтожены; столица наша и государство подмечемъ невѣрныхъ, и намъ невозможно созвать Епископовъ Азіи и Европы по причинѣ войны. Но какъ только Господь даруетъ миръ и нѣкоторое облегченіе дѣламъ нашимъ, мы немедленно къ вамъ отпишемъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ объ издержкахъ, положимъ соединиться Собору въ теченіи года. Мы просимъ еще, чтобы вы произнесли страшную анаѳему на всѣхъ тѣхъ изъ вашихъ, которые будучи въ мирѣ съ нами, оставляютъ насъ однихъ ержаться противъ невѣрныхъ. Христіане должны помогать намъ и не позволять невѣрнымъ имѣть на своихъ корабляхъ Христіанъ, вооруженныхъ противъ насъ.» Письмо сіе ясно показываетъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась имперія Греческая, и какъ легко было Епископамъ Римскимъ воспользоваться ея убожествомъ и крайностію, для насильственнаго соединенія Церквей. (Кн. Сп, гл. 6, 7, 8.)

Между тѣмъ соперники Мартина V, Григорій XII и Іоаннъ XXIII, отреклись отъ престола и скончались; Венедиктъ же XIII оставилъ и по смерти своей слабого преемника Климента VIII. А

предположенный всякое десятилѣтіе Соборъ, начавшійся сперва въ Пави, продолжался весьма слабо въ Сиенъ, гдѣ былъ распущенъ, ибо Папы не любили такого надзора за своими дѣлами. Будущій Соборъ чрезъ семь лѣтъ назначили въ Базель, съ обѣщаніемъ новыхъ болѣе дѣятельныхъ преобразованій Церкви, и Мартинъ V умеръ не дождавшись оного. Евгений IV, хитрый и искусный въ дѣлахъ, но невѣрный въ словѣ, посвящень на его мѣсто, и не сдержалъ клятвы своей, данной при избраніи: возстановить первобытный порядокъ церковный, не переносить катедры своей изъ мѣста въ мѣсто и созывать всеобщіе Соборы въ назначенное время и мѣсто. (гл. 12, 14, 33.)

Едва соединились въ 1431 году Соборъ Базельскій, какъ уже Евгений, недовольный слишкомъ смѣлыми опредѣленіями, хотѣлъ, подъ разными предлогами, перенести его ближе къ себѣ, въ Болонію; но Соборъ укрѣпился противъ него, объявивъ, что рѣшился пребыть твердымъ на томъ же мѣстѣ, благодатию Св. Духа, дѣйствуя для истребленія ереси, исправленія нравовъ Христіанскаго народа и водворенія мира, и надѣется, что и Папа Евгений благопріятствовать будетъ Собору, начатому властію его предшественника и его собственною. — Съ тѣмъ вмѣстѣ подтвердилъ опредѣленіе Констанскаго, о повиновеніи всякаго лица, и даже папскаго, власти соборной, и положилъ звать самаго Евгенія, съ назначеніемъ срока и съ угрозою, что въ случаѣ сопротивленія, Соборъ поступитъ, по внушенію Св. Духа и законамъ божественнымъ и человѣческимъ. (гл. 42.)

Когда же Папа, вмѣсто пришествія личнаго, прислалъ своихъ повѣренныхъ, съ неудовлетворительными извиненіями, Соборъ хотѣлъ уже приступить къ отрѣшенію Папы, но еще назначилъ двухмѣсячный срокъ, для избѣжанія соблазновъ, опредѣлилъ однако: «что поелику въ символъ вѣры исповѣдуется одна только соборная Церковь, то и одинъ только вселенскій Соборъ можетъ представлять ее; и такъ не можетъ быть инаго гдѣ либо вселенскаго Собора, кромѣ сего Базельскаго, во все продолженіе онаго, какъ правильно созваннаго властію двухъ Соборовъ, Констанскаго и Ліонскаго, и двумя Папами Мартиномъ V и Евгениемъ IV. Посему всякое иное собраніе, хотя украшенное именованіемъ вселенскаго Собора, будетъ ничто иное, какъ соборище раскольниковъ, а не Каѳолической Церкви, и Соборъ, подѣ страхомъ отлученія церковнаго и отрѣшенія, запрещаетъ всякому лицу, какаго бы ни былъ достоинства, Императору, Королямъ или Папѣ, дѣлать самовольно собранія, подѣ именованіемъ вселенскаго Собора.»

Папа Евгенийъ видя, что Императоръ Сигизмундъ есть главная опора Собора Базельскаго, отправилъ къ нему нунціевъ, чтобы совѣщаться о перемѣнѣ мѣста, и принужденъ былъ, по его непреклонности, убѣждать къ тому самый Соборъ. Положеніе Евгения становилось часъ отъ часу затруднительнѣе и двусмысленнѣе. Услышавъ, что отцы соборные хотятъ приступить къ его отрѣшенію, онъ утвердилъ будую продолженіе Собора въ Базель, оправдываясь въ своихъ побужденіяхъ перенести оный въ Итацію, ради удобства Грекамъ, и послалъ четырехъ кардиналовъ предсѣдательствовать вмѣсто себя, чѣмъ одна-

ко не остались довольны отцы Собора, которые требовали личного присутствия Папы и дали еще краткий срокъ, съ угрозою окончательнаго отрѣшенія. Папа съ своей стороны объявилъ, сперва недѣйствительными всѣ заключенія Собора, противъ преимуществъ Римской кафедры, запрещая вѣрнымъ ему повиноваться, а три дня спустя обнародовалъ новую буллу, что вполнѣ пріемлетъ рѣшенія Собора Базельскаго и будетъ благопріятствовать ему всею своею властію, съ тѣмъ только, чтобы уничтожено было все сдѣланное противъ его особы, и потомъ опять обнародовалъ апологію, въ видѣ окружнаго посланія, въ коемъ доказывалъ необходимость перемѣны мѣста, и что Папа свѣше Собора; а между тѣмъ послалъ отъ себя въ Базель удовлетворительное письмо. Соборъ призналъ оное достаточнымъ, и позволилъ четыремъ легатамъ присутствовать въ засѣданіяхъ, давъ прежде присягу, что признають Соборъ свѣше Папы и не измѣнятъ мѣста безъ общаго согласія. (гл. 53, 55, 57, 59, 62.)

Самъ Евгеній, принужденный спастись бѣгствомъ, въ иноческой одеждѣ отъ буйства Римлянъ, которые хотѣли выдать его Герцогу Миланскому, до разсужденія о немъ соборнаго, писалъ еще разъ изъ Флоренціи отцамъ Базельскимъ, чтобы возбудить ихъ къ дѣятельному преобразованію Церкви, въ коемъ она нуждалась, менѣе разсуждая, нежели подавая примѣръ собственнымъ соблюденіемъ каноновъ, и Соборъ, довольный покорностію Папы, примирилъ его съ Римлянами.

Между тѣмъ посланники Греческіе пришли, отъ Императора Іоанна въ Базель, съ отвѣтами на тѣ

предложенія, какія Соборъ отправилъ къ нему съ своими посланными. Они объяснили, что соединеніе Церквей можетъ только произойти на всеобщемъ Соборѣ Западныхъ и Восточныхъ, и что Базель не былъ въ числѣ городовъ, предположенныхъ вначалѣ мѣстомъ собранія, почему и рѣшились отцы еще однажды спросить о томъ Императора Палеолога. Но прежде полученія отвѣта, уже опять поссорился Папа съ Соборомъ, который воспретилъ пошлины подъ именемъ аннаты, собираемыя съ утвердительныхъ грамотъ, рассылаемыхъ изъ Рима; на сей разъ распря уже не прекращалась, потому что Соборъ настоятельно сталъ обличать поступки Евгенія, а Папа, окруженнымъ посланіемъ къ государямъ, ему болѣе благопріятствовавшимъ, осуждалъ дѣйствія Собора, непріязненные его особѣ, который будто бы хотѣлъ изъ себя представить другую главу Церкви и такимъ образомъ раздѣлить ее. (гл. 57.)

Но и на Соборѣ произошли несогласія, по случаю рѣшительнаго отзыва Греческаго Императора, что Патріархамъ Восточнымъ слишкомъ далеко идти чрезъ горы и что необходимо соединить соборъ гдѣ либо въ Италіи, такъ чтобы и Папа могъ на ономъ присутствовать. Отцы Базельскіе раздѣлились въ мнѣніи; одни назначали Авиньонъ, другіе соглашались на Флоренцію, и Папа воспользовался симъ несогласіемъ, чтобы назначить буллою Флоренцію, какъ мѣсто соединенія съ Восточною Церковію. А между тѣмъ, все болѣе и болѣе умножалось пламя раздора между Евгеніемъ и Базельскимъ Соборомъ. (гл. 82.)

По случаю смерти Королевы Неаполитанской Иоанны II, Папа объявилъ, что королевство ея, какъ будто завистывшее отъ Римской касседры, возвращается къ ней обратно, по неизмѣнно прямыхъ наследниковъ, и послалъ титулярнаго патриарха Александрійскаго, Иоанна Вителески, съ войсками для отраженія Арраговскаго Короля Алфонса, отыскивавшаго сіе наследіе; за одержаніе же побѣды произвелъ Патриарха въ кардиналы, вопреки постановленія соборнаго, запрещавшаго умножать самовольно число кардиналовъ. Соборъ вступился за свои права, а не за соблазнъ, что Патриархъ производится въ кардиналы, за одержанную побѣду, какъ военачальникъ, и, не позволивъ признавать его въ новомъ санѣ, рѣшился приступить къ сужденію Папы, потому что уже миновался нѣсколько разъ опредѣленный срокъ, для личнаго предстанія. (гл. 85.)

Евгеній, съ своей стороны, видя, что продолженіе Собора въ Базель совершенно уничтожаетъ власть его, издалъ буллу, которою, ради удобнѣйшаго соединенія Церкви и устроенія дѣлъ неуспѣшныхъ въ Базель, властію Апостольскою и съ согласія кардиналовъ, повелѣвалъ перенести Соборъ въ Феррару и соединиться тамъ всѣмъ находившимся въ Базель Епископамъ и аббатамъ. Но сіи послѣдніе, раздраженные столь рѣшительнымъ актомъ, объявили оный ничтожнымъ и, жалуясь на неповиновеніе Папы они грозили низложить его; отвѣчали князьямъ имперіи Германской, за него ходатайствовавшимъ:

»Развѣ не видите вы, что дѣлаетъ ежедневно

владыка Евгений, чтобы разрушить до основанія начатое нами, для водворенія мира и преобразованія Церкви? Или не знаете, что когда разсѣется, но воля его, Соборъ сей, законно начатый, никогда болѣе не соединится иной, и Папа стремится къ сей цѣли, посредствомъ васъ, чтобы въ одно мгновеніе истребить то, что сдѣлано было къ спасенію всего міра. И такъ, мудрые сыны, не просите отъ насъ того, что отъ насъ не зависитъ; ибо вамъ незаконно просить, а намъ неприлично уступить. Мы обязаны наблюдать, чтобы власть вселенской Церкви не была презираема, а напротивъ, какъ данная ей отъ Бога, сохранилась бы въ цѣлости; владыка Евгений оскорбилъ власть сію вознамѣрившись внезапно разсѣять Соборъ. Можемъ ли быть равнодушными къ столь вредному для Церкви предпріятію, если не хотимъ сдѣлаться сами участниками онаго? Если оставимъ сіе безъ наказанія, кто дерзнетъ воспротивиться Папѣ, сколько бы знатенъ онъ ни былъ? и такъ всѣ должны будутъ покориться одному и предаться на его волю?» Въ слѣдствіе сего Соборъ объявилъ Папу запрещеннымъ во всѣхъ должностяхъ своихъ, по управленію свѣтскому и духовному, въ ожиданіи рѣшительнаго приговора. (гл. 87, 88, 89, 99, 104.)

Но не смотря на то, Евгений открылъ свой соборъ въ Феррарѣ, съ 23 только Епископами, и повелѣлъ продолжать на ономъ всѣ дѣла, начатыя въ Базелѣ, объявивъ ничтожнымъ все, сдѣланное послѣ изданія буллы о закрытіи. На второмъ засѣданіи собралось уже болѣе 70 Епископовъ, и всѣ отцы Базельскіе объявлены были отлученными

отъ Церкви, подь страхомъ отлученія и всему городу, если не выгонитъ изъ себя Собора. Посреди такой внутренней войны Западной Церкви и взаимныхъ проклятій двухъ соборовъ, именовавшихся вселенскими, Папа Евгеній приступилъ къ соединенію Церкви Западной съ Восточною, въ томъ же духъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ и до того, въ отношеніи къ собственной паствѣ. (гл. 100) 90-92

II.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ СОБОРУ ВСЕЛЕНСКОМУ.

Обстоятельства Флорентинскаго Собора такъ важны, что не лзя не обратить на нихъ особеннаго вниманія; съ одной стороны Церковь Западная, которая, какъ мы сей-часъ видѣли, почти не хотѣла въ немъ участвовать, ибо и Базельскій Соборъ еще продолжался, и никто изъ государей не явился лично или чрезъ пословъ своихъ,—теперь напротивъ сильно опирается на рѣшенія Флорентинскія, какъ на правильныя и вселенскія; съ другой же стороны Церковь Восточная, вопіющая противъ насильственныхъ дѣйствій сего собора, присутствовала на немъ главными своими лицами, свѣтскими

и духовными. И такъ надлежитъ вникнуть подробнѣе, какъ въ самыя дѣянія соборныя, такъ и въ обстоятельства, предшествовавшія имъ на Востокъ, и въ средства, употребленныя для собранія Епископовъ, потому что мы бросили краткій взглядъ и на современное состояніе Западной Церкви.

Для разсмотрѣнія дѣяній могутъ служить подлинныя ихъ записки, помѣщенныя въ изданіи Соборовъ на Греческомъ, съ Латинскимъ переводомъ Іоанна Матѳея Каріофила, которыя однако Патріархъ Іерусалимскій Досіеѳей находитъ неполными, въ книгѣ X своей исторіи, и это весьма вѣроятно, потому что сокращенія замѣтны. Не смотря на то записки сіи гораздо правдоподобнѣе тѣхъ, какія Римляне помѣстили, вслѣдъ за ними, въ собраніи актовъ, на одномъ Латинскомъ языкѣ, съ слѣдующею оговоркою: (Concil. T. 33. p. 3.) «о публичныхъ прѣніяхъ, между Греками и Латинами, глубокое у всѣхъ было молчаніе, въ теченіи почти ста лѣтъ, т. е. со времени Папы Евгенія IV до Климента VII, хотя однако извѣстно, что многими писателями и нотаріями соборными описаны были. Когда такимъ образомъ Латинскіе экземпляры гнили въ архивахъ и библіотекахъ, одна изъ Греческихъ, безъимянная рукопись, напечатана была въ Римѣ, при Климентѣ VII, въ 1526 году, съ Латинскимъ переводомъ, и та же рукопись, съ инымъ переводомъ Каріофила, напечатана при Папѣ Павлѣ V, въ общей книгѣ Соборовъ. »Многіе ожидали однако, чтобы, для пользы общей, явился также въ свѣтъ какой либо экземпляръ Латинскихъ писателей, по сему предмету, и я отыскалъ

въ Ватиканской библіотекѣ древній манускриптъ, писанный Андреемъ Патриціемъ Римскимъ, адвокатомъ Апостольской консисторіи, который самъ присутствовалъ на Соборѣ:» (это говоритъ въ предисловіи Флорентинскаго Собора пѣзднѣйшій издатель онаго въ 1644 году.)

Удивительно какъ въ дѣлѣ столь важномъ, каковъ Флорентинскій Соборъ для Римлянъ, которые съ большимъ тщаніемъ собирали все дѣянія древнихъ Соборовъ, внезапно явилась такая безопасность, что сто лѣтъ молчать они о соборѣ, потомъ дважды издають переводъ безыменной Греческой рукописи, и наконецъ, только чрезъ двѣсти лѣтъ, отыскивають подлинникъ Латинскій исполненный подложными выписками древнихъ отцевъ, (какъ на прим. если сравнить письмо Папы Дамаса къ Павлину о Св. Духѣ, съ тѣмъ, которое привелъ въ своей церковной исторіи Θεодоритъ, и тому подобное). Для чего также Римляне не упоминають, о современной книгѣ великаго Екклесіарха Константинопольской Церкви, Сильвестра Скиропула, присутствовавшаго на Соборѣ, которая явилась въ Царьградѣ тотчасъ послѣ, во время мнимаго столѣтняго молчанія. Съ паденіемъ Царьграда она должна была сдѣлаться извѣстною, ибо Греки принесли въ Италію писанныя ими книги. А между тѣмъ это есть весьма полное описаніе, не столько самыхъ дѣяній соборныхъ, сколько обстоятельствъ, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, и побудительной причины самыхъ рѣшеній; оно составлено лицомъ дѣйствовавшимъ на Соборѣ, однимъ изъ пяти ближайшихъ совѣтниковъ Патріарха, подъ именемъ правдивой исторіи

неправеднаго соединенія.— Не лъзя и нѣтъ причины подозрѣвать правдивости Скиропула, ибо не только его записки, большею частію, сходны съ вышеименованными, дополняя опущенное, но онъ и не старался скрыть горькихъ обстоятельствъ времени, ни малодушныхъ дѣйствій Императора, Патріарха и другихъ Епископовъ, ни даже собственнаго невольнаго согласія на Унію, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавалъ полную справедливость твердости Марка Ефесскаго: такимъ образомъ, совершенною откровенностію, заслуживаетъ и совершенную довѣренность читателей, для которыхъ, безъ его объясненія, непонятными бы показались записки Каріюфила, отчасти благопріятныя Риму.

Есть еще одинъ источникъ, которому однако не лъзя слишкомъ довѣрять, въ библіотекѣ Ватиканской:—это сборникъ, писанный на холстинной бумагѣ, послѣ XV вѣка. По языку и правописанію видно, что онъ писанъ въ югозападной части Россіи. Въ числѣ многихъ статей, въ немъ содержащихся, всѣхъ занимательнѣе и любопытнѣе пятая, подъ заглавіемъ: «исторія о листрикійскомъ, то есть: разбойническомъ Ферарьскомъ або Флорентскомъ Синоде, вкоротце правдиве списанная.» Эта исторія писана, по всему вѣроятію, въ Острогѣ, центрѣ нашего югозападнаго православія: и содержитъ въ себѣ такія свѣдѣнія, о Флорентинскомъ Соборѣ, которыя хотя и были уже напечатаны, однако мало извѣстны ученому міру, судившему о дѣлѣ, по однимъ только западнымъ источникамъ. (Смотри 1 книжка Жур. Мин. Народ. Просв. 1844 года.)

Теперь приступимъ къ описанію того, что предшествовало Собору. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и Патріархъ Константинопольскій Іосифъ, возбуждаемые къ соединенію Церквей, легатами Собора Базельскаго, отправили отъ себя посланниковъ къ тремъ Патріархамъ Восточнымъ и властителямъ Иверскому, Трапезонтскому, Сербскому и Молдовляхійскому, чтобы вся Церковь православная представляема была на Западъ, своими верховными Епископами. О Россіи облегчилась имъ забота, чрезъ поставленіе, весьма неправильное, Иллирійскаго іеромонаха Исидора, въ Митрополиты всея Руси, вмѣсто Святителя Іоны, законно присланнаго въ Царьградъ, отъ всего Собора Московскаго. Рукопись, найденная въ Ватиканъ, весьма правдиво и удовлетворительно изображаетъ происки папскія, для рукоположенія Исидора, безъ которыхъ оно могло быть непонятнымъ.

»Въ 1436 году, по кончинѣ Кіевскаго Митрополита Фотія, избранъ былъ Епископами и всемъ причтомъ церковнымъ, также Князьями Западныхъ земель Русскихъ и Литовскаго княжества, на митрополию Кіевскую, человекъ добрый, набожный, тихій, скромный и ученый, Епископъ Рязанскій Іона. По избраніи, онъ отправленъ былъ въ Константинополь, съ грамотами къ Цезарю Палеологу и Патріарху Іосифу, чтобы принять благословеніе отъ сего послѣдняго. Но еще до Іоны прибылъ въ Царьградъ изъ Рима, съ грамотою отъ Папы, нѣкій Исидоръ, Словакъ, изъ краевъ Западныхъ, человекъ уклончивый, хитрый, снаружи льстивый, внутри превратный. Ласковыми словами, покорны-

ми просьбами, грамотою Папы, онъ склонилъ Цезаря и Патріарха на то, чтобы вручить ему митрополию Русскую; а грамота Папы Евгенія къ Патріарху Іосифу была слѣдующаго содержанія: »Евгеній, слуга слугъ Божьихъ, Бискупъ Римскій, высокой столицы новаго Рима честному Іосифу Патріарсе, брату намъ о Христе намишному, покая и потѣхи, за побожнымъ и чести годнымъ и досвежчонымъ мужемъ на имя Изидоромъ, покорность наша желаетъ, абысте его не помешъкаваючи, на архіепископство Русской столицы посветившы, и з моцью зуполною послали, о чымъ есмо и до намишого сына нашего Яна Цезаря, яснеудожонаго, листъ нашъ за тымъ святоблывимъ мужемъ Изидоромъ, который есть отъ столицы наше, во всѣхъ годностяхъ досвежчонъ, писали, Господу Іисусу васъ поручаемъ. Данъ въ Риме, року тисеча чтыриста тридцать семого.»

Патріархъ Іосифъ, не вѣдая скрытныхъ умысловъ чловѣческихъ, только Богу одному открытыхъ, по просьбѣ Папы и по ходатайству Цезаря, а болѣе для того, чтобы Церковь Христова, въ великомъ народѣ Русскомъ, не оставалась долго безъ пастыря и старшаго строителя, посвятилъ Исидора на митрополию Кіевскую и отпустилъ его съ грамотами на Русь. Вскоръ по отбытіи его, пріѣхалъ Іона въ Царьградъ, съ грамотами изъ Москвы. Патріархъ раскаялся въ томъ, что уступилъ просьбамъ Исидора, и созвавши на совѣтъ духовенство, по совѣщаніи, объявилъ Іонѣ: »сынъ намилѣйшій Іона! благословеніе на митрополию Кіевскую, хитростію и лестию у меня уже выманено: я

посвятилъ и отпустилъ туда Исидора. Но когда Богу угодно будетъ, или смертію, или какимъ другимъ случаемъ, удалить Исидора отъ митрополіи, тогда я тебѣ, избранному отъ всѣхъ Святителю, даю благословеніе мое воспринять престолъ митрополіи Русской.»

Посвятивъ Іону, Патріархъ отпустилъ его; между тѣмъ Исидоръ прибылъ на мѣсто своего назначенія: всѣ дивились нежданному гостю, ни чье сердце не лежало къ нему; но не смотря на то, духовные и свѣтскіе чины приняли его съ должною честію, и онъ сѣлъ на духовный престолъ столицы. Пробывъ на митрополіи четыре мѣсяца, Исидоръ замыслилъ ѣхать въ Италію на Соборъ Флорентинскій: назначенное время было ему извѣстно, и онъ ясно говорилъ что ѣдетъ туда за тѣмъ, чтобы оборонять православіе Восточной Церкви. Обыватели и Князья земель Русскихъ, равно и нѣкоторые Епископы, узнавъ о его намѣреніи, одни лично, другіе чрезъ письма, просили его, чтобы онъ на тотъ Соборъ не ѣздилъ, а если уже поѣдетъ, то ни въ чемъ бы не отступилъ отъ преданій Апостольскихъ и канонѡвъ богоносныхъ Отецъ. Упорный въ своемъ намѣреніи, Исидоръ сказалъ, что поѣдетъ, но обѣщалъ всѣмъ стоять за православіе, не перестуая ни въ чемъ границъ истинной вѣры, и, взявъ съ собою не малое число особъ духовныхъ, поѣхалъ въ Феррару; но еще на дорогѣ обнаружилось лукавство его сердца. Случилось ему, на границахъ Нѣмецкихъ, пріѣхать въ одно мѣсто, въ которомъ жило много Христіанъ православнаго исповѣданія. Жители, услышавъ о прибытіи Русскаго Митрополита, вышли къ нему на

встрѣчу съ крестами, по своему обычаю. Увидя то, Нѣмцы папскаго исповѣданія, вышли также вслѣдъ за процессією. Тутъ Исидоръ впервые обличилъ свою измѣну:—онъ миновалъ первыхъ, не поклонившись даже кресту и притекъ прямо къ послѣднимъ. Епископъ Суздальскій, Авраамій, видя такой поступокъ, удивился и въ жалости молвилъ тихо своимъ: «видно не пастыря, а волка, овчею одеждою прикрытаго, мы имѣемъ.» Папезники приняли гостя своего съ великою радостію, угощали и проводили далѣе.» (Жур. Мин. Просв. кн. I.)

Посланникъ царскій къ Патріархамъ долженъ былъ внушить имъ тайно, отъ лица Императора, что если не имѣютъ кого назначить своими мѣстоблюстителями, избрали бы людей достойныхъ, въ нѣдрахъ имперіи, какихъ имъ указывалъ самъ, и Патріархи безпрекословно избрали: Александрійскій, Антонія Митрополита Ираклійскаго и іеромонаха Марка Евгенія, бывшаго потомъ Ефесскимъ; Антиохійскій, Иоасафа Митрополита Ефесскаго и Григорія духовника; Іерусалимскій, Діонисія Сардійскаго Епископа и Исидора Митрополита Русскаго, бывшихъ тогда еще іеромонахами, и въ грамотахъ своихъ связали ихъ крѣпкимъ словомъ, чтобы не дерзали ничего утверждать на Соборъ или опредѣлять, кромѣ того, что будетъ согласно съ правилами вселенскихъ Соборовъ и святыхъ Отець, и дабы отнюдь не было какого либо измѣненія или прибавленія въ символъ вѣры. (Скиропула кн. III, гл. 3.)

Когда же Патріархъ Иосифъ узналъ, что мимо его избраны мѣстоблюстители по одному внушенію царскому, онъ огорчился за столь неумѣстную тай-

ну, и еще болѣе смутился легатъ Базельскаго Собора Іоаннъ, остававшійся въ Царьградъ, прочитавъ граматы, которыя связывали мѣстоблюстителей.—Онъ убѣдилъ Императора послать опять къ Патріархамъ, на утвержденіе, другія довѣрительныя граматы, въ которыхъ исключено было все то, что могло не благопріятствовать соединенію, подъ тѣмъ предлогомъ, что сіе необходимо для собственной чести Царя и Собора, и самихъ мѣстоблюстителей. »Знайте, писалъ Императоръ, что мы не хотимъ ничего творить, кромѣ того, о чемъ вы сами къ намъ писали, и не хотимъ измѣнить что-либо, вопреки уставовъ вселенскихъ и отеческихъ, ничего не убавляя и ничего не прибавляя къ до-селе върванному нами и укрѣпленному соборно. И такъ отложите всякое подозрѣніе, и измѣнивъ граматы ваши, пребывайте спокойны, что ни въ чемъ не отступимъ отъ заповѣдей вашихъ.» Опытъ показалъ противное и потому справедливо возстали въ послѣдствіи Патріархи Восточные, на рѣшенія Флорентинскаго Собора, неправильно принятыхъ ихъ мѣстоблюстителями. Вскорѣ по полученіи вторичныхъ граматъ отъ Патріарховъ, скончался мѣстоблюститель Антіохійскаго престола, Митрополитъ Ефеса, и поставленъ на его кафедру знаменитый Маркъ, наилучшее украшеніе Церкви Восточной.

Императоръ отправилъ, въ то же время, хранителя печати Мануила къ Папѣ, съ вѣстію, что готовъ, съ наступленіемъ осени, идти на Соборъ, и другаго посланника Іоанна къ отцамъ Базельскимъ, чтобы прислали, въ условленное время, галеры въ Константинополь для отплытія. Онъ же долженъ былъ

условиться съ Соборомъ и объ издержкахъ пути; но какимъ образомъ, замѣчаетъ Скиропулъ, перешелъ посланникъ сей отъ Собора къ Папѣ и съ нимъ условился, какъ будто мы имѣли дѣло съ Папою, касательно денегъ и судовъ,—это отъ насъ совершенно скрыто и даже объяснить не можемъ, хотя для всѣхъ казалось весьма подозрительнымъ, что посланный не дѣйствовалъ по своему назначенію. (гл. 5.)

Осенью явились неожиданно галеры папскія, съ обоими послами Греческими, легатомъ, тремя Епископами, и братомъ царскимъ Деспотомъ Константиномъ, который прибылъ изъ Пелопониса, чтобы управлять имперіею въ отсутствіе Государя. Посланники и Епископы Западные обольстили Царя и Патріарха, и самаго прокуратора Собора Базельскаго Іоанна, будто бы примирился Папа съ отцами соборными; прокураторъ, будучи обманутъ тѣмъ, что три пришедшіе Епископа находились прежде въ Базель, и не зная, какимъ образомъ перешли они на сторону Евгенія, началъ убѣждать вмѣстѣ съ ними Императора, немедленно пуститься въ дальній путь. Но не прошло двухъ недѣль, какъ пришли обѣщанныя суда, прямо отъ Собора, и мямянникъ папскій, начальствовавшій его галерами, хотѣлъ вступить съ ними въ бой, но не былъ допущенъ Императоромъ. Легаты соборные, вмѣстѣ съ прокураторомъ Іоанномъ, обличили коварство Папы и принесли условенныя деньги для издержекъ пути; папскіе легаты, съ своей стороны, не щадили денегъ и обѣщаній, чтобы привлечь къ себѣ колеблющихся и недоумѣвающихъ между

двумя сильными противниками. Тщетно Епископы Базельскіе представляли Императору и Патріарху, что Папа враждуетъ противъ Собора, и предлагали оставить суда свои въ Царьградъ, доколѣ не обошлются съ Соборомъ, чтобы дознать истину. Тщетно Императоръ Германскій Сигизмундъ прислалъ гонца въ Царьградъ, убѣдить Палеолога не вхаты въ Италію, повременить дѣломъ соединенія церковнаго, доколѣ не утихнетъ внутренній раздоръ въ Церкви Западной; тщетно всѣ благо-разумные, между Святителями Восточными, склоняли къ тому же своего Государя, и даже Султанъ Турецкій Амуратъ совѣтовалъ ему болѣе надѣяться на прочность союза съ нимъ, нежели съ Латинами,—какое то странное ослѣпленіе овладѣло его умомъ, и онъ, отвергнувъ предложенія соборныя, рѣшился плыть на галерахъ папскихъ, чтобы испить полную чашу горя и позора въ Италиі. Братъ его Деспотъ Димитрій, Патріархъ Іосифъ и двадцать Епископовъ раздѣлили съ нимъ печальное странствованіе, съ пятью духовными сановниками великой церкви, настоятелями обителей, пресвитерами, иноками и многочисленнымъ клиромъ; Патріархъ, движимый чувствомъ славолубія, хотѣлъ, чтобы Церковь Восточная показала на Западѣ въ полномъ блескѣ, и взялъ съ собою великолѣпнѣйшія утвари, потому что надѣялся быть принятымъ Папою, съ равенствомъ братскимъ, а не какъ одинъ изъ многочисленной толпы покорныхъ ему Епископовъ. (гл. 9, 11—15, 17.)

Съ чрезвычайною честью встрѣченъ былъ Императоръ, Дожемъ и Сенатомъ въ Венеціи, куда

прибыль и кардиналь Іуліанъ, председательствовавшій на Соборъ Базельскомъ и перешедшій на сторону Евгенія. Они продолжали путь въ Феррару, но Императоръ, принятый тамъ съ должною почестію Евгеніемъ, послалъ гонца къ Патріарху Іосифу, для предупрежденія, что Папа требуетъ отъ него земнаго поклона и цѣлованія туфли. Ужаснулся Патріархъ, достигнувъ Феррары, отвѣчалъ Епископамъ Римскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу, съ тѣмъ же предложеніемъ, что согласенъ только на цѣлованіе братское, и созвавъ своихъ Епископовъ, съ негодованіемъ объявилъ имъ требованія Папы. Тогда Митрополитъ Трапезундскій напомнилъ ему всѣ предостерегательные совѣты, какіе онъ отвергъ въ Царьградѣ. Между тѣмъ Императоръ опять прислалъ вѣстника, что онъ продолжаетъ спорить съ Папою, о сохраненіи достоинства патріаршаго, и Іосифъ рѣшительно сказалъ пришедшимъ отъ Папы Епископамъ, что не сойдетъ съ галеры и не позволитъ выдти никому изъ своихъ Святителей, если не отступится Евгеній отъ столь безумнаго требованія, противнаго церковнымъ уставамъ. Тогда, въ свою чреду, принужденъ былъ уступить Папа, подъ предлогомъ желанія мира; но, чтобы скрыть отъ народа свое невольное смиреніе, принялъ Патріарха въ своихъ покояхъ, а не торжественно, и стоя цѣловался съ нимъ братски, но не упустилъ случая посадить его наравнѣ съ кардиналами, на низкое сѣдалище, подлѣ своего высренняго престола. Прочіе Епископы цѣловали щеку и руку Евгенія, какъ прилично Патріарху, и такимъ образомъ, уже съ первой ми-

нуты, поселилась взаимная холодность и недоверчивость между тѣми, которые должны были устроить миръ церковный. (Книга IV, гл. 19—22.)

III.

СОБОРЪ ВЪ ФЕРРАРѢ.

Начались новыя распри, о устроении мѣсть въ митрополи Феррарской, для вселенскаго Собора. Папа хотѣлъ председательствовать на престолѣ, Императоръ и Патріархъ не соглашались. Послѣ многихъ прѣвій рѣшились поставить, на срединѣ церкви, напой съ Евангелиемъ, по лѣвую сторону онаго престолѣ для Папы, и подмѣ для Императора Германскаго, (котораго тогда не было, ибо Сигизмундъ скончался), съ лѣвой же стороны наложя, сперва тронъ Императора Греческаго, потомъ патріаршій, такъ чтобы вся Церковь Восточная была на одной сторонѣ, Западная же на другой, а между ними поставили скамью для имѣющихъ вступить въ состязаніе; но и тутъ, возвышеніе и убранство трона папскаго, возбудили жалобы Патріарха, и съ негодованіемъ воскликнулъ Императоръ: что онъ видитъ только, въ приготовленіяхъ

соборныхъ, одну гордость житейскую, чуждую всякаго духовнаго приличія. (гл. 26.)

Съ большимъ трудомъ могли также вымолить у Папы, чтобы, во исполненіе его обѣщанія, раздаваемы были, въ руки Императора и Епископовъ, деньги на ихъ содержаніе, вмѣсто ежедневной пищи, которую хотѣлъ удѣлять имъ, какъ нищимъ, и въ продолженіе всего Собора, въ Феррарѣ и Флоренціи, жалованье сіе было непрестаннымъ предметомъ распрей и жалобъ, а также однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, какія употреблялъ Папа для порабощенія Грековъ: ибо онъ замедлялъ нарочно выдачу денегъ до послѣдней крайности, такъ что нѣкоторые Епископы продавали свои одежды, и выдавалъ деньги, какъ милость, большею частію, когда соглашались на какое либо благопріятное ему предложеніе. (гл. 28.)

Произошли перемѣны и въ назначеніи мѣстоблюстителей патріаршихъ, по волѣ Императора, но не безъ затрудненій и взаимныхъ несогласій: Митрополитъ Антоній Ираклійскій и духовникъ Григорій избраны были въ лицѣ Александрійскаго; Маркъ Ефесскій и Исидоръ Русскій въ лицѣ Антіохійскаго, а Діонисій Сардійскій въ лицѣ Іерусалимскаго; по смерти же сего послѣдняго, Маркъ Ефесскій, какъ ревностный поборникъ Церкви, представлялъ на Соборъ двухъ Патріарховъ, Антіохійскаго и Іерусалимскаго. (гл. 29.)

Съ трудомъ согласился Папа уступить Патріарху, даже малый монастырь, для богослуженія исключительно православныхъ, и когда болѣзнь престарѣлаго Іосифа замедляла открытіе Собора,

рѣшился начать засѣданія безъ него, въ присутствіи Императора и мѣстоблюстителей, на страстной недѣль, 3 Апрѣля 1438 года, провозглашеніемъ Собора, на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Дальнѣйшія засѣданія отложены были на четыре мѣсяца, въ ожиданіи пришествія пословъ отъ Европейскихъ Государей, ибо Евгеній отправилъ для сего легата въ Галлію и ожидалъ также участія князей Германскихъ; но всѣ громкія объщанія, о пышныхъ посольствахъ, которыхъ ожидалъ отъ Короля Франціи, остались тщетными, равно какъ и пустымъ пребылъ тронъ Императора Германскаго; Соборъ Базельскій поколебалъ довѣренность Западныхъ владыкъ; явились только посланники отъ Герцога Бургундскаго, оскорбившіе дерзкимъ своимъ поведеніемъ Императора Греческаго; Митрополитъ Исидоръ Россійскій съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ и нѣсколькими пресвитерами, пришли восполнить Церковь Восточную, а Западная считала на Соборъ около двухъ сотъ Епископовъ, большею частію Италіанскихъ, которые потомъ во множествѣ разошлись изъ Феррары, отъ бездѣйствія и чумы. (гл. 31.)

Между тѣмъ Папа Евгеній, желая, чтобы распространялась повсюду молва, о дѣяніяхъ Собора Феррарскаго, и чрезъ то упалъ бы въ общемъ мнѣніи Соборъ Базельскій, ему непріязненный, предложилъ Императору частныя совѣщанія между Епископами обѣихъ Церквей, до открытія торжественныхъ засѣданій, и были избраны со стороны православныхъ: Маркъ Ефесскій, Виссаріонъ Никейскій съ тремя другими Епископами, со сторо-

ны же Римляны: кардиналы Юлианъ и Фирмианъ, Андрей Епископъ Родосскій, бывший некогда православившъ, и учитель или проповѣдникъ двора папскаго Юванъ. Императоръ дозволялъ говорить только Марку и Виссаріону, надѣясь на силу ихъ слова, и строго запретилъ имъ касаться главныхъ предметовъ: искожденія Духа Святаго и опрѣснокость, доколе не начнутся торжественныя собранія; но и въ двухъ другихъ предметахъ: чистилищъ и власти папской, велѣлъ соблюдать крайнюю осторожность, чтобы на частныхъ сходкахъ не повредить послѣдующимъ прѣніямъ. Когда же Маркъ предложилъ на выборъ Римлянамъ два послѣдніе предмета, они предпочли разсуждать о чистилищѣ, какъ о вопросѣ менѣе опасномъ. Но прѣнія сіи, весьма многословныя съ обѣихъ сторонъ, не произвели ничего удовлетворительнаго, ибо каждая осталась при своемъ мнѣніи, хотя Маркъ говорилъ, что не столь велико различіе на сему предмету, сколько предполагали (Кн. V, гл. 3, 13.)

«Римляне исповѣдуютъ, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, (т. е. до страшнаго суда) огонь и очищеніе огненное, въ будущемъ же не очистительный огонь, но вѣчный; исповѣдуютъ, во времени, очищеніе души онемъ, и тѣмъ искупленіе отъ грѣховъ; такъ, что кто согрѣшилъ много, освободится послѣ должовавременнаго чистилища, кто же мало, скорѣе разрѣшится также съ помощію молитвъ Церкви.—И такъ Римляне признаютъ огонь, и временный и вѣчный, и первый называютъ очистительнымъ.»

»А Греки предполагають огонь только въ вѣчности (основываясь впрочемъ на словахъ Писанія), однако признають и временное наказаніе душъ, т. е. что души обремененныя грѣхами, отходятъ въ мѣста мрачныя, въ мѣста плача, гдѣ пребываютъ до времени въ плачъ и наказаніи, лишенными божественнаго свѣта; очищаются же, т. е. изъ сего мрачнаго и плачевнаго мѣста разрѣшаются, молитвами, приношеніемъ безкровной жертвы, милостынею, а не огнемъ;» (Tom. 52. Concilium pag. 28.)

»Взаимно потребовали изложенія догматовъ на бумагахъ и новыхъ объясненій, которыя опять остались безъ успѣха. А между тѣмъ пришли вѣсти изъ Царьграда, что Султанъ Амуратъ хочетъ осадить столицу, и тщетно умолялъ Императоръ Папу послать на помощь галеры. Евгенийъ требовалъ ихъ отъ Венеціи, или денегъ для ихъ содержанія, но Венеціане не довѣряли денегъ Папѣ, и одно только провидѣніе спасло на сей разъ Константинополь. Такъ бѣдственно было положеніе Епископовъ Греческихъ въ Феррарѣ, что многіе хотѣли тайно удалиться въ Венецію и Царьградъ, какъ то Митрополиты Иракійскій и Ефесскій, но ихъ удержалъ строгій указъ Императора, который самъ проводилъ время въ бездѣйствіи на ловлѣ, поселившись въ загородномъ монастырѣ; болѣзненный Патріархъ также ничего не предпринималъ къ успѣшному окончанію дѣла. Жалобы Святителей Греческихъ побудили ихъ наконецъ требовать отъ Папы продолженія засѣданій, шесть мѣсяцевъ спустя

послѣ открытія Собора, на такихъ условіяхъ, чтобы Греки имѣли право предлагать вопросы Римлянамъ, и для сего опять назначены были Маркъ Ефесскій и Виссаріонъ Никейскій. (гл. 12. кн. VI, гл. 6, 14.)

Но пятнадцать засѣданій, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, бывшія въ палатахъ папскихъ, не подвинули дѣла. Они протекли въ прѣвнїяхъ, о исхожденіи Духа Святаго, утомительныхъ многословіемъ состязавшихся, которые старались выказать свое краснорѣчіе; одинъ Маркъ Ефесскій отличался твердостію отвѣтовъ, основанныхъ на прямомъ смыслѣ Св. Писанія. Онъ требовалъ настоятельно, вопреки желанію Римлянъ, чтобы вмѣсто разсужденій, читаны были опредѣленія вселенскихъ Соборовъ о догматахъ вѣры, и наипаче о томъ, чтобы ничего не прибавлять къ символу; православные, съ общаго предварительнаго согласія, сильно опирались на сіе постановленіе, дабы, прямымъ и явнымъ его смысломъ, отклонить хитросплетенія Римскія въ поясненіи самыхъ догматовъ. (гл. 18.)

Замѣчательно, что послѣ втораго засѣданія, два кардинала, съ нѣсколькими Епископами Латинскими, приходили къ Патріарху, гдѣ находился Императоръ и Святители православные, отклонять ихъ отъ торжественнаго чтенія правилъ вселенскихъ на Соборѣ, предлагая домашнее о томъ изслѣдованіе; но православные единодушно настояли въ своемъ требованіи, не смотря на всѣ сопротивленія и отговорки; посему Римляне старались, чтобы послѣдующія засѣданія были менѣе торжественны и многлюдны. (гл. 19.)

Когда прочитали правила Ефесскаго Собора,

Маркъ Ефесскій сказалъ: »на третьемъ вселенскомъ Соборѣ читанъ былъ также символъ, составленный Несторіанами, о коемъ упоминаемо было на шестомъ дѣяніи, и отцы соборные, сказавъ о немъ свое мнѣніе, постановили единодушно: что символъ Никейскій должно сохранить неизмѣннымъ и неколебимымъ, и что не позволено ничего къ нему приложить или отъ него убавить, или предложить иное исповѣданіе, подѣ страхомъ изверженія клирикамъ и анаемы мірянамъ. По причинѣ сего запрещенія не дерзнули и отцы соборные въ Ефесѣ, приложить къ символу наименованіе Матери Божіей, столь необходимое противъ Несторіанъ.» (Ист. Флери кн. СІІ, гл. 94) 95

Такъ недобросовѣстны были дѣйствія Римлянъ, что въ предложенныхъ ими актахъ седьмаго вселенскаго Собора, символъ Никейскій обрѣли съ приложеніемъ »и отъ Сына,» и они дерзали даже увѣрять Грековъ, будто рукопись сія есть подлинная и древность ея доказана исторически. »Если бы это было истинно, отвѣчали Греки, то всѣ ваши ученые богословы, и наипаче Тома Аквинскій, не старались бы доказывать приложеніе къ символу, безчисленными доводами и ссылками на древнія книги; достаточно было бы и сего одного, но они молчатъ о томъ.» Когда же кончилось чтеніе Соборовъ вселенскихъ, съ замѣчаніями на нихъ Марка Ефесскаго, многіе изъ любителей истины, между монашествующими Латинскими, невольно сознались, что дотогѣ ничего подобнаго не слышали и жаловались на своихъ учителей, превознося Марка и правду Грековъ. Сановники же Римскіе, именемъ Папы, приказали

имъ умолкнуть, какъ невѣждамъ, и не разглашать такіе слухи въ народѣ. Андрей, Родосскій Епископъ, защищавшій сторону Римскую, предлагалъ въ удостовѣреніе того, что приложеніе къ символу не было главною причиною разрыва, отрывокъ изъ неполнаго посланія св. Максима, который говорилъ, что и въ его время существовало уже сіе приложеніе, и православные почли весьма для нихъ полезнымъ, что Латиняне приводили въ свидѣтельство отрывки письма, которое нигдѣ не обрѣтается въ цѣлости, и даже искаженный текстъ актовъ соборныхъ, по принятому ими обычаю измѣнять писанія святыхъ Отецъ. Однако, въ послѣдующихъ собраніяхъ, Римляне уже не хотѣли болѣе говорить ни о письмѣ, ни о рукописи.—Когда же на седьмомъ засѣданіи Митрополитъ Никейскій спросилъ рѣшительно: «относятся ли каноны и опредѣленія Соборовъ вселенскихъ прямо къ символу вѣры, или къ чему другому?»—состязатели Римскіе, совѣщавшись нѣсколько между собою, у трона папскаго, ничего не отвѣчали, и Андрей Родосскій старался пространною рѣчью замять вопросъ. Съ тѣхъ поръ Римляне домогались перенести рѣшеніе, отъ неправильности приложенія къ истолкованію самаго догмата, о исхожденіи Св. Духа. Но православные, соединясь у Патріарха, твердо положили не отклоняться отъ перваго вопроса, ибо чувствовали, что Римляне, по неимѣнію на то отвѣта, усиливаются вытѣснить ихъ изъ неприступной крѣпости. (Сиропуло кн. VI, гл. 19, 20, 21, 22, 23.)

Однако же хитрость Латинская перевозмогла: кардиналы непрестанно приходили убѣждать о томъ

Патріарха, страдавшаго на болѣзненномъ одрѣ; а Императоръ, вынужденный оставить загородный монастырь, по возмущенію поселянъ за его непрестанныя ловли, и подстрекаемый желаніемъ окончить скорѣе прѣвнѣе соборное, для возвращенія въ Царьградъ, принудилъ наконецъ своихъ Епископовъ удовлетворить требованіямъ Латинянъ. Тщетно благоразумнѣйшіе представляли ему, что если Римляне, въ вопросѣ о приложеніи къ символу, для нихъ неблагопріятномъ, до такой степени обольщаютъ ложными доводами, что даже осмѣливаются утверждать, будто до нихъ не касаются опредѣленія соборныя по сему предмету:—то чего же ожидать отъ нихъ, когда коснутся догмата, о коемъ заранее уже торжествуютъ, приводя по произволу свидѣтельства своихъ отцевъ, невѣдомыя православнымъ? Укрѣпляемые властію Папы, не разгласятъ ли они по всему міру, что яснѣе солнца доказали свое мнѣніе, когда не стыдятся провозглашать правильнымъ приложеніе къ символу, вопреки всякой правды, которую ничѣмъ не могли доказать! Императоръ положилъ рѣшить вопросъ сей, по большинству голосовъ, на частномъ совѣщаніи у Патріарха, и, вопреки мнѣнія самаго Іосифа, рѣшились приступить къ прѣвнѣю о исхожденіи Св. Духа. (Кн. VII, гл. 2, 5, 7, 10.)

На предпоследнемъ засѣданіи соборномъ, бывшемъ въ Феррарѣ, громко вопіялъ еще разъ Маркъ Ефесскій, въ слухъ Римлянъ, противъ неправильнаго ихъ приложенія. Онъ умолялъ возвратить символъ, въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ нѣкогда сами пріяли его изъ Царьгра-

да, и оторвать малое приложение, что ни сколько не повредить имъ, а принесетъ великую пользу, ибо примирить Христіанъ между собою, и тогда, едиными устами и единымъ сердцемъ, будутъ вкупѣ славить великогѣпное имя Пресвятой Троицы. (Concil. T. 32, pag. 214.)

Новое огорченіе возмутило православныхъ; давно уже носились слухи, что по случаю чумы, недостатка припасовъ и опасности отъ своихъ недоброжелателей, Папа хочетъ перенести Соборъ во Флоренцію; Императоръ старался успокоить своихъ Епископовъ, увѣряя ихъ, что никакъ не согласится оставить Феррару. Но, въ началѣ 1439 года, Папа прислалъ рѣшительно объявить Императору, что не имѣетъ средствъ продолжать Собора въ Феррарѣ, и что Флорентинцы предлагаютъ отъ себя 400,000 золотыхъ, дабы только перенесенъ былъ Соборъ въ ихъ городъ. Онъ же, съ своей стороны, обѣщаетъ тамъ Грекамъ содержаніе общественное и отпускъ послѣ четырехъ мѣсяцовъ, съ тремя вооруженными галсами и 12,000 золотыхъ. (pag. 218.)

Сильно воспротивились православные еще большому отдаленію отъ своей родины, послѣ долгаго и бесполезнаго пребыванія въ Феррарѣ. Они подозрѣвали намѣреніе Папы вынудить ихъ согласіе во Флоренціи; съ великимъ трудомъ, почти насильственно, могъ убѣдить Императоръ сперва Патриарха, потомъ Епископовъ, согласиться на предложеніе Евгенія, чтобы не сдѣлать тщетнымъ ихъ путешествія и долготу понесенныхъ бѣдствій; совершенный недостатокъ въ деньгахъ, для ежеднев-

ной пищи, служилъ сильнымъ убѣжденіемъ покориться волю тѣхъ, въ чьи руки безразсудно предались; стараясь отнять всякую возможность бѣгства, Императоръ объявилъ, что всякое судно Греческое, направляемое въ Венецію, предано будетъ пламени. Въ митрополіи Феррарской провозглашено было перенесеніе Собора во Флоренцію, и Папа съ великимъ торжествомъ выступилъ изъ города; но потомъ, опасаясь враждебнаго нападенія, съ малымъ числомъ служителей, почти бѣжалъ во Флоренцію. Императоръ же, предоставивъ Флорентинцамъ сдѣлать сперва торжественную встрѣчу Патриарху, чтобы восполнить ему недостатокъ почести въ Феррарѣ, самъ, съ великою пышностію, принять былъ народомъ, и такимъ образомъ устроился новый Соборъ во Флоренціи. (Кн. V, гл. 15.)

IV.

СОБОРЪ ФЛОРЕНТИНСКІЙ.

При самомъ началѣ Флорентинскаго Собора, положено было, безъ всякихъ отговорокъ, соединяться для прѣвій, по три раза въ недѣлю; но условіе это не было исполняемо, съ обѣихъ сторонъ, и прежнее бездѣйствіе возобновилось, по тѣмъ же причинамъ: Римляне настаивали на унію, а Греки, мучимые голодомъ и нуждою, безпрестанно совѣщались между собою, то у Патріарха, то у Императора, ибо не знали какъ выдти изъ столь затруднительнаго положенія, и сначала нѣкоторые, а потомъ многіе изъ ихъ числа, стали малодушествовать и уступать; отъ сего возникли внутреннія несогласія, а Римляне безпрестанно укоряли ихъ въ медленности. Но хотя они испросили себѣ у Палеолога, втайнѣ отъ Епископовъ, право предлагать вопросы православнымъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на оныя, какъ въ Феррарѣ, однако доколѣ продолжались совѣщанія соборныя о исхожденіи Духа Святаго, Маркъ Ефесскій не давалъ имъ торжествовать. Его доводы были такъ тверды и ясны, что Римляне большею частію уклонялись отъ пря-

мыхъ отвѣтовъ, обращаясь то къ жалобамъ, на несоблюденіе будто бы порядка въ состязаніяхъ, то къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ изъ книгъ сомнительныхъ, и усиливались одержать поверхность діалектическими изворотами. Въ двадцать третье засѣданіе Маркъ Ефесскій принужденъ былъ сказать одному изъ своихъ противоборниковъ: «ты знаешь, почтенный отецъ, что всѣ бывшія засѣданія потрачены на два или на три изреченія, вами предложенныя.» Къ сему присовокупилъ и Императоръ, обращаясь къ Римлянамъ: «ваша цѣль была всегда, чтобы безпрестанно говорить вамъ, а мы не находили бы времени.» (Кн. VIII, гл. 1. Concil. T. 32, p. 365.)

Получивъ, посредствомъ сего обличенія, болѣе свободы продолжать свои доводы, Маркъ Ефесскій обратилъ между прочимъ вниманіе на составъ Никейско-Цареградскаго символа вѣры, и прочитавъ слова его: «вѣруемъ и въ Духа Святаго Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима,» рассуждалъ: «здѣсь должно примѣтить намѣреніе святыхъ Отцевъ; ибо подлежащія слова суть развитіе богословія. Собору сему угодно было ясно показать образъ единенія Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ, и смотрите, какъ различительно опредѣляетъ онъ присвоеніе Духа Святаго Отцу и Сыну. Какъ бы такъ говорить онъ: Духъ Святой, отцами оными, сочисляется Отцу и Сыну, яко отъ Отца происходящій, со Отцемъ же и Сыномъ споклоняемый и славимый, т. е. равночестный и еднотелный. Если бы Соборъ признавалъ его происхожденіе отъ обоихъ, то почему не сказалъ:

«отъ Отца и Сына исходящаго, и съ ними спокло-
няема и сславима?» такъ слѣдовало бы сказать, если
бы таково было мнѣніе Собора. Послѣнку же, въ
первомъ случаѣ, отцы не упомянули о Сынѣ, когда
хотѣли опредѣлить вину исхожденія; а во второмъ
случаѣ упомянули, когда хотѣли показать равно-
честіе и единосущіе; то очевидно, что они не при-
знавали исхожденія Духа Святаго и отъ Сына; ибо
иначе не опустили бы сего, и особенно тогда, ког-
да составляли изложение догмата. И что сіе изло-
женіе есть совершеннѣйшее, а не полусовершенство-
ное, какъ вы говорите, сіе видно изъ того, что ни
одинъ изъ послѣдующихъ Соборовъ не сдѣлалъ на
сіе изъясненіе новаго изъясненія, и не прибавилъ
исхожденія и отъ Сына; напротивъ того всѣ Собо-
ры, своими опредѣленіями, возбрали сіе и запрети-
ли, какъ бы пророчески провидя то, что у васъ
имѣло случиться.» (Concil. Florent. sess. XXIII.)

Когда Маркъ кончилъ рѣчь, въ которой содер-
жалось сіе примѣчательное изложеніе символа и
многія свидѣтельства отцевъ, въ пользу Восточнаго
догмата, Іуліанъ кардиналъ, вмѣсто того, чтобы при-
знать справедливость доводовъ, или доказывать про-
тивное, далъ только слѣдующій отвѣтъ Марку: «по-
елику ты сказалъ, что тебѣ нужно, то справедли-
вость требуетъ, чтобы ты отвѣчалъ на сказанное
Іоанномъ провинціаломъ»; то есть онъ вновь обра-
щалъ споръ къ одному изъ тѣхъ немногихъ изрече-
ній, на которыя, какъ жаловался Маркъ, потраче-
ны были всѣ засѣданія.

Подъ конецъ сего послѣдняго провинціалъ Іоаннъ
объявилъ, что Римская Церковь признаетъ единую

токмо причину Сына и Духа, т. е. Отца, и не исповѣдуетъ двухъ началъ или двухъ причинъ, но единую вину и начало, предавая противно сему мыслящихъ анаемъ. (Concilioгum Т. 32, pag. 381.)

На этомъ словѣ кончилось засѣданіе и православные обрадовались, что Римляне признали Отца, какъ единую причину Сына и Духа, а не два начала. Императоръ, соединивъ своихъ Епископовъ у Патріарха, сказалъ, что во избѣжаніе гоненія, горчайшаго нежели какое было при Діоклитіанѣ, должно думать о средствахъ соединенія, потому что провинціалъ Іоаннъ явно исповѣдалъ на Соборѣ, единое начало Сыну и Духу во Отцѣ, и Римляне прислали къ нему даже сіе исповѣданіе на бумагъ. (pag. 383.)

Не здѣсь ли можно помѣстить то, что рукопись Ватиканская говоритъ, о колебаніи Папы и дѣйствіяхъ В. Магистра Родосскаго? ибо хотя дальнѣйшіе факты, въ ней описанныя, не совсѣмъ сходны съ истинною, но здѣсь однако есть убѣдительная сообразность съ обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что самъ Императоръ, въ текстъ, приведенномъ Римлянами, предостерегаетъ о гоненіяхъ Діоклитіановыхъ.

»Такъ долженъ былъ кончиться Соборъ Флорентинскій: написали грамоту соединенія, которая начиналась тѣмъ, что Богъ Отецъ единая причина, а Духъ Святой причину имѣетъ отъ Отца; постановили на другой же день приложить руки къ сей грамотѣ. Но сатана внушилъ злую ревность великаго Родоса Ипату, Магистру богатому; а съ нимъ было войска 2000 человекъ. Ночью Ма-

магистръ Родосскій отправился къ Папѣ Евгенію и спросилъ его: «для чего уступилъ онъ тому издавна упорному и гордому Грецкому народу?» Евгенийъ отвѣчалъ Магистру, что уступилъ не народу, а доводамъ текстовъ, для общаго покоя. Магистръ припомнилъ Евгенію предметниковъ его Папъ, которые навсегда расторгли «общеванье съ народомъ Сирскимъ и надутымъ Грецкимъ.» Онъ укорялъ Папу въ томъ, что онъ попираетъ учрежденія бывшія и гаситъ тѣмъ славу Западныхъ народовъ. Многіе кардиналы и Епископы, приглашенные Магистромъ, помогали ему въ увѣщаніяхъ. Евгенийъ не рѣшался еще нарушить данное слово, но Магистръ грозилъ употребить силу противъ самаго Цезаря Палеолога, если Папа не нарушитъ своего обещанія. Кардиналы удержали пылъ Магистра и сказали ему, что можно склонить Цезаря обещаніями, Патріарха деньгами, потому что «Грекъ за золото себѣ очи вылупить;» только съ Маркомъ Ефесскимъ трудно будетъ сладить, но противъ него найдутся тайныя средства. И Папа Евгенийъ далъ наконецъ, какъ будто противъ воли, позволеніе Родосскому Магистру и кардиналамъ расторгнуть Соборъ Флорентинскій.

Въ ту же ночь послали сказать всѣмъ своимъ кардиналамъ и Епископамъ «чтобы они для замкненія уніи не въ церковь приходили, а къ Папѣ.» Наступило утро; Восточные съ радостію текутъ въ соборный храмъ, ничего не вѣдая о бывшемъ ночномъ совѣтѣ, и дожидаются до вечера; поздно уже узнали они объ умыслѣ, но не хотѣли вѣрить; послали спросить о томъ оратора Яна; отвѣтъ его

убѣдиль ихъ въ обманѣ. Немедленно побѣжали они къ Цезарю; но у него уже находились кардиналь Іуліанъ и два Епископа, которые подосланы были отъ Папы, съ подарками и обѣщаніями. Отчаявшись найти помощь въ Императорѣ, они съ воплемъ печали стали расходиться.» (Жур. Мин. Прос. 1841, кн. 1.)

Поелику же Римляне прислали православнымъ нѣсколько свидѣтельствъ, въ пользу своего мнѣнія изъ отцевъ Западныхъ, то Императоръ хотѣлъ знать о нихъ мнѣніе Святителей Греческихъ. Маркъ Ефесскій отвѣчалъ, что едва ли свидѣтельства отцевъ Западныхъ, которыми превозносятся Римляне, извлечены изъ сихъ отцевъ, и потому должно ихъ отвергнуть, какъ незаконныя; когда же нѣкоторые изъ Епископовъ возстали противъ строгости его мнѣнія, оскорбительнаго для святыхъ отцевъ, онъ опять сказалъ: «уважаю отцевъ, но доселѣ ничего не видѣлъ и не слышалъ отъ нихъ подобнаго, и потому выраженія сомнительныя слѣдуетъ въ нихъ опустить; ибо я могу доказать, что предложенныя свидѣтельства не суть мнѣнія вселенской Церкви, но явились послѣ отдѣленія Римскаго.» Наконецъ онъ согласился, вмѣстѣ съ прочими, предложить Римлянамъ, въ основаніе союза, письмо Максима исповѣдника, на которое сперва они сами ссылались; святой Максимъ такъ выразился: «свидѣтельства Римскихъ отцевъ согласны съ толкованіемъ Кирилла Александрійскаго на Іоанна: «что Сынъ не есть вина Духа, ибо одна только вина Сына и Духа—Отецъ, единаго по рожденію, другаго же по исхожденію; а что у него говорится, якобы Духъ

происходитъ чрезъ Сына, сіе для того, чтобы показать, что они суть того же существа и безъ всякаго различія.» (Скир. кн. VIII, гл. 2. Concil. T. 32, pag. 384.)

Но Римляне не согласились на такое предложеніе, и чтобы исправить свое пораженіе, потребовали новыхъ засѣданій; Императоръ, желая только найти средство къ миру, чтобы удалиться въ Царьградъ, (ибо еще разъ присылали просить у него помощи и онъ опять тщетно просилъ ее у Папы), запретилъ Антонію Ираклійскому и Марку Ефесскому идти на засѣданіе; онъ зналъ, что Маркъ никакъ не согласится уступить, и съ тѣхъ поръ самъ безпрестанно совѣщался втайнѣ, съ протосингеломъ Григоріемъ, бывшимъ въ послѣдствіи Патріархомъ, и съ двумя измѣнившими православію Митрополитами, Никейскимъ и Россійскимъ, удаливъ отъ себя всѣхъ прочихъ. Они положили между собою, всѣми средствами; дѣйствовать къ совершенію единства, и это было причиною безпрестанныхъ распрей съ Маркомъ и Антоніемъ. Протосингелъ же Григорій, посреди всеобщей нищеты, возникавшей отъ того, что Пана не хотѣлъ платить условеннаго содержанія, нарочно возбуждалъ умы служителей и воиновъ царскихъ, отсылая ихъ за жалованьемъ къ Марку Ефесскому, какъ единственной пренювѣ общаго спокойствія. (pag. 385. кн. VIII, гл. 4, 5, 6, 8.)

Однако, на двухъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданіяхъ, когда провинціалъ Іоаннъ нагло вызывалъ на состязаніе отсутствующаго Марка, какъ бы побѣжденнаго, и распространялся въ многословныхъ рѣчахъ, Императоръ и потомъ Митро-

полить Исидоръ отвѣчали ему: «что Ефесскій отсутствуетъ потому только, что всѣ они пришли на сей разъ, не для состязанія, а чтобы исполнить ихъ требованіе, по условію являться въ назначенные для засѣданія дни; отвѣта же болѣе давать не будутъ, и что текущій одинъ на поприщѣ, напрасно почитаетъ себя побѣдителемъ, когда никто съ нимъ не спорить.» (Concil. T. 32. pag. 386, 390.)

Послѣ сего не было болѣе соборныхъ засѣданій, но православные часто сходились между собою въ келліи патріаршія, и когда Исидоръ совѣтовалъ лучше еединиться, нежели разойтись съ неконченнымъ дѣломъ, ибо не предвидится и средствъ къ свободному удаленію, Митрополитъ Монеувасійскій, заступавшій, вмѣстѣ съ Маркомъ, мѣсто Патріарха Іерусалимскаго, воскликнулъ: «чего же хотите? возвратиться ли въ отечество, данниками Папы, и продать наши догматы?—лучше умереть, нежели латинствовать!» (pag. 391.)

Послѣ многихъ совѣщаній, на которыхъ Никейскій Митрополитъ старался убѣдить, что Восточные отцы, одинаково съ Западными, признаютъ исхожденіе Духа и отъ Сына, Ефесскій же доказывалъ порчу книгъ Римлянами и истинный смыслъ отцевъ, а Папа, чрезъ своихъ посланныхъ, требовалъ, чтобы вопреки прежнихъ вселенскихъ Соборовъ и обычаевъ, православные и Римляне, произнесли странную клятву, надъ тѣломъ Христовымъ, чье мнѣніе признаютъ справедливымъ:—Императоръ, обще съ Патріархомъ, рѣшились послать такой отзывъ Папѣ:—«что еще спорить? не хотимъ болѣе судить и быть судимыми, ибо нѣтъ пользы отъ сло-

вопрѣнія. Каждый изъ насъ остается убѣжденнымъ въ справедливости своего мнѣнія и не согласится измѣнить оное: ни мы прибавить слово къ символу, ни вы изъ него убавить.—И такъ, вмѣсто тщетныхъ клятвъ, поищи иное средство къ соединенію; если же нѣтъ, то да возвратимся съ миромъ въ отечество;» но Папа не далъ рѣшительнаго отвѣта, а только обѣщалъ прислать кардиналовъ посовѣтовать съ Императоромъ. (pag. 399.)

Опять начались частныя сходы, между православными и Римлянами, но и тѣ ничего не произвели, равно какъ и взаимныя разсужденія, изложенныя на хартии. При личномъ свиданіи, Папа упрекалъ Императора, что допускаетъ Грековъ, не давать дальнѣйшаго изъясненія на слова св. отцевъ, о догматѣ исхожденія Святаго Духа; Государь отвѣтствовалъ, что онъ не есть владыка Собора, не хочетъ тиранническимъ образомъ соединенія и не можетъ принудить своихъ давать, противъ воли и совѣсти, отвѣты. Потомъ когда еще разъ, Папа жаловался посланнымъ отъ Императора, на медленность и бездѣйствіе Грековъ, Исидоръ Митрополитъ отвѣчалъ: что великія дѣла требуютъ большаго времени, которое однако не проходитъ въ праздности, ибо уже четыре года, какъ стараются безпрерывно совершить соединеніе Церкви. Возвратившись же къ Императору, Митрополитъ Россійскій съ Никейскимъ, Лакедемонскимъ и Митиленскимъ, объявили рѣшительно, что если не хотятъ соединенія, они присоединятся и безъ него. Слово сіе весьма утѣшило Императора и онъ опять созвалъ своихъ Епископовъ, которымъ Ни-

кейскій стараясь доказать, писаніями отступника Патріарха Векка, справедливость мнѣній Латинскихъ, и что слова «отъ и чрезъ» однозначущи; но Маркъ Ефесскій, словами св. Григорія Нисскаго, доказалъ истинный смыслъ енкъ выражений. (pag. 473, 484, 484, 485. Скрип. вн. VIII, гл. 15, 15, 16.)

Положено было наконецъ: составить такую форму исповѣданія, которая бы могла быть принята и Римлянами и Греками, ибо въ ней каждый сохранялъ свое мнѣніе, не отвергая и мнѣнія противнаго. Но когда стали читать сіе страдное исповѣданіе, оно произвело шумное прѣвіе и раздоръ, между православными и латинствующими изъ числа ихъ. Кромѣ Марка, сильно воспротивился Ираклійскій Антоній, говоря, что Императоръ сдѣлалъ тщетными всѣ ихъ надежды; Монемвасійскій же напомнилъ ему горькій примѣръ дѣда его Михаила Палеолога. Приступили къ голосамъ; одни зывали: «утверждаемъ.» другіе нѣтъ; для умноженія числа голосовъ, Лакедемонскій предложилъ Императору принять, вопреки всѣхъ правилъ, голоса мірскихъ писмоводителей, и до большинства 24 противу 12, рѣшились отослать исповѣданіе въ Римлянамъ, которые предложили на оное 12 своихъ вопросовъ, чтобы тѣмъ заставить Восточныхъ совершенно признать ихъ мнѣніе, безъ всякихъ оупченій или отговорокъ; но Императоръ убоялся обнаружить Собору сіе писаніе Римское. (гл. 17, 18.)

Между тѣмъ ежедневныя совѣщанія, то у Царя, то у Патріарха, колебали непрестанно умы и сердца православныхъ, насильственно влекомыхъ къ

уни. Никейскій приводилъ ложныя или искаженныя свидѣтельства, то изъ св. Кирилла, то изъ Епифанія, чтобы Восточными отцами оболочить Восточныхъ; Императоръ, одушевляемый одною только мыслию, возвращенія въ отечество, забывалъ все прочее и полагалъ, что совѣтъ его останется совершенно спокойною, если приметъ новый догматъ отъ лица цѣлаго Собора, почитаемаго имъ за вселенскій; болѣзненный Патріархъ малодушествовалъ на смертномъ одрѣ, внимая рѣшнѣямъ Епископовъ, то лести Никейскаго и Русскаго, то твердости Ираклійскаго и Ефесскаго. Многіе приступали къ Марку, умоляя его смягчиться; онъ отвѣчалъ «что въ защитѣ вѣры нѣтъ снисхожденія;» когда же они увѣряли, что разнѣе между двумя исповѣданіями такъ незначительно, что если только пожелаешь, можно согласиться утвердить союзъ; Маркъ опять возразилъ: «вспомните, какъ уговаривалъ правитель области св. Теодора Студита, однажды только сообщиться съ еретиками, и потомъ дѣлать все, что ему угодно, и какъ отвѣчалъ ему Святой: «знаешь ли на что похоже твое предложеніе? позволь мнѣ отрубить тебѣ голову и потомъ иди куда хочешь; ибо часто въ догматахъ весьма важно то, что кажется для нѣкоторыхъ неважнымъ.» (Кн. IX, гл. 4, 6, 7.)

Наконецъ, когда Императоръ видѣлъ уже большую часть Епископовъ на своей сторонѣ, онъ предложилъ опять рѣшить дѣло голосами, по внушенію Никейскаго, какъ будто бы на основаніи отцевъ Восточныхъ, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Патріархъ не соглашался обнаружить пре-

жде всѣхъ своего мнѣнія, но другіе принудили его говорить первымъ, и онъ выразился такъ двусмысленно, что многіе приняли слова его за отверженіе догмата Латинскаго; послѣ него семнадцать Епископовъ также отринули сей догматъ, а десять приняли. Императоръ хотѣлъ даже отобрать голоса мірянъ, но Патріархъ воспрепятствовалъ и собраніе разошлось. (гл. 8.)

Тогда приступилъ съ льстивыми рѣчами Митрополитъ Исидоръ къ Патріарху, увѣряя его, что если онъ будетъ на ихъ сторонѣ, то всѣ согласятся; слабый Іосифъ опять двусмысленно отвѣчалъ, что ему самому непріятно постыдное раздѣленіе ихъ малаго сонма и, призвавъ нѣкоторыхъ Епископовъ, упрекалъ ихъ зачѣмъ выдаютъ его, не поддерживая мнѣнія, основаннаго на древнихъ отцахъ? Они же отвѣчали, что дѣйствуя такимъ образомъ, полагали быть съ нимъ единомысленными, ибо изъ разума словъ его понимали, что и онъ не признаетъ новаго догмата; но Патріархъ, къ крайнему удивленію, возразилъ, что имъ бы надобно было лучше вникать въ смыслъ его рѣчи, и что на слѣдующемъ собраніи объяснится точнѣе. Изъ сего видно, что малодушный Іосифъ, не смѣя изложить прямо своего мнѣнія, ожидалъ прежде, чтобы Епископы себя обнаружили; онъ призвалъ также и Марка, умоляя его, всѣми Святыми и памятью отца его, согласиться на унію, но ничто не могло поколебать сего адаманта.

Митрополитъ Исидоръ употреблялъ другія средства; онъ угостилъ, роскошнымъ пиршествомъ, нѣкоторыхъ изъ собратій и выманилъ у нихъ послѣ

трапезы роковое согласіе; Императоръ же ублажилъ пословъ Трапезундскихъ и Молдовахійскихъ, подсылая съ ласковыми словами и къ Епископамъ, а Митрополита Кизическаго Митрофана, бывшаго потомъ Патріархомъ, склонилъ уступкою давно просимой имъ земли. (гл. 9.)

Наконецъ, на послѣднемъ совѣщаніи, въ присутствіи Императора, когда всѣ были уже приготовлены къ униі, Патріархъ представилъ письменно свое мнѣніе такого содержанія: «поселику слышаны были свидѣтельства отцевъ Восточной и Западной Церкви, изъ коихъ нѣкоторые исповѣдуютъ исхожденіе Духа Святаго, отъ Отца и Сына, другіе же, отъ Отца чрезъ Сына, и поселику сіе есть одно и то же: мы однако опустивъ слово «отъ Сына» исповѣдуемъ также, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, прежде всѣхъ вѣкъ и по существу своему, какъ отъ единого начала и вины, словомъ «чрезъ» знаменуя вину исхожденія Духа Святаго.»

Послѣ Патріарха первый говорилъ Митрополитъ Ираклійскій, какъ мѣстоблюститель Александрійскаго престола, и отринувъ новый догматъ «отъ Сына;» другой же мѣстоблюститель, протосингелъ Григорій, принялъ оный и союзъ съ Римлянами къ общему всѣхъ удивленію; ибо еще, за три дни предъ тѣмъ, онъ оспоривалъ дѣйствительность ихъ крещенія, совершаемаго безъ погруженія, вопреки истинному смыслу слова «ваптизо» (погружаю). Митрополитъ Трапезундскій не присутствовалъ по болѣзни и не хотѣлъ дать своего мнѣнія, не смотря на всѣ убѣжденія. Его примѣру послѣдовали Мит-

рополиты Ефесскій, Моисеивасійскій, Анхіальскій; прочіе согласились на унию, числомъ до тринадцати, и обратили еще шесть другихъ. Настоятелямъ обителей запрещено было подавать свои голоса, потому что знали ихъ твердость, а мирянь спросили; Императоръ хотѣлъ принудить къ тому же своего брата Деспота Димитрія, котораго съ трудомъ могъ убѣдить возвратиться изъ Венеціи во Флоренцію; но онъ остался непоколебимъ и опять уѣхалъ въ Венецію, тотчасъ по смерти Патріарха, взявъ съ собою двухъ мудрейшихъ между Греками философовъ, Гемета и Схоларія, бывшаго Патріархомъ подъ именемъ Геннадія, послѣ разоренія Царьграда. (Кн. IX, гл. 9, 10.)

Аврамій Суздальскій бѣжалъ въ Россію съ своими пресвитерами: Епископъ Иверскій, тщетно показывая другимъ грамоты Патріарха Антиохійскаго, который умолялъ твердо стоять за догматы, наконецъ притворился безумнымъ и укрѣпился въ Венецію; посоль же его земли, съ нимъ бывшій, не боялся обличить въ лице самаго Папы, за измененія, какія себя позволила Римская Церковь, почему и отсѣкла ее Восточная отъ своего общенія. Онъ совѣтовалъ ему исправить погрѣшности своихъ предметниковъ; когда же, въ другой разъ, услышалъ провинціала Іоанна, въ доказательствахъ своихъ непрестанно ссылающагося на Аристотеля, Иверскій вельможа воскликнулъ: «говори намъ лучше о святыхъ Петръ и Павлъ, Богословъ и Златоустъ!» (гл. 12.)

Императоръ, желая утвердить насильственный союзъ сей, объявилъ, что послѣ соборнаго рѣше-

нія уже никому не позволено измѣнять своего мнѣнія, подъ страхомъ наказанія, и велѣлъ сановникамъ воинскимъ строго наблюдать за присоединившимся. Но сколь велико было собственное его удивленіе, когда пришедши къ Папѣ, съ радостною вѣстію о соединеніи Церкви, былъ принять холодно и услышалъ, что это только начало, недостаточное для совершеннаго единства. (гл. 13.)

Римляне настоятельно требовали, чтобы изъ присланнаго къ нимъ, новаго исповѣданія Грековъ, выкинуть былъ предлогъ «чрезъ» и, по словамъ Скиропула, Императоръ съ Патриархомъ начали раскаяваться въ своей поспѣшности къ уніи; въ Латинскомъ текстѣ Собора, о томъ умолчено и не ясно видно, какъ послѣдовало согласіе на сіе предложеніе; но весьма замѣчательно, что когда Папа изъяснилъ соизволеніе на принесенное Греками изложеніе, и Римляне обнялись съ ними въ его присутствіи, Евгенийъ внезапно предложилъ Митрополитамъ Русскому, Никейскому, Трапезундскому и Митиленскому, немедленно окончить прѣвіе и о другихъ предметахъ, какъ-то о чистилищѣ, онрѣсновахъ, времени освященія даровъ и власти папской;—они отвѣчали, что это не частное дѣло, а всего Собора. Въ другой разъ Папа опять говорилъ имъ: «что осталось малое нѣкое недоумѣніе для совершеннаго единства,» и велѣлъ имъ прочесть четыре предложенія, въ главѣ коихъ стояло: «что намѣстникъ Господа Иисуса Христа, на Апостольской кафедрѣ, сохраняетъ свои преимущества, и посему онъ въ правѣ, какъ верховный Первосвя-

титель, приложить къ символу то что приложено.» (гл. 16. Concil. T. 32. pag. 500, 501, 503.)

Посланные Греческіе опять возразили: «что они не въ правѣ отвѣчать безъ Императора, но дружески даютъ отъ себя частный отзывъ, что сіе предложеніе есть несправедливѣйшее, ибо какимъ образомъ можемъ мы уступить Римской каедрѣ право прибавлять или убавлять что либо, безъ согласія своихъ братьевъ Патріарховъ? И такъ, хотя благочестиво то, что приложено къ символу, но приложившій безъ вѣдома соборнаго, не чуждъ вины. Если же угодно вамъ, то сознайтесь, что сіе несправедно учинили и впредь сего творить не будете, и такимъ образомъ получите прощеніе.»

Напрасно принуждалъ ихъ Папа отнести его предложеніе, на бумагѣ къ Императору; они отреклись, какъ неимѣющіе на то полномочія, и словесно передали, все происходившее, ему и Патріарху, предъ самымъ обѣдомъ. Вечеромъ же внезапно извѣстили ихъ, что Патріархъ скончался. Всѣ сбѣжались узнать, какъ онъ скончался? и отъ служителей его узнали, что послѣ трапезы онъ по обычаю удалился въ свою спальню, гдѣ, взявъ перо и чернила, писалъ, но внезапно, объятый трепетомъ и чрезвычайнымъ волненіемъ, предалъ духъ. Въ написанной же имъ хартіи прочли слѣдующее:

»Поелику я достигъ предѣла моей жизни и готовлюсь воздать общій всѣмъ долгъ, приношу благодареніе Богу и излагаю мнѣніе мое открыто всѣмъ моимъ чадамъ. И такъ все, что исповѣдуетъ и чему учитъ Каеолическая и Апостольская Церковь Господа нашего Иисуса Христа, древняго Рима, то и самъ.

я исповѣдаю, и на все изъявляю мое согласіе. Исповѣдаю, для твердаго увѣренія всѣхъ, блаженнѣйшимъ отцемъ отцевъ и намѣстникомъ Господа нашего Иисуса Христа, Папу древняго Рима, также и чистилище душъ, и сіе для общей вѣры подписываю. Іюня 2, индикта втораго, 1439 года.» (pag. 506.)

Какая странность, или лучше, какой явный подлогъ! Утромъ еще посланные къ Папѣ, отъ лица патріаршаго и царскаго, говорятъ, что не имѣютъ полномочія признать неограниченную власть Папы, и увѣдомляютъ о томъ самага Патріарха, за часъ до его смерти; а при самой кончинѣ, столь внезапной, онъ подписываетъ то, о чемъ не было даже и прѣнія во все продолженіе Собора; ибо самъ Патріархъ, какъ мы видѣли, съ большою настойчивостію, защищалъ всѣ свои малѣйшія преимущества и права, при торжественныхъ свиданіяхъ съ Папою. Хотя же Скиропуло не описываетъ въ подробности кончины Патріарха, говоря только о ея внезапности,—необходимо или отвергнуть сіе послѣднее завѣщаніе Іосифа, или вѣрить ужасному сказанію о его смерти, почерпнутому изъ рукописи Ватиканской.

»Патріархъ Іосифъ, видя обманъ и тиранство, раскаялся въ своемъ поступкѣ, отъ уніи отступилъ и не подписывалъ. Составили подложную подпись; три монаха удушили его, а подпись какъ будто найдена была въ рукахъ умершаго.»

По смерти Патріарха, Римляне умножили свои усилія, для скорѣйшаго написанія формулы соединенія церковнаго, и кардиналы, непрестанно переходя изъ палатъ папскихъ въ царскія, убѣдили на-

конецъ, послѣ многихъ распрей, Императора, безъ Собора Греческаго, согласиться на четыре спорные предмета: о правильности приложенія къ символу, о безразличномъ употребленіи кваснаго хлѣба или опрѣенокъ, о чистилищѣ и власти папской; но Императоръ настоялъ, чтобы православные сохранили символъ свой неизмѣннымъ и освященіе даровъ, чрезъ призваніе Святаго Духа, по чину древнихъ литургій Василія Великаго и Златоуста. Такъ утомительны были Государю неумѣстныя требованія Римлянъ, что онъ невольно воскликнулъ: »Римляне думаютъ только о состязаніяхъ, и если бы кто изъ нашихъ предложилъ имъ предметомъ разсужденія, что Христосъ есть истинный Богъ нашъ, они и объ этомъ готовы бы спорить два дня. Но если бы не прельетили они на свою сторону нѣкоторыхъ изъ числа нашихъ, никогда бы не дерзнули дѣлать мнѣ столь непріятныхъ предложеній о власти папской.» Онъ говорилъ такъ потому, что Никейскій и Русскій Митрополиты, старались чрезмѣрно ее возвеличить. (Кн. X, гл. 4, 3.)

Между тѣмъ Епископъ Митиленскій, достойный сотрудникъ сихъ двухъ измѣнниковъ, втайнѣ совѣтовалъ Папѣ, воспользоваться скудостію Грековъ и раздать имъ по рукамъ нѣкоторую сумму денегъ, что и исполнилъ съ удовольствіемъ Пана, чрезъ его посредство; ибо столь велика была нищета Епископовъ, что Никомидійскій принужденъ былъ просить денегъ, для выкуна своей одежды. Тогда Маркъ Ефесскій, видя къ чему клонится дѣло, испросилъ, чрезъ посредство Деспота Димитрія, дозволеніе Императора не участвовать ни въ какомъ совѣтѣ,

и получалъ обѣщаніе царское, о безопасномъ возвращеніи на родину, не смотря на твердость, съ какою отрекался отъ уніи. Главные же ея поборники, Никейскій и Русскій, хотѣли даже, чтобы несогласующіеся преданы были анаѣмъ; но Митрополитъ Трапезундскій сильно воспротивился столь нечестивому предложенію, отчего возникла жестокая распря между самыми защитниками уніи.

Книга актовъ Латинскихъ, не касаясь домашнихъ обстоятельствъ Епископовъ Восточныхъ, съ большою подробностію излагаетъ постепенный ходъ совѣщаній для принятія уніи. Тотчасъ, по смерти Патріарха, Папа призвалъ къ себѣ Митрополитовъ Исидора, Виссаріона и Митиленскаго, и опять предлагалъ имъ, послѣ изъявленнаго согласія на правильность приложенія къ символу, согласиться и на прочіе предметы; они отвѣчали, что нѣтъ большой важности въ спорѣ о чистилищѣ и опрѣснокяхъ, и о нихъ можно совѣщаться послѣ соединенія, равно какъ и о томъ, какія права принадлежатъ Папѣ; «приложеніе же къ символу мы дозволяемъ только въ вашихъ церквахъ, а въ нашихъ онаго отнюдь не пріемлемъ, равно какъ сохраняемъ у себя освященіе даровъ, чрезъ призваніе Св. Духа, хотя признаемъ, что оно совершается и словами Господними.» (Tom. 32. Concilior. pag. 508.)

Когда кардиналы объявили Императору, что не лзя соединить Церквей, если не будетъ разсуждено о чистилищѣ и объ освященіи даровъ, или хотя оговорено, въ формулѣ соединенія, объ одномъ чистилищѣ, и Папа лично убѣждалъ о томъ же Государя, — онъ сказалъ: «намъ остается только

отвѣчать, что время готовить нужное къ нашему отъезду, ибо мы все сказали, что могли сказать, и болѣе намъ невозможно медлить.»

Папа и кардиналы старались смягчить его, обещаніями о приготовленіи вооруженныхъ галеръ въ Венеціи и деньгахъ для блистательнаго возвращенія, по совершеніи союза. Чрезъ нѣсколько дней Папа призвалъ опять нѣкоторыхъ Епископовъ Греческихъ, безъ Императора, чтобы разсуждать съ ними, о преимуществахъ, принадлежащихъ ему, какъ верховному пастырю, учителю, преемнику Петрову и намѣстнику Христову. Епископы, возвратясь въ царскія палаты, открыли правила соборныя, чтобы извѣдать подробнѣе: каковы суть права каждой Церкви? и послѣ долгихъ прѣній, разсудили признать преимущества папскія, исключая сихъ двухъ: »Папа не можетъ созывать Собора вселенскаго, безъ приглашенія Императора и Патріарховъ; если же званные не придутъ, не смѣтра на то, Соборъ дѣйствителенъ. Если кто почитаетъ себя обиженнымъ Патріархами и обратится къ Папѣ, Патріархъ не можетъ уже болѣе судить его, но Папа пошлетъ отъ себя изслѣдователя на мѣсто, чтобы дать судъ обиженному.»—Папа, по совѣту съ кардиналами, продолжалъ требовать безпрекословнаго повиновенія всѣхъ Патріарховъ и полной власти во дворѣ овчечьемъ, какъ верховный пастырь, на что Императоръ кратко отвѣчалъ: »и такъ позаботьтесь о нашемъ отправленіи.» Но кардиналы и Митрополиты: Русскій, Никейскій и Митиленскій, стали посредниками между Папою и Государемъ. (pag. 511, 514, 515.)

Наконецъ рѣшились признавать Папу верховнымъ Первосвятителемъ и намѣстникомъ Христовымъ, управляющимъ всею Церковію, съ сохраненіемъ однако правъ и привилегій патріаршихъ, и уже ни въ чемъ болѣе не уступать ему ни на словахъ, ни на бумагъ, но просить ускоренія союза и отъѣзда. Евгенийъ согласился, и съ обѣихъ сторонъ назначены были избранные мужи, для написанія опредѣленія о мирѣ церковномъ, однако и тутъ опять возникла распря.

Римляне хотѣли поставить, во главѣ, одно только имя Папы; Палеологъ же настоялъ, послѣ многихъ споровъ, чтобы прибавлено было, съ согласія свѣтлѣйшаго Императора, Патріарха Цареградскаго и прочихъ Патріарховъ; тамъ же, гдѣ касалось до преимуществъ Папы, велѣлъ приписать, что онъ пользуется ими, по правиламъ всеиенскихъ Соборовъ и Св. Отецъ, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ и привилегій прочихъ Патріарховъ. Такъ упорно стояли Римляне за права своего Епископа, что одно слово «всѣхъ», относившееся къ правамъ патріаршимъ, возбудило новую распрю. (pag. 521.)

Надежало приступить къ подписанію акта, горькаго для православныхъ, въ которомъ они, для мнимаго соединенія, вынуждены были признать приложение Латинское, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, правильнымъ, хотя и не обязывались включать оное въ свой символъ, исповѣдать догматы западный о чистилищѣ и, что всего было тягостнѣе знающимъ древнія преданія отцевъ Церкви, согласиться на слѣдующее новое ученіе, которое называлось правильнымъ и сходнымъ съ актами

вселенскихъ Соборовъ, хотя стоитъ только заглянуть въ нихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ:

»Мы опредѣляемъ также, что святая Апостольская кафедра и Архіерей Римскій имѣють первенство во всемъ мірѣ, что онъ есть преемникъ блаженнаго Петра, представителя Апостоловъ, истинный намѣстникъ Иисуса Христа, глава всей Церкви, отецъ и учитель всѣхъ Христіанъ, и что Иисусъ Христосъ далъ ему, въ лицѣ блаженнаго Петра, полную власть пасти, учить и управлять всеенскую Церковь, какъ сіе содержится въ актахъ всеенскихъ Соборовъ и во святыхъ канонахъ. Обновляемъ еще порядокъ, преданный канонами, касательно прочихъ блаженнѣйшихъ Патріарховъ, такъ чтобы Константинопольскому быть вторымъ, послѣ святѣйшаго Папы Римскаго, Александрійскому третьимъ, Антиохійскому четвертымъ, Иерусалимскому пятымъ, съ сохраненіемъ однако всѣхъ преимуществъ и правъ каждаго изъ нихъ.» (pag. 527.)

Хотя сія послѣдняя оговорка и обезпечивала патріаршіе престолы, равно какъ ссылка на каноны всеенскіе опровергала до основанія все вышесказанное, о мнимомъ намѣстничествѣ Христовомъ и власти папской,—однако постыдно было православнымъ придти такъ издалеко чтобы жертвовать свободою Церкви стѣсненнымъ обстоятельствомъ имперіи. Маркъ Ефесскій остался непоколебимъ, Епископъ Ставропольскій укрылся и не подписалъ, Митрополитъ Ираклійскій сказался больнымъ, но вынужденъ былъ, властію Императора, подписать и на болѣзненномъ одрѣ, за что въ послѣдствіи просилъ всенародно, чтобы ему от-

сѣкли руку. Поелнку же Маркъ Ефесскій заступилъ мѣсто Патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго, то его отреченіе колебало твердость Собора. Митрополиты Исидоръ и Виссаріонъ, съ протосингеломъ Григоріемъ, подписали съ радостію, какъ главные виновники уніи, за что первые два сдѣланы были кардиналами, и въ послѣдствіи Григорій получилъ титулъ Патріарха Цареградскаго.— Прочіе, особенно Трапезундскій и Монемавасійскій, уступили тяжкимъ обстоятельствамъ времени и неодолимой воли Императора, который думалъ только о возвращеніи и спасеніи Царьграда, но обманулся въ надеждахъ, какъ справедливо сказалъ ему Султанъ Амурать, что вѣрнѣе союзъ съ нимъ, нежели съ Латинами; ибо Амурать до смерти своей далъ еще нѣсколько лѣтъ простоять ветхой имперіи Греческой, Западные же Государи, не смотря на союзъ Флорентинскій, выдали ее сыну Амуратову. Когда Папа Евгенийъ сталъ подписывать актъ соборный и не увидѣлъ на немъ имени Марка, онъ невольно воскликнулъ: «и такъ мы ничего не сдѣлали!» (Кн. X, гл. 8, 9.)

Должно еще замѣтить, что хотя говорится, будто одинъ только Маркъ Ефесскій не подписалъ соборнаго дѣянія, однако изъ самыхъ Латинскихъ актовъ, напечатанныхъ въ 52 томѣ Соборовъ, оказываются вначалѣ только руки: Митрополитовъ Ираклійскаго, Русскаго, Монемавасійскаго, Кизическаго, Трапезундскаго, Никейскаго, Никомидійскаго, Тырновскаго, Митиленскаго, Молдовахійскаго, Амасійскаго и Родосскаго, и того 12 человекъ, между коими еще непонятно, по какой причинѣ, подъ рукоприклад-

ствомъ Митрополита Никомидійскаго Макарія, подписался опять за него же, какъ его мѣтоблюститель, Митрополитъ Тырновскій Игнатій. Прочіе же пять и между ними Анхіальскій, который такъ ревностно стоялъ съ Маркомъ противъ уніи, подписались послѣ всѣхъ Римлянъ, а не въ одно время съ своими собратіями, такъ, что издатель актовъ принужденъ былъ вставить о томъ оговорку, и это можетъ показать, какъ вынужденно было ихъ рукоприкладство, если только оно точно было; Лакедемонскаго же Епископа подписи вовсе нѣтъ. Достоинно вниманія также, что хотя Монемвасійскій и подписался за Патріарха Іерусалимскаго, но въ актѣ есть и другая подпись Латинскаго Патріарха св-града:—и такъ двое считались на одной каедрѣ, вопреки всѣхъ правилъ. (pag. 529, 539.)

V.

Послѣдствія Собора.

Папѣ Евгенію весьма желательно было, чтобы православные Епископы приобщились торжественно въ соборной церкви Флорентинской, во время литургіи, которую намѣревался совершить 6 Іюля, для празднованія уніи, но желаніе его не исполни-

лось. Торжество ограничилось громогласнымъ прочтеніемъ акта соединенія, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, и взаимнымъ объятіемъ провозглашавшихъ Митрополита Никейскаго и кардинала Іуліана. На предварительный вопросъ: угодно ли сіе соединеніе? Римляне единодушно и громко воскликнули: угодно, угодно; изъ Грековъ же только нѣкоторые повторили слово сіе, и все общеніе состояло въ томъ, что они простояли литургію отдѣльно съ Императоромъ, хотя и въ облаченіяхъ, и цѣловались между собою, а не съ Латинами, когда по чину церковному встало время цѣлованія. Истиннаго же общенія не совершилось, ибо они не приобщались отъ той же божественной трапезы съ Римлянами, ибо причастниками были одни служившіе съ Папою. Митрополитъ Ираклійскій отсутствовалъ по болѣзни, а Епископъ Анхіальскій не хотѣлъ даже стоять вмѣстѣ съ своими, чтобы не участвовать въ торжествѣ. (Кн. X, гл. 9, 10.)

День спустя, Императоръ послалъ Митрополитовъ Русскаго и Никейскаго къ Папѣ, просить его, чтобы съ такимъ же торжествомъ совершена была, въ его присутствіи, литургія Святителями православными, дабы онъ видѣлъ великолѣпіе чина Восточнаго; но Папа не согласился, предлагая имъ втайнѣ отслужить обѣдню, чтобы удостовѣриться прежде, благолѣпенъ ли чинъ сей и можно ли дозволить совершить оный открыто?—Раздраженный такимъ отзывомъ Императоръ воскликнулъ: »мы надѣялись исправить множество погрѣшностей Латинскихъ, нынѣ же напротивъ Латины, непрестанно

нововводящіе и погрѣшающіе, хотятъ исправить насъ, никогда не отступавшихъ отъ канонѣвъ и болѣе не просимъ о литургіи. (гл. 11.)

Вслѣдъ за тѣмъ Папа предложилъ десять вопросовъ, касавшихся до совершенія литургіи и другихъ таинствъ и обрядовъ, на которые отвѣчалъ ему удовлетворительно Митиленскій Епископъ; но Евгеній оспоривалъ расторженіе браковъ, какъ будто бы, вопреки словъ Евангельскихъ, допускаемое Православною Церковію; сверхъ того настоятельно требовалъ осужденія Митрополита Ефесскаго, за его упорство принять унию, и избранія новаго Патріарха Цареградскаго во Флоренціи, изъ числа присутствовавшихъ Митрополитовъ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, поступить по собственному усмотрѣнію. Онъ предлагалъ существовавшаго у Римлянъ, титулярнаго Патріарха Константинопольскаго, (который однако не подписался на актахъ, по примѣру титулярнаго Иерусалимскаго), и выставялъ его благородство, глубокую старость и богатство, чтобы уловить Грековъ; ибо, говорилъ Евгеній, послѣ малаго терпѣнія Церковь ваша насладеть все его достойніе;—весьма достойная причина въ устахъ Папы! (Concilior. T. 52, pag. 534. Скирон. кн. X, гл. 12.)

Но Императоръ рѣшительно отвергъ избраніе Патріарха, гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Царьграда; Ефесскому же велѣлъ явиться предъ лице Папы, только къ большому его позору; потому что Маркъ, поклоняясь почитательно Евгению, когда увидѣлъ сидящихъ вокругъ него кардиналовъ, и самъ сѣлъ передъ ними, извиняясь подагрическою болѣзью

отъ трудовъ соборныхъ; на угрозы же папскія отвѣчалъ мужественно: »Соборы вселенскіе всегда осуждали возмутителей, которые, отклонясь отъ догматовъ церковныхъ, проповѣдывали другимъ свои заблужденія, и посему правильно назывались еретиками, и извергались вмѣстѣ съ своею ересью; я же не преподавалъ никогда какого либо частнаго моего мнѣнія и не вводилъ ничего новаго въ Церковь, или защищалъ какой либо незаконный догматъ, но держался твердо того ученія, какое Церковь вначалѣ пріяла непосредственно, отъ самаго Христа Спасителя, и какое содержала святая Римская Церковь, до ея отдѣленія, единомысленно съ нашею Восточною; ученіе сіе, какъ и прежде восхваляли всѣ, яко православное, такъ и на нынѣшнемъ Соборѣ воздавали оному должную хвалу, и никто не можетъ осудить его или измѣнить. Если же я твердо защищаю такое ученіе и никакъ не хочу отъ него отступить, то почему Соборъ намѣревается осудить меня, какъ еретика? есть ли тутъ какое либо благочестіе или справедливость? Должно прежде осудить самое ученіе, мною проповѣдуемое; а если оно признается правильнымъ и благочестивымъ, какого суда еще могу страшиться?» Папа отпустилъ Марка безъ всякаго суда. (гл. 15.)

Между тѣмъ, чтобы отклонить безпрестанныя требованія Папы, о избраніи Патріарха, Императоръ отпустилъ въ Венецію старшихъ Митрополитовъ и отговаривался, невозможностію приступить безъ ихъ содѣйствія къ дѣлу столь важному; самъ же началъ требовать условленныхъ денегъ на поддержаніе свое и Епископовъ, которое наконецъ

выдали съ большимъ затрудненіемъ, только въ минуту отъѣзда, за пять просроченныхъ мѣсяцевъ, что показываетъ, какъ домогался Папа вынудить ихъ ничетою къ подписи акта. (гл. 16, 17.)

Великій епископъ, сравнивая въ книгѣ своей, Соборъ Флорентинскій съ прежними вселенскими, говоритъ, что онъ имѣлъ только вначалѣ видъ такого Собора, по личному присутствію Императора, Папы и Патріарховъ или ихъ мѣстоблюстителей, доколѣ продолжались засѣданія торжественныя; потомъ же все происходило скрытно, въ частныхъ домахъ, въ совершенномъ мракѣ, и десять Архіереевъ совершили втайнѣ отъ другихъ дѣло нечестія; ибо никто, не только изъ православныхъ, но даже изъ Западныхъ, не зналъ, что творится между Императоромъ и Папою съ ихъ совѣтниками, и такимъ образомъ, не единомысліемъ вселенскаго Собора, но частными мнѣніями нѣсколькихъ человекъ, совершилась унія. Никогда такъ не дѣйствовали на прежнихъ истинныхъ Соборахъ; посему никому не обязательны были такого рода рѣшенія на послѣдующее время. Многіе изъ Епископовъ Греческихъ и Латинскихъ не знали даже, что они подписывали, и прилагали только руку, видя подпись Императора или Папы, ибо самый актъ составленъ при немногихъ свидѣтеляхъ и никому не былъ читанъ прежде подписи. Послѣ такихъ козней не заслуживаютъ ли осужденія соборнаго виновника такого акта и уніи? и сіе пишу не по ненависти, заключаетъ епископъ, но ради истины, дабы каждый могъ видѣть ее своими очами. (гл. 18, 19.)

Императоръ, предпославъ въ Венецію прочихъ Епископовъ, удержалъ при себѣ Ефесскаго, изъ уваженія къ его твердости и для того, чтобы сохранить отъ злобы Латинской, ибо Латины умышляли и на жизнь Деспота Димитрія, за его непоколебимое православіе; но, прежде пришествія царскаго, Митрополитъ Кизическій отважился, въ одномъ изъ монастырей Венеціанскихъ, совершить литургію и помянуть имя Папы, за что, въ горькихъ выраженіяхъ, былъ осужденъ Деспотомъ и всѣми Епископами Восточными. Самъ Императоръ, съ большимъ трудомъ, могъ принудить Митрополита Ираклійскаго отслужить обѣдню въ соборѣ, предъ лицомъ Дожа Венеціи, и не иначе, какъ съ своею утварію и сосудами, безъ поминавенія имени папскаго и безъ всякаго участія Латинянь. Наконецъ, послѣ долговременнаго и тщетнаго странствованія, въ теченіи полутора года, Іоаннъ Палеологъ возвратился въ Царьградъ, съ братомъ и Святителями, не только безъ всякой помощи со стороны Папы или Западныхъ государей, но даже и не на галерахъ папскихъ, которыя сманили его въ Италію, но на купеческихъ судахъ, весьма убого и неблаголѣпно. (Кн. XI, гл. 1, 2, 4, 5.)

Неблагопріятны были и въ Константинополѣ послѣдствія уніи, возбудившей общее негодованіе въ народѣ; не только имя папское не поминалось въ церквахъ, но иногда даже и царское, ибо повсюду распространилось недоумѣніе, и внутренними смятеніями исполнилась столица и слабая имперія. Самые братья Іоанна дѣйствовали противъ него и уніи. Три мѣсяца спустя по возвращеніи началъ

онъ помышлять о выборѣ Патріарха и предлагалъ мѣсто сіе Митрополиту Ефесскому, но Маркъ рѣшительно отрекся; примѣру его послѣдовали Ираклійскій и Трапезундскій, и первый горько обличилъ самаго себя въ малодушіи, предъ всѣми Епископами, говоря, что слѣдовало бы отсѣчь ему ту руку, которою по неволѣ подписалъ унію, и что сердце его облегчилось только съ той минуты, когда могъ свободно отринуть сіе незаконное соединеніе, и онъ готовъ понести наказаніе церковное за вынужденное согласіе. (Кн. XII, гл. 5.)

Тогда обратились, отъ имени царскаго, къ Митрополиту Кизическому Митрофану, который утверждалъ, что однажды совершивъ унію, надлежитъ се держаться, и онъ былъ избранъ въ Патріархи, какъ будто по жребію, хотя на обоихъ жребіяхъ было написано одно и то же лице, на одномъ имя Митрофана, а на другомъ Митрополита Кизическаго. Все сіе происходило, по замѣчанію Скиропула, въ недѣлю слѣпца, и при первомъ посвященіи, которое совершалъ Митрофанъ уже Патріархомъ, посвящаемый имъ Митрополитъ Херсонскій, открывъ нечаянно Евангеліе для чтенія, остановился на сихъ словахъ: «если слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба падутъ въ яму.» Митрополиты Ираклійскій и Трапезундскій не хотѣли присутствовать на его поставленіи; но легатъ папскій не отходилъ отъ новаго Патріарха, во время торжественнаго шествія въ палаты царскія, и тѣмъ возбудилъ негодованіе народное. Никто изъ Святителей не хотѣлъ служить съ нимъ литургіи и когда, при наступленіи пятидесятницы, Императоръ хотѣлъ къ тому принудить Ефесскаго

и Ираклійскаго, они бѣжали изъ столицы. Многіе сановники духовные оставили свои должности, въ томъ числѣ великій епископъ Скиропуло, не смотря на всѣ убѣжденія царскія, ибо не хотѣлъ поминать имени папскаго. Самъ Патріархъ видя, что всѣ усилія, для преобразованія Церкви и нововведеній Римскихъ, остаются тщетными, удалился отъ дѣлъ церковныхъ; онъ требовалъ помощи отъ Императора, угрожая совершенно оставить престолъ свой, и послѣ трехлѣтняго правленія скончался, не достигнувъ желаемой цѣли; пришествіе же легата, племянника папскаго съ флотомъ, для утвержденія уніи въ Константинополь, только ожесточило сердца православныхъ, ибо онъ требовалъ себѣ почестей царскихъ. Симъ заключается книга великаго епископа, или правдивая исторія несправедливаго соединенія. (гл 4, 5, 6, 7, 8, 12.)

Любопытно взглянуть и на то, что происходило на Западѣ, во время Флорентинскаго Собора и тотчасъ послѣ; ибо мы видѣли только однихъ Италіянскихъ Епископовъ на мнимомъ вселенскомъ Соборѣ. Базельскій все продолжался и, подтвердивъ опредѣленіе о своей самобытности, объявилъ низложеннымъ самаго Евгенія, въ сихъ выраженіяхъ: »Господь услышалъ стenanія своей Церкви, о безчисленныхъ бѣдахъ, какія ей угрожаютъ, и благоволилъ совершить судъ надъ единымъ человекомъ, коимъ пришелъ соблазнъ, и который навлекаетъ гнѣвъ небесъ на весь народъ;—это Папа Евгений IV. Предвидя затрудненія, какія будетъ онъ противополгать преобразованію Церкви, Господь внушилъ Собору Базельскому, объявить, какъ истину

вѣры Каеолической, что вселенскій Соборъ имѣеть власть свою непосредственно отъ Иисуса Христа, и что всякій Христіанинъ обязанъ ему повиноваться во всемъ, что касается до вѣры и преобразованія Церкви. По сему объявленію, Соборъ вселенскій Базельскій въ правѣ изречь судъ на Евгенія, котораго преступленія столь явны, ибо онъ упорно отказывается повиноваться Церкви, употребляя во зло ея долготерпѣніе и пренебрегая снисходительными увѣщаніями. И такъ настоящій Соборъ, симъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ, изрекаетъ и объявляетъ, что Гавріиль, прежде называемый Папою Евгениемъ IV, явно виновенъ и есть открытый ослушникъ Церкви, и слѣдовательно раскольникъ, еретикъ, расточитель всякихъ правъ и благъ церковныхъ, и недостойный всякой почести и достоинства. Соборъ объявляетъ его лишеннымъ первосвятительства Римскаго, низлагаетъ его и запрещаетъ ему впредь именоваться Папою, и всѣмъ вѣрнымъ признавать его такимъ, или повиноваться ему въ чемъ бы то ни было, подъ страхомъ наказанія, присуждаемаго раскольникамъ и еретикамъ, и лишенія всѣхъ почестей.» (Истор. Флери кн. СІІІ, гл. 1, 2.)

Не доставало, говорить Флери, только хорошаго войска, для исполненія сего приговора, ибо Соборъ Базельскій ежедневно упадалъ, и Папа оставался такимъ до смерти, стараясь привлечь на свою сторону Короля Франціи Карла VII и новаго Императора Алберта II. Императоръ тщетно искалъ примирить Соборъ съ Папою; они уничтожали другъ друга своими опредѣленіями, и послѣнку Евге-

вій издалъ новую буллу противъ отцевъ Базельскихъ, то они избрали и посвятили на его мѣсто бывшаго Герцога Савойскаго Амедея, подъ именемъ Феликса V, который носилъ сей титулъ около десяти лѣтъ, хотя немногіе признавали власть его, и большая часть князей имперскихъ оставались средними между Папою и Соборомъ.

Замѣчательно, что отъ лица Короля Французскаго Карла VII, послано было увѣщаніе Папѣ Евгенію, съ указаніемъ на слова сказанныя Спасителемъ ученикамъ своимъ о смиреніи: «князья языковъ господствуютъ надъ ними, вы же не такъ, но первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга» и съ требованіемъ новаго вселенскаго Собора, болѣе удовлетворительнаго, нежели Базельскій или Флорентинскій, который соединился бы по обычаю св. отцевъ и древнихъ Соборовъ, безъ шума и воплей, и служилъ бы лучшею опорой власти святительской, упавшей въ народъ отъ частыхъ злоупотребленій. (Жн. СIII, гл. 12.)

Папа Евгений, которому благопріятствовалъ новый Императоръ Римскій Фридрихъ III, примирился и съ князьями имперскими, на такихъ условіяхъ однако, чтобы созванъ былъ новый Соборъ и сохранились опредѣленія Базельскаго.—Онъ вскорѣ скончался; преемникъ его Николай V, съ помощію Императора, восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ Феликсомъ V, который принужденъ былъ отказаться въ его пользу отъ своего достоинства, и надъ Соборомъ Базельскимъ, который перейдя въ Лозанну, и постепенно угасая, призналъ Николая V, избравъ его снова, какъ

бы отъ себя.—Такимъ образомъ кончился дол-
гій разрывъ Западной Церкви, но тѣмъ не кон-
чились ся внутренніе безпорядки. Еще надлежало
Александру VI осквернить собою кафедру Римскую,
къ ужасу и соблазну всего міра, и Юлію II, съ
оружіемъ въ рукахъ входить побѣдителемъ въ про-
ломъ осажденнаго имъ города, и Льву X прода-
вать индулгенціи, для удовлетворенія своей расто-
чительности, а между тѣмъ уже вся Германія воспы-
лала расколомъ Гусситовъ, и вдали, какъ темныя
облака, показывались на горизонтѣ Лютеръ, Циц-
гліи и Кальвинъ. (гл. 18—191.)

Мы видѣли ближайшія послѣдствія Флорен-
тинскаго Собора на Западъ и Востокъ, которому
грозило величайшее бѣдствіе, паденіе Царьграда, и
которое тщетно думалъ отклонить Императоръ
Іоаннъ, насильственнымъ соединеніемъ Церквей; оно
только приблизило къ паденію разсыпавшееся цар-
ство, наполнивъ его внутреннимъ несогласіемъ цар-
ственныхъ братьевъ, за унию, и православныхъ съ
латинствующими, въ стѣнахъ осажденной столицы;
но не принесло никакой помощи, ибо послѣдній
Константинъ напрасно умолялъ о ней Папу Ни-
колая V, и государей Западныхъ. Константинополь
палъ, въ 1453 году, предъ лицомъ всей Европы,
равнодушной до его паденія и дрогнувшей отъ позд-
няго ужаса, при паденіи сего древняго оплота
Христіанства.

Но прежде послѣдняго часа имперіи, еще ярко
возгорѣлось въ ней православіе, чтобы потомъ, въ
теченіи четырехвѣковаго ига, явить въ лѣтописяхъ
утѣшительный примѣръ народа, неизмѣнно сохра-

нвщаго чистую вѣру отцевъ своихъ, при самыхъ тяжкихъ гоненіяхъ, и вѣры, взаимно сохранившей народъ сей въ цѣлости.

Патріархъ Іерусалимскій Досеѣй пишетъ въ своей исторіи, что Краль Сербскій, не посълавшій мѣстоблюстителей на Соборъ Флорентинскій, не принялъ и его опредѣленій, равно какъ и воевода Молдовлахійскій отвергъ ихъ, по возвращеніи своихъ пословъ. То же сдѣлали властитель Трапезундскій и Царь Грузинскій, со всѣми подвластными имъ Христіанами. Въ самомъ Константинополѣ сперва соединился Соборъ семнадцати Епископовъ, изъ коихъ нѣкоторые были и во Флоренціи, и обличилъ Императору Іоанну неправильность дѣйствій уніи; нѣсколько времени спустя, гораздо многолюднѣйшее собраніе духовныхъ лицъ въ храмѣ Софійскомъ, предало анаѣемъ Соборъ Флорентинскій. На Востокъ Патріархи Филоѣей Александрійскій, Іероѣей, Антиохійскій и Іоакимъ Іерусалимскій, сошедшись въ Іерусалимъ, отвергли рѣшенія мнимыхъ своихъ мѣстоблюстителей въ 1443 году, и отлучили отъ Церкви Патріарха Цареградскаго Митрофана, единомышленника Латинянь; потомъ, пришедши въ Царьградъ, при послѣднемъ Императорѣ Константинѣ, соединили Соборъ въ храмѣ Софійскомъ и отрѣшивъ отъ престола преемника Митрофанова, Григорія Мамму, бывшаго протосингеломъ во время дѣяній Флорентинскихъ, возвели на мѣсто его православнаго Аѳанасія, изъ настоятелей св. Аѳонской горы.—Послѣ же паденія Царьграда, знаменитый ученостію и православіемъ Георгій Схоларій, другъ и послѣдователь Марка Ефес-

скаго, подъ именемъ Геннадія, возведенъ былъ, съ общаго согласія клира и народа, на престолъ Константинопольскія Церкви, которая съ тѣхъ поръ пребыла непоколебимою въ православіи, не смотря на бѣдственное иго.

Столь же мало имѣли успѣха дѣянія Флорентинскія въ православномъ отечествѣ нашемъ, хотя Митрополитъ Исидоръ былъ главнымъ поборникомъ уни. Господь, по выраженію псалма, умудряющій слѣпцовъ, внушилъ неодолимую ревность къ чистому ученію Церкви Великому Князю Василию Темному, и онъ самъ обличилъ измѣнника, въ соборѣ Успенскомъ, дерзнувшаго провозгласить унию. Заточеніе въ Чудовъ монастырь постигло Исидора; онъ бѣжалъ въ Римъ, а Святитель Іона, у котораго восхитилъ митрополию, единогласно возведенъ былъ на кафедру всея Руси. Просіявъ въ краткое свое правленіе, всѣми добродѣтелями пастырскими, онъ и послѣ блаженной кончины прославился чудесами, и, покоясь нетлѣнно въ первопрестольномъ соборѣ, какъ краеугольный камень Церкви Россійской, доселѣ утверждаетъ вѣрныхъ чадъ ея, непреложнымъ свидѣтельствомъ святыхъ мощей своихъ, въ той истинной вѣрѣ, какую нѣкогда они пріяли съ Востока и неизмѣнно сохранили, чрезъ рядъ вѣковъ, постепенно видѣвшихъ возвеличеніе Россіи.

